

СБОРНИКЪ РУКОПИСЕЙ

ПРЕДСТАВЛЕННЫХЪ

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ

ГОСУДАРЮ НАСЛѢДНИКУ ЦЕСАРЕВИЧУ

О

СЕВАСТОПОЛЬСКОЙ ОБОРОНѢ

СЕВАСТОПОЛЬЦАМИ

Томъ III

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія и Литографія А. Граншеля, на углу Невск. и Владимирск. пр., д. № 48—1.

1873.

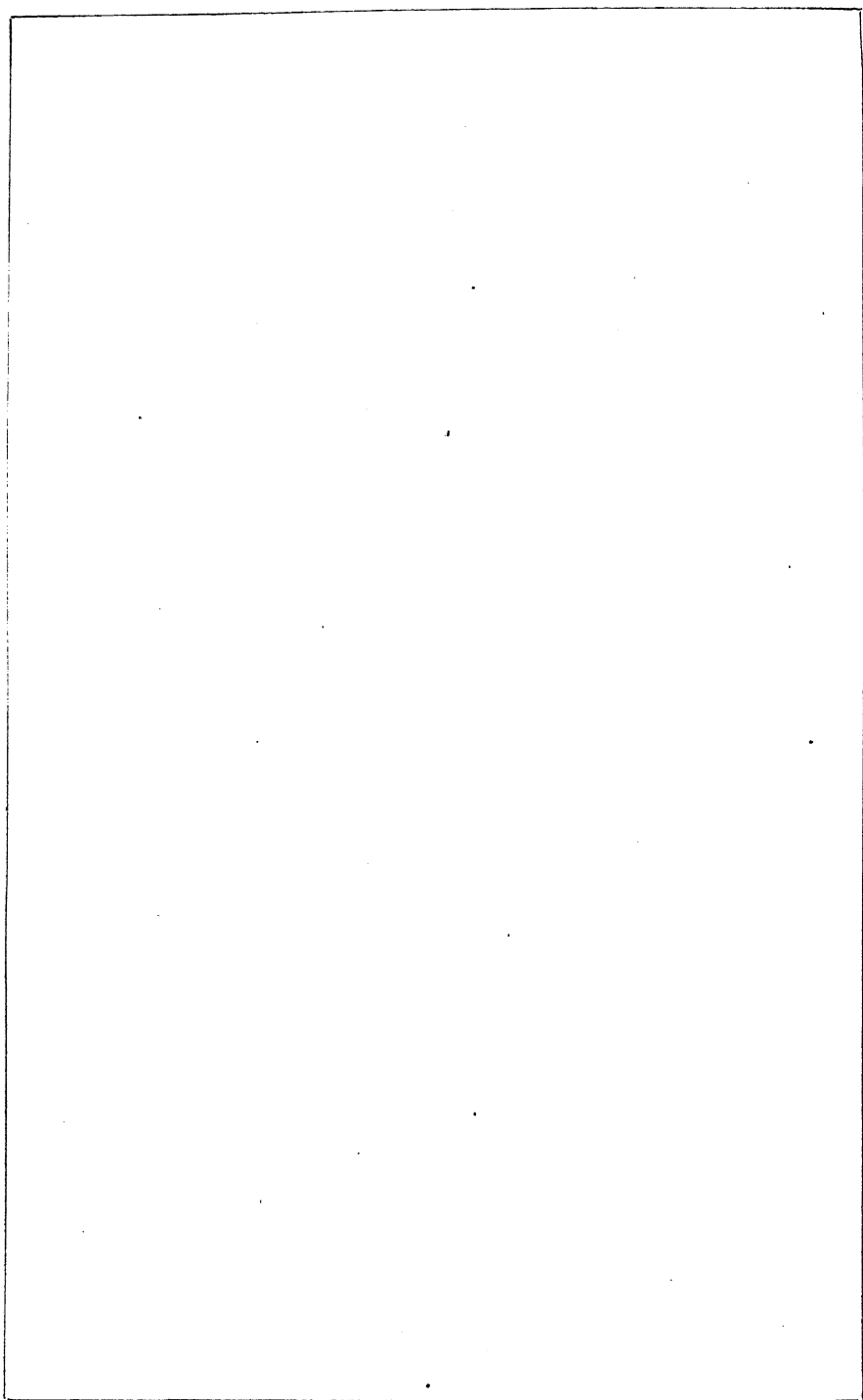

2007113348

ОГЛАВЛЕНІЕ 3-ГО ТОМА.

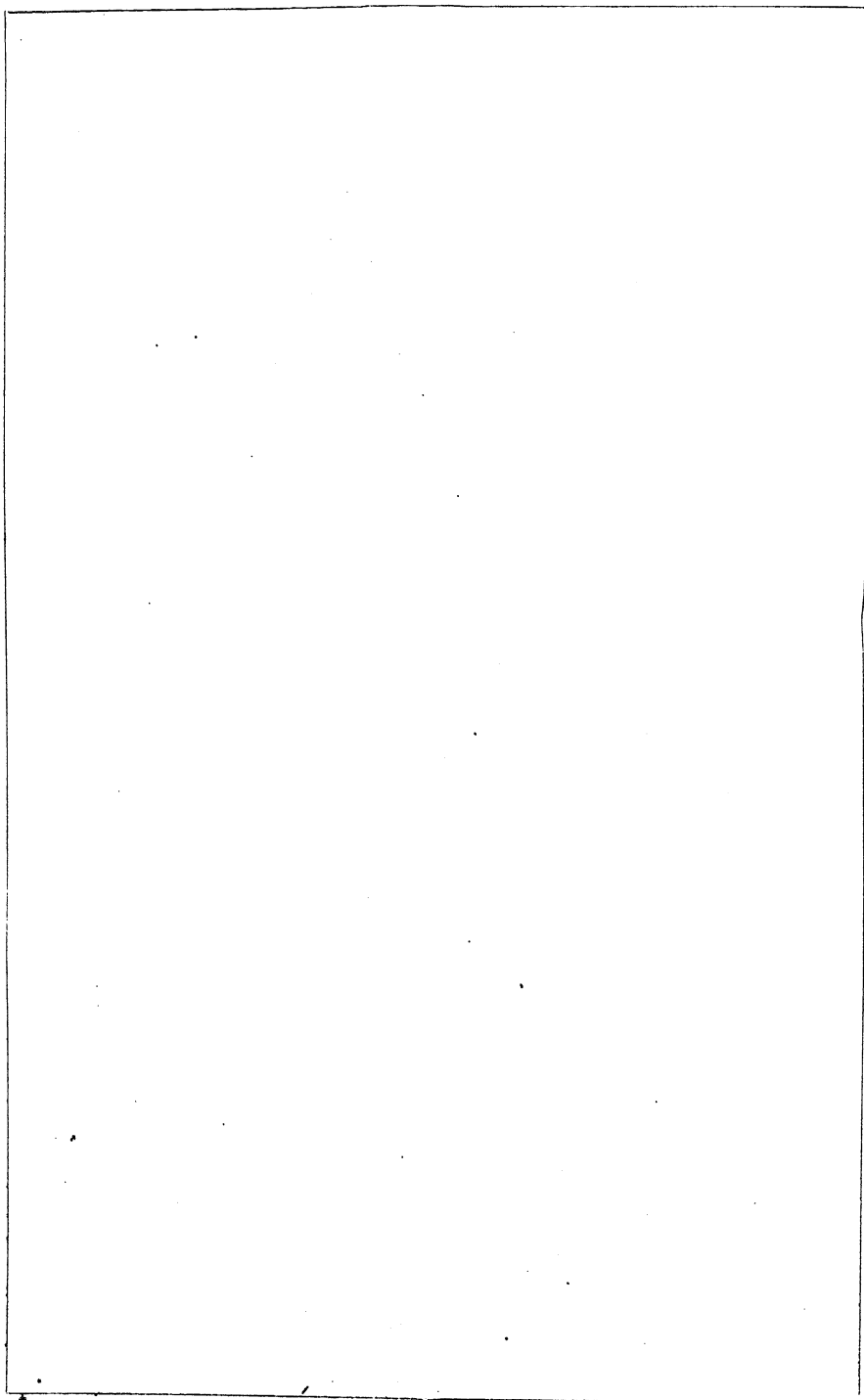
Стран

I. Воспоминанія о Севастополѣ Евгенія Романова Корженевскаго	1
II. Выписки изъ писемъ покойнаго генерала отъ пѣхоты Константина Романовича Семякина къ его покойной супругѣ	107
III. Воспоминанія Брянца изъ боевой жизни подъ Севастополемъ Александра Гана	229
IV. Дѣйствіе въ Адмиралскомъ сраженіи Московскаго пѣхотнаго полка Владиміра Бейтнера	283
V. Изъ дневника одного изъ участвовавшихъ въ оборонѣ Севастополя въ войну 1853—56 годовъ	359

ВОСПОМИНАНІЯ
о Севастополѣ
Евгенія Романова Корженевскаго.

КНЯЗЬ ГОРЧАКОВЪ.

ВОСПОМИНАНІЯ

о Севастополѣ

Евгенія Романова Корженевскаго.

рошло шестнадцать слишкомъ лѣтъ со времени знаменитой обороны Севастополя и потому много уже ступевалось въ памяти, иное вовсе изгладилось изъ нея, оставивъ по себѣ одинъ неясный слѣдъ.

Былое кажется длиннымъ, смутнымъ сномъ, самая оборона Севастополя представляется теперь въ воображеніи какимъ-то продолжительнымъ одиннадцати-мѣсячнымъ припадкомъ тяжкаго сновидѣнія, своего рода мучительнымъ кошмаромъ.

По неволѣ позавидуешь теперь иному; по неволѣ, по прошествіи почти шестнадцати лѣтъ, погружаясь въ область однихъ воспоминаній о давно минувшемъ, скажешь теперь: „блаженъ сто-кратъ“ тотъ изъ соучастниковъ обороны Севастополя, кому удавалось, порою, съ безмятежныхъ высотъ Сѣверной стороны, созерцать бури артилле-

рійскаго огня, какимъ часто дышали бастіоны Севастополя, внимать бурному ропоту крѣпостныхъ его орудій, вообще любоваться его видами, затѣмъ, чтобы, пользуясь относительнымъ комфортомъ городской квартиры, по случаю состоянія при штабѣ, на досугѣ, въ тиши кабинета, съ фотографическою вѣрностью отмѣчать все это на бумагѣ, для того, чтобы потомъ, по приведеніи замѣтокъ въ систематическій порядокъ, при помощи типографскаго станка, выпустить ихъ въ свѣтъ на память потомству, въ назиданіе поколѣніямъ! По истинѣ, завидна доля тѣхъ немногихъ счастливицевъ.

Но доступна ли была подобная возможность—„вести записки“, тѣмъ изъ безсмѣнныхъ защитниковъ бастіоновъ, кои, проводя большую часть времени на урочныхъ работахъ, подъ открытымъ небомъ, то тамъ, то сямъ на бастіонахъ, а слѣдовательно подъ вліяніемъ ежеминутной опасности, въ борьбѣ съ лишеніями, только и могли помышлять о томъ, какъ бы, достигнувъ благополучно темныхъ сводовъ своего завѣтнаго блиндажа, прилечь на грязныхъ нарахъ, зачистую, вмѣсто подушки, съ камнемъ въ изголовьѣ и, забываясь сномъ, снова помышлять объ очереди на работы, мечтать все-таки о томъ же, темномъ блиндажѣ и жесткомъ камнѣ вмѣсто сносной подушки. Возможно ли было при условіяхъ подобной обстановки вести дневники, затѣвать „записки“... Посудите сами, читатель?

Бастіонная жизнь въ блиндажахъ или землянкахъ, на подобіе лисьихъ норъ, представляла собою каж-

дому, не посвященному въ ея подробности, особый, отдѣльный міръ жизненныхъ отправленій, гдѣ силами мышленія руководило вліяніе самыхъ разнороднѣйшихъ чувствъ и впечатлѣній, одно другому противуположнѣйшихъ. Часто самый задумчивый, звонкій смѣхъ смѣнялся тяжелымъ горемъ, слезами и на оборотъ. Нетолько о письмѣ, даже о чтеніи какъ-то дико казалось помышлять, какъ о вещахъ неподходящихъ, неумѣстныхъ въ нѣкоторомъ родѣ, — въ то время, когда человѣкъ поставленъ въ обязанность ежеминутно быть готовымъ дать физическій отпоръ враждебной силѣ. Весь досугъ трудовой жизни посвящался на свиданія съ знакомыми, товарищами, иной разъ, — воспитанія, дѣтства; на поиски земляковъ для облегченія по возможности гнетущихъ чувствъ тоски по родинѣ, и только, изрѣдка развѣ, на прогулки въ городъ или за бухту на Сѣверную сторону, гдѣ квартировали наши штабы полковъ.

Заботы не менѣ важныя объ удовлетвореніи обыденныхъ нуждъ, какъ-то: пищѣ, одеждѣ, обуви и бѣльѣ, тоже не могли быть оставлены безъ вниманія, такъ какъ извѣстно, что младшее офицерство въ двухъ послѣднихъ потребностяхъ сильно нуждалось, не имѣя возможности никому о томъ заявлять изъ уваженія къ собственному чувству воинскаго достоинства.

Ежеминутно готовые на всякій случай: непріятельской вылазки, взрыва мины, фальшивой тревоги, наконецъ самаго приступа, — раздѣваться на бастіонахъ мы не могли и не смѣли, отчего бѣлье и обувь страдали неизмѣрно. Первое глѣло отъ долгой нос-

ки, невозможности во время перемѣнить его и плохаго мытья; второе коробилось, трескалось и горѣло отъ постояннаго ношенія по камнямъ и зноя южнаго солнца, причиняя мозоли и нестерпимую боль. Неодѣненную, въ этомъ отношеніи, услугу оказывали намъ прибывавшіе по временамъ въ Севастополь транспорты дарового бѣлья, сапогъ и полушубковъ, высылаемыхъ изъ глубины Россіи; хотя и они далеко не удовлетворяли общихъ потребностей цѣлаго гарнизона.

Не разъ приходилось, по разнымъ обстоятельствамъ, дня по два сряду вовсе не пообѣдать, ограничиваясь соленою, сухой закускою, въ родѣ копченнаго языка, шамайки и пр.; чай у большинства считался величайшею роскошью. Словомъ, не распространяясь далѣе, слѣдуетъ сказать, что при тѣхъ исключительныхъ условіяхъ, въ какія поставлены были необходимою безсмѣнные защитники бастіоновъ, — невозможно было и помышлять объ умственномъ трудѣ, въ смыслѣ литературнаго развлеченія, научной работы, хотя желанія и созерцательныхъ способностей для того, чтобы вести „дневникъ“ или „записки“, у инсго было и достаточно. Занятія пера требуютъ досуга и покоя, безъ которыхъ, подъ вѣчнымъ грохотомъ орудій и при сотрясеніи земли, при постоянно нравственно напряженномъ настроеніи, всякія попеченія о нихъ естественная необходимость обязывала отложить въ сторону, до другого, болѣе удобнаго времени, такъ какъ въ самую минуту обороны они были рѣшительно немислимы на бастіонахъ.

нашъ отдыхъ. Насъ двинули въ новый походъ, старымъ, уже хорошо извѣстнымъ намъ форсированнымъ маршемъ, какимъ улепетывали мы съ береговъ Дуная къ Пруту, едва-ли не отъ австрійцевъ...

Въ нѣсколько быстрыхъ переходовъ по направленію къ Одессѣ и не доходя до нея десяти верстъ, мы очутились въ нѣмецкой колоніи Гильдендорфъ. Это было въ ту пору, когда блестящая Одесса, перенеся тяжкое бомбардированіе своихъ гостепріимныхъ береговъ мирнаго времени, бредила подвигомъ Щеголева, крушеніемъ парохода „Тигръ“. Она въ своемъ энтузіазмѣ не предвидѣла, конечно, возможности увидѣть потомъ въ стѣнахъ Севастополя храбрецовъ, подобныхъ г. Щеголеву, цѣлыя сотни, если не тысячи.

Не успѣли еще приглядѣться мы къ нѣмцамъ-колонистамъ, не успѣли, такъ-сказать, расхлебать ихъ молочные супы, попробовать сыру, колбасъ и всякой нѣмецкой всячины... какъ опять въ походъ, но ужъ на этотъ разъ небывалый, диковинный походъ. На лошадахъ, волахъ, а далѣе и на верблюдахъ приходилось странствовать изъ-подъ Одессы прямо въ Крымъ и днемъ и ночью безъ остановки.

То-то раздолье было нашимъ солдатущкамъ! Сущая благодать! Шуточное-ли дѣло въ тѣ времена, „солдату“ и „ѣхать“, тогда такъ иной съ роду не сиживаль на повозкѣ, не ѣзжалъ на лошадахъ! И сложить онъ съ себя бывало ружье да ранецъ на повозку, возсѣдая въ ней безъ устали, бодро, съ какой-то особенной важностью; либо шествуетъ на легкѣ съ боку, покуривая свою „носогрѣйку“, да распѣвая въ

одиночку монотонную себѣ пѣсенку калужской стороны:

Прощай дѣ-ѣ-ѣ-вкн-та, да прощай ба-а-бы,
 Намъ тапе-е-е-ерича-та а-ахъ ни до васъ,
 Во солда-а-атушки-та, а-ахъ везуть насъ...

. . . . .

И долго, долго звучать еще въ ухахъ спутниковъ пѣвца эти монотонные переливы родимой стороны, перенося сердечные помыслы ихъ на берега тихой, утлой Оки-матушки, либо бурной Волги-рѣки съ ихъ отлогими заливными лугами, глубокими оврагами, свѣтлыми ручейками, крутыми пригорками и холмами, поросшими тѣнистымъ, пахучимъ боромъ, да клеветничною березою...

— Что-жъ ты замолкъ, Костяшинъ? — Затяни иную-какую, коли эта вся изопшла... гласить съ повозки симпатичный голосъ нашего-орловца, — больно, братцы, за сердце беретъ... обращается голосъ къ пригорюнившимся товарищамъ, — такъ-бы и полетѣлъ домой!.. Анъ чортъ француза нанесъ...

— Ась? помолчавъ отзывается Костяшинъ, какъ будто желающій освободиться отъ давящихъ его впечатлѣній. — Таперь твой чередъ. Затягивай ты, а мнѣ помолчать нады-ть...

Такъ странствовали мы въ Севастополь, иногда подъ дождемъ, порою подъ жгучими лучами солнца въ теченіи нѣсколькихъ сутокъ: кто угрюмо выглядывалъ изъ-подъ будки неуклюжей татарской арбы, озираясь по сторонамъ; кто, рельефно рисуясь на ще-

гольскомъ нѣмецкомъ фургонѣ, обозрѣвалъ невиданныя окрестности новороссійскаго края.

— Эй, Анучкинъ! перекликался нѣмецкій фургонъ съ татарскою арбою: — спроси-ка-сь татарина, что евто по нашему означаетъ: „саломъ налейка?“ (сэлямъ-алейкюмъ).

— Чаво ты, Токаревъ? отзывается недогадливая арба: — не слыхать ничего! Скрипитъ больно наша коляска, проклятая...

— Али колеса забыли подмазать? Налей-ка сала! (алейкюмъ сэлямъ) что по нашему выходитъ, допытай татарина, говорятъ тебѣ! кричитъ Токаревъ.

— Да ну ихъ!.. отзывается другой изъ того же фургона: — важное дѣло татаринъ! стоитъ-ли овчинка выдѣлки? Вонъ Алитова допытаемъ на перемѣнѣ лошадей; вѣдь онъ все одно изъ казанскихъ. Все едно татарва... презрительно заключаетъ мудрецъ.

Нашъ солдатъ имѣетъ неизмѣнное обыкновеніе всякую фразу невѣдомаго ему языка непременно преобразить на свой ладъ; такъ и тутъ: обычное татарское привѣтствіе: „сэлямъ-алейкюмъ“ и на оборотъ: „алейкюмъ-сэлямъ“, онъ исковеркалъ по своему въ „саломъ-налей-ка“, и „налей-ка саломъ“; а потомъ добивается еще перевода, либо довольствуется собственнымъ, вольнымъ измышленіемъ его значенія, по большей части гадательнаго.

Не надивисься, не налюбуйшься бывало въ ясную погоду на эти невиданныя нами до толѣ, чудныя картины синяго, необозримаго моря, съ шумомъ подкапывающаго къ безропотному берегу свои безотрад-

ныя волны. Даль херсонскихъ степей съ багровѣющими солончаками и причудливыми миражами; устья Буга и Днѣпра — широчайшія какъ море; самые верблюды о двухъ горбахъ на спинѣ съ ихъ придурковатыми вожакими-татарами и многое т. п. — все чрезвычайно занимало насъ на каждомъ шагу, поражая вниманіе оригинальностью новизны.

Солдатамъ, понятно, такое передвиженіе необыкновенно приходилось по душѣ; этотъ небывалый походъ они называли по своему: „вольготный“, „чумацкій“. Шутки, говоръ, смѣхъ, пѣсни, какъ вѣчные спутники нашего солдата, и тутъ не покидали насъ ни на минуту.

— А что Гордіенко, пыталъ на одной повозкѣ пожилой капраль своего ефрейтора изъ малороссовъ, — небось тебѣ не въ первой приходится по этой дорогѣ?

— А якъ-же, Терентій Савельичъ; бывало чумакуемъ по силъ, ажъ за Перекопъ.

— Какой такой Перекопъ?

— А отъ що на переди городъ будыть, то такъ прозывается.

— Чай, тогда повольготнѣе было таперипняго?

— Бувала всячина! выразительно махнувъ рукой замѣчаетъ Гордіенко и отсюда зачиналось длинное повѣствованіе о блаженныхъ дняхъ чумацкихъ странствій Гардіенки съ товарищами односельчанами. Выводились наружу тайны его романическихъ походовъ, сватовства, наконецъ женитьбы и проч. мирныхъ благъ сельскаго быта. На другой повозкѣ, какой-то

весельчакъ подшучиваль тоже надъ малоросомъ, мотивируя свою рѣчь на иную тему:

— Мотри, Лещукъ! какъ придемъ въ Севастополь, сейчасъ посылай письмо ко своей Гапкѣ, чтобы, какъ хранцуза расшибемъ, то-ись, въ пухъ, либо въ полонъ заберемъ, да поворотимъ на вашу Украину, чтобы муки гречишной на галушки припасла... Слышь?

— А-бы Господь помиловавъ, та „винъ“ насъ нэ покаличивъ,— то и варэники будутъ... Сумрачно отзывается злополучный Лещукъ.

— А горѣлка будетъ?

— Ну, а якъ-же-жь!

— Ладно!

И вздохнетъ глубоко Лещукъ, помышляя не о вареникахъ конечно, а скорѣе о своей покинутой Гапкѣ.

II.

Быстро подвигаясь впередъ, мы миновали безъ-остановочно Николаевъ, Херсонъ и наконецъ Перекопъ. Тутъ тоже новыя картины; на всемъ особый, своеобразный, мѣстный колоритъ. Татарскія селенія (аулы), ихъ грязныя, устланныя войлокомъ жилища (сакли), женщины и дѣти; моленные дома (мечети), все интересно было видѣть, хотя тщательно разсматривать было некогда. Главная мысль парила надъ Севастополемъ, о немъ справлялись мы по пути у всякаго встрѣчнаго и поперечнаго. Наконецъ уже около Симферополя до слуха нашего стали доноситься глухіе стоны севастопольскихъ крѣпостныхъ орудій. Ка-

кое-то необъяснимое, слишком тяжелое чувство навалило на душу; сердце болѣзненно замирало при всякомъ отзвукѣ отдаленнаго выстрѣла...

„Идемъ вызволять бѣднаго страдальца изъ-подъ напасти, напущенной заморской злобою и завистью... Помогите Господи отстоять правое, святое дѣло, одолѣть врага!“ Такъ думалось каждому изъ насъ сознававшихъ, по силамъ своего разумѣнія, критическое положеніе дѣлъ нашего Отечества, которому видно самъ Господь судилъ это временное, но тяжкое испытаніе для возвеличенія его въ будущемъ. Не такъ-ли сталося вполнѣдствіи на самомъ дѣлѣ?!

„Одни, думалось — улеглись въ далекой чужбинѣ, — по берегамъ Дуная; намъ выпала лучшая доля. Если суждено сложить голову, то уляжемся на своей землѣ священной родины!“

Избалованные успѣхами нашего оружія на Дунаѣ, мы приближались къ Севастополю въ полной увѣренности, во что бы ни стало, одолѣть врага, если не истребить его въ конецъ, но Свыше судилось иначе...

Оставимъ однако-же Симферополь съ его прозаическою Палатъ-горою (Чатырдагъ), какъ и Бахчисарай съ минаретами, грязнымъ Чорокъ-Су, дворцами хановъ и поэтически созданною Пушкинымъ легендою о „слезахъ Маріи“.

Перехожу прямо къ позиціи на Чоргунѣ, куда изнуренные большимъ переходомъ, едва волоча за собою ноги, мы прибыли о полуночи, если не ошибаюсь, 18 октября.

Ночь—зги не видать! Темень такая, что хоть глаз выколи, какъ говорится, а мы устраиваемъ свой ночлегъ на бивакахъ, какъ попало, даже безъ соломы.

Въ сторонѣ Севастополя, на высотахъ невидимыхъ холмовъ его, зарницами сверкали выстрѣлы, сопровождаясь то глухимъ стономъ, словно ропотомъ нѣдръ земли, то зычнымъ ревомъ, какъ будто-бы какого неземнаго чудовища. То ненасытная смерть, рыская добычи, возвѣщала избраннымъ свой роковой призывъ.

Что долго думать? Ранецъ въ головы, одну полу шинели вмѣсто мягкаго тюфяка подъ себя, другую какъ одѣяло сверху—и наши воины, внимая раскатамъ выстрѣловъ, погружались въ тяжелый сонъ.

На утро 19 числа, для защиты отъ сильно припекавшаго крымскаго зноя, генераль Соймоновъ приказалъ устроить на скоро шатры изъ хвороста, который былъ тутъ-же подъ рукою въ видѣ кустарниковъ. Но едва отдѣльныя команды принялись за рубку окрестнаго кустарника, какъ дежурный барабанъ затрещалъ „генераль-маршъ“, возвѣщающій подъемъ.

„Что за оказія?!“

„Куда-бы это еще?!“

Посыпались съ разныхъ сторонъ вопросы; всякъ гадалъ о походѣ по своему.

Въ боевомъ походномъ порядкѣ мы снялись съ бивачной позиціи и пошли по правой сторонѣ Черной рѣчки долиною, гдѣ мѣстами торчалъ жидкій кустарникъ, а мѣстами кой гдѣ валялись обрывки одежды и куски сукна, сапогъ, киверовъ и проч. Въ каждомъ

изъ нихъ воображеніе искало слѣдовъ непріятельскаго пораженія нашими силами.

Около часа по полудни, когда крымское солнце неимоვნѣрно жжетъ палящими лучами, мы по извиистой дорогѣ стали взбираться на крутую Мекензіеву гору. О! памятенъ и до сихъ поръ этотъ безконечный крутой подъемъ, стоившій двухъ переходовъ! Жара нестерпимая, а воды и добыть негдѣ. Сверху жжетъ, снизу тоже отъ раскаленнаго каменистаго грунта. Пока мы одолѣли эту крутизну и наверхинѣ ея сдѣлали приваль, солнце значительно уже склонилось къ горизонту. Намъ оставалось миновать еще лѣсъ, изъ за котораго глазамъ нашимъ постепенно стала открываться во всей своей широтѣ и красотѣ картина осажденнаго и вмѣстѣ величественнаго Севастополя! Ряды или лучше сказать гребни затѣйливо разбросанныхъ холмовъ его, словно молокомъ убѣленные дымомъ выстрѣловъ, при полусвѣтѣ солнечнаго заката, казалось, блѣдно-огненными языками своихъ орудій, какъ нѣкіи баснословныя чудовища, сказочныя змѣи-горынычи пытались слизать съ лица земли вражьи силы заморскихъ пришлецовъ.

Смеркалось. По очередно съ обѣихъ борющихся сторонъ ярче блистали выстрѣлы и бомбы, возносясь съ огненными хвостиками, то разрѣшались въ выси, то ниспадали въ городъ. Мы вступили въ Сѣверное укрѣпленіе, среди котораго въ полу-тьмѣ общее вниманіе обратилъ на себя длинный, освѣщенный огнями парусинный шатеръ; подъ кровомъ его гремѣлъ хоръ заудалыхъ пѣсенниковъ моряковъ.

„Ну, слава Богу!“ подумалъ я: „моряки не горюють; стало-быть, дѣла Севастополя еще не такъ плохи. Это намъ и на руку!“

На солдатъ нашихъ случайность эта сдѣлала отличное впечатлѣніе, оно смѣнило въ нихъ первое порожденное видомъ обурѣваемаго выстрѣлами Севастополя. Составивъ ружья „въ козлы“ и сбросивъ ранцы, всѣ они разбрѣлись въ разныя стороны, кто куда зналъ, ради своихъ потребностей. Большинство, не смотря на усталость, высыпало на валы укрѣпленія глядѣть на бомбы, картинно бероздившіе темный фонъ ночнаго неба. Мы зашагали подъ шатерь. Тамъ горсть моряковъ дружески встрѣтила насъ безъ всякихъ церемоній, по флотскому. Оказалось, что это былъ шатерь маркитанта. Подкрѣпивъ чѣмъ попало силы, все усталое и изнуренное большимъ переходомъ черезъ полчаса ободрилось, повеселѣло. Шатерь наполнился нашими офицерами; посыпались разспросы, полились рассказы о сраженіи при Алмѣ, бомбардированіи 5 октября, о последнемъ дѣлѣ генерала Липранди и т. д., и т. д., и т. д.

Шумъ, говоръ, звонкій смѣхъ... и долго, долго за полночь подъ гостепріимнымъ шатромъ маркитанта раздавались голоса ликующей братіи въ перемежку съ лихими пѣснями матросовъ до самаго утра...

III.

Чуть брезжилъ свѣтъ, на утро 20 октября, а Тобольцы, снарядившись, уже стояли у пристани для

переправы эшелонами въ городъ. Пока-же пароходы готовились принять насъ, мы, составивъ ружья въ козлы, осматривались вокругъ. На всемъ лежалъ какой-то странный, трудно объяснимый отпечатокъ неопредѣленности. Въ одномъ мѣстѣ громадныя кучи каменнаго угля; въ другомъ—бунты съ кулями сухарей; тамъ нѣсколько жилыхъ дымящихся землянокъ; здѣсь, у самаго берега, „баракъ“ для склада „мертвецовъ“, доставляемыхъ изъ города для омовенія и погребенія. Пирамиды бомбъ, ядеръ, гранатъ и картечи какъ-то зловѣще глядѣли на насъ своими, при слабомъ освѣщеніи утра, сіяющими точками. Къ чему и зачѣмъ все это нагромождено здѣсь? Возникалъ вопросъ, дробившійся о грязную дѣйствительность истребленія себѣ подобныхъ...

По мѣрѣ того какъ свѣтало, дѣятельность на берегу, равно какъ и бухтѣ, постепенно усиливалась. Повсюду копошился только-что проснувшійся разнообразный военный людъ: матросъ, казакъ, артиллеристъ, черноморецъ, фурштатъ... все это сновало одинъ влѣдъ другому на встрѣчу и на перекрестъ, иногда сталкиваясь, издали перекликаясь, либо освѣдомляясь другъ у друга „на счетъ своихъ дѣловъ“.

Въ утреннемъ октябрьскомъ воздухѣ сильно отдавало дымомъ антрацита въ перемежку съ „тютюндемъ“ нашихъ солдатъ. Слышался полуговоръ, чиханье и покашливанье. Офицеры, группируясь отдѣльно, разсматривали Севастополь; солдаты тоже отдѣльными кружками, по своему, трактовали о положеніи „его“ (непріятеля) и нашихъ...

— Вонъ, вишь ты, братцы, откуда онъ вчера изъ маркелы пуцалъ бонбы. Стало быть это его ленія, говорилъ одинъ.

— Нониче что-то не пуцаеть, а вчера должно быть жарко нашимъ было, вторилъ другой.

— Это онъ насъ караулить. Погоди, вотъ на пароходъ станемъ, онъ и почнетъ жарить, догадывался третій.

— Толкуй! Небось оттуда не долетитъ.

— Ядро пожалуй и не долетитъ; ну, а какъ бонба?

— Ну нешто бонба!

Такъ разсуждали наши солдаты на берегу. Между тѣмъ бухта представляла собою въ другомъ родѣ оживленное зрѣлище. На поверхности ея, среди уцѣлѣвшихъ кораблей отъ потопленнаго Черноморскаго флота, тамъ и сямъ поминутно перекликалась, раздавались свистки, сигналы моряковъ. Катера, ялики, лодки и гички торопливо сновали, перегоняясь во всѣхъ направленіяхъ къ указаннымъ цѣлямъ; тогда какъ пароходы, полновластно господствуя надъ зыбью волнъ, съ шумомъ пѣнили свои бока и, величаво вздымая на трубахъ черные дымовые султаны, казались своего рода одушевленными тварями, за которыми покорно слѣдовали на буксирѣ шаланды съ разнымъ грузомъ.

Къ пристани причалилъ дежурный пароходъ, кажется, „Грозный“.

„Въ ружье!“ Раздалась команда и все засуетилось на берегу. Одни крестясь, другіе вздыхая раз-

мѣщались на пароходѣ. Солнце отдѣлилось отъ горизонта и пригрѣвало; въ воздухѣ стояла тишь, изрѣдка нарушаемая выстрѣлами на бастионахъ. На ходу парохода, кто безцѣльно глядѣлъ въ воду, прислушиваясь къ мѣрному шуму колесъ, кто почтительно освѣдомлялся у матросовъ на счетъ непріятельскихъ кораблей, видимыхъ въ морѣ, и своихъ, красовавшихся передъ нашими глазами.

Мысли мои были далеко отъ Севастополя; онѣ витали по берегамъ Оки родимой... Въ воображеніи рисовались картины далекой, мирной родины: та деревенская трущоба, гдѣ я родился и выросъ, а теперь покинулъ родныхъ. Потомъ мелькнули въ памяти семь лѣтъ воспитанія въ кадетскомъ корпусѣ, съ его суровымъ директоромъ... Сердце горячо молилось родинѣ, взывая къ Небу о скорѣйшей развязкѣ кровавой драмы, въ которой намъ предстояло теперь дебютировать.

IV.

Пароходъ присталъ къ пристани южной части города. Жутко сдѣлалось на душѣ; явилась безотчетная потребность втайнѣ помолиться о собственномъ спасеніи. „Безъ Бога,—ни до порога“, говорить пословица. Да и какъ было не помолиться въ подобную минуту? Кто могъ предвидѣть будущее, и кому не хотѣлось уцѣлѣть въ живыхъ въ предстоявшей одиннадцати-мѣсячной бойнѣ. Особенно краснорѣчивыми казались мнѣ выраженія лицъ нашихъ

запыленныхъ и загорѣлыхъ солдатъ ограждавшихъ себя на ходу крестнымъ знаменіемъ въ то время, какъ уста лепетали молитву.

Медленно подвигались мы вверхъ по Екатериненской улицѣ, удивляясь красотѣ и изяществу покинутыхъ жителями зданій. Обезображенныя бомбардированіемъ 5-го октября, они все-таки были прекрасны, грандіозны, не смотря на то, что у иного дома отбитъ уголъ; гдѣ въ толщѣ каменной стѣны засѣло два, три ядра, либо торчалъ изъ нея крупный осколокъ бомбы; въ нѣкоторыхъ этажахъ не осталось ни одного цѣльнаго стекла. Мостовыя во многихъ мѣстахъ изборождены и взрыты бомбами. Мѣстами дома, насквозь отъ крыши вплоть до подваловъ, пробуравлены ракетами, которыя на пути своего стремленія захватили съ собою и исковеркали: мебель, зеркала, рояли, статуэтки и проч. предметы роскоши и комфорта. Словомъ, бомбардированіе 5-го октября видимо на всемъ и вездѣ оставило глубокіе слѣды разрушенія и разгрома.

На одномъ изъ балконовъ двухъ-этажнаго дома, какъ призракъ живыхъ существъ, одушевлявшихъ когда-то населеніе Севастополя, стояла, облокотясь на перила, какая-то почтенной наружности старушка. Она, закрывъ платкомъ лицо, казалось, плакала. Это явленіе, въ сочетаніи съ окружавшимъ старушку общимъ разгромомъ и безлюдьемъ, производило на душу тяжелое впечатлѣніе.

„Бѣдная“, думалъ я: „можетъ быть сокрушается о пережитыхъ ею дѣтяхъ, внукахъ, неустрашимо

бившихся 5-го октября. Горюетъ о нихъ, опередившихъ на брани мирный закатъ ея старческихъ дней. Обрекли они ее въ одиночествѣ мыкать по свѣту горе“!..

Въ тотъ-же день полкъ нашъ расположился по тѣснымъ квартирамъ вдоль Екатерининской улицы, вверхъ до самаго холма, замыкающаго театральную площадь. Этотъ знаменитый холмъ сталъ въ послѣдствіи извѣстнымъ всей Россіи и Европы подъ именемъ: неприступнаго и грознаго 4-го бастіона. Туда-то на этотъ незабвенный холмъ, облитый потомъ и кровью братьевъ нашихъ, преобразившихъ его изъ слабой, беззащитной виноградной плантаціи въ неприступное гнѣздо орловъ Царя-Бѣлаго! Туда-то, чередуясь между собою, денно и ночью, подъ огнемъ непріятельскихъ орудій, хаживали мы бывало для того, чтобы, обложивъ это гнѣздо шипами и терніемъ на погибель врагу, семьѣ своей орлиной уготовить пригодное жилье, пріютъ. Но многимъ-ли и долго-ли удалось пользоваться безмятежіемъ этого бурнаго пріюта?!..

V.

Первую ночь, въ ожиданіи приступа, мы провели въ сборѣ подъ кровомъ театральнаго зданія, уже порядочно побитаго снарядами. Въ эту ночь упало нѣсколько бомбъ около самаго зданія, между ними было нѣсколько „пистонныхъ“, въ видѣ „сахарной головы“, которыя вовсе не разрѣшились. Съ

вечера мы долго приглядывались къ полетамъ бомбъ, прислушивались къ шуму, съ какимъ онѣ стремились въ низъ, а въ выси издавали звукъ въ родѣ: „кіу, кіу, кіу“... Вѣроятно звукъ этотъ или свистъ производили желѣзныя кольца, какими снабжена всякая бомба. Пистонныя-же бомбы низпадали темными, невидимыми для глазъ, отличаясь въ то-же время особенно рѣзкимъ звукомъ полета при паденіи. Въ сказанную ночь, и много разъ послѣ, нѣкоторыя изъ бомбъ лопались въ самой выси съ особенно музыкальнымъ жужжаніемъ разсылаемыхъ ими осколковъ; нѣкоторые же, поднявшись до извѣстной высоты, теряли вовсе свои трубки, падавшія независимо отъ нихъ перпендикулярно внизъ, что въ послѣдствіи возбуждало смѣхъ нашихъ солдатъ и разныя на этотъ счетъ ихъ невычурныя остроты. Не мало было жертвъ неосторожнаго обращенія съ пистонными бомбами. Солдаты обыкновенно бросали ихъ изъ рукъ послѣ тщательнаго осмотра, отчего бомбы лопались мгновенно, поражая толпы любопытныхъ.

Намъ пришлось квартировать въ домѣ англичанина Уптона, долго проживавшаго въ Севастополѣ до осады, а потомъ убѣжавшаго къ своимъ. Вся богатая мебель его и прочее имущество стояло въ домѣ нетронутымъ, но сильно пострадавшимъ въ бомбардированіе 5-го октября.

Между разными лицами, попадавшимися на бастионѣ, болѣе другихъ обращали на себя наше вниманіе „пластуны“, черноморскіе пѣшіе казаки, родъ войска, не встрѣчавшійся намъ дотолѣ.

Почти на каждомъ шагу они изумляли насъ своей неустрашимостью, оригинальностью вообще.

„И что за чудной народъ, эти пластуны!“ говорили между собою наши солдаты: „Вотъ ужъ молодцы, такъ молодцы! Не намъ чета, братцы, правду надо говорить“.

Посмотримъ въ чемъ-же заключалось это молодчество:

Приходимъ мы напр. какъ-то на первыхъ порахъ работать на бастионъ вечеромъ. Траншей тогда еще не было, приходилось, слѣдовательно, шагать черезъ камни, лавировать между ямами и буграми, взрытыми бомбами. Выбрали площадку, стоимъ въ ожиданіи сапернаго капитана Тонагеля (о немъ будетъ особая рѣчь впереди), чтобы взяться за работу. Слышимъ, кто-то кашлянулъ не подалеку, разъ и другой. Смерклось на порядкахъ, а капитана еще нѣтъ. Солдаты оглянулись въ сторону кашля. „Кому-бъ тутъ быть?“ пытаются другъ друга: „Ужъ не раненый-ли лежитъ въ непоказанномъ мѣстѣ?“

Бомбы въ разныхъ направленіяхъ своими огненными хвостиками чертятъ темный сводъ севастиопольскаго неба; по временамъ ядро, другое, просвищетъ надъ нашими головами, вызывая общій поклонъ, либо пронесется съ свирѣпымъ ржаньемъ и косматой гривой сорвавшійся (словно съ коновязи) съ французской батареи. „жеребецъ“ *), а покашливанье про-

---

*) Жеребцомъ называли солдаты двухъ-пудовую бомбу, пущенную продольно, отчего искры, сыпавшіяся изъ трубки, походили на лошадиную гриву.

долгается. Подходимъ изъ любопытства поближе къ виднѣющейся фигурѣ. Слышится храпъ; ясное дѣло, что спитъ человѣкъ. „Не хватилъ-ли зелена вина“, шевелится мысль, „горемыка-матросъ, провозившись день денской надъ орудіями?...“

„Тронь-ко его; ребята! Говорить капраль солдатамъ: авось очнется“. Солдаты, желая открыть загадочное существо, скрывающееся подъ лохматой буркою, осторожно трогаютъ спящаго, а тотъ, преспокойно высунувъ голову въ папахѣ и озираясь съ неменьшимъ любопытствомъ на нашихъ, спрашиваетъ по своему:

„А чо̀д вамъ?“

— Да ты нездоровъ, братъ, что-ли, али съ похмѣлья, что середь бастіона валяешься? говоритъ порядколюбивый капраль.

„А, бо-дай вамъ такэ лыхо!“ Серчаеъ суровый пластунъ. „Сплю; тай годи!“ И перевернувшись на другой бокъ, онъ скрывается снова подъ буркой, ворча что-то сквозь зубы.

— Да неравно бонба накроетъ, землякъ: на что-жь даромъ губить христіанскую душу! Урезонивають наши солдаты.

„То тикайтэ уже сами видъ нэи, а мэни и тутъ дѡбрэ“. Огрызается пластунъ. „Тикайтэ до биса!“

— Вотъ чудной, братцы! отходя прочь замѣчаютъ солдаты.

„И всѣ вѣдь таковы отчаянные!“ Но пластунъ успѣлъ уже забыться и высвистываетъ носомъ новыя трели.

„Что и говорить!“ помолчавъ, мудритъ капраль.
„Одно слово, народъ отпѣтый! Вѣстимо дѣло, какъ ему не насобачиться, коли съизмала подъ черкесомъ войною стоять“...

Бывало съ трубкою въ зубахъ и манеркою своей „горилки“ подъ бокомъ, сидитъ въ лахмотьяхъ этотъ „отпѣтый“ на камнѣ, либо неразрѣшившейся бомбѣ, изъ которой порохъ уже давно обрѣтается въ его пороховницѣ, либо разстрѣлянъ уже по французамъ; сидитъ онъ у кучки тлѣющихъ угольевъ, не то надъ сырой дымящеюся плахой, притащенной съ „Пересыпи“, съ видомъ полнѣйшаго безучастія ко всему окружающему, тогда какъ нашему брату на первинкахъ жутко, въ особенности какъ разыграются неприятельскія батареи. Вотъ и подсядешь для большаго куражу къ кружку этихъ „чудаковъ“, великихъ подвижниковъ години Севастопольской! Сидятъ, „куняютъ“, *) какъ выражались они по своему, покуривая трубки. Лицо открыто, папахи на затылкахъ, молчатъ упорно; развѣ иной полезетъ къ себѣ за воротъ, за пазуху, либо за голенище, преслѣдуя насѣкомыхъ... Откуда ни возмись фыркнетъ надъ головою и шлепнется бомба и, вращаясь около своей оси, въ избранномъ ею логовищѣ шипитъ и сыплетъ зловѣщими искрами. Иной наровитъ прикрыться за траверзомъ, другой припасть къ землѣ, оберегаясь отъ осколковъ; „пластунамъ“-же и горя мало! Не выпускающая трубокъ изъ зубовъ и не трогаясь съ мѣстъ,

---

*) Дремлять.

скорѣе спѣшать пустить на ея счетъ красное слово:

„Отò бисова гадюка!“... Бомба оглушительно лопается, посылая роковые осколки окрестъ. Въ ухахъ, какъ на колокольнѣ, открывается трезвоиъ, иной уже ошупывается, дескать цѣль-ли, невредимъ-ли; а пластунъ продолжаетъ свою юмористическую рацею:

„Добрэ що нэ зачепила, трасьця ей матэри... А я уже налякався бувъ: хтивъ лягаты, та...

— Эге, дядьку! Перебиваетъ моложавый пластунъ: Вамъ що! Алэ мэнэ видьма скажэна мало, мало нэ поцилувала...

„Та вже здохла! сто-сотъ ей мамі“. Заключаетъ третій, раскуривая уголькомъ потухнувшю „люльку“. „Чи нэ вишьемо по чарьци, хлопци, та лягаемо спаты“.

Всѣ по очередно прикладываются къ манерочной крышкѣ и тутъ-же кто гдѣ сидѣль, завернувшись въ бурки, располагается спать.

Немудрено поэтому, что многіе изъ этихъ храбрецовъ, засыпая какъ попало съ вечера къ утру, или вовсе не просыпались, или-же израненные относились на перевязочный пунктъ. Матросы на бастіонахъ чувствовали себя какъ дома, нисколько не уступая въ неустрашимости пластунамъ; любимымъ развлеченіемъ у нихъ были карты, при чемъ игры: въ „три листика“ и „по носамъ“ предпочитались передъ другими. Впослѣдствіи и наши солдаты стали такими молодцами, что заткнули бы за поясъ иного и „пластуна“. Напр. попавшую въ блиндажъ гранату, бомбу

съ горящею трубкою выкинуть руками вонъ не считалось даже диквиною.

VI.

Въ день генеральной вылазки изъ Севастополя 24 октября, со всей оборонительной линіи, преимущественно-же съ 3, 4 и 5 бастіоновъ открылась первая при насъ сильнѣйшая канонада по непріятельскимъ батареямъ, что вызвало и со стороны его такой-же огонь. Урона въ нашихъ рядахъ, къ счастью, не было. Цѣлый день этого несчастнаго эпизода мы провели въ Севастополѣ въ самомъ напряженномъ состояніи. Около полудня генераль Баумгартенъ (герой Четати) двинулъ было насъ къ 6-мъ бастіону въ подкрѣплѣніе генералу Тимофѣеву, производившему отсюда тоже вылазку, противъ лѣваго крыла непріятельскихъ силъ, но на половинѣ пути по Екатерининской улицѣ мы были задержаны доставленными свѣденіями, что генераль Тимофѣевъ, овладѣвъ французскими батареями, заклѣпалъ орудія и, такимъ образомъ, великолѣпно и быстро исполнивъ свое дѣло, возвратился обратно въ Севастополь. Въ насъ нужды болѣе не было. Между тѣмъ противъ лѣваго фланга оборонительной линіи шла неумолкаемая ружейная пальба, а съ бухты два парохода ревѣли своими пушками, обстрѣливая непріятельскія позиціи противъ „Килень-балки“.

Насталъ вечеръ. Съ разныхъ сторонъ стали прибывать войска въ городъ. Мы ждали Екатеринбургцевъ (полкъ одной съ нами бригады). Искали зна-

комыхъ, чтобы развѣдать о результатѣ битвы. Мнѣ попался пріятель мой, подпрапорщикъ Ан. Тамара.

„Ну что? Какъ ваши дѣла? Чѣмъ кончилось сраженіе?“ Спросилъ я.

— Были въ лагерѣ у французовъ, взяли всѣ батареи, англичанъ уничтожили. Вотъ трофеи: галеты, изюмъ, рисъ, — взялъ на память, попробуй. Штыкъ въ кровь! Чего-же нужно? Мы свое дѣло сдѣлали.

„Да дѣло-то въ чемъ? Каковъ конецъ?“

— Пришли назадъ, какъ видишь. Александровъ убить. Соймоновъ тоже, полкомъ командуетъ майоръ Колесниковъ.

„Ну, а дѣло? Конецъ?“ допытывался я.

— Конецъ и дѣлу вѣнецъ! Вернулись и только; и не разспрашивай больше. Наше дѣло подначальное. Сильно пописались, братъ; переколотили своихъ-же Бутырцевъ, а на Московскій полкъ чуть не пошли въ штыки! И угораздило-же ихъ идти въ дѣло въ какихъ-то полуфранцузскихъ шапкахъ!..

Что послѣ этого оставалось узнавать? Чего допытываться? Ясно, что дѣло проиграно и наши „пописались“ ...

Но винить-ли въ этомъ солдатъ, которые, говорятъ, бились какъ львы? Видно и на то была воля Вожія!

Возвращаясь частями въ городъ, изнуренные Екатеринбургцы только на другой день въ состояніи были опомниться отъ минувшаго дня, чтобы дать намъ болѣе ясный отчетъ о самомъ сраженіи 24-го октября съ его послѣдствіями, въ особенности ги-

бельными для полевой артиллеріи, которая, какъ намъ сказывали, будучи оставленною безъ прикрытія на произволь, подъ вліяніемъ паники бѣгства, стремилась куда попало, безъ оглядки; намъ сказывали, что она, окончательно потерявшись, преслѣдуемая непріятельскою кавалеріею, въ стремительномъ движеніи своемъ летѣла съ кручь Инкерманскихъ высотъ, въ пропасть той-же долины, съ лошадыми, орудіями и прислугою; точно также какъ англичане, не ожидая движенія съ нашей стороны, въ паникѣ, застигнутые въ распахъ, бѣжали съ батарей, покинувъ оружіе и все свое солдатское имущество въ нашихъ рукахъ, безъ выстрѣла и всякаго сопротивленія. На сколько свѣдѣнія эти вѣрны, отвѣтственности конечно на себя мы не беремъ, передавая лишь факты въ ихъ изустномъ сказаніи. Вернушіеся съ боя невредимыми, казалось, были счастливы спасеніемъ собственнаго живота, нисколько не помышляя о результатѣ дѣла общаго для всѣхъ.

Черезъ два, три дня французы какъ будто-бы въ отместку за дѣло 24-го октября вздумали выпустить своихъ охотниковъ противъ нашего 4-го бастіона;— послѣдніе наткнулись на нашу цѣпь и пошла потѣха. Съ моря дулъ сильный вѣтеръ, такой сильный, что казалось все перевернетъ вверхъ дномъ. Французы силились ворваться на бастіонъ; произошла сильная рукопашная схватка окончившаяся полнымъ пораженіемъ непріятеля. Въ одну амбразуру съ саблей на голо затесался французскій офицеръ. Не долго думая, бомбардиръ-матросъ такъ угостилъ его банникомъ,

что тотъ тутъ-же и растянулся на платформѣ у орудія; французскіе солдаты, послѣдовавшіе примѣру храбраго офицера, остались у насъ въ плѣну. Съ разсвѣтомъ все пространство передъ бастиономъ было усыяно трупами въ красныхъ панталонахъ; нѣкоторые изъ несчастныхъ еще обнаруживали тѣлодвиженіями признаки жизни. По уборкѣ тѣлъ, полкъ нашъ окончательно размѣстился на 4 бастионѣ для безсмѣнной его защиты, откуда не сходилъ уже до послѣдней минуты несчастной катастрофы паденія Малахова кургана, ознаменовавшей послѣдній день Севастополя (27 августа) пораженіемъ.

Спустя нѣсколько дней послѣ сказанной ночной стычки, Черное море наше, будучи все время какъ-бы безучастнымъ зрителемъ кровавой драмы, разбушевалось вдругъ не на шутку, разсвирѣпѣло такъ, что казалось готово было поглотить собою цѣлый островъ. Ревъ, стонъ, визгъ, свистъ всѣ эти звуки въ ужасающихъ размѣрахъ слились въ одинъ общій вой бури; мрачныя волны боролись съ небесами. На сушѣ тоже самое: вѣтеръ все рвалъ и металъ, засыпая глаза пескомъ; не было возможности ходить по бастиону. Съ нашей стороны опасались, чтобы волны бушующаго моря не размыли нашихъ зотопленныхъ у входа въ бухту кораблей. Съ однимъ кажется такъ и случилось. За то непріятелю буря эта причинила много бѣдствій. Тринадцать кораблей съ грузомъ выброшено на берегъ нашимъ осерчавшимъ Чернымъ морюшкомъ! Грѣшно, конечно, радоваться несчастью даже и врага; на этотъ-же разъ, надо сознаться, сердце

каждаго изъ севастопольцевъ трепетало отъ радости. Сначала никто не хотѣлъ вѣрить этому очевидному чуду Божию. Каждый хотѣлъ лично убѣдиться въ справедливости сказанія, и мы для этого отправились нарочно въ городъ. Взобрались на каланчу бывшаго телеграфа, выпросили себѣ телескопъ, глядимъ:

Въ самомъ дѣлѣ: правѣе Константиновской батареи, противъ устья Бельбека, на разстояніи можетъ быть саженой 10-ти, 15 отъ берега, лежалъ на боку обезмачтенный великанъ. Сѣдя волны еще не унявшагося моря яростно накидывались на свою жертву, изнемогшую въ неравной борьбѣ. Лежавшій на боку корабль, слегка покачиваясь между волнами, казался издали какимъ-то побѣжденнымъ морскимъ чудовищемъ. И такихъ-то жертвъ было тринадцать. Мы въ тайнѣ торжествовали, думая, что наконецъ-то послѣдовало возмездіе Божіе врагу, за всѣ причиненныя намъ бѣды его нашествіемъ. Казаки, какъ стаи птицъ, сновали на берегу, собирая пожитки и всякую снѣдь выбрасываемую услужливыми волнами.

VII.

Въ трудную годину защиты Севастополя, особенно утѣшительнымъ явленіемъ было посѣщеніе бастіоновъ Ихъ Императорскими Высочествами, Великими Князьями Николаемъ и Михаиломъ Николаевичами, прибывшими доблестно раздѣлить боевые труды и опасность вмѣстѣ съ подданными Своего незабвеннаго Родителя.

„Вотъ они, ясныя солнышки, соколики наши! Провѣдать насъ пожаловали! Отъ Царя-Батюшки поклонъ привезли! Слышали, братцы?!“ Говаривали наши солдаты съ сіяющими лицами отъ радости.

Великіе Князья, посѣщая бастіоны, постоянно и вездѣ удостоивали нашихъ солдатъ самыми теплыми непринужденными бесѣдами и объясненіями, отчего они бодрились и, такъ сказать, росли. Труды и лишенія на время забывались. Эта высокая милость къ намъ Государя, сказавшаяся въ присылкѣ Царственныхъ сыновей своихъ въ составъ нашей семьи защитниковъ, право, въ стѣнахъ Севастополя была для насъ самою лучшею, драгоцѣннѣйшею наградою. Но вотъ Великіе Князья изволили отѣхать въ Петербургъ и пригорюнились Севастопольцы; а вслѣдъ затѣмъ разнеслась страшная вѣсть о кончинѣ Государя Императора Николая Павловича. Возможно-ли, казалось, чтобы Самъ Господь отказался отъ всей Руси православной, посѣтивъ ее столь тяжкимъ испытаніемъ и въ самую критическую для нея минуту, отнявъ у Севастопольцевъ ихъ главнаго Вождя, Царя-Отца!

Это извѣстіе тѣмъ болѣе казалось намъ невѣроятнымъ, что Государь Николай Павловичъ всегда пользовался вожделеннымъ здравіемъ. Но явился на бастіонъ полковой священникъ для отправленія панихиды и приведенія къ присягѣ войскъ, и всѣ поняли истину своего ужаснаго положенія...

Надо было видѣть загорѣлыя мужественныя лица нашихъ закаленныхъ въ бояхъ воиновъ, въ минуту отправленія панихиды, когда упомянуто было имя

ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА! Надо было почувствовать, пережить эту минуту, чтобы судить на сколько способенъ любить своего Монарха нашъ солдатъ, какъ обожалъ онъ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА! Одна глубокая, общая скорбь удручала душу. Нельзя было отдать себѣ отчета въ состояніи собственныхъ чувствъ; казалось, Богу угодно было обрушиться на насъ всѣмъ своимъ гнѣвомъ, дать послѣднее испытаніе своимъ смертнымъ... Плакали многіе покидая Севастополь, плакали, провожая товарищей въ могилу, но все это были явленія частныя. Тутъ-же оплакивало все живое, ходячее своего Царя-Благо Надежу-Государя!!! Свершилось! Воля Божія! И только...

VIII.

Особенною популярностью у Севастопольцевъ пользовалось безсмертное имя Павла Степановича (Нахимова), такъ какъ у моряковъ не принято было величать своихъ начальниковъ и офицеровъ по чинамъ. Ни ваше благородіе, ни превосходительство вовсе не употреблялось въ объясненіяхъ, а звали начальство просто по имени и отчеству, иногда не помня даже и фамиліи своего офицера. Какъ сейчасъ вижу этотъ незабвенный типъ: верхомъ на козацкой лошади, съ нагайкою въ правой рукѣ, всегда при шпагѣ и генеральскихъ эполетахъ на флотскомъ сюртукѣ, съ шапкою надѣтою почти на затылокъ слѣдуетъ онъ бывало до бастіона верхомъ въ сопровожденіи козака.

Панталоны безъ штрипокъ вѣчно събьются у него у колѣней, такъ что изъ подъ нихъ выглядываютъ голенища и бѣлье, ему и горя мало, на подобныя мелочи онъ не обращалъ вниманія. Остановившаяся у подошвы нашего бастионнаго кургана, Павелъ Степановичъ по обыкновенію слѣзаль съ лошади, оправлялъ панталоны и шествовалъ по бастиону пѣшкомъ.

„Павелъ Степанычъ! Павелъ Степанычъ!“ зашумять бывало радостно матросы: и все флотское какъ будто охорашивается, растетъ, желая показаться молодцоватѣе своему знаменитому адмиралу, герою Синопа.

„Здравія желаемъ, Павелъ Степанычъ!“ отвѣтается какой либо смѣльчакъ изъ группы матросовъ, привѣтствуя своего любимаго, неспѣсиваго командира. „Все-ли здорово?“

— Здорово Грядка! Какъ видишь, добродушно отвѣтитъ Павелъ Степановичъ, слѣдуя далѣе.

„А что, Синопъ забылъ!“ спрашиваетъ онъ другаго.

— Какъ можно! Помилуйте, Павелъ Степанычъ; небось и теперь почесывается турокъ, усмѣхается матросъ.

„Молодецъ!“ замѣтитъ Нахимовъ; либо, потрепавъ иного молодца по плечу, самъ завязываетъ несложный разговоръ, разспрашивая о французахъ.

Кому не припомнится еще скромное, уважаемое имя сапернаго капитана Тонагеля при воспоминаніи о первоначальномъ укрѣпленіи 4 бастиона, когда еще не было на немъ ни траншей, ни блиндажей, а впе-

реди и ложементовъ, и все это возведено, построено его трудами. Рано отнятый у Севастополя непріательскою пулею, онъ, жилъ въ тѣсной и сырой землянкѣ, на правомъ склонѣ 4 бастіона: не зная день и ночь ни устали, ни досуга, этотъ храбрый капитанъ постоянно самолично руководилъ работами.

Бывало, передавая завѣдующему командою рабочихъ, пѣхотному офицеру, цѣль и размѣръ предстоящихъ работъ, капитанъ Тонагель ночью, въ сопровожденіи двухъ, трехъ саперовъ, выведетъ самъ команду за бастіонъ, присутствуетъ при закладкѣ ложементовъ, удаляется вслѣдъ затѣмъ на время для наблюденія за работами на бастіонъ и снова, какъ выростая изъ земли, представляется глазамъ нашимъ вездѣсущимъ съ своимъ неразлучнымъ спутникомъ костылемъ, не смотря ни на какія препятствія и препоны, т. е. усиленный огонь батарей, ненастье, иногда нездоровье и проч.

Однажды въ тихую, но темнѣйшую ночь, при устройствѣ ложементовъ передъ 4 и 5 бастіонами, не подалеку отъ непріательскихъ траншей намъ слышалась французская рѣчь... Тотчасъ доложили о томъ капитану Тонагелю. Вдругъ ему вздумалось самому отправиться въ сторону непріятели для повѣрки сообщенныхъ свѣдѣній. Не помышляя объ опасности и возможности наткнуться на непріательскій секретъ, онъ, миновавъ нашу цѣпь, ползкомъ, какъ пластунъ направился въ сторону непріятели. Мы опасались за его участь, но къ счастью черезъ нѣсколько минутъ капитанъ, снявъ цѣпь и прибли-

жившись къ моимъ рабочимъ, сказалъ мнѣ въ полголоса: „Надо оставить нашу работу до завтра; французы ведутъ новую траншею, необходимо имъ помѣшать. Идите съ командою назадъ, а я пойду на 5-й бастионъ распорядиться...“ Съ этимъ нашъ капитанъ Тонагель поспѣшно исчезъ по направленію къ 5-му бастиону и едва я съ командою, поминутно цѣпляясь за виноградныя лозы, успѣлъ достигнуть до оборонительнаго рва своего бастиона, какъ съ 5-го, а потомъ и 4-го бастионовъ полетѣли къ французамъ сперва брандскугели для освѣщенія мѣстности, а вслѣдъ за ними заревѣли бомбическія пушки, изрыгая по направленію открытыхъ г. Тонагелемъ непріятельскихъ работъ гранаты, ядра и бомбы. Эта оживленная картина жаркаго съ нашей стороны огня доставила намъ на бастионѣ не малое удовольствіе, французовъ же озлило не на шутку: они, открывъ огонь со всѣхъ батарей, поддерживали его до утра; работы ихъ не состоялись.

Этотъ замѣчательный труженикъ по укрѣпленію 4 бастиона погибъ при постройкѣ блиндажей. Никогда не обращая вниманія на фыркавшіе и падавшіе вокругъ него снаряды, въ этотъ фатальный день капитанъ Тонагель наблюдалъ за правильнымъ накатываніемъ бревенъ на блиндажи. Подобныя работы производились исключительно днемъ. Было часовъ около восьми утра, когда, оборотясь спиною къ брустверу, онъ неосторожно высунулся половиною своего статнаго корпуса изъ-за земляной насыпи, сдѣлавшись такимъ образомъ удобною мишенью для

французскихъ стрѣлковъ, всегда съ жадностью выжидавшихъ такихъ случаевъ. Вокругъ него рѣзко завизжали пули. Солдаты, безгранично преданные своему любимому капитану, сумѣвшему привязать ихъ къ себѣ мягкимъ, ласковымъ обращеніемъ, крикнули было ему сообща обычное: „берегитесь, ваше благородіе“, а одинъ изъ постоянно находившихся при немъ саперовъ неотлучно сунулся было къ нему защитить собою отца-командира, но было уже поздно... Пуля опередила образцовый поступокъ подчиненнаго по отношенію къ своему начальнику, она совершила ничѣмъ не поправимое дѣло, поразивъ капитана Тонагеля въ спину на вылетъ въ грудь. Опираясь одною рукою на костыль, храбрый капитанъ схватился было другою за грудь, чтобы остановить кровотеченіе, но тутъ-же пошатнулся и упалъ на руки своихъ саперовъ. И тутъ, признаюсь, я видѣлъ слезы,—не обильныя, сопровождаемыя стenanіями слезы, но тихія, горячія, все на тѣхъ-же сморщенныхъ, загрубѣлыхъ лицахъ солдатъ. Да и одинъ-ли подобный примѣръ возможно было бы привести здѣсь изъ одиннадцатимѣсячнаго опыта?

Отдавая должную дань памяти одного изъ доблестнѣйшихъ защитниковъ Севастополя, надѣмся, что эти безыскусственныя строки найдутъ живой отголосокъ въ сердцахъ тѣхъ, кто не забылъ еще эту почтенную личность, въ которой сочетались: умъ, доброе сердце, вмѣстѣ съ мужествомъ храбраго воина.

Трудясь надъ устройствомъ блиндажей, онъ многихъ избавилъ отъ возможности быть погребенными

за живо въ землянкахъ, какъ это сталося съ двумя офицерами нашего полка: Кривоносовымъ и др. (не помню фамиліи). Бомба упала на землянку ихъ и задавила обоихъ; пока откапывали ихъ, они уже были мертвы. Подобныхъ примѣровъ было тоже не мало.

На ряду съ именемъ капитана Тонагеля возникаетъ въ памяти другой типъ нашего минера капитана Мельникова, прослывшаго у всѣхъ подь именемъ „крота“. Кто не помнитъ его „норы“ съ длиннымъ подземнымъ проходомъ насквозь подь исходящимъ угломъ 4-го бастіона? Кому не доводилось посѣщать ее, отправляясь съ командою на урочныя работы въ мины? Сажени на три отъ земной поверхности имъ устроена была тѣсная, сырая землянка, конечно безопасная отъ бомбъ, но гибельная для здоровья, лишенная необходимой вентиляціи, постоянно грозившая обваломъ.

Разъ вбѣгаетъ при мнѣ въ землянку капитана Мельникова, запыхавшись, саперъ:

„Ваше благородіе, идетъ французъ контра-миною; слышно работаетъ“...

Мнѣ сразу показалось, что „идеть“ на приступъ, я бросился было наружу изъ подземелья предполагая штурмъ, но капитанъ Мельниковъ остановилъ меня словами:

„Куда вы? Пойдемте вмѣстѣ, послушаемъ работу французовъ“. Это было часовъ около девяти вечера. Мы вышли при свѣтѣ фонаря въ оборонительный ровъ; достигнувъ минныхъ колодцевъ, онъ спустился въ одинъ изъ нихъ, я остался на верху въ ожиданіи

любопытныхъ свѣдѣній. Выслушавъ работы, онъ поспѣшно направился къ своей норѣ, объявивъ мнѣ:

„Завтра мы сдѣлаемъ имъ сюрпризъ, дадимъ комфлетъ.“

Съ этой вѣстью я поспѣшилъ въ мою очередь сообщить товарищамъ о предстоящемъ зрѣлищѣ.

На утро, когда для взрыва съ нашей стороны все было готово, лишнихъ людей съ бастіона велѣно было убрать.

Мы въ числѣ нѣсколькихъ любопытныхъ зрителей, приснастились къ брустверу, устремивъ взоры въ сторону ожидаемаго взрыва. Мгновенно дрогнула подъ нами земля и съ оглушительнымъ трескомъ взнеслась масса земли вмѣстѣ съ дымомъ, въ видѣ гигантскаго чернаго снопа, образовавъ на томъ мѣстѣ воронку. Камни посыпались къ намъ на бастіонъ, а близъ воронки упало три трупа злополучныхъ французскихъ минеровъ. Одинъ изъ нихъ былъ въ тонкой бѣлой рубашкѣ, которою игралъ вѣтерокъ. Съ бастіона грянуло „ура!“ выбѣжавшихъ посмотреть на эту оказію нашихъ солдатъ.

Ночью французамъ удалось два трупа убрать, а третій въ бѣлой рубахѣ, упавшій по сю сторону воронки, вблизи бастіона, бѣднякъ лежалъ неубраннымъ дня три, такъ что отъ разложенія трупа его по бастіону нашему стало разноситься зловоніе. У насъ было торжество по этому случаю неописанное; у французъ-же разрушены всѣ минныя галлерей, такъ что имъ приходилось начинать съизнова работу, столь трудную при каменистомъ грунтѣ. Капитану Мель-

никову дѣлались оваціи при каждомъ удобномъ случаѣ. Въ послѣднее время тѣло его до того покрылось язвами отъ сырости подземельнаго жилья и постоянныхъ трудовъ, что онъ, къ общему сожалѣнію, долженъ былъ оставить бастионъ и удалиться на Сѣверную; но и теперь, спустя почти пятнадцать лѣтъ, достаточно кажется упомянуть о немъ, чтобы возбудить неподдѣльный восторгъ, когда-то наполнявшій души Севастопольцевъ при каждомъ удачномъ подвигѣ въ его минахъ, ограждавшихъ бастионъ отъ неожиданной и возможной гибели, будь только французскіе минеры искуснѣе нашихъ.

Передовой стражъ-люнетъ 4 бастиона носилъ имя своего храбраго командира. Сколько разъ приходилось „Костомаровой батарее“ охранять нашъ не безмятежный сонъ на бастионѣ. Бывало, лежишь себѣ въ растяжку въ блиндажѣ, а онъ реветъ себѣ своими орудіями да играетъ „капральствами“, отважно накидываясь на непріятельскія траншеи. На утро спросишь бывало его:

„Что это вы нынче ночью расходились не на шутку?“

— Да что съ ними разговаривать долго, заняли „воронку“ и вздумали укрѣпляться было подъ самымъ носомъ, чтобъ поставить орудія. Ну не дерзость-ли это? Тогда и житья не будетъ отъ нихъ; такъ надо было отучить какънибудь по нашему...

По истинѣ въ лѣтописяхъ обороны Севастопольской имя г. Костомарова должно занять одно изъ самыхъ почетнѣйшихъ мѣстъ.

Генераль Шульцъ, контръ-адмираль Новосильскій, генераль Семякинъ, полковникъ Зеленый! Все это храбрые подвижники 4 бастіона и кому не памятни эти драгоцѣнныя имена, какъ мудрыхъ начальниковъ, соединявшихъ въ себѣ качества рѣдкихъ добродѣтельнѣйшихъ людей. Они не кичились своими ролями, не сторонились младшихъ, подчиненныхъ, но будучи всегда и вездѣ съ ними, какъ истые отцы-командиры, готовы были подѣлиться съ ними своимъ послѣднимъ добромъ. Для многихъ, не исключая и пишущаго эти строки, имена эти остались на всю жизнь священными въ памяти и перейдутъ въ ихъ потомства!

Гдѣ-то теперь обрѣтается нашъ лихой однополчанинъ, начальникъ штуцерной команды Леонтій Громъ?!

Поручикъ Громъ съ своими штуцерниками обыкновенно занималъ ложементы, откуда обстрѣливалъ неприятельскія траншеи, всегда поддѣвая неосторожныхъ французовъ на выстрѣлы. Располагая лучшими противу другихъ денежными средствами поручикъ Громъ хаживалъ обыкновенно въ ложементы съ хорошимъ припасомъ разныхъ закусокъ, которыми одѣлялъ своихъ штуцерниковъ.

Карты были его любимымъ развлеченіемъ. Отправляясь на бастіонъ (квартировалъ онъ въ городѣ) онъ по обыкновенію запасался картами.

— На что вамъ карты въ ложементахъ-то? Съ кѣмъ тамъ играть; спросишь, бывало его. —

— Какъ на что? Вотъ прекрасно! Вы думаете, что я не найду партнера тамъ?

— Да кого-же, развѣ француза?

— Да, именно француза; пошлю своихъ молодцовъ, притащутъ и француза, если самъ не пойдетъ.

„Въ добрый часъ!..—

Въ самомъ дѣлѣ, этотъ общій любимецъ нашъ, затѣялъ было эту штуку, во что-бы ни стало добыть французскаго офицера изъ траншеи, чтобы съ нимъ по его выраженію: „сыгратъся“. Молодцы его готовы по его приказанію въ огонь и воду, дѣйствительно попытались какъ-то ночью добыть француза въ партнеры къ своему поручику, но такъ какъ офицера отыскать не удалось, то привели ему трехъ французскихъ солдатъ взамѣнъ одного офицера. Онъ былъ въ восторгѣ и угощалъ потомъ своихъ молодцовъ шампанскимъ. Будучи родомъ черниговскій малороссъ (стародубскаго уѣзда) онъ любилъ пѣсенниковъ „пластуновъ“, для чего часто приглашалъ ихъ къ себѣ, устраивая для товарищей вечеринку. Нерѣдко въ шутку или заправду онъ заказывалъ имъ доставку изъ траншей французовъ, считая ихъ на штуки, за которыхъ сулилъ извѣстное денежное вознагражденіе, плату. Не знаю удавались-ли эти заказы Грому, но были удалцы, которые покушались на это, прокрадываясь съ бастиона, къ французскимъ траншеямъ и тамъ надѣлавъ суматохи, возвращались назадъ съ трофеями, либо ни съ чѣмъ.

Изъ числа подобныхъ оказій я могу привести здѣсь слѣдующее курьозное событіе:

Въ одну изъ вылазокъ противъ 4-го бастиона, произведенныхъ подъ командою командира Черно-

морскаго батальона полковника Головинскаго, нашимъ пластунамъ удалось захватить у непріятеля и принести на бастіонъ 3 маленькихъ мѣдныхъ мортирки, прозванныхъ ими „собачками“. Въ числѣ плѣнныхъ, приведенныхъ ими также на бастіонъ, оказался одинъ французскій офицеръ, съ окрававленными и сине-багровыми знаками на лицѣ, на что конечно не обратили-бы серьезнаго вниманія, еслибы этотъ послѣдній красивый молодой человѣкъ, легко раненый, лежа въ залѣ бывшаго дворянскаго собранія, при посѣщеніи раненыхъ однимъ изъ генераловъ, не объявилъ громкій протестъ противъ воинскаго невѣжества, „варварства“ какъ онъ выражался одного изъ пластуновъ полонившихъ его. Оказалось, что этотъ пластунъ въ рукопашной схваткѣ въ траншеяхъ съ офицеромъ во-первыхъ ошарашилъ его оплеухою, отъ которой тотъ повалился, и придавивъ его всѣмъ своимъ существомъ, такъ какъ французъ ухватился за ружье пластуна,—принялся его грызть зубами за лицо... Конечно наивный протестъ француза остался безъ удовлетворенія, пластунъ же возбудилъ общее любопытство, такъ что на обоихъ сходились смотрѣть какъ на нѣчто небывалое со всѣхъ бастіоновъ; а пластунъ, неподалеку лежавшій отъ француза (тоже раненый), саркастически поглядывая на него, передавалъ товарищамъ вполголоса:

— Шкода, що я ему совсимъ нися нэ витгрызь...

Слѣдующая за тѣмъ вылазка, произведенная нашими охотниками подъ командою маіора Ляпунова,

памятна мнѣ слѣдующимъ печальнымъ событіемъ, свидѣтельствующимъ, что предчувствія нерѣдко сбываются, чтобы ни говорили о нихъ иные мудрецы. Товарищъ мой, подпрапорщикъ Поповъ едва прибывшій въ полкъ изъ Петербурга (воспитан. школы гвард. подпр.), однажды вечеромъ объявилъ намъ, что идетъ съ охотниками на вылазку. На первыхъ порахъ идти на вылазку считалось дѣломъ величайшаго героизма.

— Съ Богомъ! Дай Богъ часъ! ободряли его товарищи.

Однако, подъ наружными признаками обычной развязности, Поповъ на этотъ разъ видимо старался скрыть какое-то другое гнетущее его чувство. Многіе видѣли это, но никто не считалъ уместнымъ дать ему это замѣтить; въ подобныхъ случаяхъ старались ободрять ближняго.

Посидѣвъ нѣсколько мннуть въ кружкѣ нашемъ и несвязно отшучиваясь, когда уже смерклось, онъ сталъ прощаться, цѣлуясь съ каждымъ по братски.

— Пора, господа! сказалъ онъ наконецъ и не выдержалъ: голосъ дрожалъ, слезы струились по щекамъ.

— Прощайте, да не поминайте лихомъ, а помолитесь лучше обо мнѣ!..

— Ну братъ, воинъ ты!.. подшутить неосторожно князь Ор—ни:—идешь въ охотники и плачешь! Пожалуй и въ траншеяхъ такъ-то разрюмишься. Смотри у французовъ „пардону“ не проси!..

— Да лучше останься! уговаривали его другіе:—еще будетъ время для всякихъ приключеній!..

— Что дѣлать? говорилъ Поповъ:—чувствую что не вернусь, а отказаться не могу; совѣстно... Если-же вернусь паче чаянія, о! тогда, „знай нашихъ!“ (его любимая поговорка), заключилъ онъ, отправляясь на сборный пунктъ. Онъ вышелъ съ бастиона рядомъ съ прапорщикомъ Яковлевымъ, однимъ изъ отважнѣйшихъ офицеровъ нашего полка. По показаніямъ солдатъ, они первыми бросились въ траншеи и французы обоихъ подняли на штыки. Предчувствіе стало-быть сбылось!.. Прапорщика Яковлева французы почли за генерала, судя по его мужественнымъ съ просѣдью густымъ бакенбардамъ (онъ былъ изъ сдаточныхъ), какъ показали потомъ при уборкѣ тѣлъ парламентарю; о храбромъ-же подпрапорщикѣ Поповѣ никакихъ свѣденій не дано.

Въ одну изъ сильныхъ непріятельскихъ канонадъ, случилось какъ-то мнѣ быть на посту у исходящаго угла 4-го бастиона. Въ теченіе двухъ, трехъ очередныхъ моихъ часовъ, всевозможныя снаряды сыпались дождемъ. Убитыхъ и раненыхъ было несчетное множество. Во многихъ мѣстахъ разрушены амбразуры, изорваны щиты и подбиты орудія. Въ воздухѣ было тихо, а бастионъ казался будто въ бурю. Снаряды рвали и металы во всѣхъ направленіяхъ: камни, землю, щепки, туры и ключья щитовъ. Возлѣ меня у орудія одного бомбардира матроса непріятельское ядро задѣло по животу. Окровавленныя кишки шнурами брызнули изъ живота несчастнаго, а онъ собирая ихъ двумя руками, пытался уложить ихъ въ свое мѣсто, пока не грохнулся съ искаженнымъ лицомъ отъ

боли о земь. Другому перебило двѣ ноги и онъ тутъ же упалъ, какъ-бы споткнувшись, затѣмъ уже сталъ стонать отъ боли. Третьяго раненаго въ бедро осколкомъ бомбы, товарищи положили въ носилки чтобы отнести на перевязочный пунктъ, и только-что было хотѣли поднять его, какъ откуда ни возьмись бомба упала на раненаго въ носилки, лопнула на немъ, разметавъ его члены вмѣстѣ съ носилками, одновременно уложивъ двухъ изъ носильщиковъ. Новыя носилки являются для уборки новыхъ жертвъ, а бомбы все ложатся повсемѣстно, не щадя никого и ничего. Мы стояли у самого исходящаго угла, близъ самага пороховаго погреба. Вдругъ, часовъ около одиннадцати нѣсколько бомбъ, одна вслѣдъ за другою ворвались въ толстую насыпь пороховаго погреба; разметали фашину и туры, обнаружили накаты его гигантскихъ бревенъ, угрожая взрывомъ погреба расстрепать въ щепки цѣлый бастионъ. Живо явились рабочіе для засыпки яминъ. Команда около 40 человекъ, подъ градомъ снарядовъ, какъ муравьи подъ дождемъ, засуетилась у погреба. Суматоха и бѣготня по бастиону поднялась страшная! Всякъ спѣшилъ чѣмъ могъ устранить опасность, а опасность была несомнѣнно и близка и велика, ибо бомбы умышленно направленные въ одинъ пунктъ, продолжали падать. Только и слышно было среди грохота орудій: „давай земли!“ „берегись!“ „маркела!“ „мимо!“ „жеребецъ!“ „Ой, ой, ой!“ „носилки!“... термины, хорошо извѣстные Севастопольцамъ.

Рывкнетъ надъ самою головою „Жеребецъ“ (двухъ

пудовая бомба), схватисья бывало за голову: „Цѣла? Ну живемъ еще!“ Либо звякнетъ почти у ногъ „квочка“ пятипудовка, прыгнетъ за траверзь, лопнетъ и загудеть осколками. „Ну, не пришелъ еще твой часъ“, думаешь себѣ: не то такъ угораздитъ камнями въ спину, что толко почесываешься словно кто дубиной сбѣздилъ или огрѣлъ, какъ говорятъ. Рабочіе для подноса къ пороховому погребу земли представляли собою безконечную вереницу бѣгущихъ съ мѣшками людей. Въ глазахъ моихъ и въ виду всѣхъ находившихся въ ту пору у исходящаго угла наблюдателей за ними, просвиставшее надъ нами ядро вмигъ обезглавило одного изъ бѣгущихъ другъ за другомъ рабочихъ. Шапка отлетѣла въ сторону, мѣшокъ съ землею выскользнулъ изъ рукъ; вмѣсто головы потокомъ хлынула кровь, обезглавленный споткнулся не дрогнувшись, и растянулся тутъ-же....

„Господи! Когда-же это придетъ смѣна?“ восклицаешь себѣ въ душѣ: „или-бы солнце затмилось чтобы дать на минуту отдохнуть истерзаннымъ нервамъ“.... Но солнце не затмѣвается и смѣна не приходитъ, а долгъ обязываетъ во имя своего скромнаго девиза: терпѣть, внутренно бороться, полагаясь во всемъ на волю Божію!

Да; вѣра въ Промыслъ Божій есть единственный якорь спасенія во всѣхъ случаяхъ, какъ-бы ни казалась неизбѣжною опасность, какъ-бы ни близкою казалось смерть.

Сколько разъ, какъ припомнишь теперь, приходилось слагать въ памяти тѣ молитвы, которыхъ

въ самомъ раннемъ возрастѣ обучала мать... и которыя, стыдно признаться, казались забытыми.... Тамъ, на полѣ брани они припоминались, и перечитывались со всею точностью... Молитесь! Юные будущіе ратоборцы и Богъ во всемъ помогая вамъ, сохранить вамъ жизнь, на благо вашихъ родныхъ, на пользу общества и государства!

Бомбардированіе Севастополя на Святой Недѣлѣ было самымъ продолжительнымъ и разрушительнымъ для 4 бастіона. Съ вечера мнѣ удалось уже сбѣгать въ городскую церковь помолиться, но едва я успѣлъ вернуться на бастіонъ какъ французы открыли намъ свое нехристіанское поздравленіе со всѣхъ бастарей.

— И вправду братцы“ разсуждали наши солдаты христосуясь: „сказывали, что французъ нехристь, окаянная душа! И погулять-то не дастъ разговѣвшись по христіански! Вишь, вмѣсто краснаго яичка чѣмъ почаль потчивать“....

— Погоди; прерывальь другой: дай вотъ, флотскій Павелъ Степановичъ (Нахимовъ) пріѣдетъ христоваться съ нимъ, почешется и французъ!...

Среди этихъ ужасныхъ дней одиннадцатидневнаго кровопролитія мнѣ пришлось день отъдежурить на перевязочномъ пунктѣ, для чего съ бастіона надо было пройти добрыхъ версты двѣ, если не болѣе, почти до Екатерининской пристани. Путь предстоялъ не безопасный. Что дѣлать выпала очередь и баста! Перекрестился: иду, вслушиваясь въ общій ревъ адской орудійской музыки. Визгъ, ревъ, громъ,

стукъ все слилось въ одну мятежную гармонію ропота и стона земли къ небесамъ.

Въ траншеѣ я наткнулся на двухъ трехъ флотскихъ офицеровъ торопившихся на смѣну своимъ товарищамъ. Разговаривать было нѣкогда, всякъ спѣшилъ къ своему посту одинъ изъ нихъ мичманъ Дурново, хорошій знакомый мой спросилъ: „Куда вы?“ Въ городъ. — „До свиданья!“ — Прощайте! — Вотъ и разговоръ весь.

Лавируя по траншеямъ, насколько это допускалось воинскимъ приличіемъ, отъ тысячей бомбъ и ядеръ, прыгавшихъ передо мною и по сторонамъ и бороздившихъ во всѣхъ направленіяхъ землю, я наткнулся въ траншеѣ на раненаго. Вѣдникъ торопился съ ротной кухни изъ артиллерійской слободки къ своей ротѣ, какъ вдругъ ядро подкосило ему ногу. Онъ сидѣлъ, ухватившись обѣими руками за пораженную ногу и отъ боли страшно взывалъ ко мнѣ умоляя глазами о помощи. Но что могъ я сдѣлать ему одинъ при томъ-же торопясь къ своему полку? Я успокоилъ только его увѣреніемъ тотчасъ прислать изъ города за нимъ носилки и послѣдовалъ далѣе, но признаюсь сердце мое невыносимо защемило когда удаляясь я услыхалъ сзади себя его умоляющій крикъ. На счастье мнѣ встрѣтилось два матроса и я упротсилъ ихъ доставить раненаго на перевязочный пунктъ, обѣщая дать „на водку“. Онъ привсталъ, повисъ руками на плечахъ матросовъ и ковыляя на одной ногѣ съ болтающеюся другою ногою поплелся обратно съ бастиона. Я поторопился далѣе и кое

какъ, благодаря Создателя добрался до перевязочнаго пункта. Обошелъ палаты, гдѣ стонамъ не было конца а раненымъ мѣста и замѣтивъ что во мнѣ никто не нуждался я остановился у входныхъ дверей. Не зная въ сущности въ чемъ заключалась моя роль и скучая отъ бездѣйствія я попробоваль было освѣдомиться у перваго попавшагося мнѣ повидимому доктора. Старикъ съ озабоченнымъ видомъ, одѣтый вмѣсто сюртука въ спальный халатъ, окутанный по головѣ и плечамъ какою то женскою талью, съ окровавленными руками сноваль взадъ и впередъ по палатѣ, какъ будто отыскивая кого.

— Что мнѣ здѣсь дѣлать, докторъ? спросиль было я.

— Дѣлайте что хотите. Тутъ нѣкогда разговаривать видите какая каша; — сказалъ онъ сердито скороговоркой; — а вотъ поддержите-ка, лучше этого молодца!... — И указавъ на плотнаго солдата стоявшаго въ углу съ прострѣленнымъ на сквозь пулею большимъ пальцемъ правой руки онъ сдѣлалъ призывной знакъ фельдшеру съ инструментомъ. Не надо было видно ни хлороформа, ни особенныхъ приготовленій къ операци. Накинувшись, какъ ястребъ на свою добычу, онъ при нашемъ содѣйствіи принялся за вылущиваніе раненаго пальца. Мощный солдатъ пытался было, сначала, кричать и бороться съ нами; но когда старикъ врачъ строго прикрикнулъ на него: „Молчи не то я тебѣ совѣмъ руку отрѣжу!..“ Солдатъ тотчасъ притихъ не противуборствуя соединеннымъ силамъ лишь изрѣдка отрывисто провозгла-

шая: „Ваше благородіе!.. Помилосердствуйте!.. Явите божескую милость!.. Заставьте вѣчно Богу молить!..“ и проч. въ такомъ родѣ; но искусный операторъ уже окончилъ свое дѣло, а солдатъ поуспокоившись освободился изъ нашихъ рукъ. Еще фельдшеръ заканчивалъ сдѣланную медикомъ операцію, когда я спросилъ у него фамилію оригинальнаго оператора. — „Развѣ вы не знаете Н. И. Пирогова?“ Отвѣтилъ онъ взглянувъ на меня сомнительно и съ нѣкоторою гордостью..

— Дай Богъ и не знать его здѣсь... подумалъ я въ свою очередь, направляясь въ то-же время на поиски знаменитаго оператора, чтобы взглянуть на него поближе, но поиски мои оказались тщетными и я вновь очутился у входныхъ дверей зданія, пропуская мимо себя носилки за носилками.

Вотъ пронесли мимо меня матроса съ исковерканою нижнею челюстью изъ которой торчалъ обезображенный и какъ-то особенно вывороченный языкъ. Матросъ стоналъ, блуждая глазами. За первыми носилками слѣдовали другія, за другими третьи и такъ еще и еще... Изъ однихъ звучалъ отчаянный крикъ, въ другихъ съ лихорадочной дрожью скрежетали зубы, третьи издавали едва внятный, изнемогающій стонъ;— я заглянулъ въ эти послѣднія и едва могъ разглядѣть какую-то неопредѣленную массу окровавленныхъ кишокъ въ перемежку съ кусками одежды „пластуна“.

— Этого въ Гущина домъ! Рѣшилъ, махнувъ рукою, откуда-то наверхъ дежурный врачъ: „Нечего было и носить сюда“, замѣтилъ онъ. Ясно было

что означалъ этотъ приговоръ: значить субъектъ совершенно безнадеженъ, скоро отойдетъ въ вѣчность. Да и врядъ-ли донесли его до Гущина дома, живымъ....

Меня не на шутку начинало внутренно коробить отъ этихъ немолкаемыхъ криковъ и стоновъ приносимыхъ носилками и я направился въ ампутаціонный залъ посмотреть на происходившее тамъ.

На одномъ изъ трехъ операціонныхъ станковъ лежалъ лѣтъ 35 здоровый на видъ пѣхотный солдатъ съ раздробленнымъ колѣномъ правой ноги. Очевидно, что ее отнять выше колѣна. Стиснувъ зубы и метаясь головою по сторонамъ онъ страшно стоналъ, видимо страдая отъ неимоверной боли, окруженный съ обѣихъ сторонъ фельдшерами и медиками, между которыми была сестра милосердія. Все это усиливалось въ ожиданіи хлороформованія облегчить участь страдальца. Наконецъ, инструменты въ рукахъ оператора; данъ знакъ хлороформировать. Солдату поднесли къ самому носу бѣлый, полотняный мѣшочекъ, наполненный корпіею смоченною хлороформомъ. Больной сначала пытался побороться, но мало по малу одолѣваемый хлороформомъ забылся, потомъ крѣпко заснулъ, захрапѣлъ; сталъ бредить на всѣ лады: пѣлъ пѣсни, разговаривалъ съ своими отсутствующими товарищами; громко спорилъ съ ними или неистово ругался изъ за какойнибудь пуговицы, трубки, вообще изъ за предметовъ своего солдатскаго хозяйства, какъ на яву. Но едва забылся ампутируемый субъектъ, какъ операторъ въ два приѣма правой руки, ножемъ острѣйшимъ какъ бритва успѣлъ

уже для обнаженія кости отдѣлить мясо. Кровь хлынула потокомъ изъ перерезанныхъ артерій въ подставленный для этого мѣдный тазъ, но тотчасъ-же задержана обѣими ладонями рукъ другого медика или фельдшера; операторъ-же мгновенно вооружившись пилою, пилилъ гдѣ ему нужно кость. Звукъ стальной пилы при пиленіи кости производитъ на нервы самое болѣзненное впечатлѣніе. Быстро перевязываются шелкомъ артеріи, тѣмъ операція и считается законченною, лишь фельдшеръ закончиваетъ ее заложивъ корпіею обрѣзанное мясо и облѣпивъ ее пластыремъ. Въ продолженіи всего этого времени нашъ хлороформированный вель себя почти безукоризненно, преимущественно распѣвая пѣсни, лишь подъ конецъ оскорбилъ слухъ сестры милосердія, отпустивъ „красное слово“ самого забористаго свойства, на что та конечно не обратила никакого вниманія, исполненная одного христіанскаго участія къ участи несчастнаго страдальца, — но когда для него насталь моментъ пробужденія картина совершенно преобразилась, на мѣсто временнаго комизма выступила живая, безъискусственная трагедія. Положеніе проснувшагося страдальца казалось жалче прежняго, — онъ ослабъ; лихорадочный взоръ его страдательно блуждалъ по лицамъ присутствующихъ, желая на нихъ прочесть какой-то новый, невѣдомый для него приговоръ о дальнѣйшемъ существованіи своемъ; снова началъ стонать хотя и слабѣе прежняго. Всего-же поразительнѣе была слѣдующая сцѣна: когда по окончаніи амнутаціи больной увидѣлъ свое несомнѣнное колѣ-

чество, то заплакавъ какъ ребенокъ онъ болѣзненно завопилъ:

— Гдѣ-жь моя нога?... Батюшки мои! Погубили!... и обливаясь слезами онъ рыдалъ.

Но отнятая нога, какъ негодный членъ давно застыла, брошена въ уголь, гдѣ и валяется въ числѣ прочихъ рукъ, ногъ и другихъ мертвенныхъ останковъ человѣческаго существа!... Этотъ уголь представлялъ въ свою очередь не менѣе потрясающій „ensemble“.

Страдальца подняли и перенесли на койку; тѣмъ кончилось для меня посѣщеніе ампутаціоннаго зала.

Не найдя и здѣсь потребнаго отдохновенія для своихъ болѣзненно-настроенныхъ нервовъ я снова для освѣженія груди направился къ входнымъ дверямъ и какъ разъ натѣнулся на новыя носилки, сопровождаемыя флотскимъ комендоромъ.

— Однимъ храбрымъ морякомъ, стало быть менѣе на бастионахъ!... Подумалъ я, но откуда именно носилки надо было спросить у комендора:

— Откуда?

— Съ четвертаго.

— Кто это?

— Мичманъ Дурново!

„Бѣдный, славный юноша!“ Невольно вырвалось у меня изъ устъ. Давно-ли, кажись, мы видѣлись съ нимъ? Какъ рѣтиво шель онъ по бастиону къ своему посту! Какъ усердно работалъ бывало около своихъ орудій!... И вотъ пожаловалъ сюда въ носилкахъ!...

Невольню послѣдовалъ и я за этими носилками

обратно, въ тотъ-же ампутаціонный залъ. Безъ всякихъ признаковъ крови и увѣчій мичманъ Дурново издавалъ слабый отрывистый стонъ; его тотчасъ переложили на мягкую кровать, а врачи приступили къ осмотру.

Ворчаютъ ломаютъ

И гдѣ-бъ начать лишь мѣсто выбираютъ....

(крыловъ.)

Припомнились мнѣ въ ту пору слова Крылова, при видѣ этого осмотра. Поблѣднѣвшій юноша потѣрявшій всякое сознаніе страшно замѣтался, застоналъ лежа на кровати и тутъ же въ предсмертныхъ судорогахъ отдалъ Богу душу.... Комендоръ утеръ слезу, не выдержалъ и я грѣшный.... По осмотрѣ у него найдено пораженіе пулею на вылетъ позвоночнаго столба т. е. спиннаго мозга.

Случилось-же это съ нимъ въ ту самую минуту когда пришлось наводить орудіе. Старшій братъ мичмана Дурново, тяжело раненый, еще прежде оставилъ бастионъ.

Между нашими солдатами встрѣчались столь набожные люди, что въ продолженіе цѣлой осады или пребыванія на бастионахъ, давъ себѣ обѣтъ, не употребляли не только водки, но даже мясной, и всякой скоромной пищи.

Иногда подъ градомъ снарядовъ внезапно являлись на бастионъ дѣти матросовъ или жены ихъ, снабжая насъ булками, пирожками, копченкою и проч. Не мудрено было поэтому, иной разъ, на перевязочномъ пунктѣ, рядомъ съ раненымъ солдатомъ встрѣтить та-

кую-же женщину или мальчика. Тѣ и другіе допытывали бывало или утѣшали другъ друга такъ:

— Тетушка, а тетушка, усиливаясь на каждомъ словѣ, спрашивалъ однажды при мнѣ блѣдный съ обвязанною головою молодой солдатъ рядомъ лежавшую съ нимъ по сосѣдству на кровати пожилую женщину безъ лѣвой руки:—ты на какомъ бастионѣ ранена?

— Въ Корабельной, батюшка, я на бастионѣ не хаживала, а вотъ сынишка...

— Что-жъ бомбою, или ракикою?

— Осколкомъ угораздило черезъ окошко; да я что,—пожила на вѣку; а вотъ сынишку жаль,—черевы всѣ вывернуло, помретъ должно быть...

— Ничаво! Богъ милостивъ! утѣшалъ солдатъ:—только Пирогова попроси „перацию“ сдѣлать, а то будь спокойна!..

И дѣйствительно, о бокъ съ нею лежалъ, едва переводя духъ, блѣдный, худощавый, лѣтъ тринадцати мальчикъ съ признаками близкой смерти, въ неподвижныхъ глазахъ, гдѣ искусство Пирогова, оказалось-бы безсильно.

Упомянувъ о женщинахъ, слѣдуетъ сказать, что они принимали фактическое участіе въ укрѣпленіи и оборонѣ Севастополя, такъ напр. послѣ Альминскаго сраженія, когда непріятель перешагнувъ черезъ Черную рѣчку окружилъ съ южной стороны Севастополь, при недостаткѣ войскъ и рабочихъ рукъ, одна изъ батарей позади 4-го бастиона, выходящая своими амбразурами прямо на театральную площадь, сооружена была собственными руками исключительно

„проститутокъ“, проживавшихъ въ той части города и не успѣвшихъ еще убраться съ своими пожитками изъ Севастополя. Батарея эта постоянно носила названіе: „дѣвичьей батареи“ и ей не разъ суждено было успѣшно дѣйствовать во время приступовъ противъ непріятеля.

Кто не припомнить еще нашего храбраго Четатскаго героя въ лицѣ скромнаго прапорщика Кудрявцева?! Не удалось ему выйдти изъ Севастополя, чтобы очутиться въ рядахъ Императорской гвардіи, или украшать собою ряды Екатеринбургскаго полка, куда онъ переведенъ былъ отъ насъ по собственному ходатайству на канунъ битвы на Черной рѣчкѣ 24-го октября! *) Сложилъ и онъ свою буйную голову въ тоже памятное бомбардированіе на Святой недѣлѣ на 5 бастионѣ.

Помню его въ разгарѣ Четатскаго боя! Верхомъ на добытой изъ-подъ убитаго казака лошади, въ ватной прежняго образца офицерской шинели, съ лѣвой раненою ногою безъ сапога, обвязанной какою-то тряпицею, онъ рыскалъ между кучками или группами нашими съ обнаженною саблей. Нѣсколько сутоловатый отъ природы, съ глазами полными отваги, подъ градомъ турецкихъ пуль, онъ какъ будто чувствовалъ себя на пиру, смѣялся надъ опасностью, хохоталъ глядя самой смерти прямо въ глаза. Завидя полковника Баумгартена, пытающагося взобраться на стогъ соломы, чтобы оттуда было удобнѣе обозрѣть

---

*) Это сраженіе извѣстно подъ именемъ Инкерманскаго; сраженіе же на Черной рѣчкѣ было 4-го августа 1855 г. *Ред.*

силы и эволюціи непріятели, окружившаго насъ (25 декабря 1853 г.) со всѣхъ сторонъ, прапорщикъ Кудрявцевъ, быстро направился къ нему верхомъ и почти ухвативъ его за полу шинели, умоляющимъ тономъ принялся его убѣждать:

— Полковникъ! Вы въ опасности. Удалитесь ради Бога отсюда! Вы намъ нужны!..

И полковникъ Баумгартенъ вполне согласившійся съ доводомъ разсудка охотно уступилъ голосу своего юнаго въ данномъ случаѣ наставника, удалившись тотчасъ-же на прежнее мѣсто. Надо было видѣть или лучше сказать, созерцать эту краткую, но живописную и назидательную сцѣну. Ставя всецѣло свою фигуру удобною мишенью турецкому дулу, Кудрявцевъ укрываетъ собою, берегаетъ отряду его храбраго командира, а въ немъ и спасѣніе цѣлому отряду! Моментъ многознаменательный и незабвенный для того, кому удалось его созерцать.

Въ Севастополѣ Кудрявцевъ попадался намъ на глаза рѣдко; тамъ онъ скучалъ, чувствуя себя не въ своей тарелкѣ... Не было видно свободнаго поприща для его своеобразной отваги, свойственной широкой, могучей натурѣ. Развѣ въ бомбардировки наткнешься бывало на него невольно. Въ это время „бастіонной бури“ (какъ выражался онъ самъ) Кудрявцевъ, бывало изъ сутуловатаго, не слово—охотнаго и мрачнаго собесѣдника, рѣшительно, какъ-бы, перерождался.

Въ ту пору бодро, весело шагаль онъ по бастіону по всѣмъ направлєніямъ траншей и не довольствуясь

этимъ приходилъ и къ намъ на 4 бастіонъ, „roug passer-le-temps“, ради развлеченія, и шутливо бѣседую съ матросами у орудій издѣвался надъ падавшими всюду снарядами. По поводу этого между товарищами онъ слылъ большимъ эксцентрикомъ, во всемъ разочарованнымъ и будто-бы искавшимъ смерти.

Едва-же утихала его „буря“ и на бастіонѣ наставлялъ „штиль“ (выраженіи моряковъ) столь благодатный для многихъ, т. е. когда число выстрѣловъ становилось возможнымъ, хотя приблизительно опредѣлить счетомъ, Кудрявцевъ нашъ снова становился вялымъ, угрюмымъ, впадалъ въ сплинъ.

— Что вы не въ духѣ нынче, словно нездоровы, Кудрявцевъ? спросить кто нибудь бывало, посѣщая его убогую землянку, послѣ жаркой перестрѣлки артиллеріи.

— Такъ... отвѣтить онъ нехотя: скучно; нечего дѣлать... и умолкнетъ на долго точно одолѣваемый дремотою.

Подвигъ прапорщика Кудрявцева въ четатскомъ бою достоинъ быть приведеннымъ и здѣсь, не смотря на то что строки эти посвящаются исключительно воспоминаніямъ о Севастополѣ.

Въ бою при д. Четати расположенной на лѣвомъ берегу Дуная (въ Малой Валахіи), въ столь памятный Тобольцамъ день, 25 декабря 1853 года, на Рождество Христово; когда три батальона этого полка, подъ командою храбраго полковника Баумгартена, при 6-ти легкихъ орудіяхъ и эскадронѣ Александрійскихъ гусаръ, сотнею донскихъ коза-

ковъ, — были окружены со всѣхъ сторонъ и окончательно отрѣзаны отъ главныхъ силъ арміи 18-ти тысячнымъ отрядомъ турецкой пѣхоты. Тобольцы сбитые съ первой позиціи необыкновенно стремительнымъ напоромъ превосходящихъ непріятельскихъ силъ, принуждены были отступить изъ с. Фынтына-Банулуй къ д. Четати. Въ это время прапорщикъ Кудрявцевъ съ горстью себѣ подобныхъ храбрецовъ, замѣтивъ, что Турки ворвались въ церковь, бросился въ нее и найдя предъ алтаремъ зарѣзаннаго священника, а до 5-ти турокъ обдирающихъ ризы съ иконъ, успѣлъ овладѣть ихнимъ оружіемъ и выведя изъ храма перекололъ ихъ въ виду сопротивленія, на церковной паперти. Затѣмъ, окруженный турками, Кудрявцевъ завидя казацкую лошадь бросился на нее, при чемъ былъ раненъ въ ногу пулею (четыре пальца лѣвой ноги были совершенно раздроблены), и отбиваясь саблею на обѣ стороны, достигъ своихъ рядовъ отступавшихъ уже на третью позицію, гдѣ до конца боя оставался уже неотлучно при полковникѣ Баумгартенѣ, примѣромъ своимъ постоянно ободряя духъ обезсиленныхъ, изнуренныхъ продолжительнымъ боемъ солдатъ, по большей части разстрѣлявшихъ свои патроны. Одновременно съ тѣмъ, онъ участвовалъ въ охотникахъ въ преслѣдованіи непріятеля въ безпорядкѣ отступившаго къ вечеру изъ Четати къ Калафату. Личное знакомство мое съ г. Кудрявцевымъ произошло въ тотъ самый моментъ этого незабвеннаго для Тобольцевъ дня, — когда противъ непріятеля изъ Четати мы собирались

сняться съ позиціи для отступленія къ с. Моцедеи на соединеніе съ Одесскимъ полкомъ. Кудрявцевъ, обезсилившій отъ потери крови и боли въ ногѣ при полнолунномъ освѣщеніи морозной декабрьской ночи, завидѣлъ во мнѣ юнкера, подѣхалъ близко, и добродушно, симпатично интонируя голосомъ произнесъ: „Добрый ратникъ! Помоги мнѣ добраться до первой землянки, я тѣряю послѣднія силы...“

И быстро перекинувъ ружье черезъ плечо, я съ затаенной радостью взялся сопровождать „героя дня“, придерживая его на сѣдлѣ.

Съ позиціи намъ предстояло прослѣдовать съ четверть версты до ближайшей землянки. По пути мѣстами недобитая лошадь какого нибудь гусара, подымая голову, шлепала шеею въ лужу, образовавшеюся изъ ея крови и растаявшаго подъ нею снѣга; блистало подъ мѣсячными лучами разбросанное оружіе; кой-гдѣ на истоптанномъ ногами снѣгу стоналъ по своему раненый волъ; валялись разбросанные трупы турокъ, а между ними бродили фигуры нашихъ солдатъ; отыскивая своихъ убитыхъ, которыхъ сносили въ общую могилу. Жутко было шагать посреди всего этого вдвоемъ.

Приблизившись къ первой жилой землянкѣ, на днѣ которой свѣтился огонекъ, мы привязали лошадь у входа; съ трудомъ спустились въ нее скользя по ступенямъ и подсѣвъ къ очагу, кое-какъ, общими силами, перевязали раненую ногу Кудрявцева. Корпію замѣнила у насъ вата изъ прострѣленной во многихъ мѣстахъ офицерской его шинели; бинты

оказалось возможнымъ сдѣлать изъ портянокъ. Такимъ образомъ сдѣлавъ свое дѣло, мы выбрались изъ землянки чтобы поспѣшить на позицію къ своимъ, гдѣ стоны и вопли нашихъ израненныхъ при полномъ освѣщеніи, среди морозной тиши — раздирали душу, а плѣнные турки, усаженные на убитую лошадь, завывали свое; „Амань! Амань!“... Что, однакоже, показалось нашимъ солдатамъ крайне возмутительнымъ, почему они ихъ, слѣдуя примѣру казака, вонзившаго одному въ грудь пику, — тотчасъ же перекололи всѣхъ, вопреки строгому запрещенію полковника Баумгартена.

Прапорщикъ Кудрявцевъ убитъ осколкомъ бомбы на 5-мъ бастионѣ, въ бомбардировку на Святой Недѣлѣ. Осколокъ сорвалъ ему часть черепа, стало быть смерть послѣдовала мгновенная. Узнавъ объ этомъ грустномъ событіи, я отправился на 5-й бастионъ отдать послѣдній долгъ герою, но его уже тамъ не было; приходилось отыскивать его въ городѣ. Я пустился на поиски по всевозможнымъ перевязочнымъ и не перевязочнымъ пунктамъ; наконецъ мнѣ удалось найти его въ деревянномъ, всѣмъ извѣстномъ домикѣ у Екатерининской пристани, извѣстномъ подъ названіемъ: „Екатерининскаго дворца“. Тамъ въ темномъ углу, среди (трудно) изуродованныхъ труповъ, въ той-же знакомой мнѣ шинели, я угадалъ знакомый мнѣ трупъ... Чуждый всякихъ вымысловъ, признаюсь чистосердечно, мнѣ показалось, что этотъ мертвый трупъ улыбался... улыбался именно той своеобразною улыбкою „бури“,

улыбкою безсмертія. „Буря“, неволью подумалъ я въ ту пору „уходила тебя добраго молодца, вдоволь наигравшись бездомною судьбиною... словно парусомъ“,—о которомъ сказала Лермонтовъ:

„А онъ мятежный ищетъ бури,
Какъ будто въ буряхъ есть покой?...“

„Вотъ онъ желанный твой покой!“ Убаюкала тебя „буря“, передавъ съ рукъ на руки въ объятія безсмертія!... Миръ славному праху твоему, незабвенный герой Четати!!!

Изобрѣтательность въ развлеченіяхъ у севастопольскихъ матросовъ доходила до крайнихъ предѣловъ. Находясь постоянно при орудіяхъ на бастіонахъ, они представляли собою самые совершенные образцы мнимаго легкомыслія по этой части. Ежедневно не досчитываясь своихъ товарищей, они нисколько не унывали, повидимому, чувствуя себя одинаково во всѣхъ обстоятельствахъ жизни. Одни забавлялись боемъ своихъ фаворитовъ пѣтуховъ; другіе отравливали своихъ собакъ; третьи ласкали кошекъ и нянчились съ котятками. Между породами птицъ, кто не помнитъ ручнаго орла, жившаго долгое время на бастіонѣ у одного изъ моряковъ? Орла этого, постоянно возсѣдавшаго на видномъ мѣстѣ, жаловали всѣ безъ изъятія, не исключая и пѣхотныхъ солдатъ, сносившихъ ему или чествовавшихъ его кускомъ говядины. Понятно, что ручному орлу не подѣ стать было сѣтовать на существовавшій тогда порядокъ вещей, — что же съ нимъ случилось впоследствии и куда онъ исчезъ, любопытно было-бы знать?

Иногда, при удачномъ направленіи вѣтра въ сторону непріятеля, любители съ нашей стороны изобрѣтали гигантскій бумажный змѣй, который разукрасивъ эмблематически на обѣ стороны и снабдивъ гремучимъ гребнемъ — пускали на тонкой бичевѣ съ цѣлью подразнить французовъ. Зрѣлище рычащаго змѣя съ длиннымъ хвостомъ надъ непріятельскими траншеями, чрезвычайно забавляло всѣхъ, отъ мала до велика на бастіонѣ; въ особенности когда медленно спускаясь надъ траншеями французовъ, казалось: вотъ-вотъ онъ слѣдается добычею непріятеля и вдругъ змѣй снова съ усиленнымъ рычаніемъ гребня поднимался вверхъ, дразня французовъ. Эта невинная забава служила развлеченіемъ для обѣихъ сторонъ; со стороны французовъ нерѣдко открывалась по змѣю учащенная ружейная пальба, отъ которой израненный змѣй тѣряя равновѣсіе и силы далѣе держаться въ воздухѣ еле-еле ковылялъ, бывало, пробираясь домой, либо съ отбитымъ хвостомъ завертится какъ угорѣлый въ воздухѣ и падаетъ внизъ, а за тѣмъ уже собирается бичева.

Однако-же одинъ разъ французамъ удалось пулею перебить бичеву и змѣй колыхаясь въ разныя стороны, какъ-бы нехотя очутился въ плѣну у французовъ, причинивъ не малую скорбь цѣлому бастіону.

Не менѣе изобрѣтательны были матросы въ дѣлѣ причиненія наибольшаго вреда непріятелю снарядами. Такъ французы, какъ извѣстно, ухитрились

ГЕНЕРАЛЪ ДАНЕНБЕРГЪ.

посылать къ намъ на бастіоны цѣлыя бочки съ порохомъ, ровно по четыре гранаты вмѣстѣ, за одинъ выстрѣлъ изъ обыкновенной мортиры, приспособивъ къ тому обрубокъ дерева, сквозь который проводился стапиль въ соединеніи съ каждою гранатою отдѣльно. Сначала это новое явленіе въ области артиллерійскаго искусства изумляло нашихъ артиллеристовъ, но когда они, какъ говорится, раскусили суть этой французской выдумки—явилась потребность перехитрить французовъ по части изобрѣтательности и вотъ нашелся умъ въ средѣ нашихъ моряковъ приспособившій родъ жестянаго четверика съ деревяннымъ дномъ, въ которомъ отъ 20 до 26 штукъ гранатъ посылалось заразъ въ пятипудовую мортиру; они при выстрѣлѣ представляли собою цѣлый рой свѣтящихся тѣлъ или звѣздочекъ, производившихъ въ непріятельскихъ траншеяхъ своею смертоносною трескотнею страшныя опустошенія. Естественно что этотъ снарядъ, прозванный у солдатъ „капральствомъ“, не могъ слѣдовать на дальнее разстояніе а выбрасываемый навѣсными выстрѣлами опускался въ ближайшія къ бастіону траншеи и минныя воронки.

Бывало вечеромъ, когда солнце уже окончательно скроется за горизонтомъ толпа свободныхъ отъ работъ солдатъ обступитъ матроса заправляющаго мортирами приговариваясь на счетъ любимыхъ или потѣшныхъ „капральствъ“:

„Что — дескать, кавалеръ вы нынче мало падите?“

„Не приказано;“ скажетъ на отрѣзъ суровый матросъ: „кономію велѣно наблюдать, пороху мало, стало быть на лицо“...

„А онъ *), небось, жарить да жарить, не мѣряетъ пороху!... Вы-бъ ему форсъ-то сбили кавалеръ! „Капральство послать-бы не мѣшало для порядку?“

Не поддается кавалеръ, отмалчиваясь какъ-будто-бы самому не по душѣ „капральство,“—но докучливые любители не отстаютъ отъ него:

„Да ну, потѣши! Угости братъ пожалуйста, попотчуй нехрестя!“ Пытается снова какой-либо смѣльчакъ изъ группы.

„Ну, коли пороху нѣтъ, мы патронами сложимся на зарядъ, только угоди,“ вторить первому другой: „Отведи душу!“

„Что съ вами разговаривать,“—осерчавъ бывало не на шутку, словно задѣтый за живое отвѣтитъ матросъ: „Тойди **)—прочь! чтобы не брызнуло, не равно оплѣшивить“... заключаетъ онъ прикладывая фитиль.

Мортира прыгаетъ назадъ, посылая въ то-же время свѣтящееся „капральство,“ которое у французовъ чинить страданія и стоны, а наши солдаты хохочутъ отъ души и удовлетворенные капральствомъ направляются далѣе до слѣдующей мортирной батареи,—гдѣ подобная сцѣна повторяется снова.

Когда ряды флотской артиллеріи, значительно

*) Французъ.

**) Отойди.

стали рѣдѣть, то начальство нашло нужнымъ освободить арестантовъ для обращенія ихъ въ штатъ артиллерійской прислуги на бастионахъ. Между этого рода защитниками Севастополя на лѣвомъ склонѣ 4-го бастиона находился нѣкто „Шкурка,“ сдѣлавшійся всѣмъ извѣстнымъ по своему простому способу изобрѣтенія: мѣтать двухъ-пудовыя бомбы изъ бомбической пушки на самое далекое разстояніе, подобно англичанамъ, которые съ своихъ элевационныхъ станковъ, нарочито для того приспособленныхъ, бросали ядра и гранаты даже на сѣверную сторону. Шкуркѣ далось это гораздо проще: онъ выкопалъ въ аршинъ глубиною яму помѣстилъ въ ней казенною частью на днѣ снятую съ лафета пушку, такъ что дуло ея, какъ-бы выглядывало изъ ямы въ верхъ и утвердивъ ее по своему сталъ удачно посылать бомбы во французскій лагерь, который долженъ былъ по этой причинѣ сняться и избрать для себя болѣе отдаленное, уютное мѣсто.

Болѣе другихъ снарядовъ производили на насъ непріятное впечатлѣніе конгревовы ракеты. Ихъ обыкновенно пускали въ городъ съ цѣлью произвести пожаръ, что нерѣдко и удавалось непріятелю. На извѣстной севастопольцамъ, Зеленой-горкѣ противъ 3-го бастиона водружался обыкновенно для этого станокъ, съ котораго бывало въ темную, безлунную ночь, ярко освѣщая окрестность бенгальскимъ огнемъ, быстро возносилась ракета вверхъ оставляя за собою искристый слѣдъ и достигнувъ конечной высоты своего подъема вдругъ какъ-бы исчезала, устремля-

ясь оттуда съ неимовѣрной быстротой и страшнымъ визгомъ, невидимкою внизъ. Ей не было ни преградъ, ни препятствій,—все разрушала она попадавшееся на встрѣчу. Такая ракета у солдатъ называлась обыкновенно: „ракитою.“ Двухъ-пудовыя бомбы, бросаемыя къ намъ на бастионъ продольными выстрѣлами назывались у солдатъ, какъ я уже сказалъ выше, „жеребцами,“ по той причинѣ что пускаемыя по вечерамъ и ночью они рикошетируя по бастиону, искрами сыпавшимися изъ трубки, напоминали распущенную на бѣгу лошадиную гриву, а звукомъ полета лошадиное ржанье. Бомбы величались: „квочками,“ ядра — „галками,“ — картечь — „картошкою“ и проч.

Помѣщаясь въ пятеромъ въ тѣсномъ съ узенькимъ проходомъ блиндажѣ, наружная стѣнка котораго была сдѣлана изъ туровъ и фашинъ, мы часто испытывали непріятности преимущественно отъ „жеребцовъ“, по солдатскому выраженію. Спать приходилось обыкновенно не раздваясь никогда и даже не снимая сапогъ, на деревянныхъ безъ всякой подстилки „нарахъ,“ при постоянно горящей свѣчкѣ, (солдаты не пользовались даже и этою роскошью). Подъ нарами помѣщался тоже кто-нибудь еще барабанщикъ или горнистъ. Все время шло для насъ кое-какъ благополучно. За то одинъ изъ подобныхъ ночлеговъ надѣлалъ намъ немалыхъ хлопотъ; всѣхъ пятерыхъ чуть не передушило обваломъ стѣны и пороховымъ дымомъ. Дѣло было такъ: заснувши крѣпко при горящей свѣчѣ, мы въ полночь были

всѣ разбужены и совершенно оглушены внезапнымъ разрывомъ бомбы, а густой пороховой дымъ душилъ насъ. Свѣчка потухла. Въ суматохѣ никто не понималъ что случилось съ блиндажемъ, но стоновъ не было слышно, а всѣ ошупывались: цѣлы-ли. Общій крикъ во тьмѣ: „огня!“ и вопросы: - „гдѣ свыка?“ увеличивалъ суматоху. Мы полагали что блиндажъ обрушился подъ бомбою и намъ насталь „калуть“. Зажгли свѣчу; изъ подъ наръ вылезъ горнистъ какъ будто-бы тоже на совѣтъ; тѣснота сдѣлалась страшная,—невозможно было дохнуть отъ дыма. Стали осматривать стѣны и оказалось что одна изъ нихъ именно наружная хотя и не разрушена окончательно но сильно повреждена. По общему совѣщанію положено было ложиться снова спать до утра, въ полной увѣренности что болѣе опасности не предстоить. Но едва дымъ уступилъ чистому воздуху и мы улеглись на своихъ мѣстахъ, какъ снова глухой стукъ упавшаго снаряда въ ту-же поврежденную стѣну извѣстилъ насъ о новой неминуемой опасности. Такая-же двухъ пудовая бомба, иначе сказать: „жеребецъ“, снова ворвался въ поврежденную стѣну нашего блиндажа. Всѣ сорвались съ своихъ мѣсть и въ темнотѣ пошла давка; давили другъ друга всякій безразборно, видя смертоносныя искры, сыпавшіяся изъ трубки бомбы готовой ежеминутно лопнуть. Что-же дѣлаетъ нашъ подъ нарами помѣщавшійся горнистъ (роты капитана Калакуцкаго)? Онъ расчитавъ, какъ самъ послѣ признавался, что для спасенія нѣсколькихъ изъ своихъ офицеровъ онъ можетъ

потѣрять лишь руку,—смѣло подходить къ бомбѣ и правою рукою выталкиваетъ ее наружу вонъ въ траншею! Бомба тотъ-часъ же лопнула тамъ, не причинивъ намъ конечно никакого вреда, безстрашный-же горнистъ успѣвшиль успокоить насъ слѣдующими словами:

„Ничего ваше благородіе, не бойтесь; я свалилъ ее за стѣнку,—тамъ въ траншеѣ и лопнула!..“ и зажегши сѣрную спичку равнодушно продолжалъ: „пожалуйте свѣчку зажечь...“ Какъ будто-бы онъ сотворилъ весьма обыкновенное, незначущее, пустое дѣло! Вотъ какіе замѣчательные натуры рождалъ Севастополь!

Тотчасъ послѣ этого заявленія, мы долго не могли прійти въ себѣ,—съ одной стороны общаго испуга надѣлавшаго такую свалку, съ другой-же подвигъ простаго безооружнаго горниста, насъ всѣхъ, такъ сказать, опростоволосилъ, сконфузилъ. Выходъ изъ блиндажа оказался совершенно засыпаннымъ, такъ что не было возможности хотя-бы одному выкоробаться изъ невольной засады, что-бы сообщить другимъ о великомъ, въ своемъ родѣ, подвигѣ нашего горниста и избѣжать новой опасности отъ „жеребца“. На поднятый нами крикъ, снаружи явились рабочіе, которые и освободили насъ наконецъ изъ заточенія, лишь передъ свѣтомъ. Смиреннаго-же горниста нашего спасителя отъ явнаго увѣчья, мы съобща щедро, кто сколько могъ одѣлили деньгами. Жаль что нестроевымъ не полагаются награды крестами. Но въ сущности, если разсудить: развѣ этотъ молодецъ

жертвовавшій собою для спасенія своихъ пятерыхъ офицеровъ не достоинъ быть кавалеромъ „знака отличія военнаго ордена?“

Впрочемъ случаевъ выбрасыванія гранатъ изъ блиндажей и траншей было безчисленное множество. Наши солдаты такъ освоились съ ними что не считали даже эти операціи за подвиги особеннаго мужества!

На излетѣ, какъ извѣстно, пуля не причиняетъ большаго вреда. Слѣдующаго случая въ подобномъ родѣ, я былъ очевидцемъ; прогуливаясь, не припомню съ кѣмъ именно изъ моряковъ вдвоемъ отъ исходящаго угла вдоль бруствера по бастиону, мы приближались къ выше описанному мною блиндажу. На встрѣчу къ намъ шель какой-то тоже морякъ. Вдругъ надъ головами нашими прожужжала пуля и какъ казалось такъ близко, что вотъ-вотъ задѣнетъ за голову; конечно, не тая грѣха, мы оба что называется „поклонились“ или вѣрнѣе уклонились отъ нея, такъ какъ она летѣла намъ по пути, на встрѣчу подходившему къ намъ флотскому офицеру, который въ глазахъ нашихъ въ ту-же минуту, быстро наклонившись схватился рукою за голень правой ноги. Мы бросились было къ нему на помощь и крайнѣ изумились, когда на вопросъ нашъ:

„Что съ вами?“ онъ показалъ намъ въ рукѣ поднятую, сплюснутую коническую пулю; она ударившись объ его ногу немного ниже колѣна отскочила, причинивъ легкую ссадину на кожѣ.

„Чуть, чуть было не сдѣлала калѣкою,“ обратился къ намъ морякъ.

„Ну, чуть-чуть не считается“, замѣтилъ ему мой спутникъ. Мы долго разглядывали, переварачивая на всѣ стороны, пулю и затѣмъ разошлись въ разныя стороны.

Не ручаясь за достовѣрность нижеприведеннаго факта, нахожу не лишнимъ привести рассказъ маіора Л—ва, какъ очевидца, о чудесномъ приключеніи съ груднымъ ребенкомъ. Маіоръ Л—овъ хаживалъ по временамъ съ бастиона на свою квартиру въ городъ. Квартира его заключалась въ одной комнатѣ во второмъ этажѣ опустѣвшаго трехъ-этажнаго, каменнаго дома, подъ которымъ былъ обширный подвалъ. Въ нижнемъ этажѣ подъ его комнатою квартировала также жена какого-то матроса съ груднымъ ребенкомъ, постоянно висѣвшимъ въ люлькѣ у кровати матери.

„Однажды, рассказывалъ маіоръ Л—овъ, будучи свободнымъ отъ службы, отправился я съ бастиона на квартиру отдохнуть, перемѣнить бѣлье и проч. Вхожу въ свою комнату, за мною деньщикъ. Не успѣлъ я съ нимъ слова перемолвить, не успѣлъ сабли отстегнуть, какъ вдругъ откуда ни возмись сквозь крышу и верхній этажъ ко мнѣ въ комнату грохнулась бомба и не задерживаясь пошла далѣе внизъ, а въ подвалѣ лопнула. Все исковеркала, хотъ бѣги назадъ на бастионъ! Ошеломила деньщика,— какъ быть? Вспомнивъ еще, что ниже меня помѣщается женщина съ ребенкомъ я бросился внизъ провѣдать ее. Что-же-бы вы думали я нашель тамъ? Бомба пролетѣвъ мимо самой люльки ребенка увлекла импетомъ своимъ и его за собою сквозь пробойну

въ подвалъ, гдѣ и лопнула. Мать спала на кровати, но разбужденная бомбою вскочивъ хватилась ребенка и не найдя его въ люлькѣ, съ крикомъ отчаянія бросилась въ подвалъ. Мы съ деньщикомъ за нею, полагая найти истерзаннаго въ куски малютку. Каково-же было удивленіе наше и счастье матери когда ребенокъ оказался совершенно невредимымъ на томъ самомъ мѣстѣ гдѣ лопнула бомба и своимъ паденіемъ вскопала для него, какъ будто-бы нарочно, даже не жесткое, полное мягкаго мусора ложе! "

Подобный случай нельзя иначе почестъ, какъ за особенное чудо, если только разсказъ о немъ справедливъ и не относится къ области фантастической изобрѣтательности воображенія. Во всякомъ случаѣ мы приводимъ здѣсь этотъ разсказъ на тотъ конецъ: не найдется-ли ему подтвержденія во свидѣтельствѣ другихъ лицъ, либо не опровергнуть-ли его болѣе компетентные судьи.

До чего пагубна бываетъ иногда неумѣстная храбрость, привожу въ примѣръ слѣдующій случай:

Прапорщикъ Плескачевскій одинъ изъ задушевныхъ друзей моихъ, желая однажды пощеголять передъ товарищами своею неустрашимостью пригласилъ съ собою нѣсколькихъ сверстниковъ своихъ по службѣ въ оборонительный ровъ (меня къ сожалѣнію съ нимъ не было), чтобы показать тамъ „какуюто молодецкую штуку“. Штука эта заключалась въ томъ, что онъ вскорабкавшись на валъ, усѣлся открыто лицомъ къ непріятелю и началъ курить па-

папиросу. Никакихъ увѣщаній и совѣтовъ онъ, говоря, въ данномъ случаѣ не принималъ продолжая сидѣть на валу. Разумѣется пули какъ рой пчелъ зажужжали вокругъ него; увидѣвъ самъ, что съ пулями шутки несподручны и закуривъ уже папиросу Конст. Плескачевскій обернулся уже спиной къ французамъ чтобы „показавъ свою штуку“ слѣзть долой, но пуля таки зацѣпила его пройдя насквозь черезъ лопатку подъ лѣвую мышку гдѣ и остановилась подъ кожей. Онъ кашлянулъ яркою кровью прошелъ нѣсколько шаговъ и опустился на руки товарищей. Нелѣпая „штука“ стоила ему жизни. Я нашель его уже въ „Гущина домъ“ въ числѣ безнадежныхъ, а черезъ два дня мы его оплакивали. Это была юная, прекрасная, пылкая и благородная натура.

Привожу другой случай неумѣстной шутки, чтобы не сказать болѣе...:

Прапорщикъ Шимковскій возвратясь однажды послѣ минныхъ работъ передъ свѣтомъ въ свой блиндажъ, за неимѣніемъ свободнаго мѣста на нарахъ улегся подъ ними и крѣпко на крѣпко, какъ говорится тотчасъ уснулъ; въ то время какъ нѣкоторые изъ офицеровъ не бывшихъ въ ту ночь на работахъ уже просыпались и вставали, кто умывался а кто ухаживалъ около самоварчика.

Изъ числа послѣднихъ нѣкто фонъ Р—е желая потѣшить своихъ товарищей своего рода „шуткою“... вызвался погугать Шимковского бомбою, подставивъ къ лицу его самоваръ. Сказано—сдѣлано.

Фонъ Р—е ставить подъ нару къ самому лицу

спящаго, кипяцій самоварчикъ въ нижней рѣшотчкѣ, котораго виднѣлся огонь. Понятно, что чело-вѣку съ просонья такимъ образомъ подставленный самоваръ легко могъ сдаться за бомбу даже внѣ Севасто-поля, а не только на бастіонѣ. Но молодость не все обсуживаетъ строго и не всегда предвидитъ опасность. Фонъ Р—е съ шутливымъ крикомъ: „Шимковскій бомба!“ „Берегись!“,—дернулъ за ногу спавшаго и тотъ совершенно растѣрявшись бросился изъ подъ наръ словно обезумѣвшій вонъ изъ блиндажика. Конечно общій взрывъ хохота, наблюдавшихъ эту сцѣну служилъ вознагражденіемъ фонъ Р—е за показанную имъ „штуку“, но за то она дорого обошлась Шимковскому. Онъ въ короткое время послѣ этого надъ собою случая совершенно посѣдѣлъ, а въ послѣдствіи тронувшись нѣсколько разсудкомъ, долженъ былъ выйти въ отставку.

Вотъ какія печальныя послѣдствія проистекаютъ отъ неосторожныхъ въ военное время шалостей и неумѣстныхъ шутокъ. Не мѣшаетъ и это имѣть въ виду нашему молодому поколѣнію, будущимъ воинамъ!

Ночныя вылазки наши съ бастіона, послѣ жаркихъ схватокъ, гдѣ преимущественно были въ работѣ штыкъ да прикладъ, кончались обыкновенно тѣмъ,—что все пространство передъ бастіономъ оставалось устланнымъ трупами, между которыми на половину было полуживыхъ, сильно израненныхъ страдальцевъ.

За увѣчьями эти бездольные, подъ прикрытіемъ

ночнаго мрака, иные, не могли даже доползти къ своимъ бастіонммъ; а пролѣжавъ такимъ образомъ всю ночь на бранномъ полѣ и среди бранныхъ останковъ собратій своихъ, на утро, опираясь на обѣ руки приподнимались до половины съ нѣмою мольбою о помощи, либо отчаянно озираясь по сторонамъ и не видя ничего вокругъ, кромѣ безпомощнаго участія, зорко слѣдившихъ изъ амбразуръ глазъ своихъ товарищей, (въ тоже время обязанныхъ поддерживать съ бастіона пальбу) снова опускались на земь въ ожиданіи единственнаго успокоенія отъ смерти. Иной за невозможностью приподняться, судорожно махаль въ воздухъ рукою, либо сгибалъ колѣно, обнаруживая одни страданія и страданія.

Стоны, то отчаянные, то изнемогающіе оглашали воздухъ, зараженный зловоніемъ, мiazмами отъ разлагавшихся труповъ.

Въ эти, раздирающія душу, минуты, по обоюдному съ обѣихъ враждующихъ сторонъ, — согласію, устанавливалось перемиріе на полъ-часа, часъ, а смотря по обстоятельствамъ и болѣе. На валахъ французскихъ траншей, или напихъ бастіоновъ водружался обыкновенно бѣлый флагъ, вслѣдъ за появленіемъ котораго, на тѣхъ же мѣстахъ возникали спасительныя фигуры парламентаровъ, сопровождаемыхъ своими трубачами (съ нашей стороны гарнистами); послѣдніе, трубою обращенною въ сторону непріятели, зывали о перемиріи т. е. прекращеніи пальбы, почему мгновенно, по обѣимъ сторонамъ враждующихъ, наступала тишь, какъ сладкій призракъ благодатнаго мира.

Наши солдаты высыпали, бывало, какъ муравьи на валахъ, французы тоже изъ своихъ траншей, бѣжали къ намъ какъ все истребляющія массы саранчи; все стремилось къ демаркаціонной линіи, гдѣ парламентары, сойдясь между собой для необходимыхъ, въ общихъ интересахъ, объясненій уже давали распоряженія о послѣдней уборкѣ тѣлъ. Все это за минуту кровожадное человѣчество, по мановенію руки парламентаря, дружно бросалось къ трупамъ, суетилось и отыскивало между ними своихъ однополчанъ, товарищей, друзей, а можетъ быть и родныхъ.

Тутъ приходилось, нерѣдко, среди разбросанныхъ въ разныхъ положеніяхъ труповъ, ступать ногами въ лужи запекшейся крови.

Въ одномъ, я помню, мѣстѣ покоилась доблестная чета противниковъ воиновъ, навѣрно въ рукопашной схваткѣ, неистово пронзившая другъ друга штыкомъ. Она безмятежно покоилась вѣчнымъ сномъ.

Французъ, на лицѣ котораго отражался послѣдній моментъ — муки, съ открытыми глазами, оскаливъ окровавленные зубы, — лежалъ навзничъ; изъ груди его сквозь синюю шинель торчалъ переломленный русскій штыкъ.

Братъ его по смерти, нашъ Севастопольскій подвижникъ, очутившись головою на правой рукѣ француза, прильнулъ грудью къ своей, родной матери, сырой землѣ, какъ бы пытаясь на прощанье захватить ее въ свои мощныя, распростертыя объятія.

Далѣе пестрѣли кучками, сраженные картечью, тѣже трупы, т. е. французы и наши въ перемежку.

Подходишь бывало поближе къ французамъ: все мертво, оцѣпенѣло, спитъ сномъ глубокимъ. Раны страдалцевъ уже успѣли покрыться червями; рой мухъ жужжитъ надъ ними, въ то время какъ наши рабочіе съ носилками въ рукахъ торопятся сносить чужіе трупы на деморкаціонную линію, забирая обратно оттуда своихъ.

Другая команда носильщиковъ, а чаще и тѣже самые люди, удалялись съ печальною ношею черезъ бастионъ и городъ къ пристани; откуда уже на шаландахъ, управляемыхъ двумя гребцами мертвецы, уложенные по нѣскольکو десятковъ въ рядъ, слѣдовали на Сѣверную сторону для погребенія.

Случалось, что при уборкахъ тѣлъ, какойнибудь трупъ оказывался еще теплымъ. „Эхъ-ма! Только что отошелъ, Царствіе ему небесное!!!“ замѣчали съ сердечнымъ умиленіемъ, крестясь, наши солдаты-носильщики, не разбирая былъ ли то французъ или нашъ братъ Севастополецъ. Несказывалась-ли и въ этой чертѣ высокая христіанская добродѣтель Севастопольскаго, закаленнаго въ боевомъ огнѣ воина, безъ-условно сострадавшаго участію даже ненавистнаго врага! Живыхъ обыкновенно отправляли на перевязочный пунктъ, гдѣ рѣдко кому изъ нихъ удавалось оправиться. Зимой же подобные субъекты кончѣли на снѣгу, замерзали отъ холода.

Между тѣмъ какъ продолжалась уборка тѣлъ, свободные отъ занятій люди обѣихъ сторонъ сходились между собою, какъ говорится „покалякать“. Наши офицеры приближаясь къ французамъ солидно „ко-

зыряли“ имъ, на что послѣдніе характерно приподнимали свои легонькія кеши. У французовъ обыкновенно торчало въ зубахъ ихъ неизмѣнное „Brûle-gueulle“, или сигара; у нашихъ, между двухъ пальцевъ скрученная, папироса. Тутъ завязывалась между сторонами нѣсколько натянутыя объясненія переходившія въ послѣдствіи въ оживленныя бесѣды. Солдаты же группируясь отдѣльно, первоначально оглядывали другъ друга со всѣхъ сторонъ, и своеобразно-выразительными жестами обнаруживали каждый, по своему, любопытство или находчивость.

Одинъ напримѣръ допытывалъ француза насчетъ его чудодѣйственной „Алѣны“ (Allons-pous), которую, по его разумѣнію, французы, идучи на штурмъ, либо подходя ночью къ нашимъ ложементамъ, постоянно выкликали на помощь.

Другой-же указывая французу на свою манерку сопровождалъ эту эволюцію тѣлодвиженіемъ на счетъ „выпивки“. Французъ, безъ обиняковъ понимая суть дѣла однимъ кивкомъ головы изъяснялъ полную на то готовность.

Между собесѣдниками происходило курьозное угощеніе въ слѣдующемъ родѣ: нашъ, напримѣръ, солдатъ, наполнивъ свою манерочную крышку водкою, и предварительно отпивъ немного самъ, подносилъ ее французу приговаривая: „Ну-ка хлѣбни мусью, да не поперхнись!“... Французъ въ подражаніе нашему тоже отпивалъ глотокъ, морщился и отрицательно потрясая головою отдавалъ крышку обратно. „Что-жь такъ?!“ изумлялся нашъ: „Аль не по нутру

пришлася? Пей до дна мусью! Уважь любезный, не обидь, сдѣлай милость!!“ упрасивалъ нашъ.

Остальные французы подцѣпивъ на язычекъ наше родимое, „уважь“ разсыпаются громкимъ смѣхомъ, предполагая въ немъ что либо общее съ ихнимъ словомъ „vache“ (корова) и трунять немилосердно надъ своимъ; а тотъ, отнѣживаясь отъ новаго угощенія и отплевываясь въ стороны, отъ крѣпкаго спирта пыхтитъ, задыхается. За тѣмъ, вновь дополненная крышка переходитъ въ другія, болѣе надежныя французскія руки. Другой, бравый французъ, разомъ опоразниваетъ крышку, и выпучивъ глаза, удаляется съ аванъ-сцѣны—на нѣкоторое время.

„Вотъ это по нашему!“ поощряетъ его группа нашихъ солдатъ. „Это, значить, молодець!! Но этотъ молодець, вытаращивъ глаза, комически высовываетъ какъ бы обожженный языкъ и запустивъ руки въ свои глубокіе карманы за „галетю“, уморительно картавить.

„Вигг.... Sacrite nom!... Tel fort!! Ah diable!!! и проч.“ Наши въ свою очередь раздражаются неудержимымъ хохотомъ „помирають“, какъ говорится, со смѣху; а за сямъ кто нибудь изъ французовъ, протягивая экономично миниатюрную фляжку, предлагаетъ нашимъ своего рому. „Это мы можемъ! нѣсколько полوماвшись отвѣтствуетъ, бывало, нашъ бойкій малорослый тоболець, и утерѣвъ, по обыкновенію предварительно рукавомъ, либо полою шинели губы прикладываетъ къ французской фляжкѣ, и такимъ образомъ тянетъ и тянетъ изъ нея безна-

казанно „напитокъ,“ даже безъ всякой паузы. „Смотри совсѣмъ не проглоти!“ трунять надъ товарищемъ свои, а тотъ прищуривъ оба глаза сосеть себѣ изъ мизерной французской фляжки вмѣстимое, если не до дна, то вѣрно до половины, послѣ чего по неизмѣнному солдатскому обыкновенно, сплюнувъ въ сторону, дебютантъ важно относится къ своимъ:

„Ничего братцы и у нихъ эта статья, выходитъ важная; только наша будетъ позабористѣ!“

Въ другой менѣ многолюдной и воздержанной группѣ шло угощенье трубками и табакомъ.

Французъ, предлагаетъ нашему, „brull-guculle,“ нашъ простодушно тычетъ ему свою „носо-грѣйку.“

Первый снабжаетъ собесѣдника щепоткою чернаго, алжирскаго, тонко искрошеннаго и душистаго табаку; нашъ щедро отпускаетъ ему, взамѣнъ, цѣлую пригоршню, своихъ доморощенныхъ, зеленоватыхъ черниговскихъ, корешковъ, и оба, внимательно вглядываясь въ физиономіи другъ друга, остаются, повидимому, совершенно довольными новымъ положеніемъ, неожиданнымъ знакомствомъ, страннымъ сближеніемъ, а въ особенности угощеніемъ.

Но тѣла уже убраны, парламентареры подаютъ знаки, каждый своимъ сторонамъ убираться во свояси.... и что же?!

Все это суетившееся за нѣсколько минутъ христіанское человѣчество, готовое было на вѣки отрѣшиться отъ необходимости истреблять другъ друга для мирной полчасовой бесѣды: вдругъ, по данно-

му знаку стремилось почти бѣгомъ къ своимъ мѣстамъ, къ ружью, затѣмъ, чтобы только что угостившись чаркою, да табачкомъ, попотчевать другъ друга, инаго свойства „свинцовою или чугуною“ закуской..... И снова человечество дышало жаждою истребленія себѣ подобныхъ тварей, спѣшило скорѣе спровадить противника къ праотцамъ, на лоно Авраама,—чѣмъ примириться,

Бѣлый флагъ падалъ и съ обѣихъ сторонъ открывалась, болѣе прежняго ожесточенная битва—пальба.

Помню еще какъ въ одно прекрасное погожее утро лѣтняго дня, съ Константиновскаго приморскаго форта замѣчено было, что дежурный непріятельскій паровой фрегатъ или шкуна, стоя на вахтѣ противъ фарватера нашей бухты (на благородную конечно отъ приморскихъ батарей дистанцію) для наблюденія за движеніями войскъ и работами въ Севастополѣ, оказалась безъ паровъ. У адмирала Нахимова, тотъ часъ родилась мысль о возможности захватить въ полонъ этотъ фрегатъ или шкуну. Снарядили въ море два парохода къ бою, собрали охотниковъ и вѣсть объ отважномъ предпріятіи въ мигъ разнеслась по гарнизону Севастополя.

Соскучившіеся по морю моряки, сподвижники знаменитаго Синопскаго героя, жаждали этого развлеченія, сулившаго имъ „абордажъ.“ Они мечтали стяжать себѣ громкую славу у родныхъ береговъ въ виду національностей почти цѣлой Европы; думали утѣшить скорбѣвшую тогда матушку Русь!.... Съ бастионовъ общіе взоры обращены были къ морю.

Для насъ, сухопутныхъ въ особенности интересно было имѣть понятіе о невиданной картинѣ морскаго сраженія, схватки; слово „абордажъ“ безпрестанно звучало изъ устъ пылкихъ моряковъ.

И вотъ бойко молодецки наши пароходы тронулись изъ бухты, „Владиміръ“ и кажется „Херсонесъ.“

Они миновали уже извѣстный проходъ въ бухтѣ и почуявъ свободный просторъ родной стихіи, отважно устремились на непріятельскій фрегатъ за добычею; были уже на половинѣ пути къ дремавшему фрегату, какъ вдругъ изъ Камышевой бухты, какой то гигантскій, англійскій пароходъ въ сопровожденіи другихъ, еще энергичнѣе ринулся въ море на выручку своего опростоволосившагося товарища. Со всѣхъ нашихъ береговыхъ батарей загремѣли громы, испещряя снарядами гладь моря. Александровскій фортъ неистово, яростно ревѣлъ изъ своихъ громадныхъ орудій, но англійскій пароходъ молча „не почесываясь“ какъ говорили наши моряки, осыпaeмый снарядами, быстро шель къ своей цѣли и только очутившись на прямомъ посту, сталъ жарить залпами по нашимъ отважнымъ пароходамъ, вмѣстѣ съ очнувшимся фрегатомъ, который на разведенныхъ уже парахъ сталъ удаляться въ море.

Такимъ образомъ сказанное предпріятіе не удалось осуществить и пароходы наши, лишь надѣливъ непріятельскія суда порядочнымъ числомъ пробоинъ, должны были ретироваться въ бухту.

Видъ этого въ миніатюрѣ морскаго сраженія представлялъ одну изъ живописнѣйшихъ картинъ

общій осады Севастополя въ особенности, какъ сказано, для насъ сухопутныхъ воиновъ. Носились еще между Севастопольцами слухи о громадномъ, въ своемъ родѣ, отчаянномъ, предпріятіи того же адмирала Нахимова, которое заключалось въ намѣреніи истребить весь непріятельскій флотъ огнемъ. Для этого, говорили, будто бы адмираль Нахимовъ предполагалъ въ темную, осеннюю ночь пробраться съ охотниками изъ матросовъ въ Камышевую бухту и тамъ предать огню во множествѣ скученныя суда союзнаго флота, и хотя предпріятіе это, на вѣрно стоило бы жизни цѣлой партіи смѣльчаковъ, но личное предводительство надъ ними самого неустрашимаго героя Синопа, ручалось за несомненный успѣхъ. И въ самомъ дѣлѣ: если бы адмираль Нахимовъ могъ знать впередъ свою участь, то конечно, предпочелъ бы умереть, скорѣе, въ волнахъ его возлюбленной стихіи, чѣмъ отъ шальной пули на третьемъ бастионѣ! *)

Послѣдніе дни Севастопольской обороны, были самыми бурными, зловѣщими, безотрадными днями для осажденныхъ.

Ежечасныя потери товарищей, неукротимое свирѣпство по всюду падавшихъ снарядовъ; этотъ неугомонный стонъ, трескъ и визгъ всеобщаго разрушенія въ городѣ, на бастионахъ; какая-то адская музыка, звучащая въ воздухѣ, какъ бы напоминая, о послѣднихъ дняхъ вселенной, терзали, мучили насъ невыносимо.

---

*) Нахимовъ убитъ не на третьемъ бастионѣ, а на Малаховомъ курганѣ.

И вотъ; истерзанные ощущеніями внутреннихъ страданій почти годовой осады и изнуренные физически бродили мы по бастіону, втайнѣ моля Провидѣніе о скорѣйшемъ наступленіи рѣшительнаго дня, развязки кровавой драмы!

И этотъ день желанный, но роковой для Севастополя день,—приближался.

За два дня до штурма, съ ранняго утра по Севастополю, со стороны непріятели была открыта сильнѣйшая, ожесточенная канонада. Со всѣхъ непріятельскихъ батарей, въ Севастополь, какъ въ котель сыпались повсемѣстно разрушительные снаряды; словомъ эта была канонада, какой не приходилось еще слышать севастопольцамъ во всю осаду.

Снаряды во всѣхъ направленіяхъ рыли землю, коверкали брустверь, подбивали орудія, разрушали амбразуры, истребляли людей.

Ночью бомбы и ракеты въ видѣ фейерверка въ обилии сыпались на Севастополь, по всюду распространяя пламя.

Всеобщее разрушеніе и неистовый безъ умолку ревъ орудій, давалъ намъ чувствовать, что наступилъ рѣшительный моментъ, долженствующій порѣшить участь борьбы. На бастіонахъ все наличное, не занятое дѣломъ воинство ежеминутно готово было оставить свой блиндажъ, чтобы очутиться на стѣнахъ лицомъ къ лицу съ врагомъ.

Въ промежутки получасовыхъ паузъ, выбѣгая къ стѣнкѣ, мы натыкались бывало, на трупы и носилки не любопытствуя даже „кого и куда несутъ“?

Эти послѣдніе дни были самыми тяжелыми, во вѣки незабываемыми днями. Ночь проходила на усиленных по укрѣпленіямъ работахъ подъ тѣмъ-же огнемъ непріятельскихъ орудій и въ ежеминутномъ ожиданіи штурма кровопролитной схватки.

Наконѣцъ, 27 Августа, часовъ около одиннадцати утра настала послѣдняя, рѣшительная пауза. По сигналу о штурмѣ: въ одинъ мигъ мы были на стѣнѣ, и по командѣ, дышавшаго тогда отвагою полковника Зеленаго, дождь пуль въ перемежку съ градомъ картечи, полетѣлъ съ нашей стороны на встрѣчу французовъ, показавшихся изъ траншей, дерзновенно посягавшихъ на нашу, омытую кровью святыню—четвертый бастионъ!

Уже перекладывались въ непріятельскихъ траншеяхъ мосты, показались штурмовыя лѣстницы и французы въ синей одеждѣ и красныхъ панталонахъ съ крикомъ устремились на насъ лавою.

Трудно передать впечатлѣнія этой знаменательной, для каждаго изъ насъ, осажденныхъ минуты. Но попытаюсь однако-же изобразить ее по возможности.

Огонь съ нашей стороны былъ до такой степени убійственъ,—силень, что ни одинъ изъ французовъ не въ состояніи былъ приблизиться къ бастиону, а кто достигъ оборонительнаго рва, тотъ безъ преувеличеній, повисъ на штыкахъ. И такъ три раза пытавшіеся овладѣть четвертымъ бастиономъ французы, всѣ пали не достигнувъ цѣли.

На 5-й бастионъ ворвалась была часть францу-

зовъ, человекъ около двухъ сотъ, но и тамъ храбрый генераль Семякинъ съ полковникомъ Веревкинымъ, захватили ихъ въ плѣнъ, порѣшивъ участь сопротивлявшихся Екатеринбургскими штыками.

Часа въ четыре по полудни у насъ все утихло и приступъ считался благополучно отбитымъ; только одни англичане противъ 3-го бастіона ни какъ не могли утомониться, все пытаясь въ глазахъ нашихъ овладѣть имъ. Между тѣмъ, увлеченные пыломъ своимъ дѣломъ, мы не видали и не вѣдали того, что творилось за 3-мъ бастіономъ на Малаховомъ курганѣ:

Тамъ въ дыму грохотающихъ орудій, среди неумолкаемой ружейной пальбы, все еще стоялъ онъ для насъ ликовавшихъ побѣду, невидимымъ, загадочнымъ.

Славно отстоявъ свой бастіонъ, мы обратили наконецъ вниманіе на Малаховъ курганъ, который стрѣлялъ изъ своихъ орудій, уже со второй оборонительной линіи и сквозь слегка разсѣявшійся дымъ замѣтили, на развалинахъ башни кургана, развѣвающееся трехцвѣтное французское знамя, а на умолкнувшихъ батареяхъ 1-й линіи его и въ оборонительномъ рву, массы кипашею, какъ въ муравейникѣ французскаго войска....

Ледянымъ холодомъ обдало сердце, когда горькая дѣйствительность стала для насъ несомнѣнною. У всѣхъ лица вопросительно вытянулись; каждый съ нѣмымъ недоумѣніемъ глядѣлъ другъ на друга молча, пытливо,—какъ бы говоря: „что-же это такое?!.. Не сонъ-ли?!

„Да не можетъ быть!“ „Господи, неужели правда!“ раздались наконецъ, одинъ за другимъ возгласы съ разныхъ сторонъ; „что будетъ дальше!“

Зрительная труба, добытая у маіора Грома переходила изъ рукъ въ руки; всѣ глядѣли на Малаховъ и внутренно, неистовствуя на врага, не зримо плакали, полагаясь лишь на милость Божію, да на русское „авось“....

„Авось“ отобьютъ подсказывало сердце, и графъ Сакенъ да генераль Хрулевъ, на утро поведутъ новыя полки на выручку неустоявшихъ Малаховцевъ, — но не то говорилъ разсудокъ, и суетными оказались эти полурадужныя мысли, когда каждый убѣдился въ томъ, что уже пробилъ послѣдній часъ грознаго бытія Севастополя, настала неизбѣжная катастрофа его славнаго паденія.

Умолкли голоса, одно упорное молчаніе, во ожиданіи приказаній начальства, овладѣло всѣми; невозможно передать ощущенія переживуваннаго и пережитыя въ ту пору...

Одно нѣмое отчаяніе сковало душу и языкъ, а въ умѣ шевелился ропоть: „Господи! за что же и зачѣмъ мы дожили до этой ужасной минуты пораженія, униженія побѣжденныхъ. Гдѣ этотъ призракъ славы, о которомъ прежде мечталось среди лишеній, египетскихъ трудовъ, утратъ!“

Гдѣ все это, изъ за чего каждый изъ насъ готовъ былъ распятыя грудью и умѣреть съ улыбкой на устахъ!...

Что подумаетъ и скажетъ объ насъ наша роди-

мая матушка Русь православная!! Множество вопросов въ этомъ родѣ одолѣвало умъ.

Не сказано горько и тяжело было это сознание и лишь теперь только, когда благодаря Его Высочеству Государю Наслѣднику Цесаревичу обращено милостивое вниманіе на защиту Севастополя; только теперь отраднo убѣждаешься, что слава, этотъ свѣтозарный девизъ Севастопольцевъ, стала наконецъ неотъемлемымъ ихъ достояніемъ!

И такъ подъ кровомъ тѣхъ же блиндажей, сдѣлавшихся для насъ въ теченіи одиннадцати мѣсяцевъ чисто родственными колыбелями, сошлись мы, передъ закатомъ солнца, сбились въ кучки думать думу, какъ бы на отпѣванье сраженнаго праотца-богатыря.

Отъ грома батарей, канонадной бури, своего рода землетресенія все перешло къ гробовому молчанію; тишь въ блиндажахъ, тишь у орудій и лишь дымящіеся фитили, напоминали собою готовность ежеминутно дать отпоръ врагу, брызнуть по извѣстному направленію смертоноснымъ дождемъ картечи, либо градомъ „капральства“, да въ рядахъ солдатъ сдержанный шопоть въ сочетаніи съ рѣдкими выстрѣлами орудій нарушали злополучную тишь?

Къ вечеру, какъ провинившіеся школьники сгруппировались мы въ блиндажахъ около своихъ старшинъ въ ожиданіи отъ нихъ перваго слова.

Ждали, что скажутъ они въ утѣшеніе, чѣмъ разсудятъ прегрѣшеніе Малаховцевъ, уступившихъ свою позицію французамъ, но они были еще суровѣе и

молчаливѣ насъ; а добиться слова не хватало ни охоты, ни смѣлости. Наконецъ, дежурный по полку капитанъ Бершадскій (одинъ изъ храбрѣйшихъ и лучшихъ офицеровъ полка) торопливо возвращаясь отъ полковаго командира, полковника Зеленаго, съ таинственнымъ выраженіемъ въ лицѣ, забѣжалъ къ намъ въ блиндажъ и приблизившись къ старшему въ чинахъ подполковнику Шумакову, что то шепнулъ ему на ухо.

Послѣдній вытаращивъ глаза, подскочилъ на своемъ мѣстѣ, остальные всѣ переглянулись.

„Не можетъ быть!“ что вы говорите Платонъ Иванычъ?! воскликнулъ подполковникъ Шумаковъ.

— Да, Осипъ Алексѣевичъ, такъ! былъ отвѣтъ.

Мы не могли догадаться въ чемъ дѣло:

Подполковникъ Шумаковъ всталъ, молча вышелъ по направленію къ блиндажу командира полка, а капитанъ Бершадскій, таинственно передалъ намъ слѣдующее: „да будетъ извѣстно господа, что мы оставляемъ Севастополь, французы заняли Малаховъ курганъ, должно послѣдовать генеральное отступленіе войскъ, на Сѣверную, но чтобы эта необходимость не вліяла на духъ солдатъ, слѣдуетъ передъ ними о томъ благоразумно умолчать“.

Съ этимъ онъ вышелъ; мы же, пораженные неожиданною вѣстью, стали совѣщаться между собою на счетъ того, какъ объяснить солдатамъ горькую необходимость отступленія на Сѣверную, такъ какъ, въ виду начавшихъ было бродить между солдатами

толковъ о добровольной и будто бы преднамѣренной сдачѣ непріятелю Малахова кургана, неминуче могъ произойти безпорядокъ. По общему совѣту рѣшено было объявить солдатамъ, что мы идемъ на Сѣверную для ночлега, съ тѣмъ чтобы на зарѣ слѣдующаго дня двинуться на непріятеля, съ рѣшительною цѣлью истребить его либо со славою пасть костями за Севастополь.

Затѣмъ, мы разбрѣлись по траншеямъ передать по возможности солдатамъ сказаную мысль, а вмѣстѣ и сокрушенно распроститься съ бастіономъ.

„Боже!“ думалось мнѣ въ ту пору: „эту родную колыбель, взрастившую и закалившую столькохъ героевъ въ пороховомъ дыму; этотъ священный холмъ облитый и упитанный кровью вѣрныхъ чадъ Руси православной, къ которому невольно природнилася душа каждаго и мы должны оставить, покинуть на всегда, для того, чтобы завтра дерзновенно попралъ его стопами ненавистный врагъ!!“.

По истинѣ эта необходимость была выше всякихъ понятій о лишеніяхъ, утратахъ, несчастіяхъ не сопряженныхъ съ оскорбленіемъ національной гордости, чести оружія, воинской доблести! Не дай Богъ никому переживать подобныя минуты въ жизни!!!

Уже смеркалось; зловѣщій вѣтеръ съ моря застилалъ туманомъ небо, когда тобольцамъ приказано было по ротно отступать съ бастіона, зажигая за собою все встрѣчавшееся на пути отступленія.

Молча становились въ строй солдаты; и иной крестясь на всѣ четыре стороны, прощался съ ба-

стіономъ; другой суетился за своимъ багажемъ, чтобы не позабыть чего въ блиндажахъ.

Наконецъ, выстроившись въ траншеяхъ, тихо тронулись мы, какъ въ погребальной процессіи, неся въ груди неотвязную печаль, горе, скорбь....

Издѣдко еще, незаклепанныя орудія какъ то отрывисто, равнодушно, стонали въ сторону непріятеля, будто посылая ему свои немощныя проклятья. Онъ же, какъ бы издѣваясь пускалъ въ слѣдъ намъ „жеребцовъ“ *), бомбы и ракеты.

Безжалостно передавался Севастополь всеسوуженію. Все что ни попадалось въ домахъ подъ усердную руку „честныхъ“ поджигателей: мебель, рояли, зеркала уцѣлѣвшія отъ бомбъ, мраморныя статуетки и многое другое, все коверкалось топоромъ, киркою, или мотыгой, а въ добавокъ на роскошныхъ паркетныхъ полахъ раскладывался огненный костеръ, отъ котораго занималось цѣлое зданіе.

Товарные склады мѣстныхъ торговцевъ, подвалы и винные погреба все было отперто и предано истребленію.

Между тѣмъ, какъ наступалъ ночной мракъ, мы приближались къ временно наведенному черезъ бухту мосту.

Свѣжій вѣтеръ съ моря способствовалъ развитію пожара, а равно и освѣщенію картины.

По Екатериненской улицѣ попадались намъ сабаки, жалобно взывавшія въ сторону пожараща,

---

*) Продольно пускаемыя бомбы.

нѣкоторые изъ маленькихъ, сострадательными солдатами были взяты съ собою.

У моста черезъ бухту къ которому мы подошли часовъ около 12 ночи, въ массѣ войска собравшагося со всѣхъ пунктовъ для переправы на Сѣверную, сбилось множество разнороднаго люда со всякимъ имущественнымъ грузомъ. Тутъ попадались и женщины матроски, съ узлами на плечахъ, котрымъ всякими неправдами удалось таки удержаться въ Севастополѣ до послѣдней крайности; были тутъ и полевые орудія съ зарядными ящиками предназначенными къ затопленію; лазаретныя носилки и проч.

Все это стремилось къ одной цѣли попасть на мостъ, чтобы скорѣе, если удасться, очутиться на Сѣверной сторонѣ.

„Дай дорогу!“ надрывался, что есть мочи, фурштатъ, управляя тройкою лошадей на громоздкомъ полуфуркѣ съ грузомъ.

„Батюшки пропустите!“ вопила старуха проталкиваясь въ толпѣ подъ тяжестью увѣсистаго узла, который, какъ то особенно характерно, бѣлелся среди сіявшихъ предъ заревомъ штыковъ и полуосвѣщенныхъ лицъ нашихъ солдатъ,—въ то время какъ бомбы и ракеты продолжая посѣщать Севастополь бороздили въ разныхъ направленіяхъ черный сводъ неба, вызывая предупредительныя возгласы „берегись“.

„Арина! А, Арина!“ звучалъ близъ меня женскій голосъ: „и куда-те нелегкая занесла?! Али ребятъ на француза покинешь, угорѣлая, чтобъ тебѣ?“...

— Чаво ты раскудахталась! отозвалась изъ подъ узла старуха, стоя надъ самымъ берегомъ бухты— „иди штоль скорѣй, — видно пришелъ нашъ часъ“ ....

И старушка съ тяжелымъ узломъ собиралась вступить на мостъ, но при напорѣ массы людей оступилась и ухнула одной ногою въ воду бухты, не успѣвъ даже и крикнуть. Товарка неистово взвизгнула за нее, а сосѣдній съ нею солдатъ мигомъ выхватилъ старушку съ грузомъ изъ воды нравоучительно проговоривъ: „Эхъ ты тетка! Чего лезешь куда не слѣды!“

„Носилкамъ дорогу! Пропусти,—говорять вамъ!“ раздавался могучій голосъ и ряды немедленно разступались на двое, пропустить въ носилкахъ кого нибудь изъ раненыхъ.

Стоявшіе на всемъ протяженіи моста жандармы, обязаны были наблюдать, чтобы отступающія войска, слѣдовали непременно черезъ мостъ по парно, въ рядъ, въ должномъ порядкѣ.

Не столько однако-же вліяла на правильность перехода эта мѣра какъ собственное благоразуміе cadaго. Схватившись рука объ руку, люди осторожно ступали по бревнамъ — геніально построеннаго моста, который, морская зыбь корбила и вздымала по своему, а грозныя боковыя волны подкатываясь подъ бревна, вызывали въ нихъ, въ тоже время, страдательные: трескъ, скрипъ, и визгъ.

Мы наконецъ, вступили въ свою очередь пере-

хода черезъ мостъ вмѣстѣ съ кн. Г. О. и схватившись рука объ руку, зашагали по бревнамъ, по щиколку въ водѣ.

На серединѣ моста, какой-то темный снарядъ перерѣзалъ намъ путь съ такимъ неистово-зычнымъ свистомъ и такъ близко, что мы волей, не волею, оба должны были поклониться; переходъ шедшихъ по два рядами войскъ по этому поводу пріостановился.

Мы предполагали, что кого либо ранило; окликнули впереди идущихъ и, стоя на одномъ мѣстѣ нѣсколько секундъ, тогда только почувствовали, какъ морская зыбь, словно на качеляхъ, играючи вздымаетъ и опускаетъ насъ къ своей безднѣ.

Вмѣсто отвѣта на вопросъ, заглушаемый сильнымъ вѣтромъ, когда ряды двинулись, товарищъ мой запѣлъ сигналъ:

„Намъ хоть какую переправу,
Перейдемъ ее на славу—
Маршъ“!...

„Ну, братъ, не на такую переправу сложена эта пѣснь,“ замѣтилъ я: „видишь,—отступаемъ,“

— Зато со славою! Отбили штурмъ и отступаемъ сами, добровольно. Чего-жъ еще? А помнишь какъ, бывало, въ корпусѣ (кадетскомъ) распѣвали хоромъ эту штуку?!—продолжалъ онъ: „да еще на паркетѣ. Право, такой переправы и во снѣ никому тогда не грезилось.“

Визгъ невидимой ракеты снова покоробилъ насъ внутренно, заставивъ молчать; но мы продолжали

идти лишь осыпаемые мѣлкимъ дождемъ да брызгами волнъ.

„Ишь-ты квасить проклятый, безъ дрожжей и солоду,—чтобъ ему!“ звучаль чей то солдатскій голосъ сзади насъ.

„Самъ и расхлебывать будетъ коли не захлебнется..“—вторилъ другой.

Наконецъ, достигнувъ берега Сѣверной стороны и ступивъ у Михайловой батареи на сушу, мы оглянулись на Севастополь....

„Боже мой!!!“ восклицаю я мысленно теперь; если можно имѣть какое либо понятіе объ адѣ, то это именно тому, кто видѣлъ въ этотъ моментъ Севастополь предаваемый всеозженію. Столько времени дѣлѣнный, обороняемый 11-ть мѣсяцевъ,—воспитавшій въ гнѣздахъ своихъ (бастіоновъ) героевъ, подобныхъ безсмертнымъ именамъ: Казарскаго, Корнилова, Нахимова и другихъ—и теперь этотъ страдалецъ-богатырь пылалъ весь въ огнѣ, освѣщая величественнымъ заревомъ своимъ далекую окрестность на сушѣ и морѣ.

Зарево это вмѣстѣ съ чернымъ шатромъ неба, какъ-бы опиралось въ тоже время на гигантскій дымовой столпъ пожарища.

Громадныя сооруженія Николаевской батареи и Павловскаго мыска, при яркомъ освѣщеніи и взрывахъ на бастіонахъ казались одушевленными, но немощными стражами, изнемогающаго Богатыря.

Пароходы, катера, ялики и шлюпки шумно сновали взадъ и впередъ для перевозки войскъ,

Живой мостъ съ вереницею отступающихъ войскъ, самые корабли наши въ бухтѣ и непріятельскіе противъ форватера въ морѣ, отдаленный Константиновскій мысъ—все это вмѣстѣ, эффектно освѣщенное, представляло собою одну изъ тѣхъ ужасающихъ и живописныхъ картинъ, кои служатъ украшеніемъ, напримѣръ нашего Императорскаго Эрмитажа въ С. Петербургѣ! „Послѣдній день Помпеи,“—не то же ли для насъ, Севастопольцевъ была картина покидаемаго нами Севастополя?

Физически и нравственно изнуренные, мы удалились, наконецъ, отъ Михайловской батареи на гору, гдѣ въ совершенномъ изнеможеніи, подъ какимъ-то кустомъ упали и забылись сномъ.

Передъ разсвѣтомъ слѣдующаго дня я вскочилъ ошеломленный необыкновеннымъ громомъ, или трескомъ разрушенія, и глазамъ моимъ представился гигантскій огненный сноплъ взрыва Павловской батареи. Картина, въ общемъ созерпаніи, казалась еще ужаснѣе. Громадные камни сыпались, испещряя невозмутимую, утреннюю гладь бухты, по которой еще, мѣстами, сновали лодки. Корабли всѣ были уже затоплены; живой мостъ былъ разведенъ и лишь пароходы одолѣваемые топорами боролись съ добровольною смертью.

На Сѣверной сторонѣ скликались и перекликались разрѣженные части войска.

Очутившись одинъ, я послѣдовалъ примѣру прочихъ въ отступленіи и, прощально оглядываясь на Севастополь, побрелъ выше, гдѣ собирался нашъ полкъ. Тамъ послѣ извѣстнаго ночлега, очутившись

между своими, я вспомнилъ, что съ багажемъ, покинутымъ въ Севастополѣ, забыть и мой, злосчастный дневникъ, поглщенный, стало-быть, пламенемъ. Оставшись при томъ въ единственной парѣ бѣлья и одежды, надо было прибѣгнуть за выручкою къ товарищамъ,—но и у тѣхъ все оказалось брошеннымъ, покинутымъ или позабытымъ въ Севастополѣ.

Переночевавъ кое-какъ на сказанныхъ высотахъ рѣки Бельбекъ, мы къ вечеру бесѣдовали съ нашимъ славнымъ отважнымъ начальникомъ дивизіи генераломъ Семякинымъ. На простой, казачьей лошади, въ сѣромъ солдатскаго покроя плащѣ, съ крайне суровою фізіономіей, онъ, осматривая ввѣренныя ему войска, старался ободрить насъ и вывести изъ унынія, общая новые, кровавые пиры для расчета съ непріателемъ.

Всегда энергичный, отважный, онъ и въ этотъ разъ произвелъ на всѣхъ насъ отличное впечатлѣніе. И дѣйствительно, удалившись отъ Севастополя къ рѣкѣ Бельбеку, черезъ Дуванку въ долину Зеленой, мы пошли потомъ ущельемъ (если не ошибаюсь Каракаль) опять таки противъ непріателя, прогнали его своимъ неожиданнымъ появленіемъ, и затѣмъ, возвратясь на Качу, стали готовиться къ зимовью близъ города Бахчисарая.

Покинувъ Севастополь, повидимому, на всегда, наша дивизія и полкъ подъ незабвеннымъ начальствомъ К. Р. Семякина и отца-командира *) А. А.

---

*) Въ буквальномъ смыслѣ этого слова.

Зеленаго (нынѣ генераль-адъютанта, быв. минист. госу. имущ.) послѣ небольшой прогулки съ генераломъ Семякинымъ по ущелью, окончательно расположились на зимовьѣ въ долинѣ р. Качи.

Тамъ мы основательно отдохнули; ходили на пригорки Чатырдага для охоты, строили себѣ землянки, справляли праздники, прогулки по окрестностямъ и много и часто пѣвали!

Это была чуть-ли не самая лучшая пора для нашего полковаго юношества, послѣ тяжкихъ трудовъ боевой жизни въ Севастополѣ.

Каждый вечеръ сходилась молодежь у кого либо изъ товарищей, преимущественно-же у добрѣйшаго квартирмейстра Ѳ. Д. Ширмо-Щербинскаго (младшій братъ его Андрей мой однокашникъ и другъ по Орловскому Бах. кадетскому корпусу убитъ въ сраженіи подъ Журжею).

На мою долю, какъ голосистому запѣвалѣ, постоянно выпадала пріятная обязанность пѣть; руководилъ же импровизованнымъ офицерскимъ хоромъ Ѳ. Д. Ш. Щербинскій

Сладко вспомнить это время! Неизгладимые изъ памяти типы полковыхъ товарищей живо возникаютъ въ ней и теперь! Братья Семякины, Тамара Анатолій и Леонтій Васильевичи Громы, Геришь, Судзиловскій, Князь Орбелани, П. И. Бершадскій, Маковецкій, полковой дядюшка О. А. Шумаковъ, Снѣжинъ, Путята и многіе другіе... гдѣ вы драгоценные моему сердцу нынѣ обрѣтаетесь?! Какъ вамъ живется-можется?!

Откликнитесь!!! Вспомните Севастополь; зимовье на Качѣ, не исключая и знаменитаго нашего „звѣринца!“ *)... Скажите со мною: миръ праху убитымъ братьямъ нашимъ: Калакуцкимъ, Плескачевскому, Русько, Козловскому и прочимъ...

Перезимовавъ, такимъ образомъ, „съ грѣхомъ пополамъ“, какъ говорится, въ угарныхъ и сырыхъ землянкахъ, мы съ наступленіемъ весны удостоились видѣть Государя Императора и Его Царственныхъ Братьевъ-Севастопольцевъ **). Государь горячо благодарилъ насъ за службу и обѣщаль выслать серебрянныя медали.

Потомъ мы снова двинулись подъ Севастополь, гдѣ, помѣстясь въ баракахъ, намъ показалось какъ будто-бы нѣсколько поудобнѣе, чѣмъ въ землянкахъ на Качѣ, не потому ли именно, что тяжелыхъ работъ не было, служебныхъ занятій мало; развлеченія заключались въ томъ, что пойдешь, бывало, на берегъ поглядѣть на злосчастный остовъ Севастополя, помолишься на его церкви, вздохнешь глубоко, искренно, проклиная ненавистныхъ иноземцевъ... и возвращаешься домой.

Стали наконецъ носиться слухи о какомъ-то генеральномъ перемиріи. Что оно обѣщало, и чѣмъ могло разрѣшиться—мы не знали; но бездѣйствіе до-

*) Только тобольцамъ понятенъ этотъ терминъ.

**) Государь Императоръ посѣтилъ Крымъ не весной 1856, а осенью 1855 года. 28 октября 1855 г. Онъ изволилъ прибыть въ г. Бакчисарай и удостоилъ потомъ своимъ посѣщеніемъ почти всё войско крымской арміи.

вучало не на шутку. Слухи эти о перемиріи вскорѣ оправдались. Ежедневно съ обѣихъ сторонъ, не преступая границъ деморкаціонной линіи, непріятель и мы сходились смотрѣть другъ на друга издали, — въ ожиданіи мира который вскорѣ и послѣдовалъ.

Однажды послѣ обѣда, часовъ около трехъ, мы сидѣли въ баракѣ одного изъ товарищей за важнымъ, какъ-бы сказать, дѣломъ, т. е. „и приписывали и отписывали мѣломъ“...

Вдругъ слышимъ залпъ отдаленныхъ, въ сторонѣ моря, пушечныхъ выстрѣловъ. Не понимая, что бы это значило, всѣ бросились вонъ изъ барака, направляясь въ сторону выстрѣловъ, бѣгомъ. Достигли вершины холма, и въ недоумѣніи увидѣли далеко въ морѣ, противъ „Камышевой“ бухты, густые, стлавшіеся по водѣ клубы порохового дыма. Залпъ за залпомъ продолжали эффектно раздаваться въ морѣ. Нѣкоторые изъ насъ шутя замѣчали, что французы съ англичанами перессорились и положили истребить другъ друга; другіе же полагали, что то была практическая стрѣльба.

Никто не допускалъ мысли о возможности скорого, дѣйствительнаго и благодатнаго мира, въ честь котораго иностранцами, получившими ранѣ насъ свѣдѣнія о немъ, и производился обычный салютъ.

Съ быстротою молніи пронеслось извѣстіе объ этомъ радостномъ событіи. Лица всѣхъ сіяли радостью. На другой же день послѣ панихиды о падшихъ товарищахъ и благодарственнаго молебна

о мирѣ, открылись сношенія между обѣими, такъ недавно истреблявшими другъ друга, сторонами.

Однажды совершенно неожиданно я получилъ приказаніе тотъ-часъ явиться къ начальнику дивизіи генералу Семякину. Вхожу въ его квартиру и застаю трехъ командировъ полковъ: А. А. Зеленаго, В. Н. Веревкина и полковника Лидова. Генераль Семякинъ объявилъ мнѣ, что по общему совѣщанію какъ георгіевскій кавалеръ я назначенъ для отвода въ гвардію нижнихъ чиновъ (георгіевскихъ кавалеровъ), выбранныхъ изъ 4-хъ полковъ дивизіи. Въ неописанномъ восторгѣ, поблагодаривъ за довѣріе, я побѣжалъ въ лагерь сообщить объ этомъ товарищамъ, а на другой день получилъ слѣдующее приказаніе:

„Господинъ начальникъ дивизіи отъ 12 сего іюня за № 3060 далъ мнѣ знать, что ваше благородіе назначаетесь, для отвода нижнихъ чиновъ, выбранныхъ по Высочайшему повелѣнію, изъ полковъ 10-й пѣхотной дивизіи въ войска гвардейскаго корпуса. Вслѣдствіе чего предписываю вашему благородію съ полученія сего явиться завѣдывающему командою нижнихъ чиновъ, назначенныхъ въ гвардію отъ пѣхотныхъ дивизій 4 армейскаго корпуса господину майору Кареницкому. Полковникъ Зеленый № 2918—13 іюня 1856 года. Лагерь при с. Терпѣны. Въ должн. полк. адъют. подпоручикъ Маковецкій“.

Этотъ драгоцѣнный документъ, доставившій мнѣ столько незабвеннаго счастья лицезрѣть Государя Императора и Священнѣйшее коронованіе Ихъ

Императорскихъ Величествъ, — я сохранилъ до сихъ поръ.

Знакъ отличія военнаго ордена св. Великомученика и побѣдоносца Георгія за № 95,356 мною полученъ за участіе въ охотникахъ при отбитіи орудій у непріятели въ бою при с. Четати 25 декабря 1853 г. на Дунаѣ.

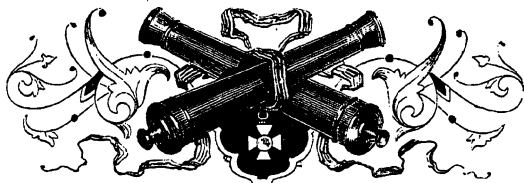
Въ Севастополѣ награжденъ чинами прапорщика и подпоручика.

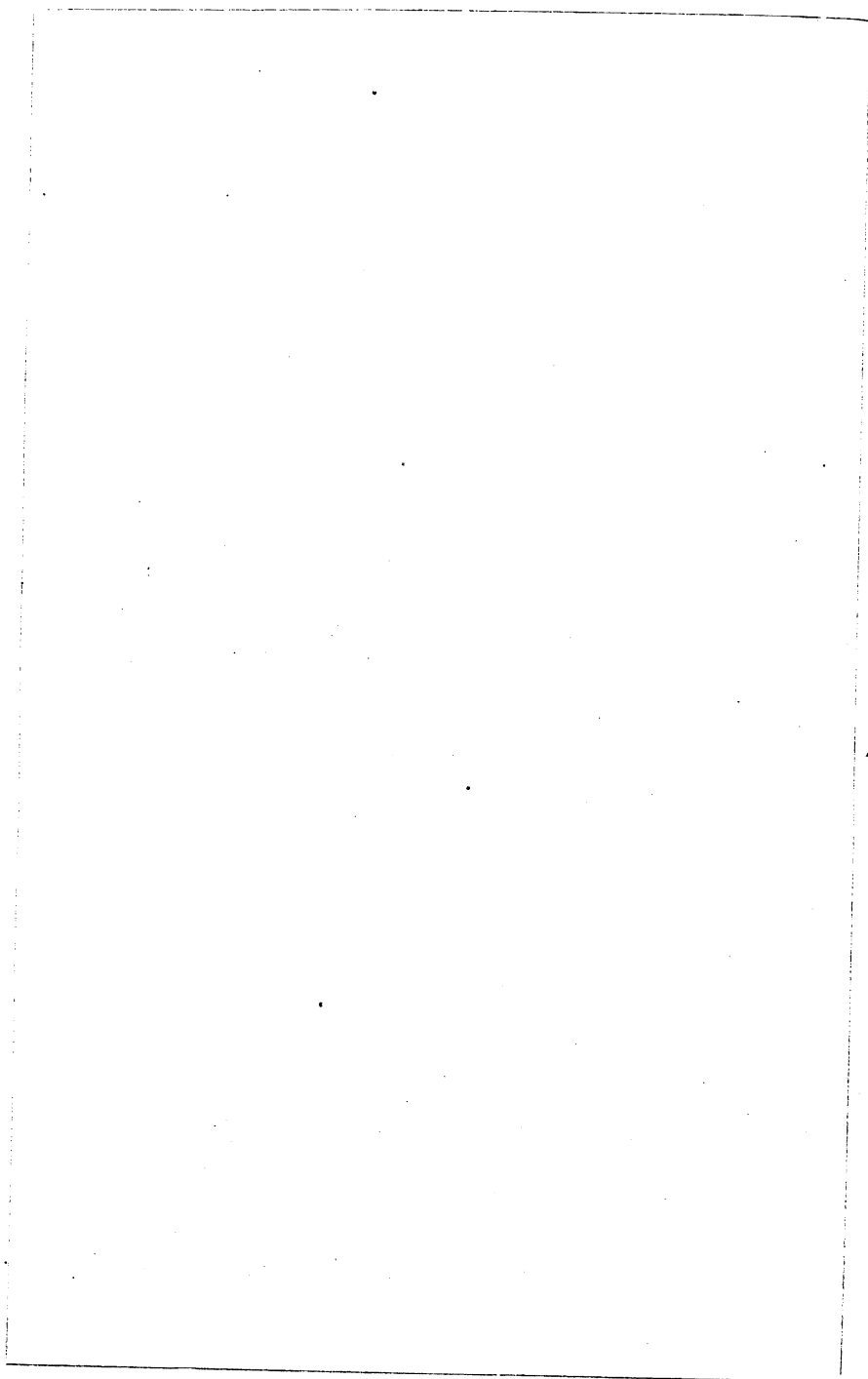
Я кончилъ свое повѣствованіе. Многое изъ него упущено и позабыто. Но необходимымъ считаю замѣтить, что въ продолженіе этой почти годовой бойни, а до того еще въ четырехъ сраженіяхъ на Дунаѣ, много видѣлъ смертей, жертвъ. Много пало сраженныхъ рядомъ стоявшихъ со мною, самъ же отдѣлывался контузіями, ушибами не болѣе, ибо меня охраняло благословеніе крестной матери моей, довольно объемистый и тяжеловѣсный „Образъ Пресвятыя Богородицы Умягченія злыхъ сердецъ“, — который, надѣвъ однажды, я никогда не снималъ съ груди. Нынѣ-же храню эту икону, какъ чудотворную!

Евгеній Романовъ Корженевскій.

29 іюня 1872 года.

Г. Острогъ.

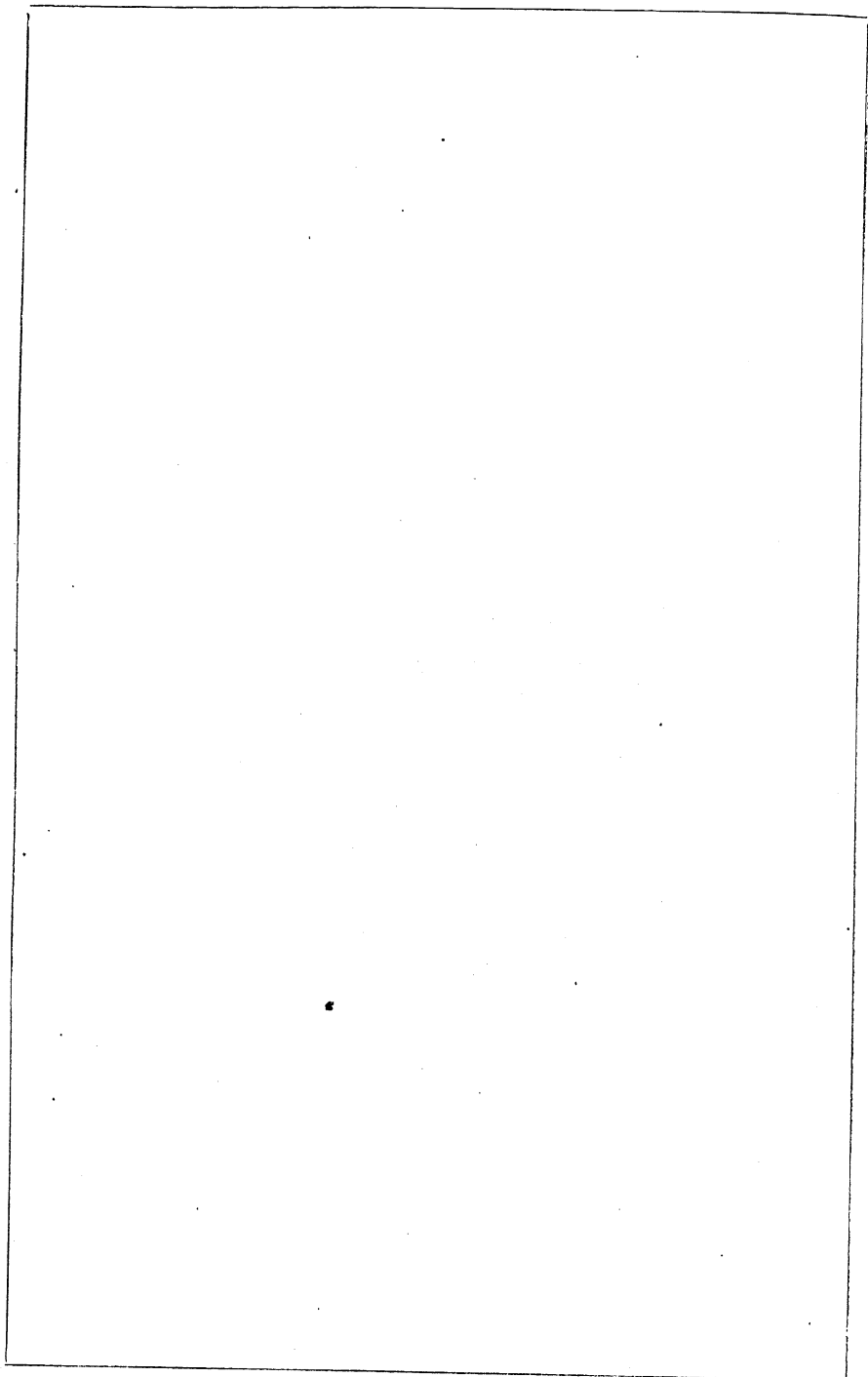
ВЫПИСКИ

изъ писемъ покойнаго генерала отъ инфантеріи

Константина Романовича Семякина

къ его покойной супругѣ.

ВЫПИСКИ

изъ писемъ покойнаго генерала отъ инфантеріи

Константина Романовича Семейкина

къ его покойной супругѣ.

29-го сентября 1854 г.

вчера ночью пріѣхаль я въ Перекопъ; азовцы *) уже сегодня пошли далѣе, днѣпровцы приходятъ и лишь только я поймаю своихъ лошадей, тотчасъ же ѣду впередъ, дабы быть съ первымъ полкомъ. Воскресеніе вечеромъ поднялась такая буря, что переправа наша въ Херсонѣ сдѣлалась невозможною, и потому всѣ войска обратились на Бериславль, я же, отправивъ своихъ лошадей, думаль въ понедѣльникъ переѣхать Лиманъ на лодкѣ и ѣхать на своихъ лошадяхъ далѣе, но Богъ распорядился иначе, и я пріѣхаль на почтовыхъ, а гдѣ моя четверка, не знаю, надѣюсь отыскать.

*) Въ то время, когда началось движеніе нашихъ войскъ въ Крымъ, генераль Семейкинъ командоваль 1-ю бригадою 12-й пѣхотной дивизіи. Азовскій и Днѣпровскій полки входили въ составъ этой бригады.

Мы имѣемъ отъ князя Меншикова свѣжія вѣсти, войска стоятъ у Севастополя бивуаками, веселы, поютъ пѣсни, ни съ той ни съ другой стороны ничего еще нѣтъ, наши казаки ловятъ непріятеля десятками, даже нѣкоторые сами сдаются. Сентъ-Арно умеръ и тѣло его отправили къ супругѣ, а какъ онъ былъ началомъ и изобрѣтателемъ этой экспедиціи, тогда какъ другіе были противъ, то теперь у нихъ надо предполагать разногласіе. Насъ торопятъ и мы 4-го или 5-го будемъ у князя Меншикова, идемъ безъ дневокъ, усиленными переходами, солдаты чуть не бѣгутъ, азовскій полкъ сегодня выступилъ изъ Алешекъ, днѣпровскій вступилъ въ Алешки. Еще свѣжее извѣстіе изъ Севастополя: наши и непріатели стоятъ покойно, чего они ждутъ, никто не знаетъ, надо думать, что они или ждутъ подкрѣпленія или хотятъ здѣсь зимовать. Къ намъ по Высочайшему повѣленію слѣдуютъ 11 и 10-я дивизіи; кто будетъ у васъ въ Одессѣ—не знаю, но ты будь готова на все и ежели, чего Боже сохрани, начнутъ изъ Одессы выводить учебныя заведенія, то не теряя времени пускайся въ путь, туда гдѣ будутъ дѣти;—но Богъ милостивъ къ русскимъ, и не допуститъ до этого несчастія. Третій день вѣтеръ бушуетъ и союзному флоту вѣрно не хорошо, но еще не знаемъ держится ли береговъ.

Симферополь 2-го октября 1854 г.

Благодаря милостям Господа Бога, я благополучно прибыль сегодня съ первым полкомъ въ Симферополь, завтра идемъ въ Бахчисарай, и 4-го числа на позицію къ Севастополю, второй полкъ приходитъ 5-го. Сегодня князь Васильчиковъ возвратится отъ князя Меншикова и привезетъ намъ всѣ его распоряженія. Послѣднее свѣдѣніе намъ передалъ сынъ князя Меншикова, генераль-маіоръ, который ѣдетъ въ Петербургъ къ Царю.

Непріятель стоитъ между Балаклавой, занимая ее, Георгіевскимъ монастыремъ, южною частию Севастополя; ничего важнаго не предпринимаетъ, построилъ двѣ батареи и, какъ предполагають, намѣренъ вести формальную осаду;—это дѣло не легкое въ настоящее время года. Бываютъ частыя схватки, изъ Севастополя вылазки, и по немногу ихъ бьютъ; они нуждаются въ продовольствіи и въ особенности въ водѣ; говорятъ, что у нихъ холера. Сентъ-Арно умеръ, другой французскій генераль заступилъ на это мѣсто, и поэтому вышло между англичанами и французами разногласіе; Рагланъ считаетъ себя обиженнымъ; говорятъ ихъ до 80 т. Отъ нихъ начинаютъ являться перебѣжчики, и въ особенности изъ иностраннаго легіона. Князь Меншиковъ покоенъ и ждетъ прибытія нашей дивизіи, которая около 10-го числа будетъ вся въ его распоряженіи.

7-го октября 1854 г.

Вотъ мой другъ, я попалъ съ моею бригадою въ дѣятельные поборники Севастопольскихъ защитниковъ. Въ краткихъ словахъ опишу наше положеніе: вотъ три дня какъ Севастополь бомбардируютъ англо-французы и турки; дорого имъ стоитъ эти три дня; конечно и у насъ не безъ потери: въ первый адскій день союзники потеряли два корабля перваго ранга, отправленные на дно, третьему оторвало весь носъ, а одинъ пароходъ взлетѣлъ подъ небеса *); кромѣ поврежденія другихъ судовъ,—на ходу перебито очень много. Наша потеря до 300 чловѣкъ убитыхъ, раненыхъ и контуженныхъ; но самое важное то, что Корнилову оторвало ногу, и онъ чрезъ нѣсколько часовъ умеръ. Непрiятельскіе батареи были срыты нашими выстрѣлами; были огромные взрывы съ обѣихъ сторонъ—день былъ ужасный; но русскимъ Богъ далъ силу и мужество;—били враговъ какъ только можно было. 3-го числа, изъ Бахчисарая, я былъ потребованъ княземъ Меншиковымъ; онъ принялъ меня очень милостиво и объяснилъ цѣль моего назначенія. Ночью поздно я возвратился. 4-го числа прибылъ я съ Азовцами въ деревню Чоргунъ, въ тылу непрiятельской позиціи,

*) Въ дѣйствительности это не вполне справедливо, и на сообщенія подобнаго рода слѣдуетъ смотрѣть какъ на слухъ ходившій въ то время между защитниками.

Ред.

гдѣ и нашель свѣтлѣйшаго, прїѣхавшаго осмотрѣть мѣсто это,—это такая трущоба, что и онъ ничего не рѣшилъ, а предоставилъ мнѣ. 5-го прибылъ Днѣпровскій полкъ съ артиллеріею, а вечеромъ получилъ я приказаніе *) 6-го числа утромъ сдѣлать наступательное движеніе впередъ. Въ командѣ моей былъ Владимірскій полкъ, съ 4-мя орудіями, полкъ уланы и двѣ сотни казаковъ. Адъютантъ князя Меншикова, маіоръ баронъ Виллебрантъ, отобравъ мои соображенія, отправился къ князю, а въ 1^{1/2} часа пополудни я получилъ приказаніе, что его свѣтлость совершенно одобряетъ мое предположеніе, но по слабости калибра моей артиллеріи не разрѣшаетъ атаковать непріятельскія укрѣпленія, а приказываетъ ограничиться занятіемъ высотъ.

Дѣйствія мои были, по милости Божіей, очень удачны, расчетъ времени хорошъ, и всѣ войска быстро, славно исполнили дѣло, начали въ 7 утра и кончили въ 9 вечера, и возвратились на позицію. 3-е убитыхъ, 1 тяжело раненъ и 1 контуженъ—всѣ азовцы. Этимъ я отвлекъ непріятеля, и какъ бывшій сегодня у меня генераль Липранди объявилъ, что подарилъ день Севастополю, ибо непріятель былъ изумленъ, началъ движенія противъ меня и ослабилъ огонь,—но ничего и мнѣ не сдѣлалъ. Сегодня у меня отдыхъ; владимірцы и уланы ушли, я стою на позиціи, непріятель ничего не предпринимаетъ, я разставилъ свои войска, учу и осматриваю части,

*) См. Приложение № 1.

ибо занимаю огромное пространство горъ, и могу сказать, что сегодня отдохнулъ, но до того 4 дня былъ постоянно на конѣ, а вчера былъ крайне утомленъ, но по особенной милости Господа здоровъ;—плохо быть воиномъ въ 54 года, это не то, что молодость.

Бивуакъ при деревнѣ Чоргунъ 10-го октября 1864 г.

У насъ ночи очень холодны, я даже обзавелся полушубкомъ, дни жарки, но солдатская шинель защищаетъ меня отъ зноя. Живу я въ татарской избѣ въ десяти шагахъ отъ войскъ. Позицію занимаю обширную въ горахъ, а потому постоянно въ разъѣздахъ,—теперь меньше, ибо все узналъ, вездѣ принялъ мѣры, защитивъ себя отъ нечаяннаго нападенія; — со вчерашняго дня, подчинена мнѣ и Байдарская долина, гдѣ находится резервный уланскій полкъ, прибавлено мнѣ еще двѣ сотни казаковъ, и я теперь болѣе обезпеченъ; долго-ли буду въ этомъ положеніи—не знаю, ибо съ прибытіемъ большаго числа войскъ, это мѣсто будетъ театромъ важныхъ дѣйствій; кто ими будетъ управлять—не знаю; но сколько могу судить и вѣрить слухамъ, то князь Меншиковъ мною доволенъ, что подтвердилъ и бывший у меня флигель-адъютантъ полковникъ Альбединскій.

8-го числа по-полудни, я дѣлалъ другую диверсію *), съ другими видами и другимъ маневромъ;

*) См. Приложение № 2.

англо-французы были встревожены по всей линіи и открыли было огонь артиллеріи, но какъ ядра не долетали, то они начали угощать конгревовыми ракетами, которыя перелетали, и мы не понесли никакой потери; я же, въ виду ихъ, пробилъ зарю съ церемонією и, какъ стемнѣло, ушелъ къ себѣ. Тогда они начали меня тревожить разными продѣлками, но принявъ всѣ мѣры предосторожности, я пролежалъ въ цѣпи, до часу ночи, потомъ опять воротился въ избу и до разсвѣта поспалъ, на зарѣ снова былъ готовъ ихъ встрѣтить; но они были благоразумны, ничего не предприняли; и такъ, 8-го числа были только шутки, благодаря Бога, безъ потери хотя бы одного человѣка. Меня мучить только большая переписка, ибо долженъ доносить въ главную квартиру и Липранди;—отправленіе же партій, разъѣзды и проч. проч. отнимаетъ много времени, ибо мой адъютантъ вовсе не военный писецъ,—а мирный; но лишь бы Богъ далъ здоровья—управлюсь.

А Севастополь стонетъ,—ежедневно канонада съ утра до ночи, и съ ночи до утра, съ малыми промежутками; обѣ стороны страшно упорно противодѣйствуютъ, слышу не только ужасную пальбу, но даже и свистъ бомбъ и ядеръ, ибо мы стоимъ не очень далеко отъ Балаклавы, не болѣе 6 верстъ, а отъ оконечности Севастополя въ 4-хъ верстахъ. Ночью видны огни выстрѣловъ. Чѣмъ все это разрѣшится,—неужели Господь попуститъ пасть Севастополю,—этого думать невозможно; но войскъ мало еще для рѣшительныхъ дѣлъ.

Гарнизонъ Севастополя, говорятъ, чудо богатыри,

особенно моряки. Нѣтъ! Богъ справедливъ и не попуститъ Россіи къ худому, будемъ молиться и надѣяться.

14-го октября 1854 г. Бивуакъ на укрѣпленной высотѣ близъ селенія

Комары и Кадыніюй.

Возблагодаримъ Господа за 13-е число, день тяжкій по трудамъ и опасности, и день славный для русскаго оружія и въ особенности для Азовскаго полка. 13-го числа назначено было атаковать неприятельскую линію укрѣпленій, защищавшую Балаклавскій рейдъ, гдѣ депо англичанъ. Я былъ назначенъ, по диспозиціи мною писанной, въ средней колонѣ, состоявшей изъ двухъ отдѣленій; Божіею помощію совершилъ дѣло; въ 5^{1/2} часовъ тронулся изъ Чоргуна, прошелъ верстъ шесть по горамъ и въ 7^{1/2} часовъ знамена Азовцевъ были водружены на главной укрѣпленной горѣ, а вмѣстѣ и сосѣднія два укрѣпленія очищены отъ неприятеля. Трофеями 8 крѣпостныхъ орудій, огромнаго калибра, лагерь и все солдатское оружіе, амуниція, платье, много пороху и все англійскаго—тутъ мои красныя всполошились—завязался упорный бой, прежде пѣхотный, а пополудни кавалерійское дѣло, на которое я смотрѣлъ чуть не съ облаковъ. Пишу сидя на патронномъ англійскомъ ящикѣ, а вмѣсто стола другой такой-же для пороху;—подъ турецкой палаткой провелъ ночь, на войлокѣ, безъ клочка соломы; но это все милостью Бога проходить, и я здоровъ. Въ память этого дня, посылаю тебѣ турецкіе часы, ко-

торые я купилъ у унтеръ-офицера. Много турокъ и англичанъ положилъ нашъ русскій штыкъ, много англичанъ проткнули пики уланъ и казаковъ, съ добавкою сабель гусарь. Моими погребено болѣе 200 тѣлъ, а кавалеристовъ до 600. Я потерялъ убитыми оберъ-офицера 1, нижнихъ чиновъ 44;—ранено: оберъ-офицеровъ 4, а нижнихъ чиновъ 132; это изъ бригады съ артиллерією и стрѣлками, но главная потеря въ Азовскомъ полку, въ которомъ было изъ фронта 2 офицера и 149 человекъ солдатъ. Крюднеръ *) молодець. Генераль Липранди, прискакавъ, обнялъ, поцѣловалъ меня и объявилъ, что Георгій 3-й степени мнѣ принадлежитъ; въ полдень пріѣхалъ свѣтлѣйшій, протянулъ мнѣ руку и сказалъ: „поздравляю, вы потѣшите Государя, и я отправляю курьеромъ, очевидца **) вашихъ прежнихъ трудовъ и настоящаго подвига“. Дай-то Боже, чтобы сердце Царя возвеселилось. Некогда писать болѣе, притомъ мѣшаетъ музыка канонады, не умолкаемой ни день, ни ночь, всѣ помыслы свои обращаемъ къ охраненію чести и долга—прощай—молись.

20-го октября 1854 г. на той же высотѣ.

Пишу тебѣ съ той же горы, которую Богъ помогъ взять 13-го числа; жизнь наша трудна, всѣ эти дни не раздѣваемся и въ безпрерывной тревогѣ; если

*) Командиръ Азовскаго полка.

**) Баронъ Виллебрантъ, адъютантъ князя Меншикова.

удается спать, то спимъ подь музыку ядеръ, но Пресвятая Богородица хранить насъ. Вчера я имѣлъ счастье прочесть собственноручное письмо Государя, гдѣ Онъ, между прочимъ, изволилъ сказать: Движеніе Семякина очень хорошо, но я боюсь, чтобы онъ не погорячился и не попалъ въ большое дѣло.

Это былъ отвѣтъ на то дѣло, которое было 6-го числа; о 13-мъ числѣ свѣтлѣйшій писалъ обо мнѣ самымъ блестящимъ образомъ. Чѣмъ Богъ и сердце Царя порадуетъ!

Англичане и французы сильно напираютъ на Севастополь, мы стоимъ у первыхъ въ тылу, и ожидаемъ прибытія 11-й дивизіи, которая сегодня приходитъ. Баумгартенъ посланъ съ бригадой въ Севастополь на усиленіе гарнизона. Предполагаемъ, что союзникамъ будетъ очень плохо, много жертвъ будетъ и у насъ, но имъ хвастать нечѣмъ будетъ. Дундасъ и Рагланъ живы; въ дѣлѣ 13-го числа ихъ кавалерія сильно пострадала, такъ что смѣло можно положить до 700 убитыхъ, раненыхъ и взятыхъ въ плѣнъ; возвратились же назадъ весьма мало; четыре дня хоронили наши ихъ тѣла, но и теперь еще въ цѣпи непріятели есть много ихъ не погребенныхъ. Да, разыгралась у насъ исторія на землѣ—подлецы татары въ началѣ имъ сильно помогали, теперь все прекратилось; но окрестности въ 90 лѣтъ не поправятся. Прибыль Даненбергъ съ своимъ штабомъ, первый его визитъ былъ моей горѣ, гдѣ онъ благодарилъ солдатъ и офицеровъ, а со мною былъ

весьма любезенъ. Молись за насъ, и будь тверда, все въ волѣ Господа Бога, Онъ милостивъ, избавить отъ несчастій; но ежели ему будетъ угодно— да будетъ его святая воля.

25-го октября 1854 г. на той же высотѣ.

Послѣ 13-го числа у насъ особеннаго ничего не произошло, малыя тревоги—вотъ и все. Вчера мы весь день съ 6 часовъ утра до 5 вечера простояли на позиціи, дѣлая демонстрацію, ибо съ другой стороны было дѣло, гдѣ 14-ть нашихъ полковъ 10, 11, 16 и 17 дивизій подвизались, но какой результатъ, мы не знаемъ, ибо князь Меншиковъ тамъ, и до сихъ поръ ничего отъ него не получено. Всѣ мы молили Бога, чтобы товарищамъ нашимъ послалъ успѣхъ, а мы держали въ уздѣ до 14 т. англичанъ и турокъ, чтобы они не могли подать помощи своимъ. Тутъ, стоя и ожидая, чѣмъ все это развяжется, посреди страшнаго огня, съ обоихъ сторонъ у Севастополя, какъ отъ насъ, такъ и по насъ, я получилъ твое письмо чрезъ Талызина, съ которымъ ни слова не могъ сказать, ибо его усадили на казачью лошадь и отправили къ свѣтлѣйшему, къ которому были у него бумаги. Время ужасное, холодно, сыро, но Богъ насъ укрѣпляетъ, больныхъ немного, всѣ ждутъ рѣшительнаго боя и грѣются мыслию отслужить службу батюшкѣ Царю. Моя бригада, надѣюсь, и впредь, ежели съ толкомъ прикажутъ, исполнить все отчетливо. Севастополь съ 5-го числа громимъ англо-

французами, наши не спускаютъ. Дѣйствительно съ 5-го по 13-е потеря наша ежедневно была отъ 400 до 500 человѣкъ, но съ 13-го уменьшилась, и была до вчерашняго дня не болѣе 80-ти человѣкъ. Тебѣ правду сказали, всѣ батареи, узнавъ о нашемъ дѣлѣ 13-го числа, прокричали намъ ура, и такъ громко, что непріятель прекратилъ огонь, не зная что это значить. Я пишу, а въ Севастополѣ большая канонада, вчера же былъ адъ — пушечная и ружейная пальба съ 6¹/₂ часовъ до 12 не умолкала и, казалось, что все сливалось въ одно. Великіе Князья пріѣхали въ нашу армію, — надѣюсь ихъ увидать.

30-го октября 1854 г. на высотѣ у Кадуніи.

Бѣдный Севастополь неумолкаемо гремятъ французы, очень упорно производятъ работы и уже отъ 4-го бастиона, въ 80-ти саженьяхъ, но имъ не вкусно, ибо наши не даютъ имъ головы высунуть. 28-го числа постигли нашъ бивуакъ Ихъ Высочества, Великіе Князья Михаилъ и Николай Николаевичи. Когда я встрѣтилъ ихъ на флангѣ моей линіи, то Великій Князь Николай Николаевичъ, не давъ мнѣ начать рапорта, сказалъ: „Душевно радъ, что знакомлюсь съ генераломъ Семякинымъ. Государь, поручилъ намъ разцѣловать васъ, поклониться и поблагодарить за вашу службу, храбрость и тотъ подвигъ, который вы оказали“, — что и исполнилъ буквально. Вскорѣ догналъ насъ и Великій Князь Михаилъ Николаевичъ, подѣхалъ ко мнѣ, — „генераль Се-

„мякинъ, дайте руку, будемъ знакомы, я повторю „только то, что братъ уже вѣрно исполнилъ“. Осмотрѣвъ въ подробности гору, укрѣпленія, сказали:— „дѣло молодецкое“. Послѣ того Его Высочество Николай Николаевичъ поѣхалъ въ Комары, а Михаилъ Николаевичъ къ драгунамъ, я долженъ былъ провожать перваго, ибо тамъ стоятъ два баталіона, днѣпровцевъ. Дорогой, Великій Князь остановился, обернулся назадъ и сказалъ: „Разскажите, какъ и откуда была атака“. Когда я объяснилъ, во всей подробности все, онъ изволилъ выразить: „Мы съ „братомъ очень жалѣемъ, что не были здѣсь, чтобы „начать наше военное поприще, въ такой прекрас- „ный для русскихъ день, и я былъ бы непременно „у васъ подъ командой“, — и протянулъ мнѣ руку.

Эти добрыя слова я никогда не забуду, если умру, передай ихъ нашимъ сыновьямъ. По окончаніи объѣзда, въ которомъ о многомъ было говорено, всѣ собрались у стоянки князя Горчакова, гдѣ Ихъ Высочества закусили, и гдѣ я познакомился съ ихъ свитой.

Вчера 29-го генераль Липранди и я, были потребованы къ свѣтлѣйшему, на сѣверную сторону Севастополя, гдѣ онъ живетъ, на пароходѣ „Громоносецъ“, а Ихъ Высочества у самаго берега, въ домѣ почтовой станціи. Послѣ многихъ сужденій и разсмотрѣній разныхъ предположеній и полученія приказаній, мы откланялись свѣтлѣйшему. Великіе же Князья узнавъ, что Липранди и я пріѣхали, поручили своему адъютанту просить насъ ихъ обождать, ибо они поѣхали въ госпиталь къ раненымъ. Часу во второмъ,

они возвратились, и когда я вошелъ, то поздоровались, очень привѣтливо, угощали чаемъ, сказавъ: „Жаль, „что не можемъ вмѣстѣ обѣдать, Липранди говорить, „что далеко ѣхать, дороги дурны и будетъ темно „ѣхать, мы это когда нибудь да сдѣлаемъ“.

Баронъ Виллебрантъ, адъютантъ князя Меншикова, который привезъ вѣсть Царю о нашемъ дѣлѣ 13-го, произведенъ чрезъ чинъ въ полковники и назначенъ флигель-адъютантомъ, это знакъ, что мы порадовали нашего Батюшку Царя.

Сыро, холодно ужасно, живу въ турецкой палаткѣ, полушубокъ мой кое-какъ согрѣваетъ мои старья кости, много ѣзжу верхомъ, по постамъ, ибо дистанція моя очень велика, а свой глазъ куда какъ нуженъ въ настоящихъ обстоятельствахъ. Сегодня будемъ освящать Георгіевскіе кресты, присланные для азовцевъ, 48, а для днѣпровцевъ 36 равно и другимъ; по освященіи будемъ возлагать на избранныхъ самими солдатами. 24-го числа много погибло—грустно, сколько гибнетъ молодцовъ. Передаю тебѣ анекдотъ: полковой священникъ Азовскаго полка, когда мы шли еще на позицію, благословилъ баталіоны, и оставшись назади; — съ началомъ дѣла сталъ на колѣни и началъ служить молебенъ, а дьячекъ читалъ молитву; когда дьячекъ услышалъ крикъ ура, то, закрывъ книгу, сказалъ: „довольно „батюшка, пора идти туда, дѣло кончилось, и тамъ „надо быть, будетъ и тамъ много работы“;—точно, чрезъ часъ онъ отпѣлъ 37 нашихъ тѣлъ.

2-го ноября 1854 г. на Сѣверной сторонѣ Севастополя.

Вчера 1-го числа, свѣтлѣйшій потребовалъ меня къ себѣ въ Севастополь, куда я уже ночью едва дотащился, по случаю дождя и страшной бури. Когда я явился, свѣтлѣйшій сказалъ: „хотѣлъ прежде, не „жели подпишу вотъ эту бумагу, спросить васъ по „желаете-ли вы“. Это былъ приказъ, что онъ назначаетъ меня къ себѣ начальникомъ штаба. Отблагодаривъ его, я сказалъ: „что употреблю все усилие, чтобы оправдать его довѣріе“. Переночевавъ на пароходѣ, утромъ хотѣлъ ѣхать, но буря такъ сильна, что мы съ парохода перешли на берегъ, и едва съ опасностію перебрались. Сегодня ѣду домой, чтобы забрать вещи, и завтра утромъ возвращусь въ должность начать работу. Буря на морѣ ужасная, Севастополь отдыхаетъ, ибо гостямъ вѣрно не по вкусу.

7-го ноября 1834 г. бивуакъ при Сѣверной сторонѣ Севастополя.

Вчера цѣлый день былъ въ Севастополѣ, по приказанію свѣтлѣйшаго осмотрѣлъ всѣ наши укрѣпленія, а вмѣстѣ и непріятельскія — видѣлъ этихъ прищлецовъ очень близко и видѣлъ и слышалъ ихъ пули,—это меня очень хорошо ознакомило, какъ со всѣми нашими обстоятельствами, такъ и лицами, которыя были очень довольны, ибо ихъ рѣдко кто посѣщаетъ—этихъ героевъ Россіи.

Бывшая буря дорого обошлась союзникамъ, болѣе 25 судовъ выброшено, столько же повреждено, мы видѣли корабль безъ мачтъ, другой безъ руля, и вѣрно много другихъ поврежденій.

10-го ноября 1854 г. бивуакъ при Севастополѣ на Сѣверной сторонѣ.

У насъ пока, новаго мало, кромѣ вѣстей, съ разныхъ мѣстъ береговъ моря о гибели многого числа судовъ союзниковъ, у Эвпаторіи лежатъ на берегу 16, а 17-й увели, въ этомъ числѣ и два двухъ-палубныхъ корабля и два парохода; они вѣрно не досчитаются болѣе 30 судовъ, о 29-ти мы знаемъ точно, поврежденіе у нихъ во флотѣ очень велико. Дѣйствія ихъ очень слабы и даже, можно сказать, они бездѣйствуютъ, все роются, чтобы укрѣпить свой тылъ, къ чему все это поведетъ, еще разгадать трудно. Перебѣзчиковъ день ото дня болѣе, видно не больно хорошо принимаемъ незваныхъ.

Севастополь отдохнулъ, оправился, снова готовъ на борьбу, я былъ тамъ, осмотрѣлъ всѣ укрѣпленія—видно, что была хорошая схватка;—мнѣ были вездѣ рады, какъ начальники, такъ и гг. офицеры; а солдаты встрѣчали и провожали съ радостію, рады стараться, былъ общій откликъ, а французамъ слышно и досадно, давай стрѣлять, но безвредно.

Потеря наша въ Севастополѣ, не превышаетъ иной день и 20 человекъ. Всѣ, отъ свѣтлѣйшаго до солдата, относятъ нашъ переходъ къ лучшему къ 13-му числу. Великіе Князья все такъ же добры ко

мнѣ, и я ихъ вижу всякій день, они меня ласкаютъ, видятъ мои труды, и приказали, когда-бы то ни было, ежели мнѣ захочется отдохнуть, поѣсть, то чтобы я шель къ нимъ. „Вы трудитесь за всѣхъ, наше дѣло васъ успокоить“. Генералы Философовъ и Корфъ, состоящіе при Ихъ Высочествахъ, по истинѣ благородные и хорошіе люди. Свѣтлѣйшій очень любезенъ, самъ прѣзжаетъ ко мнѣ, ежели что есть передать, но все-таки въ сутки приходится быть у него разъ шесть и болѣе — съ довѣренностью выслушиваетъ, даже принимаетъ и возраженія—говоря: „прошу, прошу мнѣ все говорить, что у васъ на душѣ“. Да подкрѣпить меня Господь, буду работать пока силъ хватить—не страшился штурма, не заискивалъ и не подличалъ, выбрали, да будетъ Его святая воля, видно Богу угодно, хоть скольконибудь усладить за прошедшее. Здоровье мое кое-какъ держится, пословица старая говорить, старое дерево скрыпить, да не ломится; имѣю небольшой уголь вмѣстѣ съ полковникомъ Герсевановымъ, съ которымъ и работаю, ибо онъ исправляетъ должность генераль-квартирмейстера. Пришли фонарь, мнѣ очень нужно, чтобы ночью ходить по горамъ. Надѣюсь, на милость Божью, исполнится общее наше желаніе, и съ новою радостію и торжествомъ, отстоявъ Севастополь и честь нашей матушки Россіи, я обниму васъ, ибо смѣло буду въ правѣ тогда сказать, что и моя кроха тутъ-же.

15-го ноября 1854 г. при Севастополѣ.

Здоровье мое, благодаря Богу, кое-какъ держится, трудовъ такъ много, что я самъ удивляюсь, какъ меня хватаетъ, видно милость Пресвятой, она укрѣпляетъ;—да, такъ много дѣлъ, что и законъ раздѣлилъ на четырехъ генераловъ, а я одинъ и, то едва сформировалъ не полный штатъ, ибо свѣтлѣйшій и слышать не хочетъ о штабѣ, какой долженъ быть въ арміи; „обойдемся“—вотъ его слова. Севастополь, держится такъ же упорно, какъ и союзники, которые съ нѣкотораго времени дѣйствуютъ слабѣе, но не убираются во свояси; имъ привезли теплую одежду, хотягъ зимовать, и притомъ это общее спокойствіе не предвѣщаетъ ничего хорошаго; потери наши уменьшились до 15 человекъ въ день; но за то, люди отъ труда, бессонницы и непогоды болѣютъ; правда, и у нихъ не мало, но намъ отъ этого не легче. Скажи дѣтямъ, пусть усердно молятся, чтобы Господь послалъ милость свою на русскихъ воиновъ, да одолѣютъ врага;—а до того нѣтъ покоя.

21-го ноября 1854 г. при Севастополѣ.

Здоровье мое порядочно, не смотря на труды, описать мой день, было бы трудно, ибо не знаю когда утро, когда вечеръ—все идетъ кругомъ, милостью Бога держусь. Съ свѣтлѣйшимъ, мы сжи-

ваемся, и какъ мнѣ кажется онъ, день ото дня, болѣе даритъ меня своею довѣренностью.

Самый большой докладъ бываетъ вечеромъ, начинается въ 7-мъ и кончается въ 10 или 11 часовъ. Когда кончится борьба наша? Богъ знаетъ—но союзникамъ жутко приходится — перебежчиковъ много, французы, турки и англичане, послѣднихъ прежде не было, а теперь по нѣскольку разомъ. Великие Князья меня ласкаютъ, а по истинѣ не знаю, чѣмъ заслужилъ ихъ вниманіе, они сами сказали мнѣ, — „что съ вашимъ назначеніемъ дѣла пошли иначе и мы писали объ этомъ Государю“.

24-го ноября 1854 г. при Севастополѣ.

Вчера получена бумага, отъ военного министра отъ 14-го ноября за № 8029-мъ къ свѣтлѣйшему. Государь Императоръ, имѣя въ виду, что ваша свѣтлость изволили избрать въ начальники своего штаба генераль-маіора Семякина, Высочайше повелѣлъ спросить, желаете-ли вы, чтобы полковникъ Герсевановъ назначенъ былъ исправляющимъ должность генераль-квартирмейстера, того же штаба. Изъ этого можно заключить, что Царь соизволилъ на мое назначеніе, и можетъ быть уже есть приказъ. Много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ я скинулъ мундиръ генеральнаго штаба, теперь приходится опять надѣть его. Отъ свѣтлѣйшаго за дѣло 13-го октября представленъ къ Георгію 3-й степени, и

скоро полагаю послѣдуетъ разрѣшеніе. Великіе Князья добры ко мнѣ, всякій разъ, какъ видятъ меня, говорятъ: „Зачѣмъ вы не бываете у насъ, чтобы раздѣлить вмѣстѣ нашу хлѣбъ-соль“, —честь велика, но рѣшительно нѣтъ времени.

28-го ноября 1854 г. при Севастополѣ.

У насъ все по прежнему и ничего пока нѣтъ такого, чтобы можно было положительно сказать что будетъ; работы со стороны непріятеля и нашей идутъ, пальба съ обѣихъ сторонъ бываетъ, но не сильная, словомъ ни то, ни се. Погода невыносимая, грязь, дождь, холодъ, не хорошо намъ, не хорошо и имъ—но, что всего хуже—это что дороги сдѣлались непроѣзжими, и всѣ транспорты наши чуть чуть двигаются, а у союзниковъ море все доставляетъ. Пока еще голода мы не терпимъ, но ежели продлится, то будетъ плохо — фуражъ для лошадей невыносимо дорогъ, небольшой возикъ сѣна стоитъ 12 рублей серебромъ, при мнѣ пять лошадей, они меня объѣдаютъ.

Здоровье мое, благодаря Бога ничего, хоть подь часъ и кряхчу поѣздивши часовъ восемь верхомъ—но ничего—работы много, очень много, даже черезъ силу. Свѣтлѣйшій день ото дня болѣе любезенъ и откровененъ. Великіе Князья просто ангелы. Третьяго дня, я провозился въ Севастополѣ съ утра до 3^{1/2} часовъ съ Тотлебенемъ по укрѣпленіямъ; возвращаясь на берегъ, меня увидѣли Ихъ Высочества, спросили „откуда?“ Когда я имъ сказалъ, что изъ Севасто-

поля, то они вскричали: „Только теперь“—ибо видѣли утромъ когда я ѣхалъ. „Ну, такъ теперь насильно поведемъ къ намъ обѣдать, вѣрно ничего не ѣль?“—на мой отвѣтъ, „точно, ничего не ѣль“—они оба взяли меня за руки и повели къ себѣ. Графъ Сакенъ *) прибылъ, и я съ нимъ хорошо познакомился; вчера до 12 часовъ ночи траговали, ибо онъ назначенъ свѣтлѣйшимъ начальникомъ войскъ въ Севастополѣ.

Живу подъ дурной крышей, вмѣстѣ съ Герсевановымъ, кругомъ ординарцы, топографы, писаря и прислуга, такъ что насъ въ 4-хъ небольшихъ комнатахъ живетъ душъ до 40, ежели не болѣе.

4-го декабря 1854 г. бивуакъ при Севастополѣ.

Восторгъ Гавріила Антоновича **) меня тронулъ, а вмѣстѣ и обидѣлъ; онъ представляетъ меня въ карикатурномъ видѣ, пистолетъ въ рукахъ и сабля въ зубахъ. Сколько ни живу и сколько ни бывалъ въ дѣлахъ, я не вооружался такъ, а въ дѣлѣ 13-го октября я и сабли изъ ноженъ не вынималъ, перекрестился и махнулъ шапкою въ обѣ стороны,—все ринулись со мною, и я былъ защищенъ грозными усачами азовцами; они сами, какъ я послѣ узналъ, избрали изъ среды своей охранителей, ибо я и этого при себѣ не имѣлъ, горнисть и казакъ—вотъ мой

*) Здѣсь очевидно ошибка. Баронъ Дмитрій Ерофѣевичъ Остенъ-Сакенъ возведенъ въ графское достоинство 10 апрѣля 1855 г.

**) Сенаторъ Катакази, умершій въ С.-Петербургѣ въ 1867 г.

конвой,—но зоркіе гренадеры сторожили. Выборъ меня княземъ въ начальники штаба весьма лестень, но ты себѣ представить не можешь, сколько труда, тѣмъ болѣе, что не было ни штаба, ни чиновниковъ, ни даже писарей, — все надо создать и работать; много на первое время труда;—но какъ вижу свѣтлѣйшій доволенъ—и такъ добръ, что не рѣдко, дабы не отрывать меня отъ работы, самъ старикъ по два раза въ день прѣзжаетъ и взбирается, по гадчайшей въ мірѣ лѣстницѣ, на мою голубятню. Вотъ не далѣе какъ вчера поздно вечеромъ прислалъ сказать, что-бы я къ нему не прѣзжалъ, а что онъ самъ будетъ; темно, грязно, дождикъ, а старикъ припелся на ослѣ, подписалъ все, что было, принялъ докладъ и отправился на покой. Вчера же въ 10^{1/2} часовъ утра проводили мы Великихъ Князей въ Петербургъ. Какъ грустно было разставаніе,—въ 8 часовъ поѣхали въ Севастополь, отслужили молебенъ и, возвратясь, просили съѣсть хлѣба-соли,—закусивъ отправились. Причина отъѣзда та, что Государыня очень слаба, Царь, извѣщая, не отзывалъ, предоставляя имъ самимъ рѣшить; вотъ молодые орлы и вспорхнули.

Великіе Князья обняли меня, разцѣловали и сказали: „жалѣемъ, что расстаемся, но можетъ быть не на долго, трудитесь по прежнему, Государь не забудетъ“. Свѣтлѣйшій послѣ мнѣ сказалъ: „Они васъ полюбили“. Признаюсь, съ ихъ отъѣздомъ, я осиротѣлъ; эти люди придавали мнѣ духу, крѣпости и жизни, мнѣ казалось, что ихъ глазами видитъ нашъ Царь. Передъ ихъ отъѣздомъ, два вечера они при-

сылали за мною и долго бесѣдовали, дабы на всѣ вопросы Государя быть готовыми; я ихъ снабдилъ всѣми свѣдѣніями. Великій Князь Николай Николаевичъ прочелъ мнѣ часть своего письма къ Государю, отъ 1-го числа, а именно вотъ это мѣсто. Семякинъ идетъ шагъ за шагомъ, и тамъ, гдѣ ничего не было, все приходитъ въ стройность, порядокъ и всѣ его любятъ, и уважаютъ, а что поразительно, это то, что онъ успѣлъ свѣтлѣйшаго сдѣлать щедрымъ на награды — герои день ото дня вырастаютъ.

Севастополь стоитъ молодцомъ, крѣпнетъ день ото дня, непріятель тоже трудится, словомъ борьба, по истинѣ непримѣрная; наши солдаты день и ночь въ трудѣ, убыль ежедневная, довольно значительная. На дняхъ сынъ Ватьяно, флотскій лейтенантъ, былъ въ охотникахъ и тяжело раненъ; больными и ранеными мы теряемъ много, а подкрѣпленія не идутъ, развѣ теперь Великіе Князья дѣло подвинуть; намъ 24-е октября стоитъ болѣе 11 т. убыли, и у союзниковъ велика потеря: 8 генераловъ выбыли изъ строя, но у нихъ море, и корабли привозятъ, а мы выжидаемъ. Но Богъ милостивъ, не оставитъ Россію, и хотя положеніе очень тяжкое и чѣмъ все разыграется — неизвѣстно, но на штурмъ они теперь не пойдутъ; было время, они торжествовали, но упустили, а теперь его не воротятъ. 13-е число какъ камень на нихъ легло, и ежели бы Даненбергъ не сбиль съ толку князя, а выполнилъ бы первое пред-

положеніе, то не случилось бы 24-го числа. Графъ *) Сакенъ, я тебѣ писалъ, въ Севастополѣ. Онъ принялся съ толкомъ, и теперь тамъ тоже водворяется порядокъ, а о храбрости защитниковъ онъ самъ чуть не со слезами говоритъ. Тебѣ правду передали, что меня старшіе любятъ, а солдаты похваляютъ; это неудивительно, я бываю среди ихъ, они видятъ, что пуль и ядеръ не боюсь. Моряки не даромъ кричали ура 13-го числа, а когда я первый разъ обходилъ укрѣпленія, то всѣ встрѣтили со словами: „ради стараться, умремъ, а Севастополя не выдадимъ“. Бываю я на укрѣпленіяхъ хоть и не очень часто, но то князь пошлетъ, то дѣла, то награды развожу, все въ недѣлю раза три Севастополь меня видитъ, видятъ меня и французы и англичане, и я ихъ вижу. Увидишь преосвященнаго Иннокентія, попроси его благословенія и скажи, что я помню его послѣднія слова: „Идите и спасайте мѣсто, гдѣ Россія приняла крещеніе“. Да, Господь сподобилъ быть участникомъ великаго дѣла — да поможетъ Онъ намъ и впередъ.

9-го декабря 1854 г. при Севастополѣ.

Дѣла наши идутъ въ тугую; какъ кажется, союзники хотятъ зимовать и мы тоже готовимся. Севастополь крѣпится, не смотря на ежедневную перестрѣлку, потери наши не очень велики, но всякій день выбываетъ изъ фронта отъ 30 до 50 человекъ. Графъ Сакенъ въ Севастополѣ начальникомъ гарни-

*) Далѣе вездѣ слѣдуетъ читать баронъ.

зона, князь Васильчиковъ начальникомъ штаба гарнизона. Многого мнѣ стоило, чтобы усадить этихъ людей, и ежели бы не Великіе Князья, не знаю—успѣль-ли бы. Они мнѣ помогли и свѣтлѣйшій согласился, сначала Васильчикова, а потомъ и графа Сакена. Теперь я вижу, что свѣтлѣйшій доволенъ. Наконецъ утвердили вчера только мой штатъ, т. е. дежурство, отданъ приказъ и я теперь начинаю устраивать правильное теченіе дѣлъ. Богъ милостивъ поможетъ мнѣ въ этомъ гигантскомъ трудѣ, лишь бы обстоятельства не затянулись. Я становлюсь совершенно глухъ, это происходитъ отъ того, что во время дѣла 13-го октября я контуженъ ядромъ въ голову; но будь покойна—это ничего, я даже и больнымъ не рапортовался. Продолжаю опять письмо, меня прервали сигналомъ по телеграфу, что отрядъ въ Чоргунѣ атакованъ, на коня къ свѣтлѣйшему, онъ тоже готовъ, посадилъ меня въ коляску, и я съ нимъ добрался до извѣстнаго пункта, онъ поѣхалъ на право, къ телеграфу, а я въ отрядъ къ генералу Липранди, вызвалъ отрядъ въ ружье, отдалъ нужныя приказанія и, двинувъ часть отряда, пріѣзжаю къ его свѣтлости, а онъ сидитъ на бревнѣ и хохочетъ—князь Горчаковъ *) шутить, далъ сигналъ, что атакованъ, а это „просто осадили нашихъ казаковъ, а онъ забылъ дать сигналъ, что нѣтъ ничего, — вотъ мы проѣздились даромъ.—Вернемся“.

*) Командиръ 6-го корпуса.

21-го декабря 1854 г. при Севастополѣ.

Вотъ скоро и Рождество Христово, а мы все по прежнему живемъ на манеръ циганскій. Ждемъ холода, чтобы хоть скрючило пришельцовъ, да на бѣду намъ все хорошая погода, иногда только то разгрязнится, то опять остынетъ; со вчерашняго дня подулъ свѣжій вѣтеръ, не пошлетъ-ли Господь холоду хорошаго. Мы и непріатели все въ одинаковомъ положеніи, то мирно, то громко бранимся; громада судовъ, стоятъ, плаваютъ и дымятъ, а пока ничего не предпринимаютъ *). Свѣтлѣйшій со мною хорошъ, и день ото дня болѣе довѣряетъ; служу, работаю, сколько силы позволяютъ, и это онъ видитъ, онъ рѣдкій день не заѣдетъ ко мнѣ два раза, празднымъ не застаеть, а не то видитъ меня на конѣ или въ Севастополѣ, гдѣ тоже хлопотъ много. Союзники всѣ общають штурмъ, но не дѣлають, войска ихъ робщутъ, а власти не позволяютъ, а не то давно бы убрались. Вотъ снова шлютъ намъ подмогу, и въ первыхъ числахъ января, мы будемъ 20-ю т. сильнѣе, и тогда, быть можетъ, что-нибудь будетъ рѣшительное, а до того только пальба съ обѣихъ сторонъ, и разумѣется и потери.

6-го декабря Крюднеръ произведенъ въ генераль-майора за дѣло 13-го октября, и дано 5

---

*) См. приложение № 3.

лентъ въ томъ числѣ и Гриббе *) Станислава 1-й степени. Мое представленіе еще не вышло.

26-го декабря 1854 г. при Севастополѣ.

Давно, очень давно, не имѣю отъ тебя писемъ, ежели они посланы по почтѣ, то лежатъ на какойнибудь станціи—ибо нѣсколько почтъ постигла такая участь, по неимѣнію лошадей; случается, что курьеры приходятъ къ намъ пѣшкомъ. Это наследство оставилъ Пестель, а теперь Николай Адлербергъ не знаетъ что и дѣлать. У насъ съ 24-го числа началась зима, выпалъ снѣгъ и морозы до 5 градусовъ, холодно намъ, но полагаю, что и гостямъ не только не лучше, но едва-ли не хуже, ибо наши войска построили себѣ землянки, а у нихъ лѣсу нѣтъ, слѣдовательно и дровъ. Канонада продолжается день и ночь, хотя не такъ сильно, какъ было, но они много бросаютъ къ намъ бомбъ изъ мортиръ, которыя причиняютъ намъ значительный вредъ—мы съ своей стороны отвѣчаемъ какъ можемъ **) и вѣрно и у нихъ не безъ потери. Вотъ третій день никакихъ ни у кого, не производится работъ, по случаю мороза и снѣга.

Въ половинѣ января будутъ у насъ опять Великіе Князья, а потому я перебираюсь въ другое помѣщеніе потому, что-то которое я занималъ, берутъ для

*) Командиръ Двѣпровскаго полка.

**) См. приложение № 4.

Великихъ Князей; не воображай, что это великолѣпіе, просто таможенный кордонъ, но у насъ это считается палатами. Вотъ уже два съ половиною мѣсяца какъ было дѣло 13-го октября, всѣмъ вышли награды, а мнѣ ничего, — вѣрно забыли. Дай Богъ намъ крѣпость и силу, перенести всѣ настоящія передраги.

31-го декабря 1854 и 1855 г. при Севастополѣ.

Пишу наканунѣ новаго года, а пойдетъ это письмо въ новый годъ. Поздравляю, дай Господь, чтобы 1855 годъ былъ болѣе покойнымъ и благополучно для насъ оконченнымъ, и чтобы намъ свидѣться живыми; а для матушки Россіи, — утѣшительнымъ, она сильно страдаетъ. У насъ все одна исторія, пальба, и большею частію изъ мортиръ; союзникамъ такъ же холодно какъ и намъ, здѣсь уже были морозы болѣе 5 градусовъ, но потомъ дождь, а сегодня опять морозъ, такая смѣсь заставляетъ призадумываться, что будетъ далѣе, наши солдатики кое какъ грѣются въ вырытыхъ землянкахъ, и живутъ кое какъ, а гостямъ въ палаткахъ холодновато. Здоровье мое кое какъ держится, но отъ недостатка сна ослабѣваю, но если хорошенько высплюсь, снова ободряюсь и съ новыми силами принимаюсь за трудъ, но что меня обезкураживаетъ—это то, что дурно слышу, и шумъ въ головѣ сильный. Я просилъ Пирогова меня осмотрѣть и посовѣтовать что мнѣ дѣлать; посмотримъ, что онъ скажетъ.

Жизнь наша въ матеріальномъ отношеніи ужасно дорога, меня лошади скоро съѣдятъ, четверть овса стоитъ 8 рублей; пудъ сѣна 1 р. 20 к. и то съ трудомъ имѣемъ, какъ будто одолженіе дѣлають, что продають. Говядина, хлѣбъ, сахаръ и пр. пр. тоже очень дороги. а какъ я живу своимъ домомъ, то становится тяжело, ибо я положительно о содержаніи ничего не знаю. Штабъ нашъ есть что-то особенное; я начальникъ штаба, тогда какъ слѣдовало быть главнаго штаба; генеральный штабъ, вмѣсто оберъквартирмейстера, назначилъ генераль-квартирмейстера, словомъ свѣтлѣйшій что-то хочетъ доказать, но едва ли не вредить и себѣ, и намъ. Черезъ нѣсколько дней мы увидимъ снова Великихъ Князей—они намъ привезутъ утѣшеніе, ибо это такіе люди, что трудно безъ восторгу говорить.

5-го января 1855 г. при Севастополѣ.

Скажи преосвященному Иннокентію, что Севастополь стоитъ грудью русскою, ему до весны ничего не сдѣлають, а ежели къ намъ не подойдетъ достаточно силъ, чтобы разомъ смахнуть ненужное съ лица русской земли, то съ апрѣля борьба будетъ сильная,—теперь намъ надо силы, ибо патріоты, которые отъ насъ далеко, кричатъ, а дѣла не знаютъ и только сбивають съ толку благонамѣренныхъ. Пусть эти громкіе патріоты пріѣдутъ къ намъ и увидятъ, что дѣлають русскіе солдаты, начиная отъ старшаго до младшаго;—хорошо разсуждать въ теп-

лой гостиной, на мягкихъ диванахъ, пусть-ка хоть десятую долю перенесутъ того, что выдерживаетъ каждый по своему значенію, и поразсмотрятъ ближе всѣ обстоятельства, тогда вѣрно будутъ проситься, для излеченія недуговъ, въ отпускъ.

Корфъ стоитъ такъ же близко къ Эвпаторіи, какъ и прежде, и даже еще крѣпче, обнялъ эту красавицу, набитую турками, татарами и для прикрасы 200-ми французами и англичанами.

Баронъ Врангель, главный попечитель Эвпаторіи, все ждетъ, чтобы они вышли, но едва-ли дождется.

Великіе Князья выѣзжаютъ изъ Петербурга 2-го и пріѣдутъ къ намъ около 12-го числа. Свѣтлѣйшій третій день уже не здоровъ, но работаетъ за десятерыхъ. У насъ въ Севастополѣ всякій день вылазки, охотниковъ много, бьютъ въ особенности англичанъ, ибо французы болѣе солдаты и всегда лучше берегутся, а британцы спятъ, и многіе подъ штыками не просыпаются особенно отличаются два моряка Астатовъ и Бирюлевъ. Вчера свѣтлѣйшій сказалъ мнѣ, что мой Георгій 16-го декабря утверждень самимъ Государемъ, когда получу и надѣну, по благодарю Азовцевъ, и скажу у меня два Георгія, одного дала мнѣ жена—а другаго русскій законъ и Царь.

11-го января 1856 г. при Севастополѣ.

Время течетъ, дни за днями, люди гибнутъ и не видимъ исхода, дѣла тянутся, погода какъ на зло сдѣлалась теплѣе, снѣгъ сошелъ и басурманы ожили, мечутъ бомбы, бьютъ нашихъ, хотя и хоронятъ своихъ; вотъ картина нашего положенія. Ждемъ прїѣзда Великихъ Князей, не привезутъ ли они чего утѣшительнаго, а утѣшеніе состоитъ въ 30 т. пѣхоты, чтобы разомъ повершить дѣло, а то ежели протянемъ до весны, то дѣло пойдетъ въ затяжку, и больше будетъ потери. Свѣтлѣйшій нашъ нездоровъ, жаль смотрѣть на старика, перемогается, а работаетъ, я его сколько можно облегчаю, и вижу, что онъ этимъ доволенъ, хотя и не говоритъ, и я этого не хочу, ибо я служу Царю и Россіи, какъ и онъ, исполняю свой долгъ по чистой совѣсти. Изъ всѣхъ концовъ Россіи я получаю много писемъ, кто съ просьбой, кто съ корпией, а лучше всѣхъ кременчугскій купецъ прислалъ мнѣ нагольный тулупъ, дубленый, какіе носятъ кучера, съ вычурными обшивками и надписью на полѣ: храброму русскому воину Константину Романовичу Семякину, отъ купца и кавалера. Сколько намъ присылаютъ изъ разныхъ мѣстъ образовъ разной величины, изъ одного Кіева выслано до семи тысячъ. Свѣтлѣйшему, что ни почта, то икона отъ духовенства. Пожертвованіямъ нѣтъ конца,—солдатамъ бѣлье, чай, сахаръ, корші и бинтовъ огромныя массы. Королева Нидерландская и

та своей работы корпѣи прислала съ запиской. Наша Царская фамилія неисчерпаемо шлетъ всего для раненыхъ и больныхъ; — я право не успѣваю отвѣчать о полученіи — транспорты приходятъ по десятку подводъ. Изъ этого видно, какъ напряжена Россія, какъ всѣхъ вниманіе обращено на нашъ уголь, въ которомъ ежедневно, не смотря ни на время года, ни на лишенія, наши молодцы дерутся и умираютъ. Дороговизна у насъ страшная, пудъ сѣна стоитъ 1 р. 25 к. — четверть овса 12 р., пудъ мяса 3 р., фунтъ сахару 70 к. такъ и все другое; за перевозку изъ Симферополя до Севастополя, 70 верстъ — берутъ 1 р. 20 к. съ пуда, да и то не хотятъ. Каждый больной солдатъ, отправленный отъ насъ въ Николаевъ, безъ продовольствія, на обратныхъ повозкахъ обошелся до девяти рублей — тяжкое время.

18-го января 1855 г. при Севастополѣ.

Вчера фельдъегерь привезъ мнѣ орденъ св. Георгія; свѣтлѣйшій лишь только получилъ, прислалъ ко мнѣ съ своимъ адъютантомъ; я ту же минуту, не надѣвая присланнаго и не снимая прежняго, поѣхалъ къ нему, поблагодарилъ, и просилъ возложить, — старикъ разчувствовался, прослезился, обнялъ, поцѣловалъ, самъ снялъ старый, надѣлъ новый и сказалъ: „Главнокомандующій и его начальникъ штаба, въ „одинаковомъ русскомъ украшеніи, его даромъ не даютъ“, опять поцѣловалъ и прибавилъ: „Носите во славу русскаго воинства“. Третьяго дня приѣха-

ли Великіе Князья, я ихъ встрѣтилъ, версть за 8-мь; нельзя было не восхититься ихъ добротою, съ которою они меня встрѣтили, поцѣловали и передали поклонъ Царя, говоря: „Государь приказалъ вамъ „поклониться, благодарить за службу и труды, и сказать, что Онъ вами очень доволенъ, ибо видить во всемъ и вездѣ порядокъ:—кромѣ того есть еще много приказаній лично вамъ“.

Остальную всю дорогу они ѣхали верхомъ, ибо мною были высланы лошади, спрашивали и передавали все, что Царю угодно было приказать къ исполненію. Послѣ того, генераль Философовъ тоже передалъ мнѣ поклонъ Царя и Наслѣдника, а также и разныя приказанія. И такъ батюшка Царь видѣлъ, что я служить умѣю, и къ чему нибудь, да годенъ.

20-го января 1855 г. при Севастополѣ.

Севастополь по прежнему стонетъ, французы хотѣли насъ потѣшить минами, да не удалось, наши тоже не промахи, подслушали ихъ работу, бывъ подъ землею на 29 сажень отъ нашихъ укрѣпленій и ежели уже не задушили, то съ часу на часъ это будетъ сдѣлано, ибо у насъ все готово, а они трудятся и шумятъ, а мы ждемъ, чтобы они подошли ближе. Вотъ тебѣ по этому поводу маленькій анекдотъ. Французы очень разозлились, что ихъ мина не удалась и, что напротивъ того, ихъ подорвали наши манеры, опасались, чтобы еще не случилось худшаго — вздумали тоже потѣшиться. Они кое-какъ поправили свою гал-

лерею, и отъ мѣста, гдѣ нашъ камуфлетъ ихъ задушилъ, и гдѣ образовалась впадина сажень 8 назадъ. заложили тоже камуфлетъ предъ моментомъ взрыва, выбѣжали два французскихъ минера, стали на возвышенное мѣсто и начали кланяться, снимая шапки; послѣдовалъ взрывъ, но не только безъ вреда намъ, а съ значительнымъ вредомъ для нихъ; тутъ въ свою очередь наши минеры выскочили на поверхность, и ударили имъ въ ладоши. Приходитъ же охота такъ школьничать, довольно кажется на поверхности земли, а они еще изъ подъ земли, чтобы посмѣяться другъ надъ другомъ. Великіе Князья все такъ же добры и обязательны, сношенія наши довольно часты.

26-го января 1855 г. при Севастополѣ.

Хлопоты наши и труды день ото дня дѣлаются больше, ибо и самыя дѣйствія расширяются. Благодарю Господа, что до сихъ поръ могу угодить князю, онъ, какъ мнѣ кажется, привыкъ къ моей прямотѣ, не знаю, какъ въ душѣ у него, трудно разгадать; но по обстоятельствамъ вижу, что довѣряетъ мнѣ совершенно такъ, что всѣ доклады идутъ безъ затрудненій, и все мною разсматриваемое онъ утверждаетъ. Дѣломъ его не утомляю, а онъ знаетъ и не разъ убѣдился лично, какъ я заваленъ дѣлами, а потому не лѣнится заѣзжать ко мнѣ или приказываетъ не отрываться отъ работы, а присылать къ нему готовое. Третьяго дня вечеромъ въ 9 ча-

совъ, я къ нему поѣхалъ съ докладомъ—но не засталъ его; возвращаюсь къ себѣ и нахожу его, а на моемъ столѣ лежала кипа бумагъ, онъ спросилъ: „Что это за горы?“—„Вапа свѣтлость, это я долженъ сегодня подписать, а это прочитать“.—„Поздравляю, я не думалъ, что у насъ столько работы“. Оно и правда, ибо онъ подписываетъ только важнѣйшіе, а исполненіе по арміи все отъ меня. Работы по Севастополю идутъ упорно, французы стоятъ, а дѣлу исходъ знаетъ единъ Богъ; Севастополь крѣпится, потери ежедневныя до 40 человѣкъ убитыми и ранеными, болѣзненность, по милости Господа, не велика.

30-го января 1855 г. при Севастополѣ.

Пишу отрывисто, ибо мой старикъ князь захворалъ, 28-го и 29-го ему было очень нехорошо, цѣлыя ночи просиживалъ я у него, и писалъ секретныя бумаги. Сегодня, благодаря Бога, князю лучше и я хоть утомленъ но покоенъ, ибо вся тягота лежала на мнѣ, а тутъ еще какъ нарочно скопилось много разнаго роду важныхъ обстоятельствъ, а свѣтлѣйшій былъ такъ слабъ, что едва говорилъ, а по закону умри онъ, я его именемъ долженъ дѣйствовать. Великіе Князья подкрѣпляли меня своимъ вниманіемъ, говоря: „Не уставайте, будьте молодцомъ“. Они заставляли меня въ положеніи чуть не сумашедшаго. Теперъ прошло, свѣтлѣйшій не терялъ памяти, все помнилъ. Странные слухи ходятъ, го-

ворять, что князь меня не любить, и что я мало имѣю на него вліянія, да я этого и не хочу, быть можетъ онъ меня не любить, какъ любимца, ибо я на себя ничего не принимаю безъ его вѣдома, а обо всемъ докладываю, что его и сердить, потому что онъ избалованъ льстедами, которые все выставляютъ въ розовомъ цвѣтѣ, я же, напротивъ, черное—чернымъ; но за то съ другой стороны вижу, что онъ меня уважаетъ — чего и добивался всегда, говорю правду, какъ главнокомандующему и какъ отцу, быть же льстецомъ не умѣю, командовать не хочу, и держу себя тѣмъ, чѣмъ долженъ быть его помощникъ и исполнитель.

6-го февраля 1855 г. при Севастополѣ.

На дняхъ заѣхалъ ко мнѣ Великій Князь Михаилъ Николаевичъ, и нашель чуть не по уши въ бумагахъ: „Ну теперь не удивляюсь, что рѣдко васъ видимъ, чтобы все это прочесть, дать ходъ и исполнить — надо время и терпѣніе, дай вамъ Богъ здоровья“. Да, не даромъ я начальникъ штаба сухопутныхъ и морскихъ силъ.

Свѣтлѣйшаго здоровье поправилось, но онъ еще изъ комнаты не выходитъ, его настоящее обращеніе со мною, приняло манеру дружественно величественную, вѣжливую и полную довѣрія и ласки. Онъ человѣкъ подозрительный и долго меня испытывалъ, теперь убѣдился, что я не люблю говорить на вѣтеръ; на все, что докладываю и предлагаю,

онъ говорить: „дѣлайте это хорошо“. Продолжаю это письмо 8-го, а не окончилъ его по разнымъ происшествіямъ — курьеры, фельдъегеря и распоряженія двое сутокъ не давали вздохнуть, было затѣяно предпріятіе противу Эвпаторіи, куда сосредоточили 23 баталіона, 104 орудія, 62 эскадрона кавалеріи и два полка казаковъ, но бѣглый уланъ изъ поляковъ предупредилъ непріятеля и все ограничилось рекогносцировкой; — мои Азовцы дрались на славу—Крюднеръ раненъ легко въ ногу, но въ полку выбыло много изъ фронта, около 300 человекъ. Надо было все уладить, снова распредѣлить войска, а на это надо и время, и трудъ. Сегодня погода ужасная, мятель, морозъ и вѣтеръ, а я съ утра до трехъ часовъ былъ на водѣ, промокъ. Я два раза былъ въ Севастополѣ.

14-го февраля 1855 г. при Севастополѣ.

Дѣла наши въ застоѣ, хотя мы начали тревожить гостей. 12-го числа была схватка сильная, французы поплатились дорого, 8 офицеровъ убито, 4 въ плѣну. и два дня хоронятъ зуавовъ и Венсенскихъ стрѣлковъ, наша потеря не велика, но дѣло было славное.

22-го февраля 1855 г. при Севастополѣ.

Сколько событій скопилось надо мною вдругъ, даже сообразить трудно,—начну по числамъ. 17-го

числа свѣтлѣйшій послалъ меня осмотрѣть прибывшую резервную бригаду и расформировать ее; въ Бакчисараѣ возился два дня, лечу назадъ и что-же — не застаю свѣтлѣйшаго, который, будучи боленъ, рѣшился по совѣту медиковъ уѣхать изъ Севастополя въ Симферополь, объявилъ о болѣзни приказомъ, сдалъ начальствованіе барону Сакену. Какъ обухомъ оглушило меня это извѣстіе, ѣду къ графу Сакену, онъ спрашиваетъ — видѣлъ я князя? — отвѣтъ „нѣтъ“, свѣтлѣйшій желаетъ и требуетъ, чтобы вы его догнали, хотя бы въ Симферополь, поѣзжайте.

Ѣду къ Великимъ Князьямъ, они тоже мнѣ сказали. Ночь, бумага бездна, распоряженій безъ конца; — въ два часа ночи на перекладной скачу, чтобы застать свѣтлѣйшаго въ Бакчисараѣ. Старикъ принялъ меня очень радушно, цѣлый день продержалъ у себя, куча порученій, наставленій и наконецъ въ 11 часовъ вечера благословилъ и сказалъ: „Продолжайте работать такъ, какъ вы работали, Сакенъ объ васъ очень хорошаго мнѣнія“ — я поправлюсь — приѣду“. Опять скачу обратно, на разсвѣтъ услышалъ знакомый стукъ Севастопольской музыки; часа полтора поспалъ и поѣхалъ къ Сакену, который долго меня продержалъ, задалъ кучу бумага написать, приказалъ приготовить флигель-адъютанта въ Петербургъ, въ Кишиневъ, опять всю ночь не спалъ. Въ 9 часовъ сѣлъ на гичку и перѣѣхалъ въ Севастополь, гдѣ до 12^{1/2} часовъ пробылъ у графа Сакена. Возвратился домой, работы гибель, вечеромъ только что собрались ѣхать, какъ входитъ

ПЕТРЪ КОШКА.

адъютантъ Великихъ Князей, и говорить: „Ихъ Высочества васъ просятъ къ себѣ, они черезъ часъ ѣдутъ въ Петербургъ,“—новый ударъ; вмѣсто лодки, на коня, Они получили съ фельдъегеремъ извѣстiе, чтобы пріѣхать поспѣшнѣе въ столицу, потому, что не только Государыня,—но Боже! Самъ Царь трудно боленъ. Это окончательно доконало меня. Ихъ Высочества обняли меня, поцѣловали и, чуть не рыдая, сказали: „застанемъ-ли Его?“ Многое и многое было еще говорено, и вотъ мои птенцы въ 10 часовъ ускакали;—отъ нихъ съ коня въ лодку и къ графу Сакену.

25-го февраля 1855 г. при Севастополѣ.

Не успѣваю опомниться отъ разныхъ событiй; только что графъ Сакенъ вступилъ въ главные распорядители, какъ опять переменна. Вдругъ получаю отъ свѣтлѣйшаго прилагаемое при семь письмо *). Храни его на память дѣтямъ, отъ истинно государственнаго человѣка. Чѣмъ-то Богъ пошлетъ мнѣ съ княземъ Михаиломъ Дмитриевичемъ Горчаковымъ,—крутенокъ онъ немного, да ничего, а если замѣчу, что я ему не по сердцу, тотчасъ же отпрошусь, тѣмъ болѣе, что боль отъ контузии, которая причиняетъ мнѣ ужасныя головныя боли, все болѣе и болѣе усиливается, и мнѣ необходимо отдохнуть, но при святомъ дѣлѣ, безъ побудительныхъ причинъ, и думать не

*) См. приложение № 5.

смѣю. Ежели Богу угодно будетъ продлить мнѣ дни и укрѣпить меня, то оставлю дѣтямъ единственное наслѣдство, это имя хорошаго и честнаго офицера; дай только Господи покончить эту святую войну.

Пока у насъ ничего не происходитъ въ Севастополѣ, ничего непріятелю не удается, наши минеры молодцы, вездѣ душатъ французовъ такъ, что имъ не удалось ни разу намъ повредить, а наши уже 8 разъ, въ разныхъ мѣстахъ, ихъ душили. Теперь мы начали наступленіе, отодвигая ихъ работы, вотъ уже два укрѣпленія, Селенгинское и Волынское, поставили на землѣ, занятой англичанами; ежели не сегодня, то завтра приступятъ къ устройству третьяго, тоже впередъ, а потомъ посмотримъ, что далѣе дѣлать; все это оставилъ свѣтлѣйшій въ наслѣдство. Подъ Евпаторіей было хорошее кавалерійское дѣло, наши уланы турокъ поколотили исправно; но ничего особенно важнаго не слѣдуетъ выводить, это удачная стычка и только. Ждемъ теперь officialнаго назначенія какъ князя Горчакова, такъ и того, кто будетъ назначенъ въ южную армію. Немного времени осталось намъ быть въ покоѣ, послѣ первой половины марта дѣла должны пойти бойко, грозно; чья возьметъ? Дай-то Господи, покончить благополучно, ибо въ газетахъ пишутъ, что и сардинцы хотятъ къ намъ въ гости, тутъ-то стукотня пойдетъ со всѣхъ сторонъ.

2-го марта 1855 г. при Севастополѣ.

Вчера мы всѣ присягали Императору Александру II. Утро я провелъ въ устройствѣ повсемѣстной, присяги и присягали подь гуль непріятельскихъ выстрѣловъ. Получилъ отъ свѣтлѣйшаго письма изъ Перекопа, онъ очень слабъ, онъ хочетъ видѣться съ княземъ Горчаковымъ, но когда послѣдній прибудетъ—еще не знаемъ. Графъ Ридигеръ назначенъ главнокомандующимъ гвардейскимъ и гренадерскимъ корпусами, дай ему Богъ здоровья. Какъ много разнаго роду перемѣнъ, и сколько еще послѣдуетъ, при ново воцарившемся, укрѣпи Его Господь, дабы Его царствіе было счастливое, и дабы намъ выйдти изъ труднаго положенія.

9-го марта 1855 г. при Севастополѣ.

Наконецъ, вчера пріѣхалъ князь Горчаковъ, очень любезно встрѣтилъ меня, благодарилъ за труды и службу; теперь не знаю еще какъ будетъ, ибо хотя арміи и не сливаются вмѣстѣ, но съ нимъ пріѣхалъ Коцебу, и ѣдутъ всѣ старшіе; но, какъ кажется, я останусь все начальникомъ штаба крымской арміи, ибо онъ хотѣлъ имѣть общій штабъ. Посмотрю какъ пойдутъ дѣла, ежели плохо, то удалюсь. Свѣтлѣйшій попрощался съ войсками приказомъ *), а мнѣ при-

*) Приказъ главнокомандующаго военными сухопутными и морскими силами въ Крыму. Перекопъ, февраля 28-го 1855 г. № 72.

слать два письма, одно официальное *), а другое собственноручное **), спасибо ему и за это; я на него жаловаться не смѣю, хотя могъ бы за труды мои и представить, но я не знаю, что онъ сдѣлалъ, можетъ быть и писалъ. Дѣла Севастополя начинаютъ принимать положеніе грознѣе — союзники страшно мечутъ бомбы. 5-го числа въ три часа времени, бросили болѣе 3 т. и, что же, съ Божиємъ милосердіемъ, мы потеряли не болѣе 40 человекъ, когда одна удачна я можетъ убить столько-же.

14-го марта 1855 г. при Севастополѣ.

Дѣла Севастополя трудно опредѣлить, ибо собственно дѣла Севастополя пока хороши, но какъ будетъ вообще, когда разыграются всѣ силы союзниковъ; наконецъ, прибытіе сардинцевъ и еще турокъ и когда они изъ Евпаторіи съ одной стороны, изъ Феодосіи съ другой и изъ Севастополя откроютъ свои дѣйствія одновременно, то хватить ли насъ, чтобы дѣло повести какъ слѣдуетъ. Господи, помоги намъ! на Него вся надежда, Онъ не оставитъ православной Россіи. Ночь съ 10-го на 11-е была ужасная: союзники истопили всѣ усилія, да и наши не только не дали ни шагу сдѣлать, но множество ихъ работъ срыли, три мортиры заклепали и разорили батареи—увлеклись молодечествомъ такъ, что даже не

---

*) См. приложение № 6.

***) См. приложение № 7.

слушали ни сигналовъ, ни приказаній начальства, такъ, что начальникъ вынужденъ былъ послать іеромонаха Іоанікія Бакчисарайскаго съ крестомъ уговорить ихъ, и этотъ пастырь едва убѣдилъ ихъ вернуться, получивъ при этомъ двѣ легкія раны, и кромѣ того отбита была верхняя часть креста, который онъ держалъ въ рукахъ. Потеряли мы много, но непріятель ужасно, взято въ плѣнъ: одинъ полковникъ, нѣсколько офицеровъ и до 60 человекъ французскихъ зуавовъ, въ числѣ коихъ арабы, да нѣсколько англичанъ. Ежедневная канонада, очень сильная, непріятель не жалѣетъ бомбъ, бросаетъ по 2 т. и по 3 т. въ ночь, но отъ нихъ нашли средство защищаться, хотя и не безъ потери. Съ прибытіемъ Ушакова, Бутурлина и другихъ, надѣюсь отдохнуть немного. Что будетъ впереди не знаю, можетъ быть дадутъ дивизію.

21-го марта 1855 г. при Севастополѣ.

Много сюда пріѣхало, и любятъ Севастополь, грозностью нашихъ приготовленій и сооруженій *), молодечествомъ моряковъ и нашихъ пѣхотинцевъ. Потеря наша теперь, не говоря объ экстренныхъ случаяхъ, бываетъ ежедневно отъ 150 до 200 человекъ и болѣе, выбывающихъ изъ строя; достается и гостямъ, но это неутѣшительно, они живутъ на землѣ русской. Что будетъ далѣе, относительно

*) См. приложение № 8.

дѣйствию трудно сказать, ибо непріатели вѣрно чего то поджидаютъ, вотъ третій день и канонада меньше. Къ намъ идутъ на подкрѣпленіе 2^{1/2} дивизіи пѣхоты и дивизія драгунъ, но я боюсь, что опоздають.

27-го марта 1854 г. при Севастополѣ.

Христосъ Воскресе. Нынѣ первый день великаго праздника, пальба неумолкаемая цѣлую ночь и цѣлый день, многіе, многіе наши въ такой день убиты и ранены, конечно не безъ того и у союзниковъ. Вотъ гдѣ именно видно христіанство и утонченная образованность пресловутыхъ европейцевъ. Грустно, подъ такой акомпаниментъ сидѣть въ лагерь, въ которой отъ каждаго выстрѣла дребезжать окна, ибо каждый выстрѣлъ всякій разъ толкаетъ въ сердце. День какъ бы на заказъ тихій, въ полдень прошелъ маленькій дождь, а потомъ сдѣлалось опять тихо и ясно—а стрѣльба все продолжается. Изъ Петербурга получилъ письма отъ генерала Корфа, состоящаго при Великихъ Князьяхъ; они не знаютъ многихъ подробностей моего настоящаго положенія, буду писать и просить ихъ покровительства, ибо оставаться въ неизвѣстности невыносимо. Съ свѣтлѣйшимъ я въ перепискѣ, но ничего положительнаго не знаю, сдѣлаетъ-ли онъ, что нибудь для меня, за мой трудъ и усердіе, знаю только, что всѣмъ онъ говоритъ обо мнѣ, хорошо и за то спа-

собо. Теперь во время отдыха, буду лечиться отъ моей контузии, а то мочи нѣтъ, шумъ въ головѣ и плохо слышу.

28-го марта 1854 г. при Севастополѣ.

Въ пять часовъ и пять минутъ утра, гг. европейцы, открыли сильнѣйшую канонаду по всей линіи Севастопольскихъ укрѣпленій такъ, что съ обѣихъ сторонъ заговорило до тысячи орудій большаго калибра. Какъ я ни глухъ, а услышалъ, одѣлся и, помолясь Богу, вышелъ посмотреть: дождь, туманъ, холодный вѣтеръ и страшный орудійный громъ. Собравъ бумаги и приказавъ уложить вещи, я совершенно приготовился, по первому приказанію, ѣхать куда прикажутъ. Въ половинѣ восьмого, поѣхалъ къ князю; онъ былъ тревоженъ, и увидя меня, спросилъ къ себѣ въ кабинетъ: „было-ли прежде такъ?“ я отвѣчалъ: „было гораздо хуже, 5-го и 6-го октября, канонада была въ нѣсколько кратъ сильнѣе, тогда дѣйствоваль и весь флотъ, а теперь онъ молчитъ, бывали и послѣ такіе же дни; но успокойтесь, Богъ милостивъ, потерь большихъ не будетъ, ибо люди закрыты, а прикажите только рѣже стрѣлять, ибо эта музыка протянется нѣсколько дней, а у насъ пороху не очень много“. Онъ сейчасъ-же послалъ графу Сакену приказаніе. Такъ тянулся весь день, вотъ и вечеръ, а канонада продолжается, хотя по временамъ и рѣже; въ 10 часовъ ночи, какъ пушеч-

ная стрѣльба, такъ и бросаніе бомбъ еще болѣе усилились—трескотня невыразимая.

29-го марта 1855 г. при Севастополѣ.

Съ разсвѣтомъ этого числа, канонада усилилась до ожесточенія по всей линіи; въ 9 часовъ флотъ началъ вытягиваться, какъ-бы желая тоже участвовать въ бомбардировкѣ. Господи, помоги нашимъ!—дѣло идетъ не на шутку. До ночи ничего съ флота не предпринято, только жестокая канонада съ суши. Ночь началась, снова, метаніемъ бомбъ и конгревовыхъ ракетъ; я пишу, а Севастополь обстрѣливаютъ по всѣмъ направленіямъ. Въ сутки 28-го числа, т. е. съ 6-го часу утра до 6 часовъ утра 29-го, потеря наша была убитыми и ранеными 475 человекъ, въ текущіе сутки еще неизвѣстно. Молитесь Господу Богу, и да расточатся враги. 30-е число исходитъ, а канонада не только не умолкаетъ, но какъ будто усиливается. Канонада слышна за 110 верстъ, сейчасъ это сказалъ мнѣ пріѣхавшій офицеръ. 31-го сильная канонада не умолкаетъ, такъ что голова трещить.

2-го апрѣля 1855 г. при Севастополѣ.

Положеніе Севастополя продолжается одинаково, артиллерійскій неумолкаемый огонь съ обѣихъ сторонъ; днемъ еще какъ то выносимо, но съ наступленіемъ сумерокъ всегда начинается страшная канонада.

нада—такъ, что вчера, напримѣръ, на одинъ 4-й ба-
стіонъ французы бросили до 2800 бомбъ; грустно на
сердцѣ, а Севастополь стоитъ; все, что въ теченіи
дня разбито и испорчено, въ ночь, не смотря на огонь,
исправляется такъ, что къ утру какъ ни въ чемъ не
бывало. Много потери, но наши герои не унываютъ
и храбро стоятъ, ждутъ съ нетерпѣніемъ штурма.
но какъ кажется, гости не очень то къ этой про-
дѣлкѣ расположены, ибо знаютъ, что ихъ примутъ
не шути. Сегодня ночью одинъ паровой корабль по-
пробовалъ подойти поближе и пострѣлять по нашимъ
батареямъ, но его такъ хорошо приняли, что онъ
поскорѣе отправился назадъ.

19-го апрѣля *) 1855 г. при Севастополѣ.

Вечеромъ 17-го числа, насилу добрался до Сева-
стополя; здѣсь все благополучно, канонада стихла.
приняла обыкновенные размѣры, и даже какъ будто
меньше обыкновеннаго. Дѣлъ особенно важныхъ не
было, а тѣ, о которыхъ шла молва, были ни что иное,
какъ вылазки, удачно исполненныя. Князь встрѣтилъ
меня очень любезно. Союзники работаютъ дѣятельно
и ежели, чего Боже сохрани, они привезутъ еще сар-
динцевъ, то не знаю какъ дѣла пойдутъ—развѣ при-
бытіе драгунъ насъ подкрѣпитъ. Снаряжай нашихъ
сыновей, и какъ только кончатъ экзамены, отслужи

*) Съ 3-го апрѣля былъ командированъ въ Перекопъ, Николаевъ,
Одессу и Бендеры, дабы дать скорѣйшій ходъ транспортамъ съ по-
рохомъ и снарядами къ Севастополю.

молебень—благослови, и, какъ я сказалъ, съ Богомъ отпущай ихъ на жизнь съ людьми и на службу;—пора начинать имъ жить своимъ умомъ *).

Сегодня утромъ въ 9^{1/2} часовъ потребовалъ меня князь; когда я вошелъ, то онъ встрѣтилъ меня словами: „я назначаю васъ начальникомъ I-й дистанціи Севастополя, и всѣхъ войскъ, тамъ находящихся, вотъ бумага, поѣзжайте къ графу Сакену, и скажите, что я въ часъ буду у него. Вы же, осмотрите все, и будьте къ этому времени тоже у графа Сакена, съ вашими замѣчаніями“. И такъ, я теперь водворился на I-й дистанціи, вмѣстѣ съ Зоринымъ; онъ меня пріютилъ въ своемъ блиндажѣ, и вотъ ночь прошла безъ сна; канонада очень малая, мы больше ихъ тревожимъ; но работы много.

22-го апрѣля 1855 г. Севастополь. I-я дистанція.

Благодареніе Богу, все благополучно, а непріятель все усиливается; намъ приходится крѣпко натуживаться, князь Горчаковъ усилилъ меня войсками; и, уповая на благость Всевышняго, буду крѣпко ихъ удерживать. Вчера познакомился съ французскимъ полковникомъ Раулемъ, онъ противъ меня ведетъ траншеи. Живу я почти на срединѣ дистанціи, ближе къ 6-му басіону, въ блиндажѣ, вмѣстѣ съ Зоринымъ, тутъ же канцелярія и вся молодежь.

*) Старшему было 18 лѣтъ, второму 17, воспитывались въ Рихельевскомъ лицѣѣ.

28-го апрѣля 1855 г. Севастополь.

Сегодня большое спокойствіе, идетъ дождь и гг. французы притаились въ своихъ логовищахъ; ночью мы ссорились и, милостью Творца, все благополучно окончилось; мои молодцы охотники ходили въ гости, разтаскали часть траншеи и принесли, какъ трофеи, 16 кирокъ, 8 лопать и 18 мѣшковъ; а ходили только два офицера, юнкеръ и пять рядовыхъ, одного изъ рядовыхъ легко задѣло пулей. Работы идутъ усиленно, и я сегодня ночью, съ часу до пяти утра, ходилъ по работамъ, чтобы ободрить духъ труженниковъ солдатъ; чудо, что за народъ—терпѣливъ и послушенъ. У меня въ командѣ 6 полковъ: Владимірскій, Бѣлостокскій пѣхотные, Подольскій, Житомирскій, Углицкій и Великаго Князя Михаила Николаевича егерскіе; два резервныхъ баталіона, рота стрѣлковъ, двѣ роты саперъ и моряки, да 260 орудій и мортиръ—чуть не корпусъ, всѣхъ надо видѣть, со всякимъ поговорить, гдѣ и побраниться, а гдѣ и приласкать. Ежели Господь не лишитъ меня силъ, надѣюсь, что полюбятъ, моряки называютъ меня адмираломъ и говорятъ: „вотъ онъ, подъ всякимъ вѣтромъ ходить умѣетъ“. Когда представляется случай раздавать Георгіевскіе кресты, то это я всегда самъ исполняю, это ихъ очень радуетъ, при этомъ много рѣчей и много смѣху. Начальники батарей, всѣ морскіе офицеры, весьма бравые молодцы и всѣ почти на своихъ мѣстахъ съ начала обороны. Рѣдко

кого вижу, охотниковъ заходить ко мнѣ мало, ибо не всегда покойно, сегодня противъ обыкновенія тишина надъ Севастополемъ, изрѣдка слышится ружейный выстрѣлъ. Дождь пересталъ къ вечеру, и музыка началась.

3-го мая 1854 г. Севастополь.

Съ 1-го на 2-е число, на моей дистанціи было сдѣлано двѣ вылазки и обѣ съ помощію Бога удались—французы хитры, но и у насъ хватаетъ ума. Одну вылазку я сдѣлалъ въ 10 часовъ вечера, 160 охотниковъ и баталіонъ въ подкрѣпленіе, подошли удачно, къ траншеямъ непріятели, бросились на нихъ, заставъ въ распахъ, перекололи и перепортили ихъ работы, и возвратились назадъ. Наша потеря не велика, а французамъ досталось порядочно; размѣется, вслѣдствіе этого тревога во всемъ союзномъ лагерѣ, всѣ стали въ ружье, а наши уже были дома. Давъ имъ успокоиться и предположить дѣло конченнымъ, въ часъ ночи я началъ другое движеніе на лѣвомъ флангѣ—эта вылазка была еще удачнѣе, 110 охотниковъ и двѣ роты бросились такъ быстро, что гг. французы, полусонные, улепетывали куда глаза глядятъ. Снова тревога, и раза три французы совалялись впередъ, но ура и штыкъ всякій разъ отбрасывалъ ихъ. Поразоривъ ихъ работы, начали отступать французскія колонны, хотѣли настигнуть насъ, но у меня былъ готовъ для нихъ сюрпризъ; какъ только наши спустились въ лощину, какъ по данному сиг-

налу, болѣе 40 орудій и до 15 мортирь открыли кар-течный огонь, продолжавшійся болѣе 15 минутъ;— это былъ адъ, а гостямъ крайне было не по нутру. Тутъ у насъ тоже потеря очень малая. Этой вылазкой командоваль полковникъ Лидовъ, теперь онъ командиромъ Волынскаго полка. Князь былъ очень доволенъ обѣими вылазками, жду отъ него Георгіевскихъ крестовъ для солдатъ и наградъ для офицеровъ. У меня на дистанціи работъ очень много, такъ что ежедневно болѣе 3000 человекъ выходятъ на работы. Сыновей буду поджидать, ибо ты пишешь, что отправишь ихъ около 24-го числа, быть по твоему; но не грусти, Богъ милостивъ, сохранить ихъ отъ пули непріятеля, я ихъ поручу князю Горчакову, онъ не откажетъ мнѣ ихъ пристроить.

Ночь 14-го мая 1855 г. Севастополь.

Благодаря Господа, я здоровъ на сколько возможно быть; стучимъ денно и ночью, въ особенности съ 10-го на 11-е и 11-го на 12-е; ночи были очень не покойныя—дрались русскіе съ французами сильно и порядкомъ пощипали Наполеоновскую гвардію, досталось и намъ; но гдѣ дрова рубятъ, тамъ щепки летять; на досугѣ, когда нибудь, опишу эти двѣ ночи; а теперь некогда, надо еще обойдти дистанцію, гдѣ производится много работъ. Самое большое, на что могу пожаловаться, это на шумъ въ головѣ и глухоту, да сильныя головныя боли по временамъ тревожатъ. Сардинцы прибыли — что предпримуть

трудно угадать; часть флота съ войсками пошла къ Керчь, и часть въ Байдарскую долину, какъ кажется о морѣ мало думаютъ, а начинаютъ разыгрывать драму во всей полнотѣ. На Одессу теперь трудно ожидать какого либо нападенія, а ежели что будетъ, то вѣроятнѣе всего, что бросятся на Бессарабію, но откуда—это загадка.

18-го мая 1855 г. Севастополь.

Мы, русскіе, однимъ урокомъ не довольствуемся, надо два и три, такъ случилось и теперь. Въ апрѣлѣ надѣлали глупостей у 3-го бастиона, и у редута Шварца, послѣ которыхъ князь назначилъ меня, 19-го апрѣля, сдѣлана была дневная вылазка и Коцебу распорядился, кончилось не совѣмъ удачно, но и не дурно. Затѣмъ предоставлено было мнѣ, но дожди мѣшали нѣсколько дней; наконецъ я сдѣлалъ двѣ вылазки въ одну ночь съ 1-го на 2-е мая, о которыхъ и писалъ, онѣ были очень удачны. Были у меня и другія предположенія, но явился Хрулевъ съ своими проэктами; не знаю какъ князь согласился, но кончилось тѣмъ, что подъ главнымъ начальствомъ Хрулева, въ ночь съ 9-го на 10-е, заложили мы огромныя траншеи впереди нашихъ укрѣпленій, неприятель не мѣшалъ, ибо не зналъ, что мы дѣлаемъ; но днемъ разглядѣлъ и когда наши пошли въ ночь съ 10-го на 11-е продолжать работы, завязался страшный бой: 10 баталіоновъ оказалось мало, взяли у меня 4 баталіона, и, мы хотя въ крови, но удержали

за собою все, что нами было начато. Въ эту адскую ночь, мы потеряли 1 генерала, до 70 штабъ и оберъ-офицеровъ и около 3000 нижнихъ чиновъ, убитыми и ранеными, собственно убитыхъ около 900 человекъ; съ 11-го на 12-е вмѣсто того, чтобы поддержать болѣею силою то, что такъ дорого стоило удержать, Хрулевъ послалъ только 2 баталіона; непріятель ихъ сбиль и занялъ наши работы. Грустно смотрѣть, что мы работали для нихъ, и дали имъ возможность безъ всякихъ работъ съ ихъ стороны приблизиться къ намъ, болѣе чѣмъ на 200 сажень; теперь едва-ли ихъ оттуда выбьемъ, они роятся сильно и, не смотря на огонь нашей артиллеріи, работы ихъ подвигаются, хотя они еще и далеко отъ 6-го бастіона, но пули ихъ уже летаютъ къ намъ. У 5-го бастіона, я заложилъ 10 минныхъ рукавовъ, чтобы не дать имъ взорвать редутъ Шварца. У Баумгартена они въ 10 саженьяхъ, но ничего не предпринимаютъ. Мы имѣемъ извѣстіе, что Керчь занята непріателемъ, наши батареи взорваны, наши казенные запасы уничтожены, но частнаго добра говорятъ попало въ ихъ руки много. 4 нашихъ парохода ушли въ Азовское море; непріятель потерялъ два парохода и одну канонирскую лодку. Барона Дельвига у меня взяли, Зоринъ заболѣлъ и я остался одинъ, прислали мнѣ полковника Бусау, онъ добрый человекъ и помогаетъ мнѣ. Главная квартира переходитъ на Инкерманъ, т. е. версты за четыре далѣе—назадъ. Вчера князь Горчаковъ былъ у меня и обходилъ со мною всю дистанцію, остался очень доволенъ и сказалъ: „многихъ слабыхъ мѣстъ я не

узнаю, такъ они преобразились“. У Шварца редута, гдѣ наиболѣе опасно, и гдѣ произведены были мною самыя большія и трудныя работы, онъ былъ восхищенъ. Наконецъ, зашелъ ко мнѣ въ блиндажъ, посидѣлъ, благодарилъ всѣхъ начальниковъ батарей, и начальниковъ работъ, а ко мнѣ обратился со словами: „Я не нахожу словъ васъ благодарить, чтобы въ мѣсяць такъ все преобразовать—надо много труда и умѣнія“.

22-го мая 1865 г. Севастополь 1-е отдѣленіе.

Вчера былъ день нашего общаго ангела, а я одинъ, въ чужой флотской семьѣ. Отслужили молебенъ и выпили по стакану шампанскаго, и этимъ отпраздновали именинника. Французы вѣрно узнали это, потому что салютовали бросаніемъ бомбъ, которыя разрывались вблизи блиндажа. Затѣмъ день прошелъ въ распоряженіяхъ, ибо наканунѣ ночью, да и днемъ, союзники за что-то сердились и надѣлали у меня большіе безпорядки*), понарыли пропасть ямъ, засыпали амбразуры, испортили платформы и подбили нѣсколько орудій, все надо было привести въ порядокъ и этимъ то я исключительно занялся въ этотъ день,—благодаря Господа, потеря въ людяхъ была не велика. Вечеромъ другія работы, приготовленія на ночь, а тутъ пріѣхали ко

---

*) Всѣ серьезныя дѣла онъ описывалъ довольно легко, дабы не тревожить жену и старуху мать.

мнѣ князь Урусовъ, князь Васильчиковъ и еще другіе знакомые, и мы выпили по стакану чаю, потолковали о дѣлахъ и все подѣ звуки непріятельской пальбы. Керчь занята, непріятель прѣникъ въ Азовское море, Геническъ и въ особенности Бердянскъ сильно пострадали, первый выжгли, а второй выжгли и ограбили, а суда потопили или сожгли. Постигла ли таже участь Мариуполь и Таганрогъ, не знаю, но далѣе они не пойдутъ. Теперь мы въ горѣ отправляемъ нашихъ молодцовъ, Богъ и Пресвятая будутъ имъ защитниками; не тужи, молись и все будетъ какъ свыше благословится, Онъ не оставитъ насъ, сохранитъ ихъ для насъ.

25-го мая 1855 г. Севастополь 1-е отдѣленіе.

Здоровье моекое-какъ держится, но жара невыносимая, да и труда довольно, а чѣмъ все разыграется Единъ Творецъ знаетъ; къ намъ идутъ три дивизіи и два ополченія, и дней черезъ 10 или 15 должно все прибыть *). Съ нашимъ Севастополемъ много, много перемѣнъ: 25-го въ три часа пополудни, вдругъ непріятель открылъ сильнѣйшую канонаду по 1, 2 3-му бастіонамъ, Малахову кургану и по редутамъ Камчатскому, Волынскому и Селенгинскому—этотъ адскій и убійственный огонь продолжался всю ночь; второе отдѣленіе тоже было въ огнѣ, а мое въ совершенномъ спокойствіи, это всѣхъ насъ сбило съ

*) Тутъ письмо было прервано до 29-го.

толку, и потому никто не дремалъ. Съ разсвѣтомъ 26-го открыли огонь и по моей дистанціи; ты не можешь себѣ представить, что это былъ за концертъ на протяженіи всей линіи; въ 5 часовъ пополудни, вдругъ къ пушечному огню прибавился на 3-мъ и 4-мъ отдѣленіяхъ еще и ружейный, который продолжался до 10 часовъ ночи, что это значило, по отдаленности мы не знаемъ. Въ это время огонь у меня совершенно прекратился, а только барабанный бой и крикъ ура по временамъ долетали до насъ. Все стояло въ ружьѣ — работы были прекращены и мы ждемъ приступа;—часовъ въ 12 доходить до насъ вѣсть, что непріятель, сосредоточивъ огромныя силы, напалъ одновременно на наши три редута, которые переходили два раза изъ рукъ въ руки, но за кѣмъ остались—не знаю; такъ продолжалось до утра. Наконецъ, дошла до насъ грустная вѣсть, что непріятель овладѣлъ и удерживаетъ за собою редуты. Потеря наша очень значительна; генералъ Тимофѣевъ раненъ въ голову пулей, нѣсколько полковыхъ командировъ тоже ранены, въ томъ числѣ легко и баронъ Дельвицъ. Непріятельская потеря ужасная, болѣе 300 человекъ находятся у насъ въ плѣну, а раненыхъ и убитыхъ, должна быть ужасная цифра, ибо картечный огонь нашей артиллеріи 1, 2 и 3-го бастіоновъ и Малахова кургана былъ ужасный. Вчера подбирали тѣла, кромѣ убранныхъ непріятелемъ прежде, нашими похоронено очень много. И вотъ съ тѣхъ поръ, огонь артиллеріи противъ этихъ бастіоновъ, т. е. на лѣвой поло-

винѣ города, неумолкаемый, а мое отдѣленіе, какъ бы на отдыхѣ, стрѣляетъ, но рѣдко. Только ночью бомбы летягъ безъ числа и Севастополю достается ужасно. Чѣмъ все это кончится? Неужели Господь попуститъ, чтобы они пересилили насъ—и взяли Севастополь! Сегодня князь Горчаковъ подписалъ приказъ о назначеніи меня начальникомъ 10-й пѣхотной дивизіи *). Жду не дождусь сыновей, полагаю, что они скоро придутъ.

1-го іюня 1855 г. Севастополь. 1-е отдѣленіе.

Вотъ третьи сутки, мы отдыхаемъ отъ третьей канонады. Редуты: Камчатскій, Селенгинскій и Волыньскій окончателно остались за непріателемъ; плохо, но нечего дѣлать. У меня на лѣвомъ моемъ флангѣ, редутъ Шварца—крайне опасенъ, и потому необходима самая строгая бдительность; вотъ были двѣ фальшивыя тревоги, которыя дорого стоятъ непріателю, и къ тому еще, что онъ убѣдился въ чуткости нашей; впрочемъ, пока все благополучно и хотя пострѣливаютъ, особенно вечеромъ бомбами, но на это мы смотримъ какъ на фейерверкъ, или какъ на необходимое, ибо ежели совершенно тихо, то начинаемъ тревожиться, не зная, что бы это означало. Съ окончаніемъ канонады, непріатель останея какъ бы въ бездѣйстви, чего-то у него не достаетъ; но чего, трудно угадать, или не хочетъ ли насъ усы-

*) См. приложеніе № 9.

пить, а потомъ вдругъ штурмовать; но мы не дремлемъ, а съ помощію Божіею попытка эта ему не удастся; или не надумалъ ли г. Пелисье что и безъ того потеря велика—поговариваютъ будто и онъ раненъ въ голову. Работы непріятели идутъ мѣстами дѣятельно, но вообще что-то копотливо. У насъ все одинаково, хотя люди и поуспали, но бодрствуютъ и работаютъ.

Въ Керчь англичане выдѣлывали чудеса варварства, князь Барятинскій возвратился оттуда и рассказывалъ такіе ужасы, какихъ и войска Чингисъ-Хана никогда не выдѣлывали. Французы, напротивъ, ведутъ себя хорошо.

7-го іюня 1855 г. Севастополь.

Послѣ краткаго отдыха, г-нъ Пелисье задаетъ намъ новые спектакли, и вотъ въ чемъ они состоятъ: 5-го утромъ въ 4 часа, открылась самая ужасная канонада на лѣвой половинѣ; меня же и сосѣда моего оставили въ покоѣ, долго мы недоумѣвали, что все это значить, но огонь самый ужасный разгорался часъ отъ часу сильнѣе и сильнѣе съ обеихъ сторонъ. Въ 2^{1/2} часа выстрѣлы противниковъ начались и противъ меня, и все чаще и чаще, и наконецъ все слилось въ одинъ общій гулъ — по всей линіи Севастополя шла самая сильнѣйшая канонада, какъ изъ орудій, такъ и изъ мортиръ; наступилъ вечеръ, мы думали, что утихнетъ,—не тутъ-то было, надбавили ракетъ, да начали подходить пароходы и

задавать залпы то гранатами, то ракетами,—чего и чего мы не насмотрѣлись; такъ продолжалось цѣлую ночь, всѣ были на ногахъ; день былъ удушливый, а ночь жаркая по огню и отъ пожаровъ, которые начали мѣстами оказываться, тушить ихъ было не кому, да и невозможно, ибо союзники, лишь только замѣтятъ это, такъ тотъ часъ сосредоточиваютъ туда свои выстрѣлы, предполагая, что тамъ большое скопленіе людей.

6-го числа съ разсвѣтомъ, услышали мы, на лѣвомъ флангѣ, на 1 и 2-мъ бастіонахъ и на Малаховомъ курганѣ, сильнѣйшій ружейный огонь, который продолжался болѣе 2-хъ часовъ, а потомъ на 3-мъ бастіонѣ. Сигналь указаль намъ, что штурмуютъ, всѣ мы тоже ждемъ очереди, но у насъ только ужасная канонада. Въ 10 часовъ мы еще исхода штурма не знали, но огонь ружейный прекратился; но за то пушечный кипѣлъ; только послѣ полудня графъ Сакенъ прислаль сказать, что непріятель штурмоваль, но что штурмъ вездѣ отбитъ, и что взято въ плѣнъ много офицеровъ и 400 человекъ французовъ и англичанъ мертвецки пьяныхъ, убитыми покрыто все поле, и ихъ никакъ не менѣе 5 т. или 6 т. человекъ,— а огонь артиллерійскій все кипѣлъ и только къ 5 часамъ пополудни началъ уменьшаться, а къ вечеру совершенно прекратился. Благодареніе Богу, что помогъ такъ хорошо отпочивать пришлецовъ, это отобьетъ имъ охоту лазить на штурмъ, а наши между тѣмъ поободрились, ибо какъ то начали приунывать, теперъ же снова воскрѣсло молодечество, а гг. евро-

пейцы, какъ кажется, поджали хвосты. Потѣря наша не такъ велика, собственно канонада насъ опустошаетъ: у меня въ теченіе сутокъ выбыло изъ строю до 400 человѣкъ; но убитыхъ мало, а почти все раненыя хотя много и тяжело, но за то много и легко и даже до 80 человѣкъ остались послѣ перевязки на своихъ мѣстахъ. Я описалъ вкратцѣ тебѣ два дня, болѣе писать некогда, потому что много хлопотъ и распоряженій, чтобы поправить разрушенное, перемѣнить разбитое и пополнить убылыхъ артиллеристовъ, которымъ достается жутко, но все остаются молодцами.

8-го іюня 1855 г. Севастополь.

Послѣ передыжки описанной мною, гг. союзники поуспокоились, вчера 7-го, было на лѣвой половинѣ перемиріе и уборка тѣлъ убитыхъ, въ числѣ ихъ англійскихъ два генерала, одинъ штабъ-офицеръ и 15 оберъ-офицеровъ, число же нижнихъ чиновъ сосчитать было невозможно, ибо за цѣпью убивали сами, а другихъ наши переносили на назначенные пункты. Вообще очевидцы говорятъ, что потеря огромная и надо думать, что убитыхъ и раненыхъ за 10 т. человѣкъ; вчера же ушли два корабля, вѣроятно съ ранеными. Гг. союзники, въ особенності французы, были очень переконфужены, англичане этого не такъ замѣтно обнаруживали. Впродолженіе вчерашняго дня было тихо, изрѣдка кое гдѣ раздавался выстрѣлъ—даже ночь была по нашему по-

койна. 8-го числа тоже было очень покойно днем, одинъ только штуперный огонь мѣстами былъ силенъ, а пушечнаго и не было; вотъ 11 часовъ ночи, а къ намъ летитъ очень мало бомбъ, и то больше въ городъ. Наша потеря въ двое сутокъ жесточайшаго бомбардированія простирается за 3 т., на моей одной дистанціи болѣе 500 человекъ, 1 штабъ-офицеръ и до 15 офицеровъ. Сегодня раненъ въ ногу пулей Тотлебенъ, но не знаю до какой степени сильно. Милостью Бога, я цѣль, а много пролетѣло ядеръ, осколковъ и пуль около меня, въ особенности одинъ кусочекъ былъ не далѣе $\frac{1}{4}$ аршина отъ головы;—благодарю Господа за Его милость, это молитвы ваши меня хранятъ. Войска наши сильно ободрились, что Господь пошлетъ далѣе—не знаю, но теперь какъ то легче, настали лунныя ночи, слѣдовательно, легче наблюдать, а то въ потемкахъ, трудно уберечься отъ нечаянности. Иногда пароходы подходятъ и задаютъ залпы, но уже не такъ смѣло, какъ 4-го числа, вѣрно которому нибудь хорошо досталось. Жаль, что мы ничего теперь не предпринимаемъ, а теперь настоящее время что нибудь сочинить — и это бы намъ удалось и не стоило бы столькожъ жертвъ, какъ то дѣло, которое я выше описывалъ.

15-го іюня 1855 г. Севастополь.

Вчера былъ у меня князь Горчаковъ, благодарилъ за службу, обошолъ всю дистанцію и сказалъ:

„Сердце радуется, когда я у васъ бываю, вижу труды, порядокъ и дѣятельность—много, много я вамъ благодаренъ, надѣюсь, что и вы будете мною довольны, я писалъ объ васъ Государю“. Теперь у меня на отдѣленіи находится князь Симеонъ Воронцовъ съ его бригадою, и назначенъ состоять при мнѣ флигель-адъютантъ Рылѣевъ. Непріятель очень покоенъ, князь Горчаковъ сказалъ мнѣ, что у нихъ свирѣпствуетъ холера и уже умерло до 3 т. сардинцевъ, въ томъ числѣ и братъ главнокомандующаго Ла-Мармора. Французы повѣсили носы, работа идетъ медленно, огонь артиллеріи очень умѣренный, только штуцера сильно дѣйствуютъ. Войска къ намъ прибыли, но еще въ Севастополь не вступили, князь сказалъ мнѣ, что онъ меня подкрѣпить, ибо самъ видитъ недостатокъ въ войскахъ, не смотря на то, что у меня 7 полковъ; правда, полки не велики отъ 1300 до 1500 человекъ, число пушекъ доходитъ до 300, при нихъ вся прислуга—моряки—чудо молодцы; но я, къ несчастію, лишился трехъ отличнѣйшихъ батарейныхъ командировъ: Карпова, Шварца и Бутакова: первый заболѣлъ, а послѣдніе два ранены.

19-го іюня 1855 г. Севастополь.

Вчера князь Горчаковъ, прислалъ Высочайшій приказъ отъ 8-го іюня о томъ, что я назначенъ командующимъ 10-ю дивизіею; въ этой дивизіи командиры полковъ люди хорошіе, одно только жаль,

что вся дивизія на другой дистанціи и я съ нею незнакомъ, только одинъ полкъ немного знаю, это Колыванскій, онъ былъ у меня на дистанціи, на короткое время, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, когда мнѣ въ голову не приходило, что я буду командовать 10-ю дивизією. У насъ довольно покойно, непріятель что-то готовить, но что и когда—трудно понять, ежели еще бомбардировку, то это будетъ пятая, а что за нею послѣдуетъ — загадка; ходять слухи о смѣнѣ Пелисье, но на сколько это вѣрно—не можемъ добиться толку. Перебѣжчики говорятъ, что французы и англичане потеряли во время штурма болѣе 12 т. человекъ. Флотъ стоитъ огромный, на дняхъ прибыло еще болѣе 60 коммерческихъ судовъ—вѣроятно съ провизією и снарядами, и вчера опять ушли; у нихъ непрерывно то приходятъ, то отходятъ корабли, у нихъ морскія силы громадныя; я изъ своего блиндажа вижу весь ихъ флотъ, какъ на ладонѣ. Въ городѣ теперь гораздо хуже, нежели у насъ на оборонительной линіи. Изъ Севастополя въ послѣднее время всѣ выѣхали; даже почти всѣ купцы, такъ что трудно что нибудь достать, а что нужно—получаемъ изъ Симферополя.

23-го іюня 1855 г. Севастополь.

Сегодня утромъ получилъ я отъ князя Горчакова, поздравленія, что я произведенъ въ генераль-лейтенанты, возблагодаримъ Господа!—много горевали мы вмѣстѣ, такъ и порадуемся же вмѣстѣ.

Графъ Сакенъ получилъ аренду въ 6 т., князь Васильчиковъ и Тотлебенъ Георгія 3-й степени, Хрулевъ Владиміра 2-й степени, князь Урусовъ назначенъ генераль-адъютантомъ, генераль Шульцъ бриллиантовую шпагу. Князь Горчаковъ назначенъ шефомъ Брянскаго полка, и Бутурлинъ произведенъ въ генераль-лейтенанты; все это привезъ изъ Петербурга адъютантъ князя Горчакова, графъ Сухтеленъ. Ты меня бранишь, что я на Шварцъ редутъ, наблюдая за работами, сижу на барабанѣ и курю сигару въ виду непріятеля, тебѣ правду сказали, но не тутъ только можетъ случиться несчастіе, оно вездѣ постигнетъ, если Всевышнему угодно будетъ,—вся моя дистанція не хуже Шварца редута, не прятаться же мнѣ.—Пресвятая Заступница хранитъ меня, но за то я смѣло могу смотрѣть въ глаза не только начальникамъ, но и солдатамъ. Скажи нашимъ дѣтямъ, что отецъ ихъ былъ въ несчастіи, но съумѣлъ выйти честно изъ него своею безукоризненною службою и получить двѣ такія награды, какихъ и во снѣ не видалъ *).

26-го 1855 г. Севастополь на правой половинѣ оборонительной линіи.

Въ прошломъ письмѣ, я писалъ тебѣ о производствѣ моемъ, за симъ послѣдовало уже мѣстное назначеніе начальникомъ правой половины оборонительной линіи, состоящей изъ 1 и 2 отдѣленій,

*) Георгія 3-й степени и генераль-лейтенанта.

бастіоновъ № 7 и № 8, укрѣпленія Александровскаго и № 10-го, такъ что на правой половинѣ я, а на лѣвой Хрулевъ. У насъ обоихъ въ командѣ значительныя силы войскъ, съ ихъ начальниками, а о числѣ пушекъ я и говорить не буду, ибо ихъ наберется у меня одного до 500. Много прибавилось хлопотъ, въ особенности для моихъ старыхъ ногъ, накладно, тутъ ѣздить нельзя, все пѣшкомъ. Говорятъ, что мнѣ назначилъ чинъ самъ Государь— по особенной рекомендаціи князя Горчакова, — это еще болѣе меня утѣшаетъ; видно и до Царя дошли слухи о моей честной и усердной службѣ. Дай ему Творецъ долгіе годы! Теперь у насъ тихо, стрѣляемъ больше мы, а враги умѣренно, работать имъ не очень даемъ, бьемъ какъ только можемъ и ждемъ чѣмъ-то Господь порѣшитъ это дѣло. Состояніе здоровья войскъ у насъ хорошо и холерныхъ случаевъ очень мало; говорятъ, что на позиціяхъ внѣ Севастополя холерныя случаи чаще— хотя они живутъ на свободѣ.

30-го іюня 1855 г. Севастополь.

Все у насъ покойно, обѣ стороны работаютъ и стрѣляютъ, но не очень сильно; ждемъ чего нибудь серьезнаго, и вѣрно это будетъ съ которой нибудь стороны. Третьяго дня на Малаховомъ курганѣ тяжело и даже безнадежно раненъ нашъ добрѣйшій и храбрѣйшій изъ храбрыхъ Нахимовъ, пулею въ лѣвый високъ; вчера онъ еще былъ живъ, но въ

безсознательномъ положеніи. Этотъ курганъ намъ стоитъ трехъ отличнѣйшихъ людей: Корнилова, Истомина, а теперь Нахимова. Господи Боже, когда перестанетъ Твоя Святая воля, отнимать у Россіи достойныхъ сыновъ! Грустная новость, но къ несчастію дѣйствительная, мы всѣ молимъ Бога, чтобы оказалъ милосердіе и исцѣлилъ Павла Степановича Нахимова. Моряки въ отчаяніи.

4-го іюля 1855 г. Севастополь.

Къ намъ на дняхъ приходитъ много войскъ и ополченіе, съ прибытіемъ которыхъ не придумаетъ ли чего князь. Нахимовъ на третій день послѣ раны скончался, и 1-го числа его похоронили. Вотъ истинно жаль этого рыцаря, какъ представителя до багнословія, неустрашимаго человѣка, а такъ же и потому, что въ будущемъ едва ли найдется подобный ему зиждитель флота. Въ городѣ день ото дня все хуже, непріятельскія бомбы большею частію все падаютъ туда, а на насъ грѣшныхъ ядра и пули.

По свѣдѣніямъ, которыя мы имѣемъ отъ перебѣжчиковъ, у непріятели много потерь отъ нашего огня, холеры, скорбута и другихъ болѣзней. Целисье, говорятъ смѣняются, а ѣдетъ маршалъ Барагедилье, и съ нимъ 40 т. войскъ.

6-го іюля 1855 г. Севастополь.

Наконецъ наши молодцы *), послѣ многихъ задержекъ, понятныхъ въ настоящее время, пріѣхали здоровы, веселы и довольны своею судьбою, я ихъ зачислю въ пѣхоту съ Божіею помощію, они дослужатся и до офицерскаго чина. Господь Богъ поможетъ мнѣ поставить ихъ на ноги. Молись мой другъ и, будь покойна, пока я живъ, дѣти наши будутъ поставлены какъ имъ слѣдуетъ; впрочемъ, мы должны быть на все готовы, мало ли родителей, которые теряютъ дѣтей совершенно мирнымъ образомъ и разными неожиданными случаями. Вотъ мѣсяць, какъ все покойно; я разумѣю покойно, что только одна обыкновенная канонада — неприятель ничего особеннаго не предпринимаетъ, даже и работы ихъ не очень форсированы, мы же не спимъ; даже не дремлемъ, чинимся, поправляемся и укрѣпляемся, — а тамъ, Святая воля Господа, онъ не оставитъ русскихъ.

10-го іюля 1854 г. Севастополь.

Молодцы наши привыкаютъ къ звукамъ полетовъ снарядовъ и уже различаютъ бомбу отъ гра-

*) Генераль Семякинъ такъ называлъ сыновей, которыхъ опредѣлил на службу въ Екатеринбургскій полкъ. Старшій, Константинъ, нынѣ подполковникъ, осматривающій орудія въ войскахъ Казанскаго военнаго округа. Второй, Романъ, въ чинѣ маіора, состоитъ чиновникомъ особыхъ порученій при кievскомъ генераль-губернаторѣ.

наты, ядро отъ пули. Я ихъ знакоблю съ обязанностію службы, дабы могли дѣйствительно быть полезными отечеству.

Странное наше положеніе. Пока все тихо: иногда на какомъ нибудь пунктѣ вдругъ разгорится страшная канонада, напримѣръ вчера, вдругъ прогнѣвались на 1 дистанціи, и набрасали въ теченіе ночи до 2 т. бомбъ; но Богъ хранилъ; потеря очень мала, они работами и огнемъ налегаютъ болѣе на лѣвую половину.

20-го и 25-го іюля 1855 г. Севастополь.

Пока дѣла наши въ затишьѣ; непріятель послѣ штурма ничего особеннаго не предпринимаетъ, работамъ его, мы, по возможности, мѣшаемъ, и это намъ удается—такъ, что онъ вотъ уже три недѣли не можетъ шагу подвинуться *). По временамъ подымается порядочная стукотня, а ночью мѣтанье бомбъ, и въ особенности по 4-му и 5-му бастіонамъ; въ настоящую минуту, пока я пишу, 6-й бастіонъ реветъ по работамъ непріятеля, такъ что блиндажъ трясется, конечно и они отвѣчаютъ; дожди залили ихъ траншеи такъ, что имъ не очень удобно тамъ стоять; вообще положеніе обоихъ сторонъ не очень завидное. Дѣти наши здоровы и обѣщаютъ быть хорошими воинами. Князь Горчаковъ послалъ меня на Мекензевы высоты и Чоргунъ для обозрѣнія распо-

*) См. приложение № 10.

ложенія непріятели и изложенія моего мнѣнія, такъ какъ я хорошо знаю занимаемую непріятеlemъ мѣстность. Какъ мнѣ кажется, онъ остался мною доволенъ. Я полагаю, что въ началѣ августа, должно что либо разыгратъся, мы ли начнемъ, они ли полѣзутъ—но надо же когда нибудь кончить. Къ намъ войска подходятъ, долго безъ дѣла держать ихъ не стануть, а то только госпитали наполняются больными. Поздравь меня съ окончаніемъ 64-хъ лѣтъ, ибо пробывъ девять мѣсяцевъ въ Севастополѣ, мнѣ прибавилось девять лѣтъ.

30-го и 31-го іюля 1855 г. Севастополь.

Просимое пальто дѣти отправили безъ меня, ибо я былъ потребованъ княземъ въ главную квартиру, на военный совѣтъ, и потомъ дѣлалъ съ нимъ значительную поѣздку для осмотра непріятельской позиціи *); въ этотъ же день, наши удалые молодцы **) отправились въ гости къ Веселицкому на Мекензіеву гору, отъ куда сегодня вернулись въ пѣлости, видѣли весь непріятельскій лагерь у Балаклавы, Чоргуна и на Сапунъ горѣ. Сегодня и вчера было много хлопотъ; пальба пушечная и ружейная продолжается; работъ противъ моей половины почти нѣтъ, но говорятъ, что противъ лѣвой,

*) См. приложение № 11.

**) Онъ прозвалъ такъ сыновей съ-тѣхъ поръ, какъ они были нѣсколько разъ въ охотникахъ.

сильно подвигаются, въ особенности противъ Малахова кургана и 2-го бастіона; вѣроятно ихъ намѣреніе попытаться взять эту часть, а въ случаѣ неудачи броситься на мою гдѣ тоже подготовлено, но, по моему мнѣнію не совсѣмъ для нихъ выгодно. Надо думать, что и князь на дняхъ что нибудь да предприметь, а тамъ что Богъ дастъ; мы будемъ бодрствовать и хорошо примемъ супостатовъ, если вздумають сунуться въ Севастополь. Наши сыновья здоровы и веселы, и надѣюсь, ежели Господь благословить, будутъ полезные и хорошіе слуги Царю и отечеству.

7-го августа 1855 г. Севастополь.

4-го числа князь Горчаковъ имѣлъ большое дѣло съ желаніемъ помочь Севастополю. Не знаю подробнаго хода его, а только слышалъ, что не удалось— потеря чувствительная, много потеряли генераловъ: Реадъ, добрый Веймарнъ и генераль-адъютантъ баронъ Вревскій, много переранено и контужено, въ числѣ раненыхъ начальникъ 5-й дивизіи; штабъ и оберъ-офицеровъ очень много выбыло изъ фронта,— 5-го числа утромъ непріятель открылъ бомбардировку по лѣвой половинѣ, т. е. 1, 2 и 3-му бастіонамъ и въ особенности по Малахову кургану. Эта продѣлка продолжается уже третьи сутки, и все на одну часть. Ночью мѣчутъ бомбы безъ числа, которыми и насъ надѣляютъ, особенно 4-й и 5-й бастіоны, зато днемъ, очень мало насъ беспокоютъ. Надо ду-

мать, что они хотятъ штурмовать обстрѣливаемую часть; вотъ тутъ то будетъ рѣзня, и ежели Богъ поможетъ отбиться, то дѣла наши пойдутъ лучше. Наши сыновья въ числѣ охотниковъ ходили сегодня ночью на вылазку, которая очень удалась, и благодаря Бога вернулись цѣлы, и меня просто восхищаетъ ихъ храбрость *). Молись, моя старушка, чтобы намъ троимъ вернуться къ тебѣ на радость, и тогда ты увидишь своихъ первенцовъ уже какъ воиновъ окуренныхъ порохоми, они не постыдятъ насъ, и ты возгордишься имѣя кромѣ меня еще двухъ Севастопольцевъ.

10-го августа 1855 г. Севастополь.

Поздравляю тебя съ нашими удалыми молодцами: вчера они выслужили Царю мѣсяцъ, а по Севастопольски годъ, и такъ какъ они нѣсколько разъ были въ охотникахъ и участвовали въ вылазкахъ и дѣйствительно доказали удалъ и храбрость, то Зоринъ, какъ начальникъ 1-го отдѣленія, представилъ ихъ къ Георгіевскимъ крестамъ, которые князь Горчаковъ имъ сегодня прислалъ и мы ихъ возложили на нихъ съ подобающею торжественностію. Дѣла Севастополя какъ то странны и непонятны, съ 6-го числа непріятель началъ сильно бомбардировать лѣвую половину, 7-го тоже, 8-го утромъ слабо, 8-го

*) Дабы не беспокоить мать, онъ не писалъ, что старшій былъ раненъ штыкомъ въ правый бокъ, но остался въ строю.

же вечеромъ сорвался на мой 4-й бастионъ, хотя и растрепалъ его, но и ему за то сильно досталось; въ теченіе 9-го числа дѣйствовали совершенно слабо, сегодня тоже слабо; мы же, напротивъ того, дѣйствуемъ гораздо болѣе, а потому и трудно ожидать штурма, ибо непріятель видитъ, что онъ нашего артиллерійскаго огня нисколько не уменьшилъ. Дѣло 4-го августа много стоило намъ жертвъ, много генераловъ, около 300 человѣкъ офицеровъ, а нижнихъ чиновъ, одни говорятъ, за 7 т., а другіе за 10 т. человѣкъ.

14-го августа 1855 г. Севастополь.

Дѣла Севастополя въ сильной затяжкѣ, бомбардировка кончилась; но наступила постоянная, немолкаемая долбня, денно и ночно, то на лѣвую половину, на которую не сильно налегаютъ, то на мой 4-й бастионъ, то на 5-й, то на Рагиславскій редутъ, а теперь начали беспокоить и 10-й. Убыль у насъ ежедневная отъ 500 до 700 человѣкъ, на всей линіи у меня постоянно четверть всей убыли, а три четверти у Хрулева; у него они день ото дня все приближаются, и теперь даже начали очень близкія работы;—одинъ Богъ знаетъ чѣмъ все это кончится, мы же, грѣшные, можемъ судить, что хорошаго трудно ожидать. Ежели какимъ нибудь чудомъ свыше удержимся въ Севастополѣ до половины октября, когда погода въ этой мѣстности всегда портится, то тогда трудно будетъ гостямъ; — но и мы Богъ

знаеть какъ проведемъ зиму, ибо городъ совершенно разбить, и въ немъ гораздо хуже, чѣмъ у насъ на передней линіи. Николаевскія казармы были до сихъ поръ неприкосновенны, ибо очень удалены; но теперь и имъ достается, ежедневно бьютъ по нимъ и попадаютъ, такъ что поселившіеся, тамъ генералы, числомъ до 15, начали опасаться за свое существованіе.

18-го августа 1855 г. Севастополь.

У насъ все по прежнему, долбятъ насъ, а мы ихъ,—третьяго дня въ часъ ночи, взорванъ у французовъ, на бывшемъ нашемъ Камчатскомъ редутѣ, большой пороховой погребъ, какъ ни далеко отъ насъ этотъ погребъ, но наши блиндажи дрогнули порядкомъ; тѣ, кто видѣлъ этотъ взрывъ вблизи, говорятъ, что онъ надѣлалъ имъ много бѣды. Противу меня начинается подземная война, и они строятъ сильныя батареи, но когда окончатъ ихъ—трудно опредѣлить. Мостъ черезъ бухту готовъ и теперь у насъ переправа безпрепятственная. Третьяго дня я едва не уподобился Ахиллесу, пуля чуть не попала мнѣ въ пятку, а Богъ знаетъ отъ куда она взялась, не болѣе какъ на палецъ отъ правой пятки шлепнулась въ землю, ординарецъ подалъ мнѣ ее еще теплою.

23-го августа 1855 г. Севастополь.

Вчера въ 5^{1/2} часовъ утра, союзники открыли сильнѣйшую канонаду по моей половинѣ, и продолжали до ночи, а ночью бросали бомбы, гранаты, до свѣта; съ разсвѣтомъ загорѣлась опять канонада, чуть ли не сильнѣе вчерашней и, пока я пишу на всей линіи совершенный адъ, потому что подобной трескотни ни съ чѣмъ сравнить нельзя. Потеря у меня въ офицерахъ не велика, но очень жаль Лидерса, которому оторвало ногу, и ему сдѣлали ампутацію выше колѣна. Нижнихъ чиновъ вышло изъ строя на обоихъ отдѣленіяхъ до 700 человекъ. Вотъ какъ насъ угощаютъ незваные гости; перебѣжчики говорятъ, что и у нихъ не менѣе потери, ибо въ теченіе дня изъ одной роты ихъ легіона, что составить не болѣе 400 человекъ, убито 40, ранено 76 человекъ, а у французовъ еще больше; нѣкоторыя батареи ихъ почти зарыты, къ прискорбію не всѣ, да и сдѣлать этого безъ чуда нельзя. Мои солдаты артиллеристы и моряки почти что чудеса дѣлали въ эти дни—и князь прислалъ сегодня на мою дистанцію 18 Георгіевскихъ крестовъ *).

*) См. приложение № 12.

31-го августа 1855 г. Станція Дуванка. 15 верстъ.

Сильнѣйшая бомбардировка съ 24-го числа длилась 25-го, 26-го и 27-го; этотъ день съ полудня что-то предвѣщаль недоброе; ты изъ моего рапорта *) увидишь весь ходъ дѣла на моей дистанціи; у Хрулева же на лѣвой половинѣ шла ружейная немолкаемая пальба, но за дымомъ ничего нельзя было различить. У меня штурмъ отбитъ два раза, непріятель бѣжалъ и потерпѣлъ громадную потерю; Малаховъ курганъ занятъ французами, хотя отъ 2 и 3-го бастіоновъ штурмъ тоже былъ отбитъ. Въ 6 часовъ пополудни прискакалъ ко мнѣ подполковникъ Циммерманъ и, не вымолвивъ ни слова, подаль бумагу,—это была роковая диспозиція, очистить немедленно Севастополь. Мнѣ приказано начать отступление въ 6^{1/2} часовъ и окончить въ 10; оставить на оборонительной линіи охотниковъ и нѣсколько человѣкъ прислуги при орудіяхъ, дабы поддерживать огонь; когда всѣ войска выйдутъ, то, по данному сигналу, взорвать бастіоны, батареи и всѣ пороховые погреба, числомъ 35 на 1 отдѣленіи, 28 на приморскихъ батареяхъ и бастіонахъ № 7 и № 8-й. Разсуждать было некогда, надо было дѣйствовать, приказано, исполнено.

Почти съ послѣдними войсками, въ 9^{1/2} часовъ, попрощавшись съ блиндажомъ, пустился въ путь, до-

*) См. приложеніе № 13.

брель измученный, съ разбитою душею до Николаевскихъ казармъ, гдѣ нашель главнокомандующаго, который самъ былъ почти какъ мертвецъ, но твердъ; увидя меня, взялъ за руку и сказалъ: „Благодарю, благодарю, ежели бы всѣ сдѣлали свое дѣло какъ вы, мы бы кончили сегодняшній день со славою для Россіи; но что дѣлать, Малаховъ курганъ дѣло испортилъ, Хрулевъ раненъ, Лысенкѣ и Мартинау оторвало руки—некому было дать во время дѣлу хорошій толчекъ, я самъ былъ тамъ; но уже было поздно. Теперь помогите мнѣ на счетъ порядка переправы“.

Выпивъ стаканъ бульона (ибо въ теченіе дня ничего не ѣлъ), пошелъ я на переправу, и Боже что тамъ засталъ; все столпилось, каждому хотѣлось быть первому. Началъ я приводить все въ порядокъ и устраивать — и промучился такъ до 12 часовъ; тутъ потребовалъ меня къ себѣ князь и просилъ переѣхать на Сѣверную сторону и тамъ приводить въ порядокъ переправленные войска. Я тотчасъ на лодкѣ переѣхалъ на другую сторону, но тамъ было еще хуже: никто ничего не зналъ, всѣ столпились на одномъ мѣстѣ и ни шагу далѣе, — новыя хлопоты; къ разсвѣту съ помощью жандармовъ успѣлъ немного водворить порядокъ и дать безъостановочный ходъ переправленнымъ войскамъ.

Въ три часа утра получилъ повелѣніе, что назначаюсь начальникомъ войскъ Сѣверной стороны, и всѣхъ находящихся тамъ укрѣпленій. Утромъ въ 7 часовъ Севастополь былъ совершенно очищенъ и

зажженъ, а передъ тѣмъ всѣ бастіоны и погреба взорваны. Буря, громъ, огонь, взрывы до того ошеломили союзниковъ, что они не осмѣлились преслѣдовать насъ, и такъ съ благословеніемъ Господа, дѣло необычальное въ военномъ быту,—огромная масса войскъ, въ виду въ трое сильнѣйшаго непріятеля, очистила городъ, годъ защищаемый, къ тому войска все разныхъ вѣдомствъ, да еще моряки, которые родились и составились въ немъ. Да—случай безпримѣрный, чтобы все это перешло безъ малѣйшаго несчастія, и что даже мостъ развели безпрепятственно. Корабли всѣ потоплены, пароходы ходили взадъ и впередъ, подбирая отсталыхъ,—а непріятель все стрѣлялъ по нашимъ укрѣпленіямъ, а въ городъ не входилъ; только на Малаховомъ курганѣ видны были массы его войскъ. Утромъ началъ я очищать берегъ, ибо уже ядра союзниковъ начали ложиться на Сѣверную сторону, а бомбы въ рейдъ около моста; но ни одна во время перехода войскъ не попала на мостъ, а когда его уже разводили, то попала одна, слѣдовательно, безъ вреда. Въ 11 часовъ увидѣлъ я опять князя Горчакова, и онъ передалъ мнѣ разныя приказанія и почти въ 12 уѣхалъ. Мнѣ нуженъ былъ отдыхъ, — съѣвъ тарелку супу, легъ уснуть, проснувшись, я уже не могъ пошевелиться, весь былъ разбитъ, сильное колотье въ груди и страшный жаръ; почувствовавъ себя въ такомъ положеніи, я послалъ рапортъ, и просилъ, чтобы назначали другого генерала, ибо я не былъ въ состояніи рапортоваться. Присланъ вице-адмиралъ Панфи-

ловъ *). Рано утромъ прискакалъ ко мнѣ Коцебу и нашель меня въ ужасномъ положеніи, но, спросивъ мое мнѣніе по нѣкоторымъ важнымъ обстоятельствомъ, отправился дѣлать нужныя распоряженія. Я отправился въ село Дуванку, гдѣ мнѣ уже была приготовлена квартира; доктора лѣчуть и надѣются, что съ помощію Божіею, дней черезъ 10, я совершенно поправлюсь и отдохну, а тогда опять служить. Чѣмъ вся эта трагедія разыграется, Единъ Богъ вѣдаетъ; много жертвъ пало **), многихъ хорошихъ слугъ и людей мы лишились. Отслужи благодарственный Господу Богу молебень за спасеніе наше. Сыновья наши молодцы, они были все время въ охотникахъ и помогали взрывать бастионы и погреба и разводить мостъ, они будутъ въ послѣдствіи хорошими слугами Царю и Россіи, ибо видѣли то, что не многимъ достанется въ удѣлъ; надѣюсь, что они будутъ произведены въ офицеры. То-то будетъ теперь рассказывать сказокъ у васъ въ Одесѣ, но ты только слушай, а вѣрь лишь тому, что я тебѣ пишу. Что предприметь и какъ распорядится теперь князь—ничего не знаю; но мы теперь вышли изъ огромной опасности, ибо рѣшеніе оставить Севастополь и быстрое исполненіе спасло армію. Потери неизчислимы какъ для Россіи, такъ и каждаго изъ насъ, почти всѣ офицеры лишились своего имущества — и многіе остались съ тѣмъ, въ чемъ были. Рапортъ мой

---

*) См. приложение № 14.

**) См. приложение № 15.

можешь прочесть многимъ, дабы знали, что Севастополь оставленъ послѣ кровопролитнаго, серьезнаго и славнаго боя.

5-го сентября 1855 г. Село Дуванка.

Ты уже получила мое длинное письмо, въ которомъ я описывалъ оставленіе Севастополя и мое нездоровье; дней черезъ 10 надѣюсь быть совершенно молодцомъ, пожалуй даже и ранѣе, если понадобится князю *). Наши молодые герои, Костя и Рома, здоровы, и на дняхъ будутъ прапорщиками, тогда я попрошу графа Сакена доставить мнѣ случай, послать ихъ курьерами въ Одессу, чтобы ты посмотрѣла на нихъ и снова благословила. Въ военномъ отношеніи пока еще нѣтъ ничего новаго, непріятель, какъ мнѣ говорили, занялъ городъ, но слабо устраиваетъ батареи и начинаетъ тревожить Сѣверную сторону; но это не та уже будетъ бойня, ибо войска наши стоятъ внѣ выстрѣловъ, а батареи много вреда не сдѣлаютъ, они земляныя, слѣдовательно, болѣе безопасны; жаль только, что Николаевская батарея не взорвана, они, завладѣвъ ею, будутъ закрыты отъ дѣйствія нашихъ выстрѣловъ. Вчера князь Васильчиковъ поѣхалъ къ Царю—этотъ человекъ разъяснить Царю все дѣло по справедливости. Бѣдный Лысенко послѣ ампутаціи умеръ, а Мартинау, не смотря на вылощенную изъ плеча руку, поправляется.

*) См. приложение № 16.

Будемъ благодарить Господа за сохраненіе насъ и надѣяться, что Онъ и впередъ не лишитъ насъ своей благости.

10-го сентября 1855 г. Дуванка.

Поздравляю тебя дорогой другъ, твои два старшіе сына произведены въ прапорщики, за мужество и храбрость, оказанную при бомбардированіи и отбитіи штурма 27-го августа. Теперь они уже стоятъ на хорошей дорогѣ, и не сомнѣваюсь, что они будутъ хорошіе слуги Царю. Союзники особеннаго ничего еще не предпринимаютъ въ Севастополѣ, въ зданіи библіотеки помѣстился Пелисье и штабъ его, а въ разныхъ мѣстахъ города расположено 15 т. войскъ, остальные войска на позиціяхъ.

Наступленія никакого пока еще нѣтъ, мы же укрѣпляемъ Сѣверную сторону, по которой они стрѣляютъ, но войска наши стоятъ лагеремъ далеко внѣ выстрѣловъ. Наша главная квартира намѣрена переѣхать въ Бакчисарай, гдѣ уже для нее приготовляютъ помѣщенія.

14-го сентября 1855 г. С. Отаркой.

Сегодня покинулъ я Дуванку и присоединился къ дивизіи; намъ предстоитъ движеніе, но куда—еще неизвѣстно *). Каковъ приказъ Государя 30-го

*) См. приложение № 17.

августа? — ты его вѣрно уже читала. Сколько намъ славы, защитникамъ Севастополя, въ числѣ ихъ, и тебѣ близкихъ три существа; этотъ приказъ и къ тебѣ нѣсколько относится, ты вмѣстѣ съ нами была душою и мыслями, и даже болѣе насъ вynesла душевныхъ страданій.

21-го сентября 1855 г. С. Отаркой.

Вообрази мое удивленіе и радость, сегодня получилъ офиціальную бумагу отъ генераль-адъютанта Ростовцева, отъ 17-го августа за № 735, что Государь Императоръ приказалъ зачислить нашихъ трехъ младшихъ сыновей въ пажи къ Высочайшему двору; я не просилъ никого объ этомъ, но я подозреваю, что это сдѣлалъ флигель-адъютантъ Рылѣевъ, который одинъ только могъ сказать что нибудь по этому дѣлу Царю, я его любилъ какъ сына, онъ достойный человѣкъ.

Вчера былъ въ главной квартирѣ, она съ нѣкоторыхъ поръ постоянно въ ажитаціи, а теперь еще болѣе, потому что князь боленъ, и я его не видѣлъ; но за то имѣлъ долгое свиданіе съ графомъ Ливеномъ, который вчера же уѣхалъ въ Николаевъ къ Царю.

Насчетъ моей контузіи не безпокойся, надѣюсь, что Богъ милостивъ, поможетъ и все пройдетъ, хотя до сихъ поръ еще не совсѣмъ свободно подымаю руку. Господь вывелъ живымъ изъ Севастополя, Его Святая Воля да будетъ и въ будущемъ.

29-го сентября 1855 г. на походѣ.

Посылаю тебѣ обоихъ молодцовъ нашихъ, писать много некогда. Знаю только, что къ вамъ въ Одессу подошелъ флотъ, но что еще ничего не принималъ. Ежели можно, устрой какъ нибудь, чтобы тебѣ выѣхать, дѣти привезутъ тебѣ на дорогу денегъ, все, что могъ собрать. Дивизию мою назначили въ горы, гдѣ я соединюсь съ генераломъ Теревниковымъ, и оба будемъ въ командѣ у генерала Сухозанета, все это сдѣлалось экспромтомъ. Ежели только у васъ начнется бомбардированіе, то умоляю тебя уѣзжай тотчасъ изъ города, тѣ, кто доставятъ тебѣ это письмо, тѣ и болѣе расскажутъ, чѣмъ я могу писать, ибо только что вернулся изъ главной квартиры, а уже полночь, и надо распорядиться по дивизіи.

6-го октября 1855 г. Ювары.

Поздравляю, Царь пожаловалъ мнѣ аренду на 12 лѣтъ, по чину, что составляетъ около 2,000 руб. и такъ поблагодаримъ Господа и Пресвятую за милости; теперъ могу, положивъ руку на сердце, сказать, что ежели и придется по волѣ Вседержителя положить голову на службѣ, то мы не останемся на пицѣ св. Антонія, старшіе дѣти офицеры, младшіе пажи.

Ты, я полагаю, послѣ страховъ о приближеніи

французовъ вдругъ сдѣлалась тоже героемъ, когда къ тебѣ прилетѣли твои дорогіе первенцы, и мнѣ кажется, что если бы теперь не только союзная армія и флоты, но и еще какіе нибудь враги пришли, то ты не напугаешься. Радуюсь твоей радости и утѣшенію, я ихъ передъ отъѣздомъ не видѣлъ, ибо съ дивизіей пошолъ въ горы, а ихъ отправилъ въ главную квартиру, не балуй только ихъ и не нѣжь. Путешествіе мое было весьма удачное, ибо 1-го октября, мы предполагали атаковать непріятеля, но вообрази наше удивленіе, когда утромъ мы увидѣли, что никого нѣтъ, и что непріятель ушелъ снова за горы, въ Байдарскую долину, оставивъ только посты на грѣбнѣ, чтобы обезпечить отступленіе. 7-го числа утромъ, оставляю я горы на попеченіе генерала Теревникова, который остается съ своею дивизією, а я перехожу къ Бакчисарая, и буду отъ него въ 6. верстахъ, у деревни Тиберти.

19-го октября 1855 г. лагерь на рѣкѣ Качѣ.

Стоимъ теперь лагерьмъ близъ Бакчисарая, на рѣкѣ Качѣ, начинаемъ строить землянки на зиму. Дѣла по службѣ много, да къ тому еще князь не даетъ мнѣ покою, вотъ и теперь только что возвратился съ поѣздки съ нимъ, по окрестностямъ Бакчисарая, сдѣлавъ болѣе 30 верстъ верхомъ, съ горы на гору.

Относительно непріятеля, онъ, какъ кажется, тоже собирается зимовать, ибо никакихъ движеній и

ничего видимаго не предпринимаетъ. Мое путешествіе въ горы окончилось благополучно и заставило французовъ уйдти за горы, въ Байдарскую долину; тамъ я состоялъ въ командѣ генерала Сухозанета, съ которымъ сошлись. Потомъ мнѣ было дали въ командованіе три дивизіи, но прибылъ графъ Сакенъ, главнымъ начальникомъ и теперь, онъ и я остались при своихъ должностяхъ, т. е. онъ корпуснымъ, а я дивизионнымъ.

27-го октября 1855 г. лагерь на р. Качѣ.

Все у насъ по прежнему, только одна радостная новость пронеслась какъ молнія, это то, что Государь будетъ у насъ; всѣ встрепенулись, солдатики чистятся, рядятся, какъ бы на пиръ какой, а старшіе, у кого совѣсть не чиста, суетятся; но какъ бы намъ ни хотѣлось щегольнуть, да бѣда въ томъ, что мы только одѣты отъ непогодъ, а для парада каждому не хватаетъ необходимаго, а мы выступимъ щеголями въ солдатскихъ шинеляхъ и шапкахъ; но повѣришь-ли, что такихъ торжественныхъ лицъ трудно увидѣть гдѣ либо;—я назначилъ къ Царю на часы двухъ молодцовъ, у одного носъ отстрѣленъ, а у другого пальцы, вообще лица такія, что съ почтеніемъ снимешь передъ ними шапку. Какъ говорятъ, Государь будетъ въ Бакчисарѣ 28-го; приготовленія къ смотру воспрещены.

Что-то съ нами будетъ—осенью и зимою трудно себѣ представить, уже теперь нуждаемся въ фу-

ражѣ, а дороговизна усиливается на всѣ предметы;— правда, съ голоду, не умремъ, кусокъ мяса и сухарь будутъ; но къ веснѣ останемся безъ лошадей.

4-го ноября 1855 г. лагерь на р. Качѣ.

28-го числа прикатилъ къ намъ Царь въ Бакчисарай и прямо въ церковь, гдѣ мы Его ждали; послѣ литіи, Онъ пошелъ прямо въ квартиру князя Горчакова, а мы собрались на дворѣ; тутъ я увидѣлъ Великихъ Князей, которые поцѣловали меня и спрашивали обо всемъ, но были прерваны Государемъ, который сказалъ. „Я сей-часъ ѣду въ лагерь 10-й дивизіи — людямъ быть въ шапкахъ“. Въ ту же минуту я поскакалъ въ лагерь, по тревогѣ вызвалъ и построилъ дивизію, и самъ едва успѣлъ, пересѣсть на другую лошадь и подписать строевой рапортъ, какъ увидѣли ѣдущаго Царя. Онъ былъ съ княземъ въ коляскѣ; отпрапортовавъ, я подалъ рапортъ, Государь вышелъ изъ коляски и пошелъ пѣшкомъ. Подойдя къ 1-му баталіону Екатеринбургскаго полка, Государь обратился къ князю и сказалъ: „Посмотри князь, какими женихами они выведены, щегольство“—оборотясь ко мнѣ: „Откуда эти прекрасныя шинели?“ — „Ваше Величество, въ Севастополѣ сберегли.“ — „Какъ въ Севастополѣ?“ — „Тамъ было очень жарко, мы дрались въ рубахахъ“. Государь засмѣялся и сказалъ: — „Спасибо“. Тутъ началъ обходить ряды, спрашивать, благодарить гг. офицеровъ и солдатъ; на лѣвомъ

флангѣ стоялъ нашъ сынъ; „Гдѣ вы получили крестъ?“ — „Въ Севастополѣ за вылазку;“ — „А чинъ?“ — „Тоже въ Севастополѣ за 27-е августа, за штурмъ.“ — „Какъ вапа фамилія?“ — „Семякинъ, Ваше Императорское Величество“.

Государь обратился ко мнѣ: — „Это сынъ вашъ?“ — „Есть и другой—такой, Ваше Величество, въ этомъ же полку“. Такимъ же порядкомъ обошелъ Царь всѣ полки, о многомъ спрашивалъ, былъ веселъ, добръ и до невыразимости внимателенъ;—а когда кончилъ осмотръ, сказалъ: „Генераль Семякинъ, благодарю отъ души за дивизію, за собственную твою службу, я не забылъ, и помню прошлогодніе труды и службу;“ — протянулъ руку, поцѣловалъ три раза и, продолжая держать за руку, сказалъ: „Какъ пріятно мнѣ, что могу лично при всѣхъ благодарить тебя, я вижу—люди веселы, хорошо накормлены, одѣты и совершенно молодцы—богатыри, еще разъ благодарю“. Вотъ первая моя встрѣча съ Царемъ, затѣмъ три дня ѣздилъ Царь осматривать войска на разныхъ позиціяхъ, былъ на кладбищѣ и плакалъ на взрыдъ, видя могилы десятковъ тысячъ павшихъ за Царя, Вѣру и Отечество. 31-го Царь смотрѣлъ мою дивизію въ парадѣ, съ разными другими частями,—тутъ ласкамъ его не было конца, онъ такъ былъ доволенъ дивизією, что даже сказалъ: „Мнѣ гвардія никогда такого народа не давала“—а когда я ему доложилъ, что во фронтѣ, стояло до 100 офицеровъ и 3737 человекъ рядовыхъ раненыхъ, то онъ заставилъ повторить, и началъ меня

цѣловать, и слезы были на глазахъ; ѣздилъ между рядами, говорилъ съ солдатами, разспрашивалъ, вы- звалъ всѣхъ офицеровъ, разспрашивалъ каждаго и благодарилъ за службу и, снова поцѣловавъ меня, сказалъ: „благодарю за дивизію, за Севастополь, и еще собственно тебя за твою службу“. Сегодняшній день я никогда не забуду. Отпустивъ пѣхоту и осмотрѣвъ кавалерію—потребовалъ меня:—„Скажи войскамъ, защитникамъ Севастополя, что въ память геройства вашего Я приказалъ выбить медаль, вы ее будете носить на Георгіевской лентѣ, на ней будутъ вензеля: покойнаго Государя и Мой вмѣстѣ“. Я поскакалъ, и когда объявилъ объ этомъ дивизіи, то крикъ ура! и шапки въ верхъ оглушили меня. На возвратномъ пути черезъ лагерь, вся дивизія выбѣ- жала провожать Царя, онъ еще благодарилъ и про- шался;—я же былъ въ Бакчисараѣ, дабы быть при его отбѣздѣ. Въ 3 часа Государь вышелъ, началъ прощаться, цѣлуя каждаго, подошелъ и ко мнѣ ска- залъ: „Еще разъ благодарю тебя за все, желая тебѣ здоровья“, обнялъ и поцѣловалъ, потомъ, оборотясь ко всѣмъ, сказалъ: „Прошайте, я бы отъ души же- лалъ остаться, посреди васъ, но это дѣло невозмож- ное“, круто повернулся—и почти бѣгомъ, напра- вился къ экипажу, Онъ едва могъ удержаться, чтобы не заплакать. По окончаніи смотра, вся свита подѣ- ѣзжала поздравлять съ блестящимъ смотромъ ге- роевъ, въ числѣ коихъ и твоихъ три. Наши сыновья восхищены смотромъ, имъ въ первые удалось быть участниками, и по истинѣ было, что то торжествен-

Но помимо всего, вышеприведеннаго, кто изъ наличныхъ, оставшихся въ живыхъ на Руси севастопольцевъ, одушевляемый нынѣ Державнымъ призывомъ Государя Наслѣдника Цесаревича не попытается воскресить въ памяти своей хотя часть извѣданнаго имъ самимъ, либо видѣннаго во очію, среди достопамятной тяжкой и вмѣстѣ славною обороны Севастополя, дабы на страницы Высочайше задуманнаго полного и подробнаго повѣствованія о славныхъ дняхъ его, внести и свою посильную лепту! Тѣмъ болѣе, что свѣденія о Севастопольской защитѣ признаны „драгоцѣнными!!!“ Формы изложенія не требуется никакой, лишь бы писалась „сущая правда“—чуждая вымысловъ.

И такъ, исполненный этихъ мыслей, по мѣрѣ силъ своего пера, я приступаю къ дѣлу.

I.

Помнится мнѣ, что вступивъ въ предѣлы отечества черезъ р. Прутъ изъ Придунайскихъ княжествъ, какъ казалось тогда, на отдыхъ по зимовымъ квартирамъ,—Тобольскій полкъ (въ рядахъ котораго имѣлъ честь служить пишущій эти строки), „отомкнувъ штыкъ“, ретировался въ сентябрѣ мѣсяцѣ по мирному положенію въ селенія Бессарабской области, съ намѣреніемъ въ волю отдохнуть отъ боевыхъ трудовъ на Дунаѣ, покрывшихъ славою наше оружіе. Но не тутъ-то было! Дня черезъ три, четыре по приходѣ на мѣсто, внезапная дробь барабана снова взбудоражила

ное, когда Государь, среди солдатъ и офицеровъ, былъ гораздо проще, любезнѣе и добрѣе каждаго изъ нашихъ корпусныхъ. Теперь предстоитъ намъ перестроеніе, куча работы, да еще устройство на зиму землянокъ.

10-го ноября 1855 г. лагерь на р. Качѣ.

Я, благодаря Бога здоровъ, какъ только можетъ быть разбитая и старая посуда; много хлопотъ по перестроенію, а болѣе по устройству землянокъ, ибо морозы настали, а дивизія еще въ палаткахъ. Цѣны на жизненные припасы ужасныя, фуражъ скоро будетъ дороже прошлогодняго, теперь пудъ сѣна по рублю, а четверть овса 10 рублей; мнѣ же надо кормить 10 лошадей, а средствъ, кромѣ жалованія, не имѣю. Въ теченіе недѣли, на нашемъ горизонтѣ ничего не произошло новаго и хоть сколько нибудь любопытнаго. Наше время проходитъ въ занятіяхъ; вотъ три дня осматриваю полки, укомплектованные изъ 17-й дивизіи, которая въ кадрахъ, уходитъ; погода ужасная, вчера снѣгъ и морозъ, такъ что не угадать какъ и одѣться, а бѣдные мои солдатики еще въ палаткахъ, хотя и холодно. Посылаю тебѣ приказъ Царя и князя Горчакова *), ты увидишь, какъ Государь былъ доволенъ нами, солдатамъ уже роздано по рублю за смотръ, и они въ

*) Высочайшій приказъ Крымской арміи. Г. Симферополь. Ноября 1-го дня 1855 г. и приказъ главнокоманд. Крымской арміи, ноября 2-го дня 1855 г. главн. кварт. г. Бахчисарай.

восхищеніи. Князь ко мнѣ весьма внимателенъ, любезенъ.

1-го декабря 1855 г. лагерь на р. Качѣ.

Вчера прибылъ курьеръ изъ Варшавы, съ извѣстіемъ, что фельдмаршалъ Паскевичъ уже приобщился и ему читалась отходная; съ его смертію, надо полагать, будутъ большія перемѣны въ назначеніи старшихъ. Я боюсь, чтобы не взяли отъ насъ князя Горчакова въ Варшаву, и кого Богъ пошлетъ къ намъ; къ новымъ лицамъ привыкать тяжело, а паче къ тѣмъ, съ кѣмъ мало знакомъ, лучше даже когда вовсе не знаешь. Относительно военныхъ дѣйствій нѣтъ ничего новаго, какъ мы, такъ и они въ настоящее время двигаться не можемъ, и обѣ стороны расположились зимовать; непріятель значительно уменьшилъ войска свои, отправивъ часть ихъ зимовать въ Турцію. Ежели въ теченіи зимы не будетъ мира, то весною возгорится сильная война, и я думаю, что съ начала она обнаружится у насъ, а потомъ перейдетъ въ Бессарабію или даже быть можетъ въ Одессу, ибо они уже вездѣ попробовали и вездѣ видятъ нашу готовность. Зимой конечно будутъ стычки на передовыхъ постахъ, но это пустяки.

3-го декабря 1855 г. лагерь на р. Качѣ.

Новаго у насъ ничего, холода настали небывалыя, 15 градусовъ и болѣе, снѣгъ глубиною въ полъ-арши-

на, солдатскія землянки теплы, а моя хата холодна какъ ледникъ; хотя топимъ немилосердно, цѣлый день сижу въ шубѣ, а сплю укрывшись тулупчикомъ, одѣяломъ и шубой, и это только что въ пору. Къ этимъ морозамъ въ добавокъ еще постоянно очень сильный вѣтеръ, ежели такъ продолжится долго, то не знаю, что будетъ съ союзниками, русскимъ хорошо и здорово по привычкѣ, да къ тому и полезно, дороги поправятся, и подвезутъ намъ кое-что, ибо дороговизна невыносимая, на примѣръ: вчера привезли мнѣ 5 возиковъ сѣна, въ которыхъ не болѣе 100 пудовъ, и за нихъ заплачено 160 рублей, за овсомъ послалъ въ Симферополь, не знаю почему онъ тамъ,—въ Бакчисараѣ стоитъ 15 руб. четверть; представь себѣ, что будетъ далѣе къ веснѣ, когда запасы истощатся.

Время провожу болѣе среди своей семьи, 10-й дивизіи, и могу похвастаться, что хорошая семья, въ числѣ ихъ полковникъ Зеленой, человекъ умный, образованный и веселый, много путешествовалъ, и два раза кругомъ свѣта, я его очень полюбилъ за его честность и правдивость.

6-го декабря 1855 г. на р. Качѣ.

Графъ Сакенъ теперь уже, вѣроятно, у васъ въ Одессѣ, ибо онъ уѣхалъ въ четвергъ утромъ, я вмѣсто него назначенъ командующимъ корпусомъ. До сихъ поръ не шлютъ намъ денегъ, такъ что мы и войска безъ гроша; князь телеграфировалъ, что армія отъ пере-

писки сыта не будетъ, и только 4-го числа полученъ отвѣтъ, что высылается 5 м., а такъ какъ я предвижу, что жалованье мы получимъ поздно, а ты съ дѣтьми можешь терпѣть отъ безденежья, то я занялъ 300 р., которые и посылаю тебѣ, чтобы ты имѣла къ празднику копѣйку, а какъ только получу жалованье, пришлю болѣе. Прежде всѣ кричали, что князь Меншиковъ морилъ армию несвоевременной доставкой и проч. проч., а мы теперь еще только въ началѣ распутицы и уже начинаемъ терпѣть нужду, плотимъ напримѣръ за фунтъ свѣчей 50 к., за фунтъ сахару 50 к., за пудъ сѣна 1 р. 20 к., за четверть овса 12 р.—въ такой пропорціи и всѣ прочіе продукты. Вчера мнѣ сообщили новость, что Карсъ сдался, но я не вѣрилъ, а сегодня удостовѣрился, ибо адъютантъ Муравьева привезъ эту новость, что дѣйствительно Карсъ сдался съ 20 т. гарнизона и до 120 полевыхъ орудій, кромѣ крѣпостныхъ. Голодъ свое дѣло сдѣлалъ. Это событіе весьма благоприятно для насъ. Слава Богу и Царю радость.

21-го декабря 1855 г. на р. Качѣ.

Пріѣхалъ къ намъ генераль Лидерсъ, и кажется готовится большой переворотъ. Говорятъ, что князь Горчаковъ поѣдетъ въ Петербургъ, а потомъ въ Варшаву. Лидерсъ останется у насъ, Сухожанецъ вмѣсто него въ Одессу, графъ Сакенъ въ Москву или Кіевъ; словомъ, огромное перемѣщеніе. Вотъ я переживаю третью эпоху Крымской арміи; не знаю, что предстоитъ мнѣ, лучшее или худшее, посмотримъ, да бу-

детъ Святая Воля Господа—онъ до сихъ поръ былъ милостивъ, но и я ничего не сдѣлалъ противъ совѣсти, служу вѣрно и правдиво, а потому крѣпко уповаю на Заступницу нашу передъ Творцомъ. Тяжелое время для Россіи, тяжело и намъ грѣшнымъ, прочь мысль о трудѣ и лишеніяхъ, а тяжка борьба въ ней, и въ особенности тамъ, гдѣ преобладаетъ духъ партій, — нѣмцы и поляки насъ одолѣвають, и мало русскихъ по душѣ, всѣ смотрятъ какъ бы избавиться отъ опасности и труда; Петербургъ, Москва теплый и покойный уголь, свой очагъ— вотъ мысли почти всѣхъ.

Лишь только послѣдуетъ новое назначеніе и прибудетъ корпусный командиръ, я буду проситься у кого подлежить, чтобы мнѣ дали отпускъ, надо отдохнуть немного тѣломъ и душою и полечиться. Жаль мнѣ разставаться съ княземъ Горчаковымъ, я его душевно люблю, и для него готовъ на всякіе лишенія и труды.

29-го декабря 1855 г. на р. Качѣ.

Наступающій новый годъ введетъ у насъ большія измѣненія, и чѣмъ-то Господь порадуетъ насъ и матушку Россію. Лидеръ къ намъ прибылъ, онъ назначенъ на мѣсто князя, на его мѣсто отправится Сухозанетъ, а командиръ 5-го корпуса будетъ Коцебу; Непокойчицкій будетъ начальникомъ штаба, словомъ весь Одесскій штабъ переѣзжаетъ къ намъ, а тамъ создается новый: князь Васильчиковъ будетъ начальникомъ штаба Южной арміи. Графъ Сакенъ, говорятъ,

тоже получилъ новое назначеніе въ Москву не знаемъ только, кто будетъ на его мѣстѣ; дай Богъ, чтобы назначали поскорѣе когонибудь, да притомъ хорошаго человѣка. Всѣ эти перемѣны поведутъ ли къ лучшему? — но видно необходимо. Князь уѣзжаетъ въ Петербургъ 31-го числа, а теперь ѣздитъ съ Лидерсомъ по позиціямъ и передаетъ ему все. Вотъ живу въ Крыму, и переживаю третьяго главнокомандующаго, Меншикова, Сакена и Горчакова, каково то будетъ съ новымъ. Я увѣренъ, что Лидерсъ, не смотря на огромное удовлетвореніе честолюбія, спать будетъ не на розахъ; здѣсь служба не одесская. Сухозанетъ тоже не фельдмаршалъ, онъ честный и трудолюбивый до крайности человѣкъ, но выжилъ уже изъ того ума, который необходимъ въ настоящую эпоху. Наше дѣло служить по мѣрѣ силъ, но они не стальные и при дурной администраціи упадемъ духомъ и потеряемъ послѣднюю энергію и охоту. Теперь молю Господа, чтобы онъ вразумилъ меня жить съ новыми лицами, такъ какъ Онъ сподобилъ меня жить со старыми. Сегодня видѣлъ Лидерса, онъ принялъ меня, какъ стараго знакомаго, очень любезно, а что будетъ далѣе — не знаю.

Только что отъ Коцебу, графъ Сакенъ не получилъ никакого назначенія, а назначеніе его въ Москву чистыя пустяки, никогда объ этомъ и рѣчи не было; онъ остается по прежнему командиромъ 4-го корпуса подъ командою Лидерса, который гораздо его моложе по службѣ.

Какъ неудовлетворено честолюбіе Лидерса, по видна въ немъ печаль,—отравила она его,—это не Одесса, гдѣ и тепло, и весело, и работъ мало; а здѣсь не одну ночь долженъ будетъ провести безъ сна, выдумывая и средства и способы содержать и накормить армію. Ежели дѣло съ корпусомъ скоро развяжется, то я буду просить, чтобы меня отпустили полѣчиться отъ контузій, а до того ничего сдѣлать не могу.

11-го января 1856 г. на р. Катѣ.

Нашъ новый главнокомандующій Богъ знаетъ что со мною дѣлаетъ, по пріѣздѣ новаго корпуснаго я подалъ докладную записку, прося о дозволеніи мнѣ съѣздить въ Одессу лѣчиться,—онъ отвѣчалъ, что намѣренъ сдѣлать какую то рекогносцировку, и что я нуженъ ему при оной, а по окончаніи ея онъ дозволить; вотъ слова, которыя мнѣ передалъ чрезъ смотрѣвшаго мою дивизію генерала Гельфрейга, а какъ по неизвѣстнымъ никому причинамъ главнокомандующій еще ничего не видѣлъ, да и войска его не видѣли, то я боюсь, чтобы эта рекогносцировка не отложилаь въ долгій ящикъ. Грустно такъ служить, а по истинѣ не знаю на что рѣшусь; но ежели черезъ нѣсколько дней ничего положительнаго не добьюсь, то быть можетъ буду просить или перевода въ другое мѣсто, или же увольненія для излѣченія болѣзни. Правду сказать, что то и другое, будетъ противно моимъ основнымъ правиламъ,

но что же дѣлать, я уже забылъ когда былъ прапорщикомъ. Я начинаю подозрѣвать, что Лидерсъ не совсѣмъ мною доволенъ, ибо при первомъ же визитѣ ему хотѣлось слышать отъ меня что нибудь въ укоръ князю Горчакову, но какъ я преданъ душою этому благородному русскому дворянину, то отвѣчалъ: „Время укажетъ какой это былъ труженникъ, и каковы были обстоятельства войны;—порипать дѣйствія другихъ легко, и на это есть очень много охотниковъ;—но чтобы они сдѣлали на его мѣстѣ?—А князь сдѣлалъ много“. Наконецъ сегодня Высочайшій приказъ отъ 1-го января разрѣшилъ задачу графа Сакена, онъ назначенъ въ государственный совѣтъ,—это его аранжируетъ хорошо.

Объ военныхъ дѣйствіяхъ ничего не слышно, и вѣроятно ничего и не будетъ до весны, а чѣмъ благословить Господь матушку Россію—весна укажетъ.

8-го марта 1856 г. на р. Кавчѣ.

Вернулся изъ отпуска *) благополучно, засталъ здоровыми всѣхъ моихъ ратныхъ товарищей и друзей. Здѣсь тифъ не такъ свирѣпствуетъ, какъ у васъ, изъ 13 т. состава дивизіи больныхъ не болѣе 500 человекъ, это и въ мирное время рѣдкость, дружины хвораютъ сильно, такъ что не знаютъ что и дѣлать, ибо уменьшились на половину. Вчера ѣздили являться властямъ и былъ принятъ какъ нельзя

*) Былъ въ 28 дневномъ отпуску въ Одессѣ.

лучше; корпусный очень обрадовался и сказалъ: „я думалъ, что вы къ намъ уже не возвратитесь;“— вернувшись домой, я засталъ распоряженіе, что моя дивизія, 10-го числа, должна перейти на Сѣверную сторону и на Инкерманскую позицію, на мѣсто 9-й дивизіи. Это обстоятельство совершенно разстраиваетъ полки, и я выпросилъ отсрочку этому движенію до 16-го, а ежели, къ этому времени, не будетъ извѣстій о мирѣ, то волей неволей 15-го или 16-го поѣду туда, и вступлю въ командованіе этими позиціями, что будетъ далѣе—неизвѣстно, но Богъ милостивъ! Здѣсь все, до невѣроятности дорого, пудъ сѣна 2 р. 40 к., четверть овса 15 руб., пудъ мяса 3 р. 20 к., а все другое почти въ двое противъ прежняго.

14-го марта 1856 г. на р. Качѣ.

Завтра ѣду на Мекензіеву гору къ Веселицкому, чтобы собрать отъ него нѣкоторыя свѣдѣнія, отъ туда на Инкерманъ, дабы принять эту позицію, и наконецъ на Сѣверную сторону, гдѣ и будетъ моя резиденція. Гдѣ тамъ помѣшусь, что будетъ происходить Единъ Господь только знаетъ; а я вижу въпереди только труды, хлопоты и занятія; конечно, ежели миръ, то все скоро измѣнится, и будетъ совсѣмъ другое, ежели война, то опять другое. Сейчасъ ѣду въ Бакчисарай, чтобы откланяться корпусному, и ежели надобность укажетъ, то и къ главнокомандующему—не будетъ ли какихъ наставленій. Получено распоряженіе, чтобы нынѣ 19-го, ежели даже

не будетъ еще объявленъ миръ, никакихъ военныхъ дѣйствій не предпринимать, это тебя должно успокоить, и я почти увѣренъ, что миръ будетъ.

21-го марта 1856 г. Сѣверная сторона Севастополя.

Въ понедѣльникъ водворился я на Сѣверной сторонѣ, поселился въ землянкѣ; хлопотъ по новому переходу и вообще по разнородности частей войскъ очень много; но такъ какъ развязка дѣла кончена, то думаю, что вся эта суматоха недолго продолжится.

Недавно уѣхалъ отъ меня Гюнень, привозившій для передачи трехъ французскихъ офицеровъ, и поздравилъ насъ съ заключеніемъ мира, который подписанъ 18-го (30-го) марта, и лишь только онъ уѣхалъ, на всемъ союзномъ флотѣ и на позиціяхъ открылась страшная салютаціонная пальба; вѣрно они уже получили официальное извѣстіе о мирѣ, а у насъ, хотя тоже знаютъ, но отъ злости, или какого-либо другого похвального чувства, молчатъ; вообще, поведеніе главной квартиры куда какъ хитро.

22-го марта 1856 г. Сѣверная сторона.

И такъ миръ; нашъ 4-й корпусъ предположено двинуть на Чонгарскій мостъ, къ Мелитополю, гдѣ мы должны будемъ простоять 10 дней, можетъ быть и болѣе, въ видѣ карантиннаго очищенія, а куда затѣмъ пойдемъ — еще не знаютъ, — такъ мнѣ пи-

шесть баронъ Дельвигъ; движеніе наше начнется около 20 апрѣля.

29-го марта 1856 г. Сѣверная сторона.

Благодаря Бога миръ, съ часу на часъ, ждемъ манифеста, чтобы помолиться официально. Теперь у насъ, въ лагеряхъ, настоящая ярмарка: французы, англичане и сардинцы гостятъ у нашихъ солдатъ, пьянствуютъ до невозможности, много комическихъ сценъ, въ особенности при объясненіяхъ, которыя сопровождаются мимикой и самыми уморительными жестами; наши тоже подъ часъ гостятъ у союзниковъ и пьянство доходитъ до смертныхъ случаевъ, какъ у насъ, такъ и гг. союзниковъ. Офицеры, какъ наши, такъ и ихъ, тоже развѣзжаютъ; — на дняхъ хотѣлось бы и мнѣ поѣхать въ Севастополь, посмотреть на его развалины, и объѣхать Камышь и Балаклаву, но не знаю когда мнѣ это удастся.

Воскресеніе дають обѣдъ союзнымъ главнокомандующимъ, на Мекензиевой горѣ, но всего на 400 человекъ, между тѣмъ какъ намъ извѣстно, союзники готовятъ обѣдъ для всѣхъ офицеровъ нашей арміи, изъ этого выходитъ ужасное недоразумѣніе, — по мнѣ въ подобномъ случаѣ, или ничего, или широко.

4-го апрѣля 1856 г. Сѣверная сторона.

Миръ, — всѣ знаемъ, а я стою съ дивизіей, точно какъ бы завтра въ бой — манифеста до

сихъ поръ нѣтъ. Я частно знаю, что только въ концѣ апрѣля моя дивизія выступаетъ къ Мелитополю, гдѣ, простоявъ 10 дней, пойдёмъ далѣе, но куда — не знаю. Севастополь разорень такъ, какъ едвали возможно болѣе, гг. союзники ни на минуту не остаются безъ дѣла, все ломаютъ, лѣсъ, желѣзо, даже гвозди, все забираютъ и вывозятъ. Обѣхаль я эти дорогія развалины, осмотрѣлъ непріятельскія работы, былъ у нихъ въ лагерѣ, въ Камышѣ и подумаль, — славны бубны за горами, — а лагерь, какъ и нашъ, кто въ землянкѣ, кто въ баракѣ, а кто въ палаткѣ. Работы возведенныя ими около Камыша, на случай отступленія, гигантскія, видно, что они побаивались, а самый Камышъ, прославленный ими какъ городъ, все одно, что наши ярмарки, дома выстроены изъ досокъ, громкія названія улицъ, театръ, куча сброду, ничего хорошаго, — цѣны на все страшныя, вездѣ французенки вертятся передъ гг. побѣдителями, которые впрочемъ очень любезны къ намъ.

Поѣздка моя была совершенно случайная, флигель-адъютантъ Ахматовъ пріѣхаль ко мнѣ и просиль меня показать ему Севастополь и работы, а то я не больно тороплюсь оказать имъ мою любезность, хотя имѣю очень много приглашеній; — но завтра поѣду на смотръ всѣхъ войскъ, который будетъ дѣлать Пелисье, это меня очень интересуеть и ежели успѣю увернуться отъ обѣда, то проѣду въ Балаклаву; завтракать буду у начальника штаба арміи, генерала Мартенпре, онъ до того любезенъ,

что сегодня прислалъ просить и Константина *). На обѣдѣ, данномъ Лидерсомъ, я приглашонъ не былъ и мое отсутствіе было даже замѣчено французскимъ главнокомандующимъ.

12-го апрѣля 1856 г. Сѣверная сторона.

Нашъ главнокомандующій уѣхалъ къ вамъ въ Одессу на Пасху, но говорятъ, что онъ опять возвратится, чтобы еще кое-что осмотрѣть, и потомъ опять будетъ вашимъ гостемъ. Теперь онъ и графъ Строгоновъ въ Симферополѣ обсуждаютъ устройство края; я надѣюсь, что графъ Строгоновъ будетъ здѣсь. Былъ я на смотру французскихъ и англійскихъ войскъ, передъ смотромъ представился маршалу Пелисье, который былъ очень любезенъ—это короткая, толстая фигурка, съ весьма ординарнымъ лицомъ. Войскъ было представлено до 60 т.; солдаты и офицеры боевые. У англичанъ другое: Кодрингтонъ, по физіономіи докторъ, лицо доброе, чисто выбритое, остриженъ гладко, ну точно вольнопрактикующій заграничный дамскій докторъ. Всѣ англійскія войска настоящая театральная декорация, одѣты очень богато, выучены маршировать недурно, такъ что наши фронтовики были въ восхищеніи; шотландцы въ особенности отличались своимъ фантастическимъ костюмомъ; они были въ юпкахъ съ голыми колѣнами, а музыка у нихъ состоитъ изъ во-

*) Старшій сынъ Константина Романовича.

лынокъ. Передъ смотромъ, у Кюдрингтона былъ маленькій обѣдъ, блюдъ въ 20, а питья столько, что вся англійская публика поѣхала на смотръ порядочно раскрасѣвшись. Приглашены были все генералы русскіе, французскіе, піемонтскіе и свои. У Ламармора лицо чрезвычайно представительное и воинственное. Французы и сардинцы уже начали по немногу отправлять свои войска, а англичане не только что не думаютъ отправлять, а все еще привозятъ. Дороговизна у нихъ страшная, а потому теперь наши купцы стараются перещеголять ихъ въ грабежѣ.

18-го апрѣля 1856 г. Сѣверная сторона.

Христось Воскресе!

Пишу послѣднее письмо, глядя на Севастополь— мѣсто, которое такъ дорого каждому русскому, и гдѣ я два раза встрѣчалъ этотъ высокаторжественный день, и оба раза одинъ другого грустнѣе: въ первый разъ Севастополь разстрѣливали, а въ настоящій видна только груда камней, изъ которыхъ союзные выбираютъ каждый гвоздь, каждый кусокъ дерева и даже тесанный гранитъ, и здѣшній мѣстный камень; гг. союзники, не стыдясь, все разрушаютъ, хотя уже миръ.

21-го числа, я долженъ ѣхать въ Симферополь, гдѣ и пробуду дней десять, ибо нашъ корпусный уѣхалъ въ отпускъ, и я приказомъ по арміи назначенъ командующимъ и получилъ депешу, чтобы быть къ 22-му въ Симферополь, для полученія оконча-

тельныхъ распоряженій относительно движеній корпуса. Мнѣ грустно оставлять это мѣсто, гдѣ каждый клочекъ земли, каждый камень напоминаютъ трудъ и геройство русскихъ солдатъ, и такъ невнимательно оцѣненный соотечественниками. Радуюсь, что не буду болѣе видѣть этихъ голодныхъ бродягъ-пришельцевъ; я никогда не имѣлъ особенной симпатіи къ нимъ, а теперь, увидавъ ихъ ближе и узнавъ короче, скажу, что никогда бы не желалъ болѣе сталкиваться съ ними, развѣ только для разоренія Лондона и Парижа, гдѣ я показалъ бы себя достойнымъ имени Тамерлана, чтобы отплатить имъ хотя сотую часть того, что они намъ сдѣлали.

Приложенія.

№ 1.

Командиру 1 бригады 12 пѣхотной дивизіи, господину генераль-маіору и кавалеру Семьяину.

Его свѣтлости угодно, чтобы ваше превосходительство, съ полученіемъ сегодняшняго числа мортирѣ, снарядили бы на завтрашній день экспедицію къ Балаклавѣ.

Сообщая о семъ вашему превосходительству для распоряженія, присовокупляю, что какъ составъ экспедиціи, такъ и порядокъ исполненія оной, я предоставляю усмотрѣнію вашему.

Генераль-лейтенантъ Липранди.

№ 2.

Начальнику 12 пѣхотной дивизіи господину генераль-лейтенанту Липранди.

Диверсія горною дорогою на Балаклаву достигла своей цѣли; по телеграфу доносятъ, что часть англійскаго лагеря сняла палатки, и двѣ колонны пѣхоты, изъ подъ Севастополя, потянулись къ Балаклавѣ, почему его свѣтлость поручилъ мнѣ, передать свое желаніе, что-бы и завтрашній день, отъ вѣрренной вашему превосходительству дивизіи, была послана такая же колонна, но безъ мортирѣ и артиллеріи; отрядъ не долженъ идти такъ далеко и не завязывать дѣла, а ограничиться тѣмъ, чтобы присутствіе его было замѣчено не-

пріятелямъ, разложить на высотахъ какъ можно болѣе огней и, пробывъ тамъ до разсвѣта, присоединиться къ отряду. Генеральнаго штаба полковникъ Герсевановъ.

На этой запискѣ сдѣлана надпись рукою генерала Липранди:

Прошу васъ, Константинъ Романовичъ, назначить экспедицію, согласно желанія его свѣтлости, я полагаю, достаточно двухъ ротъ изъ одного изъ полковъ, по вашему усмотрѣнію, поручивъ команду надъ ними маіору Мамышеву.
Липранди.

№ 3.

Союзный флотъ въ 1854 году.

Въ Балтійскомъ морѣ.

Англійскихъ . . . 44 корабля съ 2,200 орудіями
Французскихъ . . . 23 „ „ 1,250 „

Въ Черномъ морѣ.

Англійскихъ . . . 37 кораблей съ 1,329 орудіями
Французскихъ . . . 26 „ „ 1,120 „

Въ Средиземномъ морѣ.

Французскихъ 10 кораблей съ 622 орудіями.

№ 4.

Прошу Константина Романовича еще написать министру: Для обороны Севастополя остается всего около 240 зарядовъ на орудіе, и мало свинца, между тѣмъ непріятель начинаетъ дѣйствовать съ весьма большою настойчивостію, и ускореніе доставленія пороку и свинцу необходимо.

Меншиковъ.

№ 5.

Симферополь 22 февраля 1855 г.

Мои недуги усиливаются, любезный Константинъ Романовичъ, и грозить къ тому лихорадка. Медики гонятъ меня изъ Крыма вонъ, и я рѣшаюсь отправиться въ Николаевъ завтра же.

Не знаю, приведетъ-ли меня судьба сойтись опять съ вами по службѣ, и потому нынѣ-же обязываюсь выразить вамъ, что оно было-бы мнѣ пріятно, ибо умѣю васъ цѣнить.

. . . . . , ...
За сие, прошу еще меня не забывать, и съ курьерами отправляющимися на кievскій телеграфъ, извѣщать меня о происходящемъ въ Крыму.

Сейчасъ прибылъ баронъ Виллебрантъ, и вручилъ мнѣ письмо ваше отъ вчерашняго числа, съ рапортомъ г. Саена за № 20, и запискою г. Хрулева. Ежели достанетъ силъ, то напишу отвѣтъ до отъѣзда. Съ приложеннаго къ моимъ бумагамъ плана прикажите сдѣлать для меня копію.

Не успѣлъ еще запечатать письма этого, какъ получилъ письмо Наслѣдника, увѣдомляющаго меня, что я увольняюсь по болѣзни отъ званія главнокомандующаго, и что князь Михаилъ Дмитріевичъ Горчаковъ назначенъ на мое мѣсто. Я пріостановился въѣздомъ изъ Симферополя, а когда соберусь—дамъ знать.

Сынъ мой получилъ званіе генераль-адъютанта.

Меншиковъ.

№ 6.

Милостивый государь

Константинъ Романовичъ!

По Всемилостивѣйшему соизволенію, оставя за тяжкою болѣзнію главное командованіе войсками въ Крыму и отдавъ въ приказѣ отъ 28 февраля общую мою благодарность всѣмъ бывшимъ моимъ, морскимъ и сухопутныхъ войскъ сотрудникамъ, я поставляю себѣ приятнымъ долгомъ еще отдѣльно симъ свидѣтельствовать, вашему превосходительству, мою искреннюю признательность за то усердіе, ту неутомимость, и ту быструю распорядительность, съ коими вы трудились при мнѣ, заботливость о войскахъ, исполняя съ примѣрною дѣятельностію все, что по званію начальника штаба было на васъ возлагаемо.

Примите, ваше превосходительство, увѣреніе, что съ благодарностію за ваше сотрудничество, я сохраню и самое пріятное воспомичаніе о взаимныхъ нашихъ трудахъ по общему дѣлу и, что еслибы довелось встрѣтиться намъ на ратномъ поприщѣ, то въ числѣ сотрудниковъ моихъ желалъ-бы найтти ваше превосходительство. Въ сихъ желаніяхъ, остаюсь къ вамъ, милостивый государь, съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію.

Князь А. Меншиковъ.

Перекопъ.

4 марта 1855 г.

№ 7.

Перекопъ 4-го марта 1855 г.

Благодарю васъ, любезный Константинъ Романовичъ, за извѣщенія и сообщенія ваше, изъ коихъ послѣднее доставлено мнѣ минушею ночью флигель-адъютантомъ Мирбахомъ.

Я слышалъ отъ него, что на Сѣверной, по соображеніямъ Баумгартена, предполагается распространить укрѣпленія и выдвинуть ихъ къ Бельбеку, но чѣмъ-же защищать будете эти укрѣпленія, ежели армія вынуждена будетъ сдѣлать движеніе? Опасаюсь, чтобы непріятель не обратилъ ихъ противу насъ.

Завтра отправлюсь чрезъ Алешки въ Херсонъ, куда надѣюсь прибыть прежде князя М. Д. Горчакова, отъ котораго не возвратился еще мой посланный въ Кишиневъ, долженствующій привезти положительное о его выѣздѣ свѣденіе.

При желаніи вамъ всего лучшаго, остаюсь Вашъ всегда готовый къ услугамъ.

Меншиковъ.

№ 8.

Прошу Константина Романовича доложить его сіятельству, что по возвращеніи Тотлебена съ работъ, что послѣдуетъ не прежде вечера, я переговорю съ нимъ и увѣдомлю; отправленіе же днѣпровскаго полка прежде завтряннаго числа послѣдовать не можетъ.

По множеству дѣлъ я совсѣмъ забылъ, что Тотлебенъ просилъ у главнокомандующаго продленія срока полку, только на два дня, а сегодня четвертый уже день; въ чемъ испрашиваю извиненія.

Для огражденія редута — ключа подступа къ Малахову кургану, который господствуетъ надъ всѣмъ Севасто-

полямъ, мы начали большія траншейныя работы, требующія много рукъ, тѣмъ болѣе, что кромѣ блиндажей, еще нѣкоторыя необходимыя работы не окончены.

Баронъ Д. Ос. Сакенъ.

14 марта 1855 г.

Севастополь.

№ 9.

Желая имѣть васъ дивизионнымъ начальникомъ во ввѣренномъ мнѣ корпусѣ, любезный Константинъ Романовичъ, я испросилъ на то согласіе главнокомандующаго. Теперь, по случаю болѣзни Баумгартена отъ расширенія жилъ въ ногахъ, давнишней его болѣзни, которая получила полное развитіе, Вы получите 10 дивизию, на что я имѣю обѣщаніе князя Михаила Дмитріевича.

Баронъ Д. Ос. Сакенъ.

24 мая 1855 г. Севастополь.

№ 10.

20-го іюля 1855 г.

Чтобы не дать неприятелю болѣе приблизиться къ намъ, въ чемъ уже онъ много успѣлъ,—а близость его для насъ смертоносна, и требуетъ непрестаннаго бдѣнія, главнокомандующему угодно, чтобы на отдѣленіяхъ часто были производимы вылазки, съ болѣею осмотрительностію и меньшею по возможности потерей людей. Я желалъ переговорить о томъ съ вами, любезный Константинъ Романовичъ, но узнавъ, въ сожалѣнію, что вы чувствуете себя нездоровымъ, прошу прислать ко мнѣ кого либо изъ начальниковъ частей, съ вашими о томъ предположеніями.

Графъ Д. Ос. Сакенъ.

№ 11.

Вопросы, предложенные главнокомандующимъ гг. генераламъ на военномъ совѣтѣ 28 юля.

Ополченіе предназначаемое въ мое распоряженіе, независимо отъ Курскихъ дружинъ, окончательно можетъ собраться къ Перекопу, — только къ концу октября.

По приблизительному соображенію генераль-интенданта, войска, въ нынѣшнемъ своемъ составѣ, могутъ довольствоваться сѣномъ, въ Крыму, до 15 октября. Если же уменьшить число лошадей на половину, то сѣна достанетъ до половины января; если на $\frac{3}{4}$ лошадей, то по 15 апрѣля, т. е. до появленія подножнаго корма.

И такъ, нынѣ настало время рѣшить неотлагательно вопросъ о предстоящемъ намъ образѣ дѣйствія въ Крыму: продолжать-ли пассивную защиту Севастополя, стараясь только выигрывать время и не видя впереди никакого опредѣленнаго исхода, или же немедленно по прибытіи войскъ 2 корпуса и курскаго ополченія перейти въ рѣшительное наступленіе?

Вопросъ этотъ предлагаю на ваше обсужденіе и въ допленіе онаго, если мы не должны долѣ оставаться въ пассивномъ положеніи, то:

- 1) Какое дѣйствіе предпринять?
- 2) Въ какое время?

Мнѣніе генераль-лейтенанта Семякина, на вопросы предложенные на военномъ совѣтѣ 28 юля, 1855 года.

На вопросы, предложенные вашимъ сіятельствомъ, вчерашняго числа, имѣю честь, по долгу вѣрноподданнаго и крайнему моему разумѣнію, изложить мое мнѣніе.

Оставаться въ Севастополѣ въ пассивномъ состояніи на продолжительное время, по многоразличнымъ причинамъ,

какъ въ военномъ, такъ и административномъ отношеніяхъ—мы не можемъ.

Непріятель приблизился уже на многихъ пунктахъ, на весьма близкое разстояніе къ нашимъ веркамъ, и на столько, что послѣ продолжительной и усиленной бомбардировки, какой либо части оборонительной линіи, атака его можетъ быть даже успѣшною, не смотря на несомнѣнное самоотверженіе, съ которымъ войска будутъ защищаться. Результатомъ успѣшной атаки будетъ потеря Севастополя и большей части гарнизона.

Для перехода въ наступательное состояніе представляется два способа:

а) атаковать непріятеля изъ крѣпости и в) атаковать его со стороны Черной рѣчки.

Но оба эти способа трудно исполнить и не принесутъ существенной пользы.

Для приведенія въ исполненіе перваго способа, необходимо будетъ, въ той части города, откуда будетъ назначена атака, сосредоточить значительныя массы войскъ, не менѣе 50 т., а скрыть отъ взоровъ непріятеля такую массу войскъ мы не имѣемъ возможности, слѣдовательно, онъ будетъ уже подготовленъ.

Затѣмъ, для вывода войскъ въ бой, изъ-за нашихъ оборонительныхъ укрѣпленій, мы не имѣемъ достаточно удобныхъ выходовъ, выдвигать-же большія массы, черезъ амбразуры и другія незначительные выходы, значитъ раздробить ихъ, почти въ одиночку, и устраивать ихъ потомъ въ виду непріятеля потребуетъ много времени. Непріятель будетъ зорко слѣдить за каждымъ нашимъ шагомъ, и открывъ начало наступленія и, подвергнетъ головныя части сильнѣйшему артиллерійскому и ружейному огню, слѣдовательно и разстройству, вслѣдствіе котораго и все предпріятіе можетъ сдѣлаться неудачнымъ.

Допустивъ, что не смотря на всѣ затрудненія и неминуемо значительныя потери, успѣхъ будетъ на нашей сто-

ронѣ, и мы займемъ какой либо важный пунктъ, который, чтобы удержать за собою, необходимо будетъ укрѣпить, и до того имѣть на немъ постоянно массы войскъ, совершенно открытыми дѣйствию артиллеріи, обстоятельство, которое, не говоря уже о значительной потери, замедлитъ и самый ходъ работъ. Непрiятель-же, высмотрѣвъ наше положеніе, чрезъ сутки, или менѣе, сосредоточитъ свои силы, въ большой численности, употребитъ всѣ свои усилія, чтобы сбить насъ и при возможной неудачѣ удержаться, вмѣстѣ съ нами. вѣрнется въ наши укрѣпленія.

Наконецъ, если даже намъ вполне удастся удержать за собою занятый пунктъ и на ономъ укрѣпиться, то мы все таки не выходимъ изъ пассивнаго положенія, потому что союзники перенесутъ свою атаку на другую половину города, такъ какъ ихъ подступы, на обѣихъ половинахъ, очень близки.

А потому, смѣю думать, что этимъ способомъ мы нисколько не выиграемъ и не выйдемъ изъ пассивнаго положенія, а только понесемъ весьма значительную потерю въ войскахъ, и безъ того ослабленныхъ въ численности, но за то еще не упавшихъ духомъ. Второе предположеніе атаки, со стороны Черной рѣчки, можетъ принести временную пользу; озаботитъ непрiятеля, на нѣсколько дней, заставитъ его сосредоточить всѣ его растянутыя силы снова къ Балаклавскому лагерю и на Сапунъ гору; Севастополь-же останется въ одинаково невыгодномъ положеніи и даже, быть можетъ, еще и худшемъ.

Если-же ограничиться только занятіемъ и укрѣпленіемъ чоргунской позиціи, на которой имѣть не болѣе 1¹/₂ дивизіи пѣхоты и небольшого количества кавалеріи, а остальные войска снова сколь можно поспѣшнѣе приблизить къ Севастополю, то и тутъ наше положеніе нисколько не измѣнится.

Кромѣ того, долгомъ считаю присовокупить, что нѣсколько дневное отсутствіе войскъ отъ Севастополя, и его ослабленіе, подвергаетъ городъ величайшей опасности; союзники,

одновременно съ дѣломъ на Черной рѣчкѣ, могутъ атаковать и даже взять его, ибо значительныя силы такъ близко расположены, что онъ въ нѣсколько часовъ можетъ сосредоточить ихъ, тогда какъ наши, будучи заняты дѣломъ въ отдаленности, не будутъ и знать о происходящемъ подъ Севастополемъ, а тѣмъ болѣе не будутъ въ состояніи, подать городу какую либо помощь.

А потому, для облегченія, только временно, Севастополя, а вмѣстѣ съ тѣмъ и для стѣсненія непріятеля въ его позиціи, я полагалъ бы произвести большую демонстрацію на Чоргунъ, — но отнюдь не всѣми войсками, но во всякомъ случаѣ значительною частію, примѣрно 5 дивизіями, имѣя большіе резервы въ Севастополѣ и на сѣверной сторонѣ.

Второй вопросъ — въ какое время?

Такъ какъ, по всѣмъ свѣденіямъ, имѣющимся отъ перебѣжчиковъ, можно заключить, что 3 (15) августа непріятель намѣренъ атаковать Севастополь, то смѣю думать, что демонстрація на Чоргунъ, до этого времени, можетъ удерживать его отъ штурма на нѣкоторое время, и то лишь до разъясненія нашихъ намѣреній, а затѣмъ союзники еще съ большею настойчивостію будутъ дѣйствовать противъ Севастополя.

Генераль-лейтенантъ Семякинъ.

Дополнительная записка къ мнѣнію, поданному генераломъ Семякинымъ на военномъ совѣтѣ.

Въ запискѣ, поданной сего числа на вопросы вашего сіятельства, я ограничился только разсмотрѣніемъ возможности выйдти изъ пассивнаго положенія нашего, не оставляя Севастополя, и пришелъ къ тому убѣжденію, что переходомъ въ наступательное положеніе мы не достигнемъ положительно полезныхъ результатовъ: Севастополь останется по прежнему въ пассивномъ положеніи, а только лишь на нѣсколько времени отсрочится катастрофа.

И такъ, если продолженіе обороны Севастополя на прежнемъ основаніи признается невозможнымъ, а наступательныя положенія изъ города и съ Черной рѣчки не обѣщаютъ дѣйствительныхъ, полезныхъ результатовъ, то, по моему убѣжденію, и рассматривая вопросъ, не вдаваясь въ политическія соображенія, которыя мнѣ неизвѣстны, то совершенное оставленіе Севастополя, переводъ войскъ и необходимаго количества орудій и снарядовъ на Сѣверную сторону, уничтоживъ укрѣпленія взрывами, занятіе и укрѣпленіе высотъ противъ бухты и Черной рѣчки и занятіе чоргунскихъ высотъ достаточно сильнымъ отрядомъ,—представляетъ большія выгоды въ смыслѣ стратегическомъ, а именно:

1) Армія будетъ сосредоточена на недоступной позиціи, не подвержена непріятельскому огню, а по своей числительности неодолима.

2) Непріятель, пріобрѣтая развалины Севастополя, будетъ самъ поставленъ въ пассивное положеніе, ибо отъ определенной мѣстности не въ состояніи будетъ двинуться.

Если-же онъ пожелаетъ перенести театръ войны, перевозомъ войскъ на судахъ, на другой пунктъ Крыма, то ему всегда можетъ быть противопоставлена вся наша армія, оставя сколько надобность уважетъ у Севастополя.

И наконецъ 3) занимая позицію на высотахъ сѣверной стороны, и владѣя высотами Чоргуна никогда не будетъ поздно, воспользовавшись обстоятельствами, которыя могутъ представиться, и нанести непріятелю рѣшительный ударъ наступленіемъ на правый его флангъ.

Генераль-лейтенантъ Семякинъ.

№ 12.

Рапортъ начальнику Севастопольскаго гарнизона генераль-адъютанту графу Остенъ-Сакену начальника 1 и 2 отдѣленій оборонительной линіи генераль-лейтенанта Семякина. Отъ 30 августа 1856 года, № 1369.

Въ $\frac{1}{2}$ перваго часа съ 5 бастіона дано было знать, что въ непріятельскихъ траншеяхъ, противу лѣваго фланга 1 отдѣленія, замѣчено большое скопленіе войскъ; такъ какъ тамъ траншеи отстояли отъ нашихъ рововъ: редута Шварца, 5 бастіона и люнета Бѣлкина, отъ 35 до 50 сажень, то я предположилъ, что непріятель намѣренъ предпринять какое либо покушеніе, тѣмъ болѣе, что на лѣвой половинѣ оборонительной линіи уже слышенъ былъ ружейный огонь; но за пожарами города разсмотрѣть не было возможности, гдѣ и что происходитъ.

По случаю предшествовавшей 3-хъ-суточной усиленной бомбардировки, всякаго рода смѣны войскъ были невозможны; вслѣдствіе чего войска были расположены на лѣвомъ флангѣ въ слѣдующемъ порядкѣ: одинъ баталіонъ житомирскаго полка въ редутѣ Шварца, другой баталіонъ въ чесменскомъ редутѣ; весь подольскій полкъ въ люнетѣ Бѣлкина, 5 бастіонѣ и на батареяхъ Бурцова и Завалишина, углицкій полкъ въ редутѣ Ростиславскомъ; минскаго полка одинъ баталіонъ за Чесменскимъ редутомъ, а другой по стѣнкѣ; прочія войска на мѣстахъ назначенныхъ по диспозиціи.

Дабы не быть захваченнымъ върасплохъ, я нашель необходимымъ сдѣлать, предварительно, слѣдующія распоряженія: всѣмъ войскамъ разослалъ приказаніе быть въ ружьѣ и совершенной готовности, гарнизонамъ въ бастіонахъ и на бастіонахъ не высовываться, что-бы скрыть нашу готовность, цѣпь стрѣлковъ на банкетахъ сгустить сколько дозволяетъ

возможность; минеровъ вывести и поставить резервомъ въ люнетѣ Бѣлкина; баталіону минскаго полка приблизиться къ 5 бастиону, углицкому полку — быть готовымъ слѣдовать туда-же, а вологодскій полкъ поставилъ за Ростиславскій редутъ.

Всѣми войсками на лѣвый флангъ, стянутыми, поручилъ пачальство генераль-маіору Хрушеву.

Въ $\frac{1}{2}$ 3 часа на 5 бастионѣ пробита тревога, непріятель одновременно вышелъ изъ траншей и бѣгомъ бросился на укрѣпленія; но встрѣченный сильнѣйшимъ картечнымъ и ружейнымъ огнемъ, мѣстами дрогнулъ, резервы остановились, и тѣ, которые поддерживали атаку противу 5 бастиона и люнета Бѣлкина, будучи поражаемы картечью, бросились къ редуту Шварца. Передовые достигнувъ ровъ помянутыхъ двухъ укрѣпленій, тамъ и остались, въ редутъ-же Шварца, помощью лѣстницъ, ворвались, но не прошли далѣе блиндажа и траверза.

Подоспѣвшія подкрѣпленія — баталіонъ житомирскаго и баталіонъ минскаго полковъ и сверхъ того командующій екатеринбургскимъ полкомъ, подполковникъ Веребинъ, лично и весьма скоро привелъ въ редутъ, изъ сосѣдственныхъ траншей, одну сводную роту.

На редутѣ завязался рукопашный бой, продолжавшійся около часу, непріятель, не смотря на отчаянное упорство удержаться, былъ выбитъ, оставя на мѣстѣ множество убитыхъ и раненыхъ и ровъ почти наполненный.

На 3 бастионѣ и люнетѣ Бѣлкина непріятель былъ опрокинутъ при первомъ покушеніи взойти на валъ и изъ рва не выходилъ, бывъ поражаемъ гарнизонами, стоявшими на брустверахъ, какъ это изволили видѣть лично, ваше сіятельство.

Въ $4\frac{1}{2}$ часа, дѣло на всѣхъ этихъ пунктахъ было окончено, французы въ безпорядкѣ бѣжали въ свои дальнія траншеи, гдѣ снова устраивались, но повторить попытку штурма

не рѣшились. Послѣ сего со всѣхъ батарей непріятель открылъ сильнѣйшую канонаду, продолжавшуюся не болѣе часу. Французы понесли весьма большую потерю, на площади редута Шварца, во рвахъ и на всемъ пространствѣ между нашими верками и траншеями осталось множество тѣлъ и раненыхъ.

Наша потеря, по предварительно собраннымъ свѣдѣніямъ, доходить до числа: убитыхъ оберъ-офицеровъ 5, нижнихъ чиновъ 114; ранено штабъ-офицеръ 1, оберъ-офицеровъ 14 и нижнихъ чиновъ 406; контужены: я—въ спину и многіе штабъ и оберъ-офицеры. Въ числѣ убитыхъ къ общему сожалѣнію находится всѣми уважаемый, храбрый и распорядительный лейтенантъ Банковъ, командовавшій съ честію 5 бастиономъ, раненъ въ обѣ ноги отлично храбрый и распорядительный командиръ 2 баталіона житомирскаго полка, майоръ Романовичъ. При отбитіи штурма взято въ плѣнъ французовъ: штабъ-офицеровъ 2, оберъ-офицеровъ 8, рядовыхъ 148. Изъ числа коихъ партія въ 50 человекъ, взята подольскаго полка, подпоручикомъ Банковскимъ, во рву Бѣлкина люнета.

На мнѣ лежитъ священная обязанность свидѣтельствовать предъ вашимъ сіятельствомъ объ отличной распорядительности начальника 1 отдѣленія капитана 1 ранга Зорина, въ которомъ я имѣлъ постоянно самаго полезнаго помощника; начальника артиллеріи, на дистанціи, капитана 2 ранга Данилевскаго, распорядительнаго и распорядившагося своимъ дѣломъ съ отличнымъ хладнокровіемъ.

Генераль-майоръ Хрущевъ еще разъ явилъ доказательство личной храбрости и распорядительности; дѣйствія командира житомирскаго полка, подполковника де-Жерве, бывшаго въ редутѣ Шварца, которому досталась защита онаго быть въ самомъ жаркомъ дѣлѣ, выше всякой похвалы; командиръ подольскаго полка полковникъ Олениковъ, бывъ въ 5 бастионѣ, доказалъ какъ свою храбрость, такъ и распорядительность; подольскаго полка прапорщикъ Степановъ явилъ

примѣрную храбрость и распорядительность; командующій екатеринбургскимъ полкомъ, подполковникъ Веревкинъ лично, со сводною ротой, дѣйствовалъ въ рукопашномъ бою и получилъ двѣ сильныя контузіи пулями, въ правую половину живота и правую руку съ содраніемъ кожи.

Всѣ войска, участвовавшія въ дѣлѣ, дрались съ героизмомъ и храбростію, будучи одушевляемы своими начальниками. Всѣ офицеры какъ морскаго такъ и сухопутнаго вѣдомства были, какъ и всегда, примѣромъ самоотверженія; въ особенности командиры атакованныхъ батарей, и изъ нихъ командовавшій редутомъ Шварца, лейтенантъ Саблинъ былъ въ самомъ жаркомъ дѣлѣ.

Генераль-лейтенантъ Семякинъ.

№ 13.

Благодарю душевно ваше превосходительство за примѣрное мужество войскъ вѣрренныхъ вамъ отдѣленій, посылаю вамъ десять знаковъ отличія военнаго ордена для 1 отдѣленія и предлагаю ихъ раздать наиболѣе отличившимся, объявляя всѣмъ воинскимъ чинамъ онаго признательность мою, за безпримѣрную храбрость и стойкость, ими оказываемую; на кого будутъ возложены знаки и подъ какими номерами; мнѣ прошу донести; во 2 отдѣленіе, я посылаю прямо 8 знаковъ отличія.

Князь М. Горчаковъ.

№ 14.

Ваше превосходительство велѣли мнѣ сказать чрезъ адъютанта моего, что вы нездоровы и просите поручить временно другому лицу командованіе на Сѣверной сторонѣ. Вслѣдствіе сего главнокомандующій изволилъ поручить вице-адмиралу Панфилову принять временно начальство надъ

всѣми батареями и войсками на Сѣверной сторонѣ, прося васъ содѣйствовать ему во всемъ; равнобѣрно его сіятельство надѣется, что генераль-маіоръ Тетеревниковъ, оставаясь ближайшимъ помощникомъ вице-адмирала Панфилова, приложить все усердіе, чтобы помочь ему во всѣхъ отношеніяхъ опытностію своею и знаніемъ мѣстныхъ средствъ и обстоятельствъ. Прошу васъ объявить объ этомъ генералу Тетеревникову и увѣдомить его, что онъ на дняхъ долженъ будетъ вступить въ командованіе 8 дивизіи. Г. полковнику Шейдеману прошу сказать, что главнокомандующему угодно, чтобы онъ состоялъ въ полной зависимости отъ вице-адмирала Панфилова, и что его сіятельство увѣренъ въ его готовности.

Генераль-адъютантъ Коцебу.

28 августа.
1855 г.

№ 15.

Свѣденіе объ увыли на правой половинѣ Севастополя.

1 отдѣленія.

	При орудіяхъ.			Въ полкахъ.		
	Убито.	Ранено.	Конт.	Убито.	Ранено.	Конт.
24 августа убито . .	26	123	6	61	297	123
25 " " . .	31	102	5	59	326	23
26 " " . .	25	93	2	42	153	29
	82	318	13	162	776	175
	413			1,113		

1,526

2 отдѣленія.

	Убито.			Ранено.		
	Убито.	Ранено.	Конт.	Убито.	Ранено.	Конт.
24 августа убито . .	15	67	2	39	157	95
25 " " . .	25	89	—	39	179	33
26 " " . .	12	49	—	17	94	36
	52	203	2	95	430	164
	257			689		

946

№ 16.

Увѣдомте меня о вашемъ здоровьѣ, и могу-ли я надѣяться, что въ случаѣ весьма важныхъ обстоятельствъ, вы явитесь къ дивизіи, которая будетъ находиться около Зеленой, завтра или послѣ завтра; я васъ потребую только въ крайней и весьма важной надобности, и пришлю вамъ о томъ приказаніе съ нарочнымъ.

Отъ души вамъ преданный

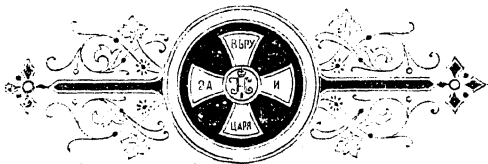
кн. Горчаковъ.

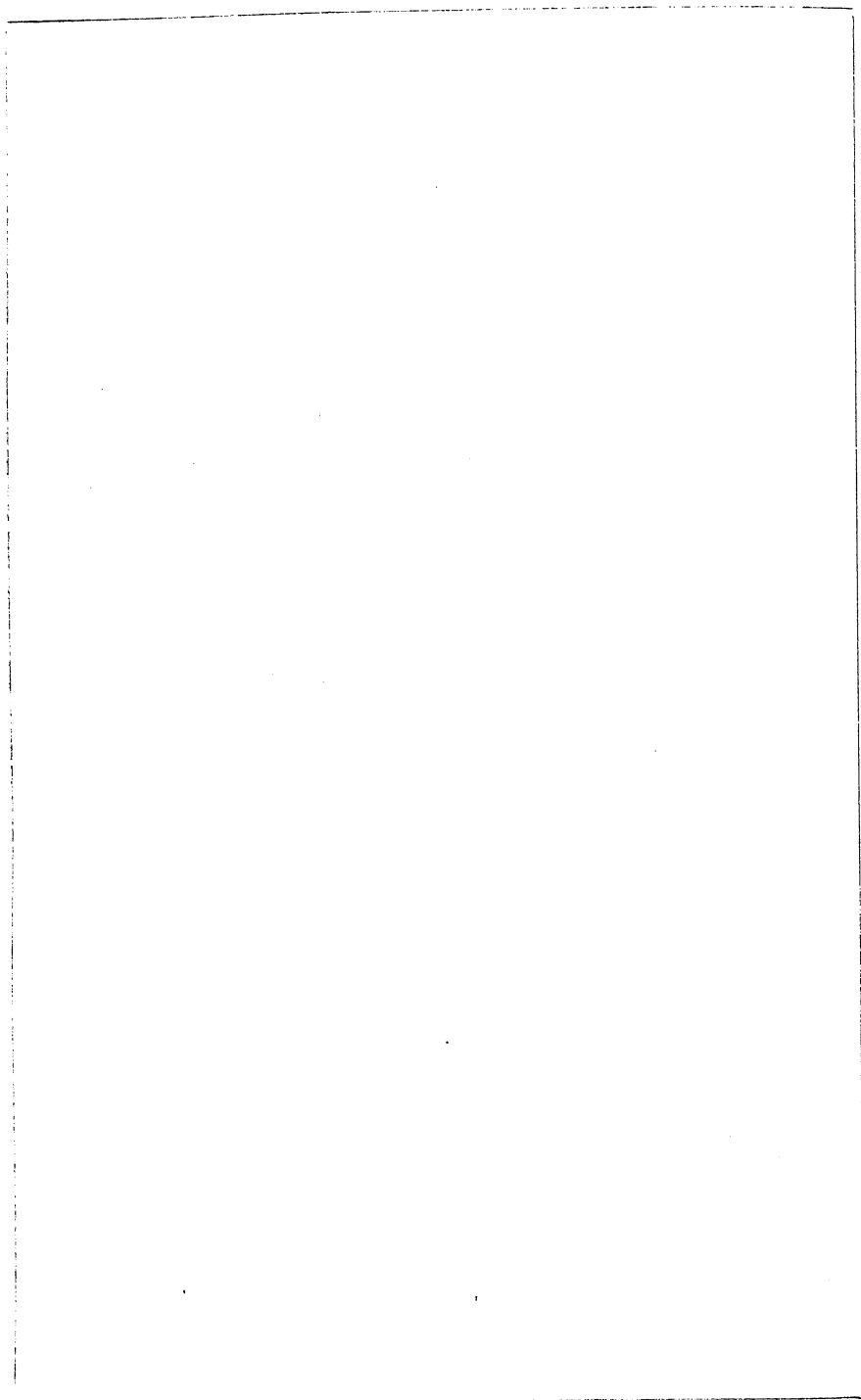
№ 17.

Весьма можетъ случиться, что 10 дивизія, предназначенная для нападенія на непріятели, двинется въ походъ черезъ нѣсколько дней, а можетъ быть и завтра. Я требую отъ вашего превосходительства, какъ отъ стараго моего пріятели и честнаго офицера, чтобы вы были при ней, когда она двинется; о времени выступленія я васъ увѣдомлю, но будьте готовы.

Отъ души вамъ преданный

князь М. Горчаковъ.

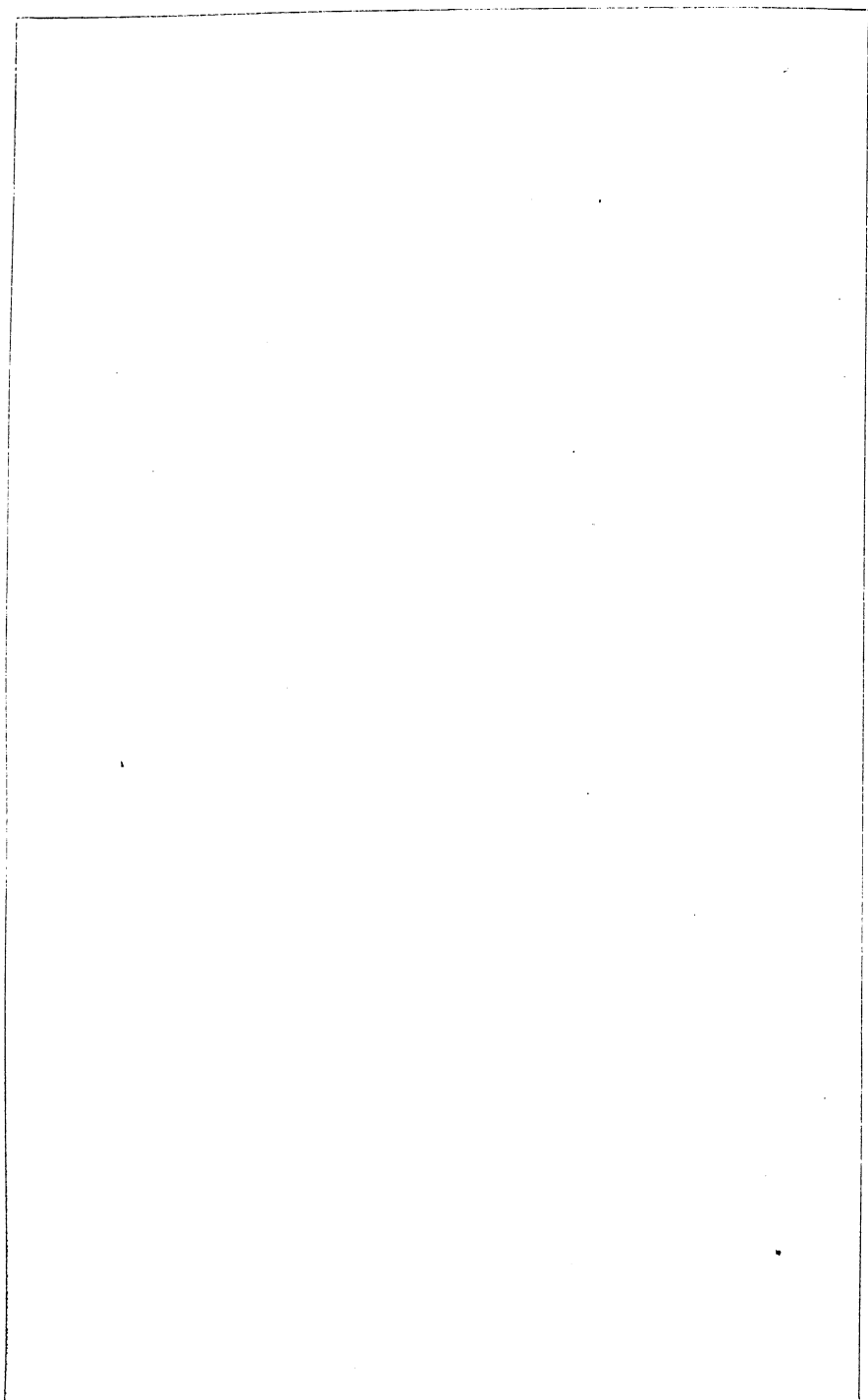

ВОСПОМИНАНІЯ

Бранца изъ боевой жизни подъ Севастополемъ

Александра Гана.

ВОСПОМИНАНІЯ

Брянца изъ боевой жизни подъ Севастополемъ

Александра Гана.

Въ мартѣ мѣсяцѣ 1855 года Брянскій егерскій, впослѣдствіи Брянскій егерскій генераль-адъютанта князя Горчакова, а нынѣ 35-й пѣхотный Брянскій генераль-адъютанта князя Горчакова полкъ, выступилъ изъ м. Леово на Прутѣ Бессарабской области, и форсированнымъ слѣдованіемъ прибылъ 26-го апрѣля, въ 8-мъ часу вечера, на Сѣверную сторону Севастополя, гдѣ поступилъ подъ команду начальствовавшаго на оной войсками, генераль-маіора Тетеревникова. Полкъ еще не успѣлъ составить ружья, какъ приказаніемъ немедленно полковому командиру явиться къ начальнику главнаго штаба, генераль-адъютанту Коцебу. Въ квартирѣ начальника главнаго штаба находились полковые командиры двухъ сильно на

южной сторонѣ пострадавшихъ полковъ (одинъ изъ нихъ былъ 11-й пѣхотной дивизіи Якутскій), переведенныхъ на Сѣверную сторону, и командиръ 6-го сапернаго баталіона полковникъ Ползиковъ (нынѣ Керченскій комендантъ). Ожидали только прибытія командира Брянскаго полка и тотчасъ-же всѣ отправились къ главнокомандующему, генераль-адъютанту князю Горчакову. Князь казался крайне озабоченнымъ и безпокойнымъ. Всѣ приемы князя составляли поразительную противоположность съ спокойствіемъ начальника главнаго штаба. Князь Михаилъ Дмитріевичъ лично передалъ собравшимся, что съ утреннею зарею должна начаться работа по возведенію на Сѣверной сторонѣ кремальерной линіи. Важность и необходимость скорѣйшаго ея окончанія были, по видимому, предметомъ его внутренняго волненія. Князь, обратившись къ своему, такъ онъ называлъ полковника Гаца, командиру полка, при всѣхъ присутствовавшихъ объявилъ, что какъ ввѣренный ему полкъ силенъ численною и свѣжъ, то успѣшная постройка кремальерной линіи возлагается на полкъ и строжайшая отвѣтственность падеть на всѣхъ чиновъ при малѣйшей медленности или неодобрительномъ заявленіи полковника Ползикова, какъ распорядителя работъ. На этомъ должна была кончиться эта вечерняя бесѣда, продлившаяся часовъ до десяти. Отпуская собравшихся, князь еще разъ повторилъ, чтобы на работы выводились, подъ ближайшимъ наблюденіемъ полковыхъ командировъ, всѣ безъ исключенія люди полковъ. Когда послѣ

того, какъ бы нѣсколько успокоившись, главнокомандующій обратился къ полковнику Гану съ вопросомъ о состояніи полка, мундиръ котораго онъ самъ въ тотъ вечеръ имѣлъ на себѣ, то начальникъ главнаго штаба доложилъ князю, что Брянскому полку трудно будетъ съ утреннею зарею приступить къ изнурительнымъ землянымъ работамъ и что полезно бы было дать полку хоть суточный отдыхъ. Это замѣчаніе вновь взволновало князя. Онъ гнѣвно обратился къ полковнику Гану и сталъ укорять его въ уклоненіи отъ трудовъ въ то время, когда другіе не жалѣютъ жизни своей и сотнями кончаютъ честную и вѣрную службу на батареяхъ Южной стороны.

Какъ пораженный предъ гнѣвнымъ княземъ стоялъ полковникъ Ганъ, не чувствовавшій въ ту минуту ни за собою, ни за полкомъ ни малѣйшей вины. Что было ему дѣлать и какъ оправдаться въ виду непрощеннаго заступника? „Напрасно, ваше сіятельство, вы гнѣваетесь на вашего полковаго командира“, сказалъ спокойный начальникъ главнаго штаба. „Не онъ васъ проситъ объ этомъ, а я вамъ о томъ докладываю. Полкъ безостановочно форсированнымъ маршемъ только что совершилъ дальній походъ. Дайте ему отдыхъ, чтобы онъ могъ успѣшно начать работы свѣжими, а не изнуренными силами людей“. Князь прекратилъ разговоръ и довольно холодно отпустилъ полковаго командира, еще разъ предупредивъ его, чтобы къ четыремъ часамъ утра всѣ чины полка были выведены на работу кремальерной линіи.

Не радостны были первыя впечатлѣнія подъ Се-

востополемъ полковаго командира. Не успѣлъ еще полкъ ступить на Севастопольскую почву, а тѣнь незаслуженнаго, но всегда сильнаго чувства перваго сомнѣнія могла уже вкрасться въ душу высшаго начальника и близкаго полку, шефа его. Если бы въ эту минуту Брянцамъ приказано было идти на приступъ, то едва ли устояла бы передъ ихъ дружнымъ напоромъ сильнѣйшая изъ непріятельскихъ батарей. Но полку предстояла другая, менѣе завидная задача, а только что выслушанныя полковымъ командиромъ заботы главнокомандующаго объ успѣшной постройкѣ кремальерной линіи и надежды князя на числительный составъ полка, отымали у полковаго командира всякую возможность, даже подъ опасеніемъ заслуженнаго негодованія, проситься въ открытый огонь.

Крѣпкимъ сномъ скованные, лежали какъ убитые, на покрытой росой Севастопольской землѣ баталіоны Брянцевъ. Въ отдаленіи суетилось нѣсколько человекъ около только что прибывшаго ротнаго обоза. Разводились огни, чтобы наставить котлы для приготовленія пищи. Тяжело было подъ впечатлѣніемъ испытанныхъ только что чувствъ нарушить спокойствіе живительнаго сна. Но дѣлать нечего; разбудили людей; начались расчеты; начали торопить варку и поднялась въ своемъ родѣ тревога.

Въ 4 часа утра отправились на работу всѣ чины Брянскаго полка. При котлахъ остались ротные циркульники, заступившіе мѣсто кошеваровъ. Были-ли нижніе чины сыты, успѣли-ли они запасть силами

для безостановочныхъ и, правду сказать, мало имъ любезныхъ, въ виду Севастопольскихъ батарей земляныхъ работъ? О томъ не время было разсуждать. Цѣлый день работали. Передъ вечеромъ пошелъ дождь, онъ промочилъ землю. Въ 9-мъ часу возвратился полкъ съ работъ и вновь отдано приказаніе съ разсвѣтомъ въ томъ же числѣ людей выступить на тѣже работы. Не до ужина, конечно, было людямъ: мало кто пошелъ къ котламъ, другіе бросились на мокрую землю и подъ изобильно накопившимъ дождемъ предпочли кратковременный сонъ. Такъ прошла вторая ночь подъ Севастополемъ. Утромъ 28-го апрѣля въ полку появилась холера. Исполнились пророческія опасенія начальника главнаго штаба.

Этотъ новый бичъ не могъ не опечалить чиновъ полка. Не для того же спѣшили Брянцы подъ Севастополь, чтобы въ виду грознаго непріятеля умирать безславною смертію отъ холеры.

Послѣдовало разрѣшеніе полку поставить палатки и избрать новую позицію на открытомъ возвышенномъ морскомъ берегу. Къ счастью, съ перемѣною лагеря болѣзнь утратила свой угрожающій характеръ и если не прекратилась совершенно, то по крайней мѣрѣ похищала немного жертвъ. Вообще состояніе здоровья было сверхъ чаянія весьма удовлетворительно.

Новый лагерь Брянскаго полка встревожилъ непріятеля; заговорили въ союзномъ станѣ о прибытіи цѣлой арміи, пришедшей на подкрѣпленіе сева-

стопольскаго гарнизона. Пригласивъ полковаго командира къ обѣденному столу, главнокомандующій съ удовольствіемъ говорилъ, что полкъ его еще не былъ въ огнѣ, а уже страху задалъ непріятелю. Слова эти вечеромъ того же дня передавались во всемъ полку отъ одного другому и Брянцы поклялись и на дѣлѣ оправдать себя предъ своимъ шефомъ.

Такъ проходили дни за днями. Кремальерная линія начала обрисовываться и возвышаться. Она обратила на себя вниманіе союзниковъ и возводившія ея насыпи войска удостоились чести сдѣлаться предметомъ дѣйствій непріятельскихъ батарей. Однообразіе работъ прерывалось разрывомъ бомбъ и выбытіемъ изъ строя людей; но работы подвигались своимъ порядкомъ къ немалому успокоенію главнокомандующаго, не рѣдко посѣщавшаго работы и постоянно съ любовью ободрявшаго солдатъ.

25-го мая послѣ полудня началась третья бомбардировка севастопольскихъ укрѣпленій. Съ высотъ Сѣверной стороны представлялась грозная картина постепеннаго разрушенія и по видимому беззащитности севастопольскихъ укрѣпленій. 26-го числа въ 6 часовъ послѣ обѣда двинулись французскія колонны на штурмъ Камчатскаго, Селенгинскаго и Волынскаго редутовъ. Всѣ бы кажется бросились выручать эти передовыя стражи нашихъ позицій, но морскія пучины полагали неодолимыя преграды нашему рвенію. Ужасное положеніе быть свидѣтелемъ торжества непріятеля и не имѣть возможности спѣшить на выручку своихъ.

Пароходъ „Владиміръ“ разводилъ пары; атака французовъ шла быстро. Храбрый „Владиміръ“, изумлявшій свѣтъ своею отвагою, готовый всегда идти на опасность, подобно намъ оставался только безсильнымъ зрителемъ какъ падали предъ французами Селенгинскій и Волинскій укрѣпленія. Каждый задавалъ себѣ вопросъ: почему „Владиміръ“ не имѣлъ готовые пары? Много объ этомъ было разговоровъ, но причина осталась для насъ неизвѣстною. Уже были заняты французами Селенгинскій и Волинскій редуты и артиллерійскій огонь, цѣлые сутки не прекращавшій своего убійственнаго разрушенія, началъ нѣсколько стихать. Съ работъ кремальерной линіи возвратились Брянскія роты, громко напѣвая шефскую пѣснь: „Жизни тотъ одинъ достоинъ, кто на смерть всегда готовъ“. Гдѣ-то въ отдаленіи слышались звуки разстроеннаго хора какого-то полка. Не очень-то, правду сказать, гармонировала пѣснь Брянцевъ и отдаленная музыка съ душевнымъ настроеніемъ, возбужденнымъ только что на нашихъ глазахъ совершившимся зрѣлищемъ; но запретить пѣть воинственную шефскую пѣснь, поддерживавшую бодрость солдатъ, было какъ то неловко. Надо было мириться съ своимъ положеніемъ. Однако пѣсни эти недолго продолжались. вмѣсто солдатскаго ужина и живительнаго сна, въ которыхъ нуждались солдаты, поднялась тревога; получено было приказаніе тремъ баталіонамъ немедленно переправиться на Южную сторону; 3-й баталіонъ оставленъ былъ временно на Сѣверной сторонѣ и присоединился къ полку 29-го мая.

Не долги были сборы; съ пристани дано было знать, что пароходы и катера готовы принять полкъ. Переправа, при временно умолкнувшей бомбардировкѣ и воцарившейся тишинѣ, произведена была въ порядкѣ и скоро.

Было около 11 часовъ, когда начальникъ штаба севастопольскаго гарнизона генераль-адъютантъ князь Васильчиковъ отдалъ лично командиру полка приказаніе идти на Малаховъ курганъ. Еще была ночь, когда сопровождаемый однимъ изъ состоявшихъ при князѣ офицеровъ, вступилъ Брянскій полкъ въ составъ трехъ полныхъ баталіоновъ на Малаховъ курганъ, гдѣ тотчасъ же былъ привѣтствованъ залпами изъ непріятельскихъ батарей, открывшихъ опять свой смертоносный огонь. Прибытіе Брянскаго полка на Малаховомъ курганѣ ожидали съ нетерпѣніемъ. Тамъ генераль Хрулевъ собиралъ отрядъ, съ которымъ предполагалось возвратить отнятыя у насъ вечеромъ передовыя наши позиціи. Брянскому полку приказано немедленно смѣнить стоявшихъ на банкетахъ Черниговцевъ, которые при штурмѣ французовъ 26-го числа храбро отразили побѣдителей Камчатскаго редута, бросившихся безуспѣшно и на Малаховъ курганъ.

Темнота ночи, незнакомая мѣстность, множество траверсовъ и другихъ насыпей, обратившихъ Малаховъ курганъ для новыхъ пришельцовъ въ какой то лабиринтъ, затрудняли смѣну Черниговцевъ, а между тѣмъ смѣну торопили; Черниговцы были нужны. Къ разсвѣту опустѣлъ Малаховъ; кипѣвшая отъ

формировавшагося отряда невольная суета смѣнилась тишиною, и только тогда представилась новымъ защитникамъ Малахова картина, внутреннее его разрушеніе, а разстилавшаяся передъ ними, покрытая трупшми, мѣстность свидѣтельствовала, что не легко достается побѣда, если дѣло имѣешь съ храбрымъ гарнизономъ. Скоро свыклись Брянцы съ этою новою, грозною для нихъ обстановкою. Опасность, а болѣе всего сознаніе долга, легко знакомятъ человѣка съ своимъ положеніемъ. Прошло немного часовъ пребыванія Брянцевъ на Малаховомъ курганѣ, а они успѣли уже пріобрѣсть право на окрещенныхъ севастопольскимъ огнемъ солдатъ. Потеря людей считалась не десятками. Большая убыль въ людяхъ тотчасъ же оказалась отъ того, что пока полковое начальство приступило къ предварительному обходу банкетовъ для смѣны Черниговцевъ, плотныя колонны сильныхъ численностію баталіоновъ, тѣснившихся на малыхъ площадкахъ внутренности укрѣпленія, представляли вѣрную цѣль, предварительно избранную непріятельскими батареями. Въ эти минуты жертвы падали не по одному, а массами. Первою жертвою сдѣлался молодой прапорщикъ Фишбахъ, офицеръ, подававшій большія надежды и заслужившій вниманіе своею боевою службою въ траншеяхъ Силистрійскихъ. За храбрость и мужество тамъ оказанныя, прапорщикъ Фишбахъ удостоился награды орденомъ св. Анны 3-й степени съ бантомъ. Орденъ этотъ, льстившій ему какъ доказательство вниманія начальства къ его храбрости былъ.

имъ полученъ въ самый день переправы съ Сѣверной на Южную сторону. Прапорщикъ Фишбахъ не имѣлъ еще утѣшенія украсить свою грудь пожалованнымъ ему орденомъ, положилъ его въ боковой карманъ шароваръ и съ твердою рѣшимостію оправдать себя предъ своими начальниками и товарищами, ступилъ бодро на Малаховъ курганъ. Не успѣлъ баталіонъ построить колонну, вдругъ чудовищная бомба разрывается надъ головою прапорщика Фишбаха и внезапно исчезъ онъ, какъ будто его никогда не бывало. Только кровь Фишбаха брызнула въ глаза возлѣ стоявшихъ, проговорившихъ ему вѣчную память. Утромъ отыскана была оторванная отъ туловища нога. Въ шароварахъ нашли завернутый въ бумагу, исписанную рукою Фишбаха, орденъ св. Анны 3-й степени. Этой ногѣ отдана была почеть, подобавшая Фишбаху.

Нападеніе генерала Хрулева на французовъ не состоялось. Войска возвратились на свои мѣста. На Малаховомъ курганѣ, продолжавшемъ быть цѣлью ожесточенной пальбы, былъ съѣздъ высшаго начальства. О чемъ судили они и къ какимъ пришли рѣшеніямъ—осталось неизвѣстнымъ. Съ вечера того же дня начали поговаривать объ уборкѣ тѣлъ. 28-го мая около полудня, какъ только на бывшей нашей Камчатской батарееъ взвился бѣлый флагъ, безоружные Брянцы выступили изъ своихъ прикрытій и быстро разсыпались для занятія указанной черты. Тутъ было первое знакомство наше съ французами; оно оставило въ насъ весьма непріятное впечатлѣ-

ніе. Французскіе офицеры, чуть не раздушенные, въ щегольскихъ лайковыхъ перчаткахъ, шитыхъ мундирахъ, явились какъ будто на какой нибудь торжественный пиръ. Они старались быть любезными; вызывали нашихъ офицеровъ, во множествѣ вышедшихъ на это мирное свиданіе, на разговоры; угощали сигарами; разсыпались въ похвалахъ о мужествѣ нашихъ войскъ и во всемъ этомъ выражалась невыносимая хвастливость и нескрываемое чувство своего превосходства. Всѣ въ одинъ голосъ просили показать имъ генерала Хрулева, казалось всѣ они съѣхались, чтобы посмотрѣть на этого чудо героя. Приторность французскихъ любезностей и хвастовства становились невыносимыми и были вскорѣ прекращены, къ нашему удовольствію, спустившимся съ Камчатки бѣлымъ флагомъ. Еще не вся Брянская цѣпь успѣла сняться и возвратиться къ своимъ ружьямъ, какъ послѣдовалъ первый выстрѣлъ съ французской батареи. Наша артиллерія не осталась въ долгу и завязалась опять сильная канонада съ обѣихъ сторонъ.

Не долго пришлось Брянскому полку оставаться на Малаховомъ курганѣ. Возвратившись съ уборки тѣль, онъ болѣе не занялъ на Малаховомъ курганѣ банкеты. Полковому командиру отдано было приказаніе вести свои баталіоны на 3-й бастионъ, охраненіе котораго поручалось ввѣренному ему полку. Туда же долженъ былъ явиться на присоединеніе къ полку и оставшійся на Сѣверной сторонѣ 3-й баталіонъ. Пообѣдали роты, и баталіоны подъ началь-

ствомъ полковаго командира отправились по указанному имъ направленію отыскивать свою будущую могилу. Напрасно искали Брянцы грозныя твердыни прославившагося своимъ мужествомъ и стойкію 3-го бастіона. Это была какаѣ то изрытая равнина, усѣянная неправильными бугорками разрушенныхъ земляныхъ насыпей, не прикрывавшихъ даже стоявшихъ за ними орудій. Прикрытій или какихъ нибудь помѣщеній для прибывшихъ баталіоновъ не было, и впослѣдствіи даже никогда такихъ не строили. Были блиндажи для моряковъ и артиллерійскихъ офицеровъ. Брянскимъ офицерамъ пришлось помѣститься какъ умѣли. Сравнительно безопасно и удобно расположился 1-й баталіонъ, занявшій фланговую батарею, правѣ праваго фаса бастіона. Нельзя было похвалиться приѣмомъ, оказаннымъ на 3-мъ бастіонѣ Брянскому полку. На насъ поглядывали какъ то недовѣрчиво. Не даромъ говорить: старый другъ, лучше новыхъ двухъ. Не помню положительно были ли то Камчатцы, но вѣрнѣе кажется Охотскіе, которыхъ смѣнили Брянцы. Знаю только, что занимавшій до прихода Брянцевъ полкъ стоялъ на 3-мъ бастіонѣ долгое время; раздѣлялъ съ моряками 3 го бастіона опасности и труды и какъ бы сроднился съ ними; привыкъ 'онъ къ морякамъ и полюбили они другъ друга. вмѣсто испытанныхъ друзей явился новый полкъ. Наружность этого новаго полка была не очень блистательная; недавнее поступленіе на Южную сторону не успѣло еще освоить его со всѣми снарядами, отличавшими окончательно

РЫБАЧЕНКО.

ВОЛОНТЕРЪ 15 ЛѢТЪ, ОТЛИЧИВШІЙСЯ НА КАМЧАТСКОМЪ РЕДУТѢ,

вполнѣ обстрѣленные севастопольскимъ огнемъ войска. Невольная осторожность сопровождала всѣ приемы новичковъ. Усталый видъ изнурившихся на работахъ кремальберной линіи солдатъ не могъ располагать въ ихъ пользу. Ко всему этому слава шефскаго полка также не служила къ скорому братскому сближенію его съ моряками, взиравшими на себя какъ на настоящихъ господъ 3-го бастиона. Думали: это избалованные начальствомъ любимцы, съ которыми пожалуй наживешь хлопотъ, а мало добра.

Таковъ былъ первый, не радостный и мало поощрительный приемъ Брянцевъ на 3-мъ бастионѣ, который пришлось имъ въ послѣдствіи оросить своею кровью, на которомъ большая часть полка положила свою жизнь и который онъ отстоялъ съ честью до послѣдней минуты. Работы закипѣли; отдыха не было и не было смѣны полку. Разсыпавшіяся насыпи 3-го бастиона обнажали производившихъ на ономъ работы. За то и убыль людей въ полку въ первые дни была весьма значительная. Она происходила и отъ того, что новички Брянцы не умѣли приноровиться къ мѣстности, не ознакомились съ направлениемъ неприятельскихъ выстрѣловъ, и не узнали самыхъ опасныхъ мѣстъ бастиона и способовъ какъ ихъ обходить. Не говоря объ исходящемъ углѣ бастиона, куда по преимуществу направлялись всѣ неприятельскіе выстрѣлы, самымъ опаснымъ мѣстомъ считалось мало закрытое пространство, отдѣляющее фланговую батарею отъ 3-го бастиона. На этомъ пространствѣ

рѣдко кто днемъ проходилъ безнаказанно. Мѣткіе выстрѣлы англичанъ преслѣдовали смѣльчаковъ. Не зная еще особенностей этой мѣстности, полковой командиръ, сопровождаемый ординарцемъ изъ унтеръ-офицеровъ, проходя изъ бастіона на фланговую батарею, встрѣтился въ этой долинѣ смерти съ командиромъ 1-го баталіона, подполковникомъ Богдановичемъ. Они остановились, чтобы передать другъ другу свои замѣчанія. Ординарецъ отошелъ шагъ въ бокъ и, чтобы стоять лицомъ къ своему начальнику, оборотился къ сторонѣ непріятеля. Замѣтивъ опасное положеніе ординарца, около котораго валилъ градъ пуль, полковой командиръ приказалъ ему отойти съ своего мѣста. Не успѣлъ кончить приказаніе это командиръ полка, какъ мѣткая пуля шелкнула какъ орѣхъ и бравый унтеръ-офицеръ пораженный въ лобъ, закачался и рухнулся какъ снопъ. Смерть была мгновенная. Не посчастливилось въ этотъ день полковому командиру съ состоявшими при немъ тѣлохранителями. Въмѣсто убитаго ординарца наряженъ былъ другой, котораго постигла также участь, но только на другой мѣстности. Отставъ нѣсколько отъ командира полка, обходившаго банкеты, онъ сраженъ былъ ядромъ и смерть его также была безъ страданій мгновенная. Эти два случая, одинъ за другимъ, постигнувшіе на глазахъ полковаго командира и въ первый же день пребыванія полка на 3-мъ бастіонѣ двухъ лучшихъ его ординарцевъ, не могли не опечалить полковника Гана и должны были произвести нѣкоторое впечат-

лѣнне на нижнихъ чиновъ, склонныхъ всегда видѣть особья зловѣщія предзнаменованія въ случаяхъ чѣмънибудь поразительныхъ. Подъ вліяніемъ чувства скорби, овладѣвшей полковымъ командиромъ, онъ воздержался отдать приказаніе нарядить къ нему третьяго ординарца. Нельзя не вспомнить съ особымъ умиленіемъ и не упомянуть о высококомъ чувствѣ долга нашего добраго солдата: очередной ординарецъ тотчасъ-же явился самъ къ командиру полка заступить мѣсто двухъ убитыхъ. Случаи эти обратили также на себя вниманіе бастионнаго начальства; они послужили поводомъ приказанію построить блиндажъ для командира полка. Избрано было мѣсто въ открытой горжѣ бастиона и въ недалекомъ разстояніи отъ долины смерти. Усердно постарались и саперы скорѣе построить этотъ блиндажъ, чтобы полковаго командира укрыть по возможности отъ ежеминутной опасности. Усердіе офицеровъ полка было достойно похвалы. Полковые штуцерники охраняли постоянно исходящій уголъ бастиона. Тамъ была ихъ главная квартира и тамъ ихъ служба была весьма полезная. Не разъ доходили до насъ жалобы англичанъ, что мѣткій огонь штуцерниковъ крѣпко наскучалъ имъ въ траншеяхъ. Два офицера по преимуществу находились безсмѣнно на исходящемъ углу, бывшемъ также мѣстомъ пребыванія начальства.

Прапорщикъ Тищинскій и Юкавскій не охотно уступали свое мѣсто другимъ офицерамъ. Оба они были офицеры усердные, свято исполнявшіе свой долгъ. Прапорщикъ Тищинскій отличался всегдаш-

нею готовностію исполнить какое угодно трудное порученіе. Обладая характеромъ тихимъ и скромнымъ, но вмѣстѣ и предпріимчивымъ до отваги, онъ никогда не встрѣчалъ ни въ чемъ затрудненія. Офицеры его любили какъ добраго товарища; солдаты были къ нему привязаны какъ къ начальнику, постоянно раздѣлявшему съ ними опасность и труды. Усталости Тищинскій казался не зналъ. Въ какую пору угодно: днемъ и ночью, стоитъ только назвать его имя и вѣрно съ исходящаго угла бастіона откликнется онъ: „здѣсь“.

Къ 4-му іюня 3-й бастіонъ представлялъ собою уже сильную крѣпость. Въ это время начали доходить до насъ слухи о готовящемся общемъ штурмѣ всѣхъ нашихъ укрѣпленій. Съ нашей стороны были приняты всѣ мѣры достойнымъ образомъ отразить союзниковъ. Не трудно было и предвидѣть, что Малаховъ курганъ и 3-ій бастіонъ будутъ главными пунктами атаки. Была отдана диспозиція на случай штурма. Всѣ войска имѣли свое назначеніе, а находившимся на Корабельной части города резервамъ были указаны тѣ части войскъ, на подкрѣпленіе которыхъ слѣдовало имъ спѣшить въ случаѣ опасности. Не помню всей диспозиціи, но кажется не ошибаюсь, въ этой диспозиціи предполагалось, что 3-й бастіонъ довольно силенъ числительностію гарнизона и долженъ находить въ самомъ себѣ средство защиты и отбитія непріятели. Другимъ распоряженіемъ воспрещалось во время штурма выносить раненныхъ и убитыхъ, что бы не ослаблять

силу сражающихся; наконецъ было приказано всѣмъ кашеварамъ и другихъ хозяйственныхъ должностей нижнимъ чинамъ на Корабельной сторонѣ при ротныхъ котлахъ находящимся, число которыхъ могло простираться отъ полка до 60—80 человекъ, при первомъ сигналѣ штурма спѣшить къ своимъ полкамъ, что бы принять участіе въ отраженіи штурмующихъ. Это малое количество людей было едва-ли не послѣднимъ резервомъ 3-го бастиона.

4-го іюня послѣ обѣда прибылъ на 3-й бастионъ командующій 9-ю пѣхотною дивизію генераль-маіоръ Лысенко, получившій назначеніе принять начальствованіе надъ пѣхотою на 3-мъ бастионѣ. Появленіе сего славнаго генерала доставило Брянцамъ большую радость. Всегда любящій солдата, генераль-маіоръ Лысенко былъ въ свою очередь любимъ и уважаемъ всѣми подчиненными его отъ офицеровъ до послѣдняго рядоваго. Его богатырскій ростъ, его мужественная и величавая наружность, открытое лицо съ выразительными и добротою сіяющими глазами, невольно привлекали къ себѣ всѣхъ кто съ нимъ встрѣчался. Его быстрая, твердая, ясная и красно-рѣчивая рѣчь ложилась прямо въ сердце солдата, ободряла и одушевляла его. Прибытіе генерала Лысенко на 3-й бастионъ, мы, Брянцы, довольно съ нимъ знакомые, готовы были принять за залогъ побѣды. Всегда добрый и со всѣми привѣтливый, Михаилъ Захаровичъ казался встревоженнымъ или лучше сказать огорченнымъ. Что могло быть причиною этого чувства, невольно выражавшагося на

его всегда бодромъ лицѣ? Прибывъ съ сѣверной стороны, онъ встрѣтился на Корабельной съ начальникомъ нашей оборонительной линіи генераль-лейтенантомъ Хрулевымъ. Оба одушевляемые мужествомъ, презиравшіе смерть, стремившіеся къ одной цѣли и съ одинаковымъ рвеніемъ, они, казалось, должны были сблизиться какъ братья родные, но нѣтъ, они не подали другъ другу рукъ своихъ и разошлись не довольные одинъ другимъ. Что породило между ними неудовольствіе, осталось тайною, но оно глубоко тревожило всегда спокойнаго Михаила Захаровича и безпокойство это невольно отражалось въ его душевномъ настроеніи. Генераль Лысенко устроилъ свою резиденцію въ недавно только оконченномъ блиндажѣ полковаго командира. День склонялся къ вечеру. Ожиданія предстоящаго штурма все болѣе и болѣе дѣлались общими; всѣ были увѣрены, что ночь не пройдетъ даромъ. Еще солнце не скрылось за горизонтомъ, а всѣ находились уже на своихъ ночныхъ мѣстахъ; въ исходящемъ углѣ 3-го бастіона собрались всѣ начальствующія лица. Между тѣмъ время шло; самая пальба, обыкновенно въ ночное время увеличивающаяся, была менѣе ожесточенная и казалось мало по малу стихала. Прошла и полночь и воцарилась никогда почти небывалая подъ Севастополемъ тишина. Одна только англійская батарея съ Зеленой горки начала стрѣлять, направляя на 3-й бастіонъ мѣрную стрѣльбу, выстрѣлъ за выстрѣломъ, которые всѣ ложились на одно мѣсто. Эта стрѣльба, кромѣ досады и же-

ланиа разгадать причину такого исключительнаго дѣйствія одной батареи, большаго вреда намъ не принесла. Надо полагать, что батарейный командиръ шутя упражнялся въ отысканіи угла возвышенія своихъ орудій и наблюдалъ за направленіемъ выстрѣловъ, что бы хорошенько насъ наказать за наше упрямство.

Было прекрасное іюньское утро. Ночныя работы прекратились; англичаде отправили изъ траншей свои ночные караулы и рабочихъ въ лагерь; наши люди также скрылись кто гдѣ могъ, что бы подкрѣпить сномъ свои истощенныя силы. Опустѣлъ сравнительно и исходящій уголь, въ которомъ оставалась дежурная прислуга при орудіяхъ, лихіе штуцерники и съ ними всегда бодрый прапорщикъ Тишинскій. На безоблачномъ небѣ великолѣпно всходило солнце изъ глубины виднѣющагося моря. Въ природѣ было тихо; все дышало миромъ и располагало къ благодаренію Творца, завѣщавшаго человѣку любовь; ощущалась потребность къ молитвѣ, о которой напоминалъ начинавшійся прелестный воскресный день 5-го іюня.

Со стороны французскаго расположенія раздалась сигнальная труба. Звуки ея казались призывомъ къ молитвѣ и напоминали кавалерійскій парцель. Эта же самая труба повторилась и въ англійскомъ лагерѣ и съ послѣднимъ звукомъ ея по всей линіи раздался залпъ всѣхъ орудій, за нимъ другой, третій и разразился адъ надъ только что прославлявшею Подателя всѣхъ благъ природой. Въ одну минуту

всѣ вострепнулись и у насъ. Ясно было каждому, что наступилъ часъ священнаго исполненія долга предъ Царемъ и отечествомъ. Не прошло и минуты, какъ уже всѣ находились на своихъ мѣстахъ съ твердою рѣшимостію умереть, но не уступить. Наши батареи отвѣчали усердно; земля заколебалась; солнце затмилось; замирало дыханіе въ груди, скрылось безоблачное небо въ туманной мглѣ дыма и взвизывающей пыли; все напоминало разрушеніе вселенной. Смерть беспощадно похищала свои жертвы цѣлыми группами и поражала ихъ въ самыхъ отвратительныхъ формахъ. Невольныя предсмертныя стenanія заглушались громомъ залповъ и разрывомъ чудовищныхъ бомбъ. Къ орудію, обстрѣливавшему исходящій уголь нашего бастиона, первымъ прибѣжалъ бравый командоръ. Красивая наружность его, благородство лица, выражавшаго кротость, преданность и христіанскую покорность замѣтно выдѣляли его отъ прочихъ товарищей моряковъ. Грудь его украшена была знакомъ отличія военнаго ордена. „Сегодня съ товарищемъ моимъ“, указывая на возлѣ стоящаго моряка, „я встрѣчаю на этомъ мѣстѣ, и при этомъ орудіи, четвертую бомбардировку“, сказалъ онъ командиру Брянскаго полка, всегда внимательно къ этому образцу солдатскихъ добродѣтелей. „Не знаю сподобить-ли Богъ намъ пережить сегодняшній день, а дѣло начинается жутко“, прибавилъ онъ и перекрестился. Онъ точно предчувствовалъ свою судьбу. Ни ему, ни товарищу его, ни направляемому ими орудію не суждено было

дожить до нашего торжества отбитія штурма. Ожесточенная съ обѣихъ сторонъ канонада продолжалась часа четыре. Около 10-го часа утра изъ 23-хъ орудій 3-го бастіона оставалось не подбитыхъ менѣе половины. Сидя на банкетѣ исходящаго угла, мы любовались дѣйствіемъ моряковъ при огромной 36-ти фунтовой пушкѣ, составлявшей сильную надежду нашего исходящаго угла. Полковые штуцеры были сняты съ банкета, ибо имъ было нечего дѣлать тамъ, гдѣ пыль и дымъ скрывали предъ ними вѣрную цѣль. Настало время подумать о сохраненіи оставшихся неподбитыми орудій. Приказано было не отвѣчать выстрѣломъ на выстрѣлъ, а прикрыть наши орудія за мерлонами, дабы въ случаѣ штурма было чѣмъ встрѣтить картечью атакующихъ. Не успѣли завѣсить, изъ тонкой бичевы сплетенною матою, амбразуру исходящаго угла, какъ внезапно одна злодѣйская бомба разрывается въ близкомъ отъ насъ разстояніи и осколками одновременно сражаетъ храбраго кавалера-командора и товарища его. Одинъ изъ нихъ былъ пораженъ на смерть, а другого вынесли въ безнадежномъ положеніи. Не сподобилъ Богъ пережить имъ четвертую бомбардировку. Сожалѣю, что я забылъ имена этихъ героевъ солдатъ; они заслужили быть переданы потомству. Не долго пережила ихъ пушка—надежда исходящаго угла, при которой они служили.

Погибель этой пушки была замѣчательная и принадлежитъ конечно къ рѣдкимъ явленіямъ на

войнѣ встрѣчающимся. Мѣткое ядро непріятельскаго орудія пробило въ амбразурѣ бичевую мату прикрывшую нашу пушку спасительницу, ударилося въ дуло орудія, произвело выстрѣлъ и на глазахъ всѣхъ насъ, приведенныхъ въ изумленіе, разсѣкло попаламъ дульную часть, которая, какъ будто срѣзанная ножемъ, упала подѣ лафетъ. Все это сдѣлалось въ одно мгновеніе ока.

Нашъ исходящій уголь остался беззащитнымъ. Надо было подвести цѣлую роту подѣ убійственный огонь непріятельскихъ выстрѣловъ, чтобы во всякую пору быть въ готовности замѣнить картечь батальнымъ огнемъ пѣхоты.

Былъ полдень, когда радостные сигналы съ высотъ Сѣверной стороны предупредили насъ о приготовленіи непріятеля идти на штурмъ, который долженъ былъ положить конецъ нашему мучительному бездѣйствію. Вскорѣ однако были спущены, помнится мнѣ, желтые флаги; оказалось, что тревога была фальшивая.

„Берегись, наша“ послышался голосъ зоркаго моряка, наблюдавшаго за полетомъ непріятельскихъ выстрѣловъ. „Что значить этотъ голосъ“, спросилъ генераль Лысенко, не знакомый еще съ условнымъ нашимъ разговоромъ? Узнавъ, что „берегись, наша“ служить предвареніемъ предстоящей намъ опасности, Михаилъ Захаровичъ, подстрекаемый любопытствомъ, привсталъ и обратился къ сторонѣ откуда ожидалась нерадостная гостья. Лишь только успѣли уговорить его склониться къ землѣ, какъ огромнаго

размѣра бомба съ злодѣйскою силою врѣзалась въ брустверь бастіона, закружилась какъ угорѣлая, лопнула и разметала порядочную часть бастіоннаго фаса. Глыба земли обрушилась на нашего добраго начальника дивизіи. Михаилъ Захаровичъ поблѣднѣлъ, тяжело вздохнулъ, привсталъ и, не говоря ни слова, покачиваясь, отошелъ въ сторону. Успокоившись нѣсколько, но жалуюсь на боль въ лѣвомъ боку, генераль Лысенко возвратился, чтобы остаться съ нами на опасномъ мѣстѣ исходящаго угла. Дошла очередь и до командира 4-го баталіона Брянскаго полка, подполковника Домбровскаго, вполне честнаго и до самоотверженія преданнаго своему долгу штабъ-офицера. Красивой наружности, но плотнаго сложенія, полнокровный, съ короткою шеею, подполковникъ Домбровскій, пораженный въ грудь обрушевшеюся на него землею, посинѣлъ и упалъ безъ чувствъ на руки подхватившихъ его товарищей. Положеніе его не обѣщало счастливаго исхода. Его вынесли безсознательнаго на перевязочный пунктъ и каждый изъ насъ проводилъ его съ сокрушеннымъ чувствомъ, какъ близкаго покойника. Относившіе его тѣлохранители возвратились и рассказали, что они донесли подполковника Домбровскаго еще живаго, но едва-ли будетъ онъ долго жить. Своевременная помощь, поданная ему на перевязочномъ пунктѣ на Павловскомъ мыскѣ, спасла жизнь этого достойнаго штабъ-офицера и онъ по прошествіи мѣсяца, не совѣмъ еще здоровый, явился опять къ полку, чтобы заступитъ мѣсто раненнаго командира полка.

Около 4-хъ часовъ пополудни огонь казалось стихать. Начальство тотчасъ же распорядилось осмотромъ всѣхъ поврежденій; были сдѣланы распоряженія къ исправленію ихъ, къ перемѣнѣ подбитыхъ орудій и выведены были рабочіе. Не надо было поощрять рабочихъ; каждый ясно понималъ, что онъ работаетъ для своего собственнаго спасенія. Ослабѣвшая бомбардировка возобновилась съ новою силою. Съ наступленіемъ темноты картина разрушенія и ужасъ зрѣлища представились еще болѣе въ грозномъ видѣ. Окончивъ всѣ предварительныя распоряженія на случай штурма, дѣлавшагося несомнѣннымъ, полковой командиръ повѣрилъ всѣ отданныя на этотъ случай приказанія. Въ резервѣ, имѣвшемъ цѣлюю прибереечь послѣднія силы для послѣдней крайней минуты, оставались двѣ роты 4-го баталіона, считавшія въ своихъ рядахъ не болѣе 150-ти человекъ. Къ этимъ ротамъ, укрытымъ въ горжѣ бастіона, должны были присоединиться всѣ находившіеся при ротныхъ котлахъ люди, численность которыхъ не могла превосходить 50 человекъ. Съ этимъ резервомъ предстояло отразить во что бы ни стало наступающія массы непріятеля.

Еще была ночь, когда слухъ дошелъ до насъ, что находившійся съ пластунами въ секретѣ впереди 2-го бастіона подпоручика Брянскаго полка Хрущовъ открылъ приготовленія французовъ, собиравшихся идти на штурмъ Малахова кургана.

Сомнѣнія смѣнились увѣренностію и всѣ молились, что бы скорѣе наступилъ желанный часъ.

Нашъ родной 3-й бастіонъ стоялъ во всеоружіи, готовый встрѣтить врага. Всѣ подбитыя орудія замѣнены новыми; огромную 24-хъ фунтовую пушку, заступившую мѣсто 36 фунтовой, устанавливали въ исходящемъ углѣ.

Передъ самымъ разсвѣтомъ слабо отвѣчавшая съ нашей стороны артиллерія открыла съ Малахова кургана учащенную пальбу, — вслѣдъ за которою раздался ружейный огонь, несомнѣнный признакъ начавшагося приступа. Внимательно прислушиваясь къ направленію и силѣ выстрѣловъ, доносившихся къ намъ съ лѣвой стороны, они намъ показались сомнительными и злобѣщими. На 3-мъ бастіонѣ дѣла пока не измѣнились. Передъ нами лежала еще темнота, увеличившаяся направлявшимся къ намъ со стороны Малахова кургана густымъ дымомъ, застилавшимъ находившіеся передъ нами предметы. Безпокойство наше усилилось, когда залыхавшіеся люди, прибѣжавшіе къ намъ отъ ротныхъ котловъ, принесли страшную вѣсть, что французы въ Севастополѣ! Неизвѣстность нашего положенія была невыносима. Лежавшая передъ нами мгла приводила насъ въ отчаяніе. Вдругъ слабѣетъ сыпавшійся на насъ огонь; внезапно разсѣвается стоявшій передъ нами дымъ и глазамъ нашимъ представились густыя колонны англичанъ, стройно и бодро идущія на насъ. Передовые охотники ихъ бросились разбирать засѣлки. Минута была рѣшительная. На душѣ стало легко; надъ головою свободно; уже не слышались разрывы вражьихъ бомбъ; непріятельскія батареи перестали стрѣлять.

Съ быстротою юноши вскочилъ на брустверь сѣдовласый Лысенко: „Сюда, сюда, ко мнѣ“, произнесъ онъ потрясающимъ голосомъ. „Здѣсь ваше мѣсто! Помните Брянцы, что шефъ вашъ, князь Михайль Дмитріевичъ откажется отъ васъ. если вы не прочтите дерзкихъ“. Послѣднія слова героя-начальника были заглушены трескомъ батальнаго огня и громомъ всѣхъ 23-хъ пушекъ, разившихъ смертоносную картечь. Въмѣсто полуразрушенныхъ земляныхъ насыпей, возсталъ живая, огонь метавшая, стѣна. Минута восхитительная! Вражескія колонны задрожали; передовые охотники, прикрываясь засѣками, открыли слабую пальбу. „Поздравляю васъ, ребята, побѣда за нами“ сказалъ командиръ полка молодецкимъ Брянцамъ, замѣтивши нерѣшительность англичанъ, пораженныхъ неожиданною встрѣчею. Наша смѣлость и восторгъ не знали мѣры, когда мы увидали какъ опрокинутые французы бѣжали отъ Малахова кургана, преслѣдуемые его беспощадными выстрѣлами. Севастополь спасенъ, въ томъ уже не было сомнѣнія, но штурмъ 3-го бастіона не кончался! Ободренные своими начальниками, англичане бросились на исходящій уголъ,—но неумолкаемый огонь остановилъ вторично смѣлый ихъ натискъ. Подъ самымъ орудіемъ исходящаго угла лежалъ прострѣленный двумя пулями постоянный часовой этого опаснаго пункта, молодой прапорщикъ Юкавскій. Велики были его страданія, но вынести его никто не могъ; всѣ были заняты дѣломъ; никто не смѣлъ покинуть свое мѣсто. Пораженный зрѣлищемъ мученій офицера, нашедшаго

смерть на томъ самомъ мѣстѣ, которое онъ постоянно стерегъ, — полковой командиръ передалъ Юкавскаго своимъ тѣлохранителямъ и приказалъ имъ нести его на перевязочный пунктъ. Недолго послѣ того жилъ Юкавскій, наградой его мужеству передъ смертью была вѣсть о спасеніи 3-го бастиона. Напрасно собирали англійскіе офицеры разстроенныя свои колонны на новую атаку. Они безуспѣшно метались съ одного фланга на другой, представляя собою вѣрную цѣль нашей картечи и батальному огню. Трусами ихъ усѣяна была вся мѣстность, словно покрытая краснымъ ковромъ. Одинъ смѣльчакъ, отважнѣе другихъ, бросившійся на исходящій уголь, попалъ въ ровъ бастиона, гдѣ и пришлось ему ожидать окончанія штурма. Вытащенный нашими солдатами на брустверь бастиона, обезоруженный англичанинъ, видя себя внѣ опасности и подъ вліяніемъ еще разбивавшихъ его винныхъ паровъ, съ комически-восторженнымъ одушевленіемъ, пославъ поклонъ своимъ соотечественникамъ, вскрикнулъ: „Отечество! ты отъ меня ничего болѣе требовать не можешь, я въ Севастополѣ“.

Съ отбитіемъ англичанъ возобновилась съ ихъ стороны бомбардировка 3-го бастиона. Мы торжествовали, цѣловались, поздравляли другъ друга; обнимались съ моряками какъ съ братьями, полюбившими одни другихъ; не обращали никакого вниманія на падающіе на насъ снаряды. Первою заботою нашею было отнести на перевязочный пунктъ всѣхъ раненыхъ и убирать тѣла умершихъ. Англичане скры-

лись въ траншеи, а французы въ густыхъ колоннахъ построились на высотѣ Камчатки, откуда угрожали намъ повтореніемъ штурма. Въ виду такой угрозы надо было умѣрить нашъ восторгъ и заняться дѣйствительностію. Бросились въ пороховой погребъ пополнять щедрою рукою разстрѣлянные патроны. Патроны розданы — и что-же? Они не входятъ въ дуло ружей. Какое счастье, что непріятель не зналъ въ какомъ мы положеніи. Что было бы, если бы онъ повелъ атаку? Но великъ Богъ русскихъ, бѣда миновала и воинская честь полка спасена. Распоряженіемъ начальника артиллеріи севастопольскаго гарнизона мы получили патроны, соотвѣтствующіе калибру ружей и опять были готовы на всякую случайность. Начало темнѣть; огонь утомленныхъ англичанъ стихалъ. Вдругъ зашевелилось что-то впереди бастиона. Загрѣбли наши орудія; всѣ приготовились вновь отразить штурмъ. „Тишинскій“ — „здѣсь“, послѣдовалъ отвѣтъ храбраго прапорщика. „Поручаю вамъ защиту исходящаго угла; пока вы тутъ, я спокоенъ“, сказалъ ему полковой командиръ, который самъ бросился повѣрять людей на другихъ мѣстахъ бастиона. На нашу пальбу отвѣчали также учащеннымъ огнемъ; понятно, что англичане не стрѣляли по своимъ, а потому и опасенія повтореннаго штурма скоро разсѣялись, наши секреты сообщили, что вся тревога произошла отъ того, что англичане выслали команды для уборки тѣлъ, въ числѣ которыхъ остался убитый на штурмѣ генераль Кэмпбель. Наша бдительность не допустила ихъ исполнить свое намѣреніе.

Полученная генераломъ Лысенко 5-го числа контузія начала болѣзненно заявлять о себѣ. Не смотря однако на это, Михайль Захаровичъ вышелъ на бастионъ, но поднятая тревога успокоилась и его упростили пойти въ блиндажъ. Все на бастионѣ приняло обычный видъ: работы, секреты, пальба и усталость.

7-го числа послѣ обѣда назначено было перемиріе для уборки тѣлъ. Съ поднятіемъ бѣлыхъ флаговъ, выступили съ обѣихъ сторонъ команды для обозначенія деморкаціонной черты. Тѣло убитаго генерала Кэмпбеля было отыскано и съ подобающею честью отнесено въ лагерь нарочно для того назначеннымъ взводомъ. Сабля Кэмпбеля осталась у офицера Брянскаго полка. Вся обстановка уборки тѣлъ не походила на ту, какая была 28-го мая впереди Малахова кургана. Англичане явились не хвастунами; они обращались съ большимъ вниманіемъ къ русскимъ офицерамъ и неліцемерно выражали свое удивленіе мужеству гарнизона, встрѣтившаго послѣ суточной убійственной бомбардировки штурмующія колонны съ такимъ непоколебимымъ мужествомъ.

Страданія начальника дивизіи генерала Лысенко увеличились; надо было опасаться дурныхъ послѣдствій отъ усилившейся боли и замиравшаго дыханія. Онъ рѣшился 8-го іюня оставить 3-й бастионъ, но собравшись съ силами собственноручно написалъ приказъ въ которомъ благодарилъ Брянцевъ и возвѣстилъ объ ихъ храбрости всей дивизіи. Приказъ этотъ переходилъ въ полку изъ рукъ въ руки. Имъ гордились Брянцы, каждый повторять его наизусть

и онъ теперь еще хранится въ полку, какъ драгоцѣнный памятникъ честной его службы. Вотъ этотъ приказъ.

ПРИКАЗЪ.

По 9-й пѣхотной дивизии въ г. Севастополь
юня 8-го дня 1855 года № 34.

„Спасибо Брянцы, спасибо разлихіе молодцы! Раздѣляя съ вами вмѣстѣ труды настоящей войны, я восхищался, лично наблюдая съ какимъ геройскимъ презрѣніемъ выдерживали вы двухъ-суточное адское бомбардированіе, производимое непріателемъ по нашимъ укрѣпленіямъ. Чугунъ страшнаго размѣра, градомъ валившійся на васъ, не только не поколебалъ воинственный вашъ духъ, но даже вызывалъ ваши насмѣшки надъ безчисленными и весьма часто неудачными разрывами вражьихъ бомбъ; но въ день штурма вы показали себя истинными героями. Я ни въ одномъ изъ васъ не только не замѣтилъ безпокойства, напротивъ того, на лицахъ каждаго и даже молодыхъ, еще порохомъ неокуренныхъ солдатъ сіяла улыбка и всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали подступа врага, который дрогнулъ и не выдержалъ молодецкой вашей встрѣчи. Спасибо, спасибо, сто разъ спасибо! Ничего не желаю, какъ чтобы вы во всѣхъ подобныхъ случаяхъ были такими же героями.

Что же касается до гг. штабъ и оберъ-офицеровъ, то признательность моя за ихъ мужество, отличную храбрость и благоразумныя распоряженія,

такъ велика, что я не въ состоянїи выразить ее словами, но запечатлѣвъ въ душѣ моей искреннѣйшую мою на всегда къ нимъ благодарность, я почту священнымъ долгомъ о нихъ лично засвидѣтельствовать шефу Брянскаго егерскаго полка, господину главнокомандующему южною арміею, его сіятельству князю Михаилу Дмитриевичу, удостоивающему меня своею довѣренностію.

Благодарю отъ всей души и прочихъ гг. генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ ввѣренной мнѣ дивизїи, нынѣ временно въ отдѣльныхъ отрядахъ находящихся и участвовавшихъ въ отраженїи непрїятеля. Я съ восхищенїемъ узналъ, что они съ ввѣренными имъ частями въ полномъ смыслѣ исполнили священный долгъ, нынѣ на каждомъ изъ насъ лежащїй. Подписалъ командующїй дивизїею генераль-маіоръ Лысенко“.

Убыль офицеровъ постоянно увеличивалась. Требования служебныхъ нарядовъ усиливались. По мѣрѣ приближенїя непрїятельскихъ траншей, служба въ секретяхъ, выставляемыхъ на ночь впереди бастиона, приобрѣтала болѣе значенїя. Люди на эту службу избирались изъ охотниковъ; народъ былъ молодецкїй, смышленный и готовый на всякое отважное дѣло. Служба въ секретяхъ требовала ближайшаго съ нею знакомства и посылать съ охотниками въ секреты офицеровъ по очередному наряду было опасно. Съ Брянскими охотниками постоянно ходили два офицера: подпоручикъ Добровольскїй и прапорщикъ Тиминскїй: Оба они были ранены и

отправились на Сѣверную сторону. Предстояло выбрать офицера смѣлаго и неутомимаго. Выборъ командира полка палъ на прапорщика Тищинскаго, испытаннаго въ храбрости, хладнокровіи, офицера неутомимаго усердія и большой любви къ боевому дѣлу. Въ первый же день своей службы въ секретѣ, Тищинскій ознаменовалъ себя ловкимъ и удачнымъ дѣломъ. Это было кажется 20-го или 21-го іюня. Укрывъ своихъ людей въ болѣе или менѣе уже имъ извѣстныхъ мѣстахъ, началъ онъ самъ пристально наблюдать за происходящимъ въ непріятельскихъ траншеяхъ. Видитъ Тищинскій въ темнотѣ ночи, приближаются къ нашимъ секретамъ три человекъ. Одинъ изъ нихъ, по видимому старшій, имѣя въ рукахъ саблю, ощупывалъ ею грунтъ земли. Родилась мысль у Тищинскаго взять этихъ людей въ плѣнъ. Намѣреніе довольно отважное, такъ какъ люди эти были въ нѣсколькихъ шагахъ отъ своихъ траншей. Тищинскій, предпологая разомъ взять въ плѣнъ трехъ, распорядился назначеніемъ для этого двухъ паръ смѣтливыхъ людей. Люди ползкомъ должны были обходить англичанъ и по легкому свистку лѣвая пара должна была шорохомъ обратить на себя вниманіе приближающихся, а тѣмъ временемъ правая должна была броситься на свои жертвы и съ помощію своихъ товарищей и самого Тищинскаго обезоружить плѣнниковъ. Пока дѣлались эти приготовленія, изъ трехъ англичанъ, которыхъ Тищинскій думалъ взять въ плѣнъ, двое удалились въ траншею, остался только одинъ, тотъ самый который посту-

кивалъ саблей. Нечего дѣлать, надо было довольствоваться однимъ плѣннымъ. Самъ Тищинскій началъ развлекать своего противника, маня его къ себѣ рукою. Англичанинъ пришелъ въ недоумѣніе. Кто бы могъ звать его къ себѣ? присутствія русскаго человѣка тутъ онъ въ такомъ близкомъ разстояніи отъ своихъ траншей предполагать не могъ; да и обмана не предвидѣлъ. Подвигаясь къ Тищинскому медленно, онъ былъ остановленъ порохоми справа. Не успѣлъ англичанинъ оглянуться, откуда порохъ, какъ пара съ лѣвой стороны налетѣла на него, схватила его за руки и вмѣстѣ съ самимъ Тищинскимъ стремглавъ потащила къ резерву. Произошло смятеніе въ траншеяхъ; рабочіе бросили свои инструменты, схватились за оружіе, послали градъ пуль на авось, но уже было поздно. Приведенный на бастионъ англичанинъ казался очень опечаленнымъ, безпрестанно вздыхалъ, произнося имя Раглана. Мы, не знакомые съ англійскимъ языкомъ, распрашивать плѣнника не умѣли; оказалось однако, что онъ былъ инженеръ и долженъ былъ испробовать впереди траншей лежащую мѣстность. Печаль плѣнника была намъ понятна, а произносимое имъ имя Раглана, какъ главнокомандующаго, не могло также показаться намъ страннымъ. Впрочемъ, загадочность всѣхъ его пріемовъ и самый способъ плѣненія его давали поводъ нѣкоторымъ предположить не съ умысломъ ли онъ дался въ плѣнъ? Пока шли о томъ толки, начальство прислало на бастионъ морскаго офицера, знавшаго англійскій языкъ. Печаль плѣн-

ника и повтореніе имени Раглана, разгадались. Плѣнникъ сообщилъ, что вся англійская армія въ печали; Рагланъ въ тотъ день скончался. Извѣстіе это конечно имѣло важное значеніе для насъ. Тищинскій за свой подвигъ получилъ въ награду отъ контръ-адмирала Панфилова саблю плѣннаго офицера, на дорогомъ клинкѣ которой красовалась королевская корона.

Въ первыхъ же числахъ второй половины іюня мѣсяца присланы были изъ Петербурга награды за отбитіе штурма 6-го іюня. Брянскому егерскому полку Всемилоствѣйше повелѣно было именоваться Брянскимъ егерскимъ генераль-адъютанта князя Горчакова полкомъ. Радость для полка была великая. Онъ тѣснѣе прежняго долженъ былъ соединиться съ своимъ шефомъ и главнокомандующимъ всѣми сухопутными и морскими силами. Самъ князь, главнокомандующій арміею, желалъ ознаменовать это значеніе праздникомъ. 25-го іюня, Брянскій егерскій генераль-адъютанта князя Горчакова полкъ былъ смѣненъ на 3-мъ бастионѣ и перевезенъ на пароходахъ и катерахъ на Сѣверную сторону. Ночь была теплая; погода прекрасная. Переправа производилась не быстро. Почти вся ночь прошла на этомъ. Утромъ 26-го числа роты собрались около лагеря, гдѣ помѣщался полковой штабъ. Гдѣ назначался праздникъ, въ чемъ долженъ былъ онъ заключаться, — этого никто не зналъ. Около 9 часовъ узнали, что гдѣ-то генераль-лейтенантъ Липранди хлопочетъ объ устройствѣ угощенія для нижнихъ чиновъ и

завтрака для офицеровъ. Мало по малу, и то какъ бы случайно, начали доходить до насъ болѣе подробныя свѣдѣнія о готовящемся праздникѣ. Узнали мѣсто гдѣ полку собраться; наконецъ опредѣленъ былъ часъ пріѣзда главнокомандующаго и, какъ водится, форма одежды. Сія послѣдняя оставалась та же, въ чемъ были на бастионѣ. До 11 часовъ оставалось часа полтора. Ранѣе этого времени праздникъ не могъ состояться потому, что утромъ этого дня высокопреосвященный владыко Иннокентій, приглашенный на праздникъ, совершалъ служеніе и обходилъ бастионы многострадальнаго Севастополя. Позднѣе также было неудобно назначить полковое торжество, такъ какъ въ этотъ же день былъ на Инкерманѣ большой обѣденный столъ въ честь преосвященнаго. Полковой командиръ воспользовался свободною минутою, пошелъ навѣстить больнаго начальника дивизіи. Генераль Лысенко много страдалъ и очень измѣнился; силы его были слабы и голосъ дрожащій. Всегда до этого бодрый, онъ казался грустнымъ. Замѣтно было, что не столько физическія, сколько нравственныя страданія мучили его. Послѣ нѣкотораго принужденнаго разговора, Михаилъ Захаровичъ, оказывавшій благорасположеніе къ командиру полка, высказался, что неожиданное наканунѣ двукратное посѣщеніе дежурнаго генерала весьма неприятно его поразило. Онъ не зналъ чему приписать такое вниманіе. Но разбирая прошедшее, онъ остановился на несчастной мысли, имъ овладѣвшей: „Ужъ не сомнѣваются ли въ моей болѣзни“ сказалъ

онъ голосомъ въ которомъ слышались сдерживаемыя имъ слезы. „Знаю кому я обязанъ этимъ! Не свидѣтельствовать ли меня прїѣзжалъ вчера ко мнѣ генераль Ушаковъ. Что же думаетъ обо мнѣ главнокомандующій, который всегда меня любилъ. Сожалѣю, много сожалѣю, что силы мои мнѣ не позволяютъ лично видѣть нашего добраго князя. Думаю, онъ не измѣнилъ бы своего прежняго обо мнѣ мнѣнія“. Этотъ разговоръ тяжело палъ на полковаго командира, всѣмъ сердцемъ преданнаго своему начальнику и мало расположилъ его радостно встрѣтить готовящійся праздникъ. Неужели вотъ награда за самоотверженіе, и неужели могутъ частныя неудовольствія наносить такой чувствительный ударъ на самое драгоценное достояніе солдата. Или не есть ли самая мнительность Михаила Захаровича плодъ болѣзненнаго состоянія раздраженныхъ нервовъ. Хорошо бы еще какъ такъ. Съ сокрушеннымъ сердцемъ и полнымъ участіемъ къ положенію уважаемаго начальника отправился полковникъ Ганъ равнять строившіеся для встрѣчи главнокомандующаго баталіоны.

Въ виду кипѣвшихъ солдатскихъ котловъ и разбитаго шатра, для закуски офицерской, стояли двѣ баталіонныя колонны, построеныя справа. Показался главнокомандующій; заиграла музыка полковой маршъ; но князь, какъ бы не замѣчая баталіоны, обратился къ генералу Липранди съ вопросомъ: прїѣхалъ ли преосвященный? Получивъ отрицательный отвѣтъ, князь сѣлъ въ экипажъ и поѣхалъ въ Инкерманъ. Этотъ конечно не очень поощрительный

для полка, эпизодъ не противорѣчилъ извѣстному всѣмъ характеру князя. Озабоченный огромностію лежащихъ на немъ заботъ, подъ давленіемъ которыхъ онъ постоянно находился и, отдавшись своимъ великимъ обязанностямъ со всею силою своей безупречной совѣсти, князь мыслями своими находился часто не тамъ, гдѣ присутствовалъ своею особой. Подѣхалъ преосвященный, и въ свою очередь поѣхалъ вслѣдъ за княземъ также на Инкерманъ, но только другою дорогою. Прошло еще довольно времени, вновь пріѣхалъ главнокомандующій, но на этотъ разъ прямо подошелъ къ строю. Принявъ рапортъ отъ командира полка, князь отрывисто спросилъ: „А почему не четыре баталіона?“ Чувствительнымъ показался этотъ вопросъ командиру полка. „Пали на 3-мъ бастионѣ“, отвѣтилъ полковникъ Ганъ, и болѣе ни слова. Продолжался безмолвный обходъ. Князь казалось былъ погруженъ въ какую то думу; можно было думать, что онъ забылъ за чѣмъ пріѣхалъ и даже гдѣ находился. Все какъ то шло не связно. Князь сталъ говорить объ отбитомъ 6-го іюня штурмѣ, коснулся полка, упомянулъ о себѣ и былъ прерванъ пріѣздомъ преосвященнаго. Краснорѣчивый пастырь въ краткихъ словахъ, проникнутыхъ силою христіанской любви, благословилъ полкъ на предстоящію ему дѣла и службу. „А почему такъ много людей въ строю съ подвязанными головами, руками и даже нѣкоторые есть съ костылями“, спросилъ князь полковника Гана. „Предпочитають, презирая свои раны, оставаться въ строю и класть свой животъ на

Царскую службу, чѣмъ идти въ госпиталь“, отвѣчалъ командиръ полка. Благородная слеза блеснула въ глазахъ князя. Беспредѣльная любовь его къ солдату, добрѣйшее сердце вступили въ свои права и взяли верхъ надъ подавлявшими его заботами. Его голосъ измѣнился, сдѣлался мягкимъ; онъ ласково приказалъ вести людей къ котламъ. „А почему нѣтъ Лысенки“, спросилъ князь, обратившись къ полковому командиру. „Генераль Лысенко боленъ, ваше сіятельство, и находится не въ безопасномъ положеніи. Онъ пренебрегъ сильною контузіею, полученною 5-го іюня, и превозмогалъ страданія, пока не слегъ въ постель. Онъ болѣе сокрушается тѣмъ, что не можетъ съ ввѣренными ему полками раздѣлять опасную службу въ Севастополѣ“, отвѣтилъ полковой командиръ. „Поблагодарите Лысенко за его честную службу; жаль мнѣ, что онъ сегодня не съ нами“, прибавилъ князь Михаилъ Дмитріевичъ. Роты построились при котлахъ. Князь, обнаживъ голову, высоко поднялъ чарку и провозгласилъ „за здоровье Государя Императора“. Ура! Восторженное, неумолкаемое ура и народный гимнъ были отвѣтомъ на эту заздравную чарку. Когда умолкло ура и замерли послѣдніе звуки музыки, полковой командиръ подошелъ къ столу и, обратясь къ солдатамъ, сказалъ: „Ребята! Вы всѣ помните какъ 6-го іюня англичане бросились вырвать изъ вашихъ рукъ порученный вашему мужеству родной нашъ 3-й бастіонъ. Вы помните также, какъ любимый нами начальникъ дивизіи генераль-маіоръ Лысенко, первый

вскочивъ на брустверъ бастіона напомнилъ вамъ, что вы должны содѣлаться достойными имени вашего шефа. Его пророческія слова сбылись и мы сегодня по волѣ Всемиловитвѣйшаго Государя Императора празднуемъ ихъ осуществленіе. Ребята! мнѣ давать отвѣтъ за васъ предъ Царемъ и отечествомъ! Я счастливъ, что раздѣляя съ вами опасность и бывъ свидѣтелемъ вашего геройства, я смѣло могу сказать, что Брянцы достойны славнаго имени, насъ украшающаго. Кто былъ съ вами, тотъ поручится, что вы навѣки останетесь такими. Привѣтствуйте эту чарку громоноснымъ ура, которое, подобно грому 6-го іюня, пусть судорожно откликнется въ виднѣющемся вдали вражескомъ станѣ: да здравствуетъ князь Михаилъ Дмитріевичъ Горчаковъ, ура!“ Князь приблизился къ полковому командиру, обнялъ его и проникнутымъ добротою голосомъ сказалъ вѣчно памятные для командира слова: „все хорошее въ полку отъ полковаго командира, каковъ командиръ, таковъ и полкъ“.

Солдаты принялись за дѣло; помѣстились какъ кто могъ и каждый въ душѣ благодарилъ гостепріимнаго хозяина за щедрое угощеніе. Пригласили офицеровъ въ шатеръ; князь посадилъ возлѣ себя съ правой стороны преосвященнаго Иннокентія, а съ лѣвой полковаго командира, возлѣ котораго пригласили сѣсть прибывшаго изъ Петербурга генераль-адъютанта барона Вревскаго. Начался пиръ на весь міръ; было разливное море. Пили за здоровье Царя; пили за главнокомандующаго; пили за шефа; пили за князя и пили за Брянца и никого не забыли. Князь каза-

лось переродился, вставалъ со стула, самъ угощалъ Брянскую окуренную порохомъ молодежь; любовался ею; ходилъ къ солдатскимъ группамъ; съ удовольствіемъ слушалъ вездѣ раздававшуюся пѣснь:

Жизни тотъ одинъ достоинъ
Кто на смерть всегда готовъ,
Православный русскій воинъ
Не считая бѣтъ враговъ.

Кончался пиръ. Князь, куря сигару, разговаривалъ со всѣми офицерами. Разсказъ Тищинскаго о томъ, какъ онъ взялъ въ плѣнъ англійскаго инженернаго офицера, привелъ его въ восторгъ. Взявъ Тищинскаго за руку, князь подвелъ его къ преосвященному: „Благословите его, владыко, и послушайте какъ онъ справился съ англійскимъ капитаномъ“. Преосвященный со вниманіемъ слушалъ повторенный разсказъ и сердечно улыбался, когда Тищинскій началъ говорить какъ онъ манилъ къ себѣ рукою англичанина: „Простоватъ былъ вѣрно англичанинъ“, замѣтилъ преосвященный, „Помилуйте, сами посудите; я маню его къ себѣ, а онъ и въ самомъ дѣлѣ“, прибавилъ Тищинскій. Преосвященный еще сердечнѣе засмѣялся и послѣ того благословилъ Тищинскаго. „Здѣсь хорошо быть въ этой славной семьѣ“, сказалъ князь, обратившись къ генераль-адъютанту барону Вревскому, „но пора ѣхать домой“. „Правда, ваше сіятельство, особенно когда послѣ такого завтрака да предстоитъ такой же обѣдъ. Вѣдь это въ своемъ родѣ 6-го іюня“.

Князь началъ собираться отъѣхать, но медленно

подвигался къ экипажу, останавливаясь на каждомъ шагу, чтобы кого нибудь поласкать, ободрить, поощрить. Наконецъ, подойдя къ коляскѣ, онъ обратился къ полковому командиру со словами: „Сегодня и завтра вамъ отдыхъ, а завтра утромъ приѣзжайте ко мнѣ на Инкерманъ“. Такъ провелъ главнокомандующій этотъ день съ своимъ полкомъ. Никто до этого и никто послѣ никогда не видалъ князя подь Севастополемъ въ такомъ счастливомъ расположеніи духа и это въ виду генераль-адъютанта барона Вревскаго, приѣзду котораго стоустая и лживая молва давала Богъ знаетъ какое таинственное значеніе. Дошелъ и до Лысенки милостивый о немъ отзывъ главнокомандующаго. Ободренный встрѣтилъ онъ полковника Гана, пришедшаго передать ему благодарность князя. Выздоровленіе его пошло быстро и онъ вскорѣ возвратился на Малаховъ курганъ и тамъ раздѣлялъ труды съ генераломъ Хрулевымъ. 27-го августа принявъ послѣ раненаго Хрулева начальствованіе надъ войсками, онъ былъ раненъ и чрезъ три дня окончилъ свою честную жизнь.

27-го іюня утромъ явился полковникъ Ганъ къ князю главнокомандующему. „Не буду говорить, сказалъ князь, какъ вамъ служить на бастионѣ. Это полкъ уже самъ доказалъ; скажу только, что пока мы смотримъ неприятелю въ лицо, наше дѣло не проиграно, а какъ только повернемся къ нему спиной, все погибло. Возьмите 400 р. и отдайте кому знаете отъ шефа. Не забывайте тѣхъ, которые раненые не оставляютъ своихъ мѣстъ“.

Щедрое даяніе князя было роздано нижнимъ чинамъ въ тотъ же самый день. Въ 6 часовъ вечера отслуженъ молебень. Тепла была молитва Брянцевъ и они съ новою вѣрою отправились на свой родной бастионъ и въ ту же ночь заняли banquetты и начали работы. Ошиблись тѣ, которые, провожая Брянцевъ на Сѣверную сторону, думали, что они конечно уже болѣе не возвратятся въ ступку и что имъ найдутъ болѣе безопасное мѣсто. Численность полка значительно сократилась. Бастионное начальство нашло нужнымъ поддержать силы оставшихся людей. Съ 28-го іюня ежедневно, по окончаніи ночныхъ работъ, одна часть полка заступала на banquetты, а другая отправлялась на Корабельную сторону на отдыхъ и для того что блюда могли купаться въ бухтѣ. Тамъ было сравнительно безопаснѣе, чѣмъ на бастионѣ. Около обѣда 28-го же іюня началась бомбардировка несчастнаго 3-го бастиона. По всей линіи атаки было довольно тихо, только англичане неистовствовали и разрушали 3-й бастионъ. Прибѣжалъ съ бастиона офицеръ передать приказаніе спѣшить на выручку на случай штурма 3-го бастиона. Какъ только баталіонъ поравнялся съ морскими казармами и открылся передъ фронтомъ атаки, всѣ казалось выстрѣлы съ англійскихъ батарей направлены были на насъ. Баталіонъ шель отдѣленіями справа съ разомкнутыми шеренгами и рядами. По всѣмъ направленимъ разрывались бомбы, пролетали и рекошетировали ядра между рядами и шеренгами и ни одинъ офицеръ, ни одинъ солдатъ не былъ ни раненъ ни

контуженъ. „Это ваша вчерашняя теплая молитва хранить васъ сегодня“, сказалъ полковникъ Ганъ солдатамъ, приведя ихъ на бастионъ. Вскорѣ бомбардировка умолкла и пальба приняла свой обыкновенный размѣръ. Но другая печальная вѣсть поразила всѣхъ. День роковой для Севастополя. Почти на нашихъ глазахъ смертельно раненъ былъ адмиралъ Нахимовъ. Миръ праху твоему, герой!

Съ отбытіемъ генерала Лысенки съ 3-го бастиона, начальникомъ пѣхоты на ономъ былъ назначенъ генералъ Сабашинскій, бывший командиръ Селенгинскаго полка, прославившійся впоследствии мужествомъ при выбытіи 27-го августа французовъ изъ занятыхъ ими нашихъ укрѣпленій. Не помню оставался ли генералъ Сабашинскій въ то время командиромъ Селенгинскаго полка, и былъ ли онъ только временно съ нимъ разлученъ, или числился онъ уже бригаднымъ командиромъ. Во всякомъ случаѣ симпатіи его принадлежали Селенгинцамъ, но не къ другимъ полкамъ. Отъ этого Брянцы хотя конечно не страдали, однако и не пользовались исключительнымъ вниманіемъ распорядителя пѣхоты. Последствіемъ же этого встрѣчались случаи неудовольствій, которыя въ виду непріятели слѣдовало улаживать, но никакъ не раздувать.

2-го іюля, въ ночное время командиру полка, посѣтившему расположеніе 1-го баталіона, которымъ въ то время командовалъ командиръ 1-й егерской роты капитанъ Стеблинъ-Каменскій, командиръ шефской, 1-й карабинерной роты, штабсъ-капитанъ Ка-

шинцевъ заявилъ жалобу въ оскорбленіи его лицомъ при генералѣ Сабашинскомъ состоящимъ. Этому оскорбленію капитанъ Капинцевъ давалъ значеніе служебное и конечно, чтобы вызвать участіе командира полка, объяснилъ дѣло въ томъ смыслѣ, что тутъ затронута была шефская рота. Штабсъ-капитанъ Капинцевъ былъ очень возбужденъ; говорилъ, что одни только обязанности военнаго времени воздержали его отъ собственной расправы и многое другое; но все это не совсѣмъ разъясняло сущность дѣла, а потому, чтобы покончить и вмѣстѣ не затронуть чести офицера, полковой командиръ совѣтовалъ штабсъ-капитану Капинцеву успокоиться, обѣщая на другой день прійти къ нему и выслушать его, когда онъ будетъ болѣе спокоенъ. Капинцевъ съ этимъ согласился.

3-го іюля былъ жаркій, удушливый день. Въ 8-мъ часу вечера выступилъ отдохавшій на Корабельной сторонѣ баталіонъ на ночныя работы. Шествіе этого баталіона, какъ и всегда, сопровождалось направленною на него пальбою съ англійскихъ батарей. Подойдя къ бастіону и отпуская роты на работы, полковой командиръ прощался съ каждою изъ нихъ и пожелалъ имъ помощи Божіей. Надо было успокоить Капинцева, а потому полковой командиръ, пригласивъ съ собою единственнаго при полку оставшагося штабъ-офицера маіора Сурина, направился къ фланговой батарее. Не доходя долины смерти, полковникъ Ганъ сообразилъ, что бесѣда съ капитаномъ Капинцевымъ можетъ продлиться долго и вызвать необходимость продолжительныхъ объясненій съ

самимъ генераломъ Сабашинскимъ и что такимъ образомъ упустится время повѣрки работъ, рѣшился сперва обойти работы, а затѣмъ уже отправиться къ Кашинцеву.—Маіоръ Суринъ по предложенію полковаго командира отправился на фланговую батарею, гдѣ и долженъ былъ ожидать прибытія полковника Гана. Работы производились съ большимъ спокойствіемъ. 7-я егерская рота очищала ровъ бастиона. Съ нею находился ротный командиръ капитанъ Ризенкампфъ, близкій родственникъ полковаго командира, — ловкій гимнастъ и отчаянный смѣльчакъ.— Чѣмъ опаснѣе предпріятіе, хотя бы самое безцѣльное, капитанъ Ризенкампфъ не побережетъ своей жизни изъ одного молодечества и даже хвастовства. Солдаты его любили, видя въ немъ начальника, съ которымъ пріятно и весело идти въ огонь. На бастионѣ было тихо; непріятельскій огонь весьма умѣренный. Вдругъ подъ однимъ изъ орудій послышался шорохъ. Артиллеристы бросились къ орудію; егеря взвели курки; всѣ напрягли вниманіе. И что-же? изъ рва на брустверъ лѣзетъ Ризенкампфъ. Еще одна минута и былъ-бы съ нимъ конецъ! „откуда вы, что вы?“ сердито и строго спросилъ его командиръ полка. Вздумалось Ризенкампфу испытать крутость рва и высоту бруствера, чтобы заявить начальству о возможности подняться на бастионъ. „Скройтесь изъ глазъ“, сказала Ризенкампфу полковой командиръ. „Помните, что кромѣ вашей жизни, которую вы ни во что не ставите, вамъ ввѣрена рота; идите къ ней и не покидайте ея“. Это было послѣднее замѣчаніе полковаго командира

на 3-мъ бастионѣ. „Берегись наша!“ прокричалъ сигналистъ, наблюдавшій за полетомъ выстрѣловъ. Двѣ огромныя бомбы плавно поднялись и направляя свой огненный путь одна къ другой, пересѣклись и начали съ ускоренною быстротою спускаться на 3-й бастионъ. Одна упала въ ровъ и произвела тамъ смятеніе, другая ударилась въ землю шагахъ въ 8 отъ полковаго командира. „Ложись!“ раздался чей-то голосъ и вслѣдъ затѣмъ лопнула бомба. „Вставай“, произнесъ полковой командиръ и въ то-же мгновеніе осколокъ поразилъ его въ голову и повергъ безъ чувствъ на землю. Прийдя въ себя, полковой командиръ находился въ гостепріимномъ блиндажѣ любезныхъ морскихъ офицеровъ; около него хлопоталъ ротный цирюльникъ, чтобы остановить кровь. Дали знать маіору Сурину; доложили генералу Хрулеву; приказано было полковника Гана отнести на Павловскій мысокъ на перевязочный пунктъ. Капинцевъ успокоился и просилъ маіора Сурина доложить командиру полка, что онъ не ищетъ никакого удовлетворенія.

Желая проститься съ добрыми Брянцами, полковой командиръ приказалъ вести себя вдоль banquetовъ и около работъ. „Не даромъ прощался онъ съ нами сегодня“, послышался въ одномъ мѣстѣ голосъ солдата; „вѣрно предчувствовалъ свою судьбу.“— „Еще разъ прощайте, ребята“ отвѣтилъ на это слабымъ голосомъ командиръ полка. Полковникъ Ганъ возвратился къ полку 31-го августа того же года.

Тутъ оканчиваются воспоминанія полковаго коман-

дира тѣхъ дѣйствій, которыхъ онъ былъ личнымъ свидѣтелемъ подѣ Севастополемъ.

Брянскій, генераль-адъютанта князя Горчакова полкъ честно прослужилъ до конца обороны въ Севастополѣ. Когда численность полка на столько уменьшилась, что ему нельзя было оставаться на 3-мъ бастионѣ, то его перевели на Павловскій мысокъ, откуда каждую ночь ходилъ на работы на Малаховъ Курганъ. 27-го августа подѣ начальствомъ командира 4-го баталіона подполковника Домбровскаго, заступившаго мѣсто командира полка, поспѣшилъ полкъ на выручку Малахова Кургана, но исторгнуть его изъ рукъ французовъ было уже невозможно. Въ ночь на 28-е августа подполковникъ Домбровскій перевезъ остатки полка на пароходѣ Владиміръ на Сѣверную сторону.

9-го ноября 1855 года 2-ая бригада 9-й пѣхотной дивизіи подѣ начальствомъ бригаднаго командира, командовавшаго тогда дивизіею генераль-маіора Хрушова, (нынѣ генераль-адъютантъ, генераль-губернаторъ Западной Сибири и командующій войсками Западнаго Сибирскаго военнаго округа) выступила изъ лагеря на Качѣ и расположилась на позиціи Инкерманской. При Брянскомъ полку состояла Мещевская дружина Калужскаго ополченія, коею командовалъ гвардіи полковникъ Камынинъ. Занятія на этой позиціи землянки были тѣсныя, низенькія, смрадныя и полуразрушенныя. „Ты погубишь полкъ“, сказалъ полковнику Гану корпусный командиръ, посѣтившій бригаду въ томъ же мѣстѣ.

Зима прошла довольно строгая; служба была тяжелой, а полкъ не погибъ и изъ этой военной стоянки, въ виду всегда готоваго непріятеля, осталось одно пріятное воспоминаніе перенесенныхъ трудовъ и службы подъ начальствомъ прославившагося героя, обладающаго даромъ и самую трудную службу сдѣлать пріятною и умѣвшаго привлечь къ себѣ всѣхъ и заставить себя любить. Намъ солдатамъ было ничего стоять въ грязныхъ землянкахъ, но трудно было начальнику дружины, котораго сопровождала жена, раздѣлявшая съ мужемъ всѣ трудности стоянки подъ выстрѣлами непріятельскихъ батарей. Тамъ Богъ имъ далъ дочь, которую и теперь въ достойномъ ихъ семействѣ зовутъ Пушка Николаева.

Инкерманская позиція была весьма обширная. Она простиралась отъ впаденія Черной въ Бухту и по теченію рѣки подымалась до Генуэзской башни, составлявшей оконечность нашего лѣваго фланга. Высоты этой долины были усеяны грозными нашими батареями въ числѣ кажется четырехъ или пяти, отдѣлявшимися одна отъ другой крутыми спусками и отвѣсными подъемами. По данной генераломъ Хрущовымъ диспозиціи назначены были всѣмъ частямъ мѣста на всѣ возможные случаи. Каждый день на передовую службу выходили два баталіона; прочіе составляли резервъ. Командиръ полка занимавшаго аванпосты отвѣчалъ за спокойствіе позиціи, а въ случаѣ дѣла долженъ былъ принять начальствованіе надъ авангардомъ. Конца войны никто не видѣлъ; всѣ готовились воевать еще года два или три.

Въ первой половинѣ февраля мѣсяца 1856 года часу въ 10 вечера командиръ полка собирался, сопровождаемый полковымъ горнистомъ, ѣхать на аванпосты. Приносятъ приказаніе генерала Хруцова полковнику Гану, какъ начальнику аванпостовъ. Приказаніе съ подписью: о самонужнѣйшемъ. Не вѣрится глазамъ: повелѣно прекратить непріязненныя дѣйствія, а полковнику Гану принять мѣры, чтобы ни въ какомъ случаѣ, нигдѣ на всей позиціи, никто не смѣлъ стрѣлять. Задача не легкая: ночь, крутизны, овраги; несомнѣнное недоувѣріе, каковымъ будетъ встрѣчено приказаніе, все это предвѣщало проволочки, а февральская ночь не безконечная. Чего тутъ ни слышался полковой командиръ. Никто не вѣрять привезенному приказанію. Посыпались вопросы какъ поступить въ случаѣ такомъ-то, такомъ-то и Богъ знаетъ какихъ тутъ не было вопросовъ. Ни одному начальнику и въ голову бы не пришло предусмотрѣть всѣхъ случаевъ, о которыхъ теперь каждый батарейный командиръ спрашивалъ разрѣшенія, отказываясь даже росписаться въ извѣстности отданнаго приказанія. Пришлось кого упрашивать, кого уламывать. Но труднѣе всего было справиться съ казакомъ находившимся съ $\frac{1}{4}$ сотнею лихихъ Донцовъ въ засадѣ. Нѣтъ, да нѣтъ. Не можетъ быть; не такъ было въ 12-мъ году. Пускай они покажутся, а я ихъ во флангъ и т. д. Невольно уважаешь такого молодца, а между тѣмъ досадно; время не терпитъ. Наконецъ снабженный росписками, терпѣніемъ добытыми, возвра-

тился полковникъ Ганъ на позицію успокоить генерала Хрущова.

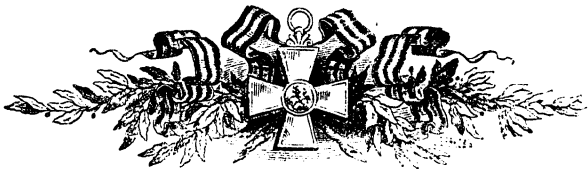
Въ 9 часу утра поѣхали генераль Хрущовъ со свитою, а полковникъ Ганъ съ своимъ неизмѣннымъ полковымъ горнистомъ, повѣрить передовую линію. Генераль Хрущовъ поѣхаль высотами, а полковой командиръ спустился въ долину, почтовою дорогою, прямо на Инкерманскій мостъ. Они условились соединиться на Генуэзской башнѣ, откуда открывалось пространство до самого трактирнаго моста, гдѣ назначались переговоры. Наши аванпосты были сняты, какъ и было приказано; ни одной души на всемъ видимомъ пространствѣ Инкерманской позиціи. Горы лѣваго берега рѣки Черной покрыты были французами, стоявшими при орудіяхъ съ скрещенными руками. Подѣхавъ къ Инкерманскому мосту полковникъ Ганъ снялъ фуражку и поднялъ ее вверхъ. Въ отвѣтъ на это мирное привѣтствіе раздались крики и французскія кепи полетѣли на воздухъ. Противъ самой Генуэзской башни, гдѣ у насъ скрывался секретъ, и гдѣ р. Черная не шире шаговъ 20-ти, стоялъ большой французскій карауль. Лѣвѣе генуэзской башни начинались аванпосты отъ Мекензиевой позиціи. Звѣно цѣпи, прикрываясь деревьями, производило пальбу на стоявшихъ французовъ. Никакія убѣжденія полковника Гана не могли заставить усастьхъ егерей 11-й пѣхотной дивизіи прекратить огонь! Одинъ былъ только ихъ отвѣтъ: мы ничего не знаемъ; приказанія никакого не получили; а что намъ смотрѣть на васъ. Въ это время на нашихъ

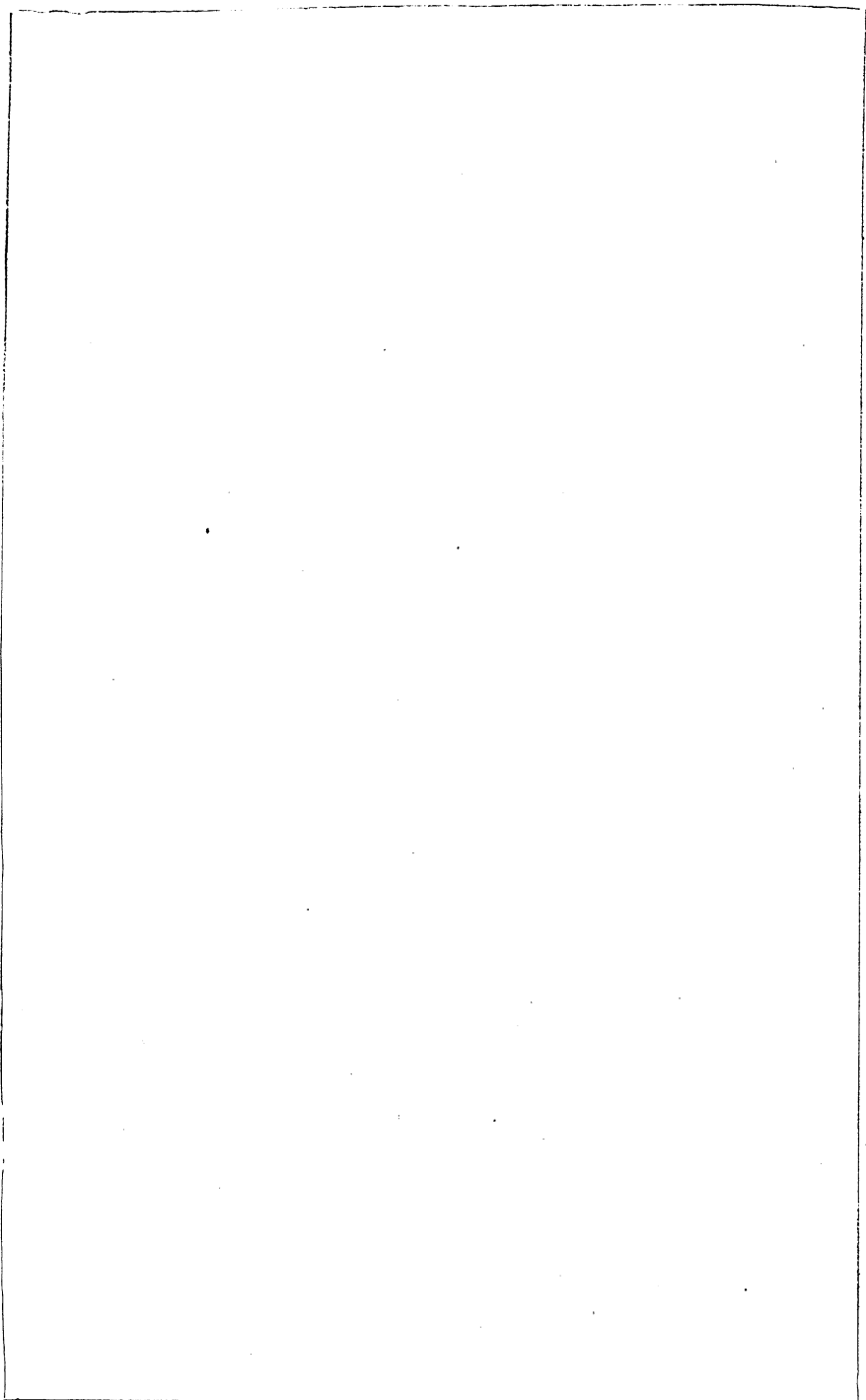
высотахъ показался генераль Хрущовъ со свитою. Французы приходили въ ярость; начали кричать и дѣлать угрозы. Не успѣлъ полковникъ Ганъ обогнуть башню, чтобы доложить генералу Хрущову о происходящемъ въ цѣпи, лѣвѣ нашей позиціи, раздался залпъ, другой и третій и все замолкло. Это были послѣдніе выстрѣлы, закончившіе подъ Севастополемъ восточную войну. Осыпанный пулями стоялъ генераль Хрущовъ въ недоумѣніи. Началъ спускаться туманъ; трактирный мостъ скрылся изъ вида; генераль Хрущовъ поѣхалъ прежнею же дорогой обратно на Инкерманъ, а полковой командиръ спустился внизъ, чтобы посмотреть, что дѣлается въ цѣпи. Цѣпь была снята; все было тихо; французы успокоились и когда мимо ихъ проѣзжалъ полковникъ Ганъ и сказалъ, что уже не будетъ недоразумѣній, они привѣтствовали его выраженіями дружбы.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 9-я пѣхотная дивизія перешла въ Симферополь, а Брянскій полкъ расположился въ баракахъ по полу-пути между Симферополемъ и Евпаторією. 15-го іюня полкъ выступилъ во внутреннія губерніи и 29-го августа, Всемиловитѣйше украшенный георгіевскими знаменами, прибылъ Орловской губерніи въ г. Димитровскъ.

Генераль-Лейтенантъ Г а н ъ.

20 апрѣля 1872 г.
Москва.

ДѢЙСТВІЕ

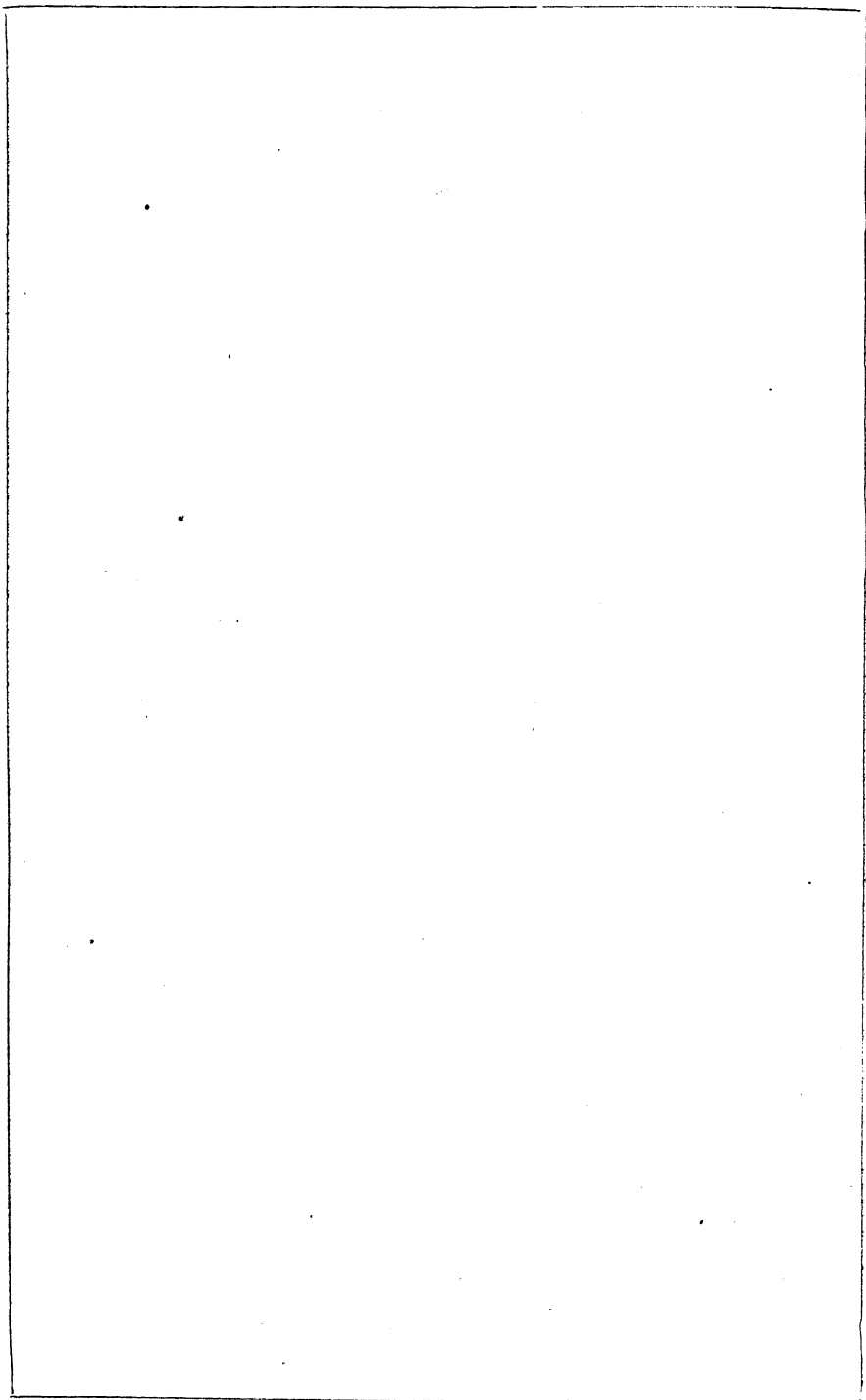
въ Алминскомъ сраженіи Московскаго пѣхотнаго полка

8-го сентября 1854 года

подъ непосредственнымъ распоряженіемъ князя Меншикова.

Владимира Фейтнера.

ДѢЙСТВІЕ

въ Алминскомъ сраженіи Московскаго пѣхотнаго полка

8-го сентября 1854 года

подъ непосредственнымъ распоряженіемъ князя Меншикова.

Владиміра Фейтнера.

Въ „Военномъ Сборникѣ“, изда-
нія 1859 года за сентябрь мѣ-
сяцъ, помѣщено было описаніе
сраженія на рѣчкѣ Алмѣ. Статья
эта возбудила и во мнѣ желаніе
передать мои воспоминанія и та-
кія замѣтки объ этомъ дѣлѣ, ко-
торыя, сколько мнѣ извѣстно,
еще не были въ печати, а пото-
му полагаю будутъ здѣсь не
лишни. Въ то же время я хотѣлъ
указать на нѣкоторыя невѣрно-
сти, вкравшіяся въ названную
выше статью. Впрочемъ эти не-
вѣрности содержатся не только
во всѣхъ статьяхъ, какія писа-
лись объ Алминскомъ сраженіи,
но и въ нѣкоторыхъ рассказахъ
о немъ бывшаго начальника лѣваго фланга генера-
ла Кирьякова, съ которымъ тотчасъ по окончаніи
войны, мнѣ случилось и самому вступить въ споръ

о расположеніи передъ Бурлюкомъ Московскаго пѣхотнаго полка.

Въ разговорѣ съ нимъ по этому предмету замѣтно было, что я приводилъ ему на память то, о чемъ онъ успѣлъ уже позабыть. Онъ, не желая опровергать сдѣланнаго имъ по начальству донесенія, выразилъ мнѣ свое неудовольствіе за сдѣланныя ему поясненія дѣла, и свой авторитетъ защищалъ слѣдующими словами: „расположенія войскъ вы не могли знать, и потому я не слушаю васъ“.

Разговоръ объ этомъ дѣлѣ происходилъ въ присутствіи или полковника Алабина, или полковника Аничкова, этого я хорошо не припомню, но кто-то изъ нихъ принесъ генералу Кирьянову свою статью, и пригласилъ и меня прослушать очеркъ Алминскаго сраженія, или какъ назвали его англичане: „сраженіе при аулѣ Бурлюкъ.“

Заинтересованный этимъ сраженіемъ, въ которомъ и мнѣ удалось принять участіе, я остановилъ вниманіе присутствовавшихъ на томъ обстоятельстве, что Московскій пѣхотный полкъ не весь былъ поставленъ противъ французской дивизіи Боске, а именно фронтомъ одного только 4-го баталіона, при которомъ и я находился.

Пересматривая недавно „Военный Сборникъ“ за послѣдніе годы, я нашелъ въ одной полемической статьѣ, что командиръ Московскаго пѣхотнаго полка совершенно невѣрно донесъ своему корпусному командиру о расположеніи полка въ Алминскомъ сраженіи.

Ошибка эта произошла черезъ полковаго адью-

танга подпоручика Яковлева, который за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ съ производствомъ въ офицеры прекратилъ переписываніе на бѣло разныхъ форменныхъ бумагъ, что дѣлалъ онъ въ свой двѣнадцати-лѣтній терминъ, находясь писаремъ при дивизионномъ штабѣ. Послѣ такого неважнаго занятія, Яковлевъ былъ назначенъ полковымъ адъютантомъ на постъ, какъ извѣстно, довольно важный даже и не въ военное время. Нисколько незнакомый съ военнымъ дѣломъ, Яковлевъ рѣшительно растерялся среди тѣхъ грозныхъ событій, которые, по обязанности своей онъ долженъ былъ излагать на бумагѣ, и до такой степени былъ смущенъ, что видимое пересталъ видѣть, а о слышанномъ совершенно забывалъ.

Для большей ясности расскажем слѣдующій случай: 8-го октября 1854 года находившіеся подъ моей командой 22 человекъ рядовыхъ и волонтеровъ вооруженныхъ круглыми пулями, съ одинадцати часовъ утра и до вечера, заставили замолчать передній фасъ угловой англійской батареи, еще въ это утро и два дня назадъ сильно громившей 3-й бастионъ, а 5-го числа, т. е., въ первый день бомбардировки, успѣлъ даже взорвать пороховой складъ на этомъ бастионѣ; при этомъ значительная часть бруствера была сброшена въ ровъ, прислуга вся перебита, а самыя орудія перевернуты, или сброшены съ платформъ. Понятно, что злоба всѣхъ защитниковъ Севастополя на угловую англійскую батарею не имѣла границъ, такъ что когда моряки при двухъ офицерахъ, сидѣвшіе въ этотъ день на мыскѣ, какъ называли тогда

выступъ передъ третьимъ бастиономъ, — замѣтили такой значительный успѣхъ небольшого числа Московцевъ надъ зловредной батареей, то пришли въ такое восхищеніе, что махая фуражками прокричали намъ громогласное: ура! какъ товарищамъ, съ которыми еще наканунѣ взяли этотъ самый мысокъ.

За отнятіе этого мыска изъ рукъ англійскихъ стрѣлковъ молодой мичманъ князь Путятинъ былъ въ это же утро пожалованъ орденомъ святыя Анны третьей степени съ бантомъ, приколотымъ къ героической груди его экипажнымъ начальникомъ, имѣвшимъ для такого случая нѣсколько орденовъ этого имени.

Роты наши: штабсъ-капитановъ Жюхова и Яновскаго высыпали на брустверъ изъ траншеи лѣваго фаса, что-бы узнать что такое творится впереди, и для чего тамъ кричатъ ура, ура и ура! Полковой же адъютантъ не только не занесъ этотъ героическій подвигъ въ послужные списки, но даже и не отмѣтилъ его въ исторіи Московскаго полка, какъ это дѣлалось въ Бутырскомъ, въ одной съ нами бригадѣ, пришедшимъ къ намъ дней восемь послѣ перваго сраженія. Яковлевъ меня спросилъ мѣсяць спустя, слѣдуетъ-ли записывать куда нибудь мои движенія съ охотниками, такъ какъ онъ этого не дѣлалъ, потому что письменнаго приказанія изъ главнаго штаба не отдавалось для нашего полка. Я отвѣчалъ ему, конечно слѣдуетъ, хотя и не было объ этомъ приказа по полку. За нимъ прослѣдить я не могъ, потому что труды мы несли сверхъестественные, оцѣненные исполнѣ какъ покой-

нымъ Государемъ, такъ и благополучно Царствующимъ, повелѣвшими намъ считать даже каждый мѣсяцъ нашей службы за годъ. А между тѣмъ этотъ подвигъ остался тайной не только для отдаленныхъ соотечественниковъ, но и для молодыхъ сослуживцевъ.

Подобныя упущенія могли происходить если не отъ невниманія полковаго адъютанта къ обязанностямъ своимъ, то отъ полнаго непониманія достоинства военной исторіи, тогда какъ на немъ лежитъ прямая обязанность въ военное время, слѣдить за отличіями каждаго, чтобъ онѣ не скрылись въ будущемъ по крайней мѣрѣ, ни отъ потомства, ни отъ великаго вниманія Царя, горѣвшаго желаніемъ слышать о подвигахъ своего войска.

Въ такую важную эпоху исторической жизни народа, какъ недавно минувшая Крымская война, во главѣ полка были люди слишкомъ близорукіе, подчинявшіеся начальствующимъ лицамъ безъ всякой здоровой мысли. Они не находили даже нужнымъ, исключая „приказовъ военнаго министра“, обогащать свой умъ чѣмъ нибудь полезнымъ, И столбецъ „о производствѣ“ въ „Русскомъ Инвалидѣ“ нѣсколько разъ ими перечитываемый, какъ бы пополнялъ въ нихъ недостатокъ свѣдѣній.

Изъ нихъ выдавался болѣе другихъ командиръ Московскаго пѣхотнаго полка г. Куртьяновъ, который постоянно опровергалъ военные замыслы Европы противъ Россіи. Невольно выслушивая о возможности разрыва Россіи съ другими государствами, онъ

обыкновенно съ достоинствомъ произносилъ: „Да развѣ враги наши забыли 12 годъ? и не дождавшись отвѣта, доканчивалъ свой вопросъ словами: „забыть они никакъ не могли“.

Въ слѣдствіе такого убѣжденія, генераль Куртьяновъ нисколько не подготовилъ къ боевому дѣлу ввѣренный ему полкъ. Слышавъ же его рѣчь и звучащую въ ней надменность, нельзя было ожидать, чтобъ ѣдучи въ экипажѣ онъ не могъ обогнать своихъ частей и не войти на позицію раньше пѣшеходныхъ баталіоновъ нумеровъ 1-го и 2-го, при которыхъ онъ и оставался.

Соединившись съ прочими войсками часа за два до начала сраженія, онъ не воспользовался остановками непріятельскихъ колоннъ, двигавшихся передъ нашими глазами, не хотѣлъ осмотрѣть положенія лѣваго крыла, на которомъ былъ поставленъ полкъ его въ числѣ всѣхъ 4-хъ баталіоновъ, такъ какъ на мѣстности той и ему предназначалось быть дѣйствующимъ лицомъ. Не выполнивши своего важнаго назначенія, командиръ полка началъ кричать на прибывшіе съ нимъ баталіоны, дѣлать распоряженія неумѣстныя въ столь важную минуту, а въ недоумѣваемыхъ мѣстахъ своей рѣчи громко призывать Вельзевула во всѣхъ его видимостяхъ. Къ чорту отправилъ и носилки для раненыхъ, имъ замѣченныя за 4-мъ баталіономъ. Послѣ жаркаго дѣла на Алмѣ генераль Куртьяновъ рапортъ о расположеніи Московскаго пѣхотнаго полка подписывалъ въ Симферополѣ гдѣ залечивалъ себѣ рану въ лѣвой рукѣ,

а Яковлевъ составлялъ это донесеніе, которое не согласовалось съ дѣйствительнымъ расположеніемъ нашего полка въ упоминаемое сраженіе.

Тотъ офицеръ не заслуживаетъ названія воина, который тотчасъ послѣ сраженія позабылъ, что онъ присутствовалъ не съ цѣлымъ полкомъ, а только при двухъ его ротахъ, какъ это случилось съ генераломъ Куртьяновымъ.

Нельзя не сказать также, что свѣдѣнія о расположеніи полковъ въ Альминскомъ сраженіи потребованы главнымъ штабомъ арміи и флота недѣлю спустя послѣ сраженія, а въ это время начальникъ 17-й пѣхотной дивизіи, генералъ Кирьяковъ, считался нашимъ начальникомъ только номинально. Главнокомандующій, мало сказать, что не имѣлъ къ нему расположенія, но питалъ къ нему самое глубокое неудовольствіе за его колкій языкъ, за крутой и непреклонный характеръ, никого и ничего нещадившій; прямота его характера была безъ границъ, онъ не стѣсняясь возражалъ противъ несообразныхъ дѣйствій высокопоставленныхъ лицъ.

За все это Кирьяковъ вмѣстѣ съ своимъ штабомъ былъ удаленъ на рѣчку Бельбекъ, при чемъ ему было передано приказаніе не отлучаться отсюда въ Севастополь, до котораго было верстъ семь всего.

Съ этого же времени въ нашей дивизіи произошла полная анархія. Командиры полковъ распоряжались полками, составлявшими гарнизонъ Севастополя, живя сами въ Симферополѣ. Одинъ изъ

этихъ командировъ по крайней мѣрѣ былъ раненъ, а другой, именно генераль Волковъ, командиръ Тарутинскаго полка даже и раненъ не былъ. Пока разрозненные части Московскаго полка сопротивлялись врагамъ слабымъ числомъ своихъ стрѣлковъ, генераль Волковъ и не подумалъ его подкрѣпить своими штуцерными.

Если отъ подобной попытки его удерживало присутствіе не вдалькѣ самого главнокомандующаго и безмолвнаго на этотъ разъ начальника 17-й пѣхотной дивизіи, котораго авторитетъ въ дѣлѣ военнаго искусства былъ на этотъ разъ, къ сожалѣнію, оставленъ безъ вниманія, то, повернувъ свой полкъ назадъ передъ приблизившимися къ нему ядрами, что онъ сдѣлалъ въ нашихъ глазахъ по собственному внушенію, онъ прежде долженъ бы былъ выставить на этой линіи, которую покидалъ, цѣпь штуцерныхъ, и пропустить сквозь нее отступившій Московскій полкъ, чего однако онъ и не подумалъ сдѣлать. Тарутинскій полкъ, выйдя изъ жестокаго сраженія, такъ и не закоптилъ своихъ ружей, какъ будто въ нихъ и надобности не было.

Отличившись такимъ славнымъ подвигомъ, командиръ этого полка воспользовался на Альмѣ смертью генерала Гогинова, бригаднаго своего командира и потерю власти надъ подчиненными начальникомъ 17-й пѣхотной дивизіи, онъ удалился, какъ мы сказали выше, въ городъ Симферополь, гдѣ, не смотря на явную трусость, оставался въ почетномъ достоинствѣ командира полка.

Спустя года два или три послѣ войны, какъ только въ нашемъ отечествѣ сдѣлалось извѣстнымъ, что французскіе генералы, именно: принцъ Наполеонъ и Канроберъ по ошибкѣ сочли встрѣтившія ихъ за р. Альмой ротныя и полубаталіонныя колонны Московскаго пѣхотнаго полка за „храбрый Тарутинскій полкъ“, то какъ я слышалъ, этотъ самый командиръ не замедлилъ подтвердить и присвоить себѣ и своему полку это лестное названіе „храбрый“: причемъ онъ нашелъ даже не лишнимъ представить и къ наградѣ ни чѣмъ не отличившихся, но близкихъ ему людей.

Кончивъ говорить о храбрыхъ, скажемъ теперь, что съ генераломъ Кирьяковымъ и вся дивизія вверенная его управленію подверглась сильнѣйшей опалѣ, такъ что ни начальникъ главнаго штаба Крымской арміи, ни самъ главнокомандующій, ни даже корпусный командиръ не обращали на насъ вниманія. И такъ какъ начальникъ дивизіи не могъ быть смѣненъ властью начальника всѣхъ морскихъ и сухопутныхъ силъ въ Крыму, а въ Петербургѣ медлили перевести его въ Кіевъ, командовать тамъ резервами, то невниманіе особенно къ Московскому пѣхотному полку стало переходить въ явное презрѣніе.

Чтобъ доказать какъ мало цѣнились и поощрялись наши заслуги, припомнимъ нѣкоторыя слова главнокомандующаго адмирала. Когда ему доносили о какомънибудь успѣхѣ съ нашей стороны, то онъ съ видомъ полнѣйшаго равнодушія говорилъ:—этимъ они выполняютъ только обязанность свою.

Не знаю какъ другія части 17-й пѣхотной дивизіи, но Московскій полкъ, могу сказать, рѣшительно не зналъ какъ отправлять необходимыя бумаги къ главнокомандующему. Исправляющій тогда должность полковаго командира подполковникъ Соловьевъ (нынѣ генераль-маіоръ въ отставкѣ) рѣшилъ, по этому случаю, совсѣмъ не отправлять бумагъ и о присутствіи въ Севастополѣ Московскаго пѣхотнаго полка не напоминать подлежащимъ властямъ.

Противъ такой логики полковые баталіонеры не возражали. Это видно изъ того, что отличившіеся 7-го октября нижніе чины и двое волонтеровъ съ ихъ офицеромъ не были представлены высшему начальству, какъ люди выдавшіеся. Я же не зналъ тогда причинъ, побудившихъ командующаго баталіономъ не исполнить своихъ обязанностей. Бездѣйствіе Попялковскаго принявъ за невниманіе, я, по переводѣ меня въ 3-й баталіонъ, самъ доложилъ рапортомъ командиру полка о военномъ успѣхѣ, что было дня три спустя, какъ удивленные моряки прокричали намъ ура. Но мнѣніе о насъ людей совершившихъ величественный подвигъ храбрости при Синопѣ, вамъ немного помогло.

Полковая канцелярія, расписавшись въ разносной книжкѣ завѣдываемой мною роты, не нашла нужнымъ, какъ я узналъ послѣ, отмѣтить мой рапортъ въ журналъ и сохранить его вмѣстѣ съ другими документами. Можетъ быть съ моей стороны была сдѣлана та ошибка, что я писалъ не черезъ баталіоннаго командира. Но эта ошибка не важная; въ воен-

ное время, по разнымъ причинамъ, случается нерѣдко такъ поступать.

На другой день, т. е., 12-го октября баталіонеры собрались на площади за морскими казармами, куда многія части полка изъ передовой линіи были переведены на отдыхъ. Бывшій мой баталіонный командиръ майоръ Попялковскій, въ присутствіи моемъ и многихъ моихъ товарищей, засвидѣтельствовалъ командующему полкомъ справедливость моего донесенія и объявилъ, что отъ себя онъ не сдѣлалъ доклада только потому, что огонь непріятеля уничтожилъ всѣ принадлежности его канцеляріи. Подполковникъ Соловьевъ, при графѣ фонъ Зео, Гралѣ и Попялковскомъ, командовавшихъ баталіонами, держа мой рапортъ въ рукахъ, обратился ко мнѣ съ слѣдующими памятными мнѣ словами:

— Уважая вашу службу Государю и отечеству, въ настоящее время я никакъ не могу сдѣлать представленія о васъ и объ остальныхъ охотникахъ. Вамъ должно быть извѣстно, что настоящій нашъ начальникъ генераль-лейтенантъ Кирьяковъ, хотя и считается въ званіи начальника нашей дивизіи, но очень не надолго. Онъ лишенъ власти надъ нами. Неудовольствіе главнокомандующаго къ генералу Кирьякову такъ велико, что каждую бумагу за его подписью свѣтлѣйшій князь приказалъ возвращать генералу безъ доклада. Бригадный же командиръ, не считая начальника дивизіи отсутствующимъ, не беретъ на себя право входить съ представленіемъ помимо его, даже въ болѣе важныхъ дѣлахъ. Такое

положеніе для насъ ужасно тяжело. Черезъ это, продолжалъ командующій полкомъ, мы испытали много горя; въ особенности когда въ полкъ немедленно понадобилось нѣсколько тысячъ аршинъ холста, по случаю потери въ Альминскомъ сраженіи, какъ вы сами знаете, почти всѣхъ срочныхъ военныхъ вещей и всего солдатскаго имущества. Объ этомъ мы подали по дистанціи; дистанція перенесла выше, а изъ главнаго штаба начальнику дивизіи всю переписку возвратили. Онъ отправляетъ вторично, ему вторично обращаютъ. Дѣло нетерпящее отлагательства лежало такимъ образомъ, а бѣдные солдаты, не имѣя возможности отлучиться, ни изъ траншеи, ни отъ работъ, должны были оставаться безъ перемѣны платья.

— Не смотря на то, продолжалъ подполковникъ бригадный командиръ нашъ, генераль Гриббе, не принялъ ответственности по такому важному дѣлу и не рѣшился писать отъ себя въ главный штабъ. Полкъ, оставшись въ такомъ безвыходномъ положеніи, увѣдомилъ генераль-интенданта о своихъ крайнихъ нуждахъ и при томъ совершенно на удачу, такъ какъ это сдѣлано было не въ порядкѣ вещей.

Вотъ почему ни о васъ, ни о комъ и ни о чемъ нельзя писать по начальству“.

Съ изумленіемъ слушая, что такое лицо, какъ нашъ главнокомандующій, ставитъ ни во что немедленное удовлетвореніе солдатъ въ самомъ необходимомъ и свои счеты съ Кирьяковымъ вымѣщаетъ больше на своихъ, нежели на его, подчиненныхъ,

потому что каждый военный, находившійся въ Крыму, зависѣлъ вполнѣ отъ воли князя Меншикова, повторяю: меня крайне удивило странное поведение князя Меншикова, да и не меня одного оно удивило!

Выслушавъ своего полковаго командира, я про себя сказалъ: нельзя не пожалѣть, что ни соотечественниковъ, ни даже начальствующихъ лицъ нельзя увѣдомлять о нашихъ успѣхахъ только потому, что домашнія наши дѣла въ безпорядкѣ; и еще больше сожалѣю о томъ, что первые не могутъ, а вторые не хотятъ знать какимъ способомъ мы достигаемъ этихъ успѣховъ.

Одинъ изъ упомянутыхъ баталіонныхъ командировъ къ словамъ полковаго командира прибавилъ: „какая польза, если бы вамъ пожаловали даже Георгіевскій крестъ. Жизнь каждаго изъ насъ виситъ здѣсь на волоскѣ, а умирать право все равно, что съ крестомъ, что безъ креста“.

Съ послѣдними словами я не согласился и доказывалъ, что мнѣніе такое болѣе чѣмъ несправедливо;—не всѣ же будутъ и убиты, а въ числѣ послѣднихъ можетъ быть будемъ и мы. При томъ же, прибавилъ я, я хлопочу не о себѣ, а о вѣранныхъ мнѣ солдатахъ, что доказываетъ мой рапортъ; рядовыхъ, вышедшихъ по охотѣ, по моему убѣжденію необходимо чѣмъ нибудь поощрить за усердіе и храбрость.

Такимъ образомъ изъ всего сказаннаго выходило: если-бъ не была выражена воля Государя

ИМПЕРАТОРА, чтобъ каждый выдержавшій бомбардировку пятаго октября получилъ Всемилостивѣйшую награду, то весь полкъ нашъ вышелъ бы безъ отличій изъ Севастополя, гдѣ первоначально помогаль возводить брустверь на Малаховомъ курганѣ, названномъ послѣ того Корниловскимъ бастіономъ; и во все время пребыванія въ знаменитомъ городѣ собственными руками приготовилъ извѣстный „Реданъ“, остановившій на себѣ всѣ усилія отборныхъ англійскихъ войскъ.

При такихъ, какъ мы сказали, непріятныхъ для насъ обстоятельствахъ, еще болѣе становится удивительнымъ: какъ это во все время войны при дѣлахъ полковой канцеляріи не велось ни малѣйшихъ записокъ, — чему доказательствомъ служитъ вышеупомянутый документъ, такъ перепутавшій важныя событія восьмаго сентября, что никто не могъ толку добыться, читая „Описаніе сраженія на берегахъ Альмы“.

Здѣсь еще не оканчиваются мои воспоминанія. Выше я сказалъ, что при чтеніи статьи „Военнаго сборника“, я замѣтилъ нѣкоторыя неточности относительно изложенія событій. Попробую же указать на нихъ.

Отдавая полную справедливость стратегическимъ воззрѣніямъ автора описанія сраженія на рѣчкѣ Альмѣ, я намѣренъ разсказать объ этомъ дѣлѣ какъ очевидецъ и въ тоже время какъ дѣйствующее лицо.

На всѣхъ картахъ, какія издавались о сраженіи при аулѣ Бурлюкъ, не исключая плановъ, изданныхъ подъ руководствомъ генераль-адъютанта Тот-

лебена, не обозначено на лѣвомъ флангѣ конусообразнаго холма, послужившаго естественной защитой двумъ ротамъ Московскаго пѣхотнаго полка отъ снарядовъ, бросаемыхъ съ непріятельскихъ пароходовъ.

И такъ, 8-го сентября, находясь подлѣ того конусообразнаго холма, 10-я и 4-я гренадерскія роты съ двѣнадцатаго и до третьяго часа по полудни изображали исходящій уголь лѣваго фланга, что приходилось, можетъ быть, шагахъ въ двухъ стахъ отъ крутого яра, поднявшагося отъ рѣчки, и не далѣе 600—700 шаговъ отъ аула Алма-Тамакъ.

Яръ этотъ не показывалъ отлогостей своихъ упоминаемымъ ротамъ, потому что крутизна его лицевой стороны обращена къ рѣчкамъ Альмѣ и Булганаку, откуда въ описываемый день приближались враги.

На короткихъ выступахъ этой крутизны помѣстились два малочисленные баталіона резервнаго Брестскаго полка, ни малѣйшей чертой не соединенные съ двумя показанными ротами. Московцевъ, и, во время сраженія, совершенно другъ другу невѣдомые.

Брестцы находились въ глазахъ у одного графа фонъ-Зео командира 2-го баталіона Московскаго полка, по указанію главнокомандующаго, занявшаго самую видную террасу надъ рѣчкой, въ пустомъ промежуткѣ, остававшемся между Брестскимъ и Бѣлостокскимъ полками. Послѣдній, какъ говорятъ очевидцы, въ составѣ двухъ резервныхъ

баталіоновъ стоялъ въ наиболѣе выдавшемся мѣстѣ всей позиціи русскихъ войскъ, именно: передъ Бурлюкскими садами и ауломъ, виднѣвшимся за ними.

Графъ фонъ-Зео на столько выдвинулся впередъ своимъ правымъ флангомъ, что лейбъ-Бородинскій полкъ, стоявшій въ центрѣ общей позиціи, казался ему сзади.

Въ промежуточную лоцину, между Бѣлостокскими резервами и баталіономъ графа фонъ-Зео, вошелъ полковникъ Граль съ 1-мъ баталіономъ того же полка.

Оба они заняли мѣста раньше чѣмъ поданъ былъ сигналъ стрѣлять, и стало быть гораздо раньше, нежели устроена была добавочная линія лѣваго фланга противъ французской дивизіи Боске, изъ полковъ, какъ сказано въ описаніяхъ, Минскаго и Московскаго и противъ котораго былъ двинутъ на самомъ дѣлѣ только одинъ 4-й баталіонъ Московскаго полка подъ командой маіора Гусева,—и былъ выдвинутъ послѣдній баталіонъ только тогда, когда Боске пушечнымъ ударомъ самъ увѣдомилъ какъ своихъ, такъ и нашихъ дѣятелей о совершенной имъ переправѣ черезъ мнимо-непроходимыя болота, какъ мѣсто то значилось у насъ.

Но лучше начать послѣдовательно, съ седьмаго числа, когда мы составили собой по счету 39-й баталіонъ арміи князя Меншикова, къ вечеру того же дня подошелъ 3-й баталіонъ нашего полка. а на утро, т. е. восьмого числа къ девятому часу, втянулись на позицію 1-й и 2-й баталіоны, прибѣжавшіе

изъ подъ Керчи подъ командой генерала Куртьянова и Гриббе.

Стало быть не наканунѣ, а къ девятому только часу восьмого числа, подъ главной командой князя Меншикова, собралось пѣхоты 42 баталіона.

Съ послѣдними двумя князь Меншиковъ такъ же рѣшительно поступилъ, какъ поступаетъ на морѣ адмиралъ съ своими кораблями. Видя ихъ летящими, такъ сказать, на всѣхъ парусахъ, онъ, не удерживая, приказалъ ихъ поставить въ первую боевую линію, бывшую свободной передъ фронтомъ Тарутинскаго полка, нѣсколько дней уже прибывшаго на позицію.

Переходъ въ боевую линію только что пришедшихъ частей происходилъ такимъ образомъ:

Въ половинѣ десятаго приказано собраться штуцернымъ 1-го и 2-го баталіоновъ Московскаго полка и, въ соединеніи съ штуцерными 3-го баталіона, отданными въ завѣдываніе поручика Култашева,—направлены на мостъ, а оттуда, черезъ Вурлюкъ, въ алма-тамакскіе виноградники.

За ними слѣдомъ шель 3-й баталіонъ того же полка, подъ командой подполковника Соловьева. Миновавъ аулъ и часть открытаго пространства до поворота рѣчки въ юго-восточномъ направленіи, въ молодомъ разсадникѣ, Соловьевъ расположилъ свой баталіонъ цѣпью, занявъ часть и алма-тамакскихъ садовъ.

Въ этой цѣпи въ половинѣ или $\frac{3}{4}$ 11-го часа, подали сигналъ открыть пальбу по неподвижно

стоявшимъ колоннамъ непріятеля; потомъ другой сигналъ—перестать стрѣлять. Оказалось, что кругля пули наши не доносились до непріятелей и вмѣсто вреда причинили имъ громкую веселость.

Сейчасъ же послѣ этого головы колоннъ ихъ разошлись вѣромъ, стали попарно и огнемъ своимъ произвели дѣйствіе, должно быть болѣе удачное, потому что 3-й баталіонъ весь зашевелился и потомъ сталъ менѣе видимъ.

Западнѣй аула Алма-Тамакъ русскихъ солдатъ не было, точно также не было ихъ, изъ опасенія предательства со стороны татаръ, и въ самомъ аулѣ. Такъ говорилъ мнѣ Култашевъ, когда при общемъ отступленіи онъ съ нами соединился.

Поручикъ Култашевъ сначала дѣйствовалъ на дивизію Боске до переправы и во время ея на лѣвый берегъ Алмы. Потомъ, когда эта дивизія ушла на югъ, Култашевъ перенесъ свои наблюденія на другую часть французскихъ войскъ, къ нему приближавшихся, именно, на дивизію Казробра. Не мало времени у него прошло и съ нею въ борьбѣ, а между тѣмъ съ самаго начала перестрѣлки у него ни одного человѣка не было въ потерѣ.

Онъ уступилъ свои виноградники только тогда, когда французы съ поднятыми прикладами и въ большемъ числѣ бѣгомъ бросились на его маленькій отрядъ.

За рѣчкой онъ былъ неостороженъ; собралъ людей своихъ вмѣстѣ и за это настигнуть былъ картечью, какъ онъ говорилъ, такъ что потерялъ сразу

тринадцать человекъ, отчего снова долженъ былъ разсыпаться впереди Брестскихъ двухъ баталіоновъ.

Обстрѣливая подступы передъ ними, Култашевъ задерживалъ, по возможности, въ тоже время и всѣ движенія принца Наполеона. Но успѣхъ его надъ двумя дивизіями не могъ быть продолжителенъ.

Къ Култашеву мы еще вернемся, а теперь вспомнимъ, что въ десятомъ часу, вскорѣ по уходѣ за мостъ 3-го, баталіона, въ ружье былъ поставленъ и 4-й баталіонъ того же полка, въ которомъ командовалъ я восьмымъ взводомъ. Передъ тѣмъ пришедшіе наши же 1-й и 2-й баталіоны отряхали дорожную пыль съ себя между Бородинскимъ полкомъ, и нашимъ 4-мъ баталіономъ; раскрывъ ранцы, они тутъ же занялись переодѣваньемъ. По старинному обычаю, это всѣ должны были сдѣлать, видя идущихъ на себя враговъ. По случаю же полного наступленія непріятельскихъ армій, солдатамъ запретили готовить пищу и утомленнымъ и голоднымъ оставалось одно: вынуть изъ колодокъ патроны и, откусивъ ихъ, зарядить ими ружья.

4-й баталіонъ стоялъ правѣе бѣлокаменной кладки, видимой издалека. Намъ замѣтно было какъ англичане держали свой правый флангъ на этотъ недостроенный маякъ.

Постоявъ потомъ недолго на плоскости, возвышавшейся надъ алминской долиной, и обозрѣвъ оттуда наши аулы, рѣку и мостъ черезъ нее, они всѣ взяли наискось къ аулу Бурлюкъ и къ мосту.

Двигаясь отъ рѣки Булганака еще въ ея дали огромнѣйшимъ квадратомъ, они часто были задерживаемы появленіемъ казачьихъ лавъ, мелькавшихъ въ разныхъ мѣстахъ ихъ лѣваго фланга. Середина ихъ великаго каре была наполнена верховыми въ цвѣтныхъ уборахъ, какъ представлялось нашимъ невооруженнымъ глазамъ. И думали мы, не скрываются ли въ этомъ каре, отъ жаднаго казачьяго глаза и длинныхъ копій донскихъ, баши-бузукі.

Французскія войска шли такъ, какъ показано на планѣ, если на немъ, въ представленный моментъ, означить точками густую цѣпь стрѣлковъ, отдѣленныхъ переднимъ эшелонномъ.

Съ половины десятаго же главнокомандующій князь Меншиковъ почти постоянно находился около лѣваго фланга нашего баталіона, такъ что къ намъ долетали слова, обращенныя имъ къ кому нибудь изъ приближенныхъ.

Тѣмъ временемъ къ командиру 4-го баталіона майору Гусеву подъѣхалъ капитанъ Титенковъ, старшій адъютантъ 17-й пѣхотной дивизіи.

Гусевъ спросилъ его:

— Что не видно начальника дивизіи?

— Онъ тамъ, показалъ тотъ впередъ, у маяка. Приказалъ подать коня. Удержится ли въ сѣдлѣ, не знаю.... Онъ налилъ при мнѣ такой пуншъ, что вышелъ голый ромъ. Такой крѣпкій чай съ досады пью, говорилъ онъ мнѣ.

Гусевъ пожалѣлъ своего хорошаго начальника, а Титенковъ продолжалъ:

— Переговариваетъ все слова стараго князя, нашего корпуснаго командира „туда палить и сюда стрѣляетъ“, а на повѣрку выйдетъ, говоритъ Кирьяковъ, что непріятели изъ этого же эполемента и нашими же орудіями пустятъ въ насъ картечью. Генераль не былъ доволенъ этимъ эполементомъ, о чемъ и говорилъ мнѣ чуть ли не въ сотый разъ. И я, чтобы прекратить всякій разговоръ въ ту минуту, когда все вниманіе должно было быть обращено на непріятеля, нарочно шпорами тронулъ своего коня и сказалъ: Василій Яковлевичъ, непріятельскія войска приближаются и главнокомандующій на конѣ васъ ожидаетъ.

Вскорѣ послѣ этого разговора показался, покачиваясь на прекрасномъ конѣ своемъ, и генераль Кирьяковъ. Свѣтлѣйшій адмираль, сохраняя свой обычный мрачный видъ, отворачивался передъ нимъ. Замѣтивъ это, Титенковъ обратился ко мнѣ съ такими словами: „Посмотрите, паны бранятся, а у хлопцевъ будутъ послѣ чупы болѣть“.

Начальникъ нашъ повернулъ коня въ сторону и поѣхалъ къ Тарутинскому полку, который четырьмя массивными колоннами лежалъ въ это время у маяка съ лѣвой стороны.

Главнокомандующій въ тоже время приказалъ одному казаку слѣдовать за собой и отправился въ третій разъ на возвышенность, куда повелъ самъ двѣ роты изъ нашего баталіона.

— Вотъ въ этомъ направленіи, показалъ онъ правѣ недостроеннаго маяка.

На такое приказаніе Кирьяковъ отвѣчалъ князю Меншикову:

— Послѣ трехъ дневнаго форсированнаго марша, баталіоны эти въ полтора часа не могли отдохнуть, пусть-бы полежали; можно ихъ замѣнить другимъ полкомъ.

— Для нихъ это ничего не значить, перебилъ главнокомандующій, поглядывая на нашего полковаго командира, необыкновенно краснаго и толстаго. Брань котораго, въ ухахъ великаго адмирала, вѣроятно, еще звенѣла, такъ какъ онъ не могъ ее не слышать, находясь вблизи.

Начальникъ дивизіи выслушавъ, что для баталіоновъ усталость, вельдствіе трехдневнаго форсированнаго марша, ничего не значить, съ большимъ неудовольствіемъ поставилъ въ ружье измученные баталіоны, объявивъ солдатамъ, что дѣлаеть это по приказанію самого главнокомандующаго.

Велѣдъ за нимъ и главнокомандующій приблизился на казачьей лошади верхомъ. Каждому изъ баталіонныхъ командировъ онъ объяснилъ, гдѣ и какъ стать. Подполковнику Гралю назначилъ опуститься къ рѣчкѣ по лощинѣ, которой вершина была намъ ясно видна, и, въ ея наиболѣе расширенномъ мѣстѣ, стать „колонною къ атакѣ“, предупредивъ что правѣй его будутъ находиться два резервные баталіона Вѣлостокскаго полка.

Графу фонъ-Зео онъ указалъ лѣвѣе. Графъ, съ своимъ баталіономъ, долженъ былъ сойти на широкую террасу и размѣститься по ней ротными

колоннами такъ, чтобъ непременно имѣть въ глазахъ каменную стѣнку и не дать непріятелю за нею укрыться, а въ случаѣ надобности, выбить его оттуда штыками. Эта стѣнка находилась по сю сторону рѣчки и ограждала собой небольшою садъ съ высокорослыми деревьями.

Какъ только эти боевыя части заняли назначенныя мѣста, въ разсыпанномъ, впереди тѣхъ мѣсть, баталіонъ № 3-го, подали сигналъ стрѣлять; но, какъ оказалось, слишкомъ рановременно. Произошло это около $\frac{3}{4}$ 11-го часа.

Послѣ такой комической пальбы противники разсыпали парную цѣпь съ своей стороны передъ 3-мъ баталіономъ, потомъ сгустили ее второй цѣпью, подаваясь по немногу впередъ.

— Спустя часъ послѣ того, говорилъ маіоръ Зоркинъ, бывший командиръ 2-й гренадерской роты, „изъ-за сѣвернаго плеча рѣчки Альмы, войско въ красныхъ мундирахъ, значительной массой и бѣгомъ, бросилось на крайнюю роту поручика Олова. Оловъ, замѣтивъ во время ихъ намѣреніе, отодвинулъ своихъ людей влѣво и назадъ и пустилъ бѣглый огонь по отважнымъ англичанамъ. За то и самъ онъ попалъ подъ такой-же огонь со стороны французовъ, шедшихъ къ той-же рѣкѣ. По этому онъ приказалъ своей ротѣ броситься въ воду, въ надеждѣ перебраться на противоположный берегъ Альмы, прежде чѣмъ враги успѣютъ сблизиться съ нимъ. Но крутые берега задержали какъ его, такъ и весь 3-й баталіонъ, послѣдовавшій его примѣру,

отчего враги мѣстами смѣшались съ нашими солдатами.

Роты Соловьева, выйдя изъ рѣчки, ушли за 2-й баталіонъ, чтобы осмотрѣть свои патроны. Приведя себя въ порядокъ, они стали правѣе графа фонъ-Зео и прикрылись кустарникомъ, единственнымъ на всей позиціи.

Въ ближайшемъ разстояніи отъ неприятелей остались теперь 1-й и 2-й баталіоны Московцевъ, а также два баталіона Брестцевъ, каторые стояли лѣвѣе и вскорѣ начали отходить вдоль береговыхъ неровностей ко 2-му баталіону нашего полка въ лѣжавшія за нимъ низины.

По уходѣ третьяго баталіона съ открытыхъ мѣстъ праваго берега рѣчки, штуцерные Култашева оставались въ алма-тамакскихъ виноградникахъ еще довольно времени. Изъ нихъ нѣкоторые, видя наступленіе французской пѣпи на разсыпанный баталіонъ Соловьева, ловко воспользовались ихъ приближеніемъ къ рѣчкѣ; имъ пустили они съ фланга довольно удачныхъ пуль, такъ что вся наступившая ихъ линія сразу отошла къ прежнему своему мѣсту. Только быстрое движеніе, какъ мы сказали выше, на малочисленный отрядъ нашихъ стрѣлковъ, густой французской пѣпи съ поднятыми прикладами, вынудили ихъ уступить эти удобныя мѣста въ пользу противниковъ.

Теперь резервнымъ баталіонамъ Брестскаго пѣхотнаго полка нечего было дѣлать на занятыхъ ими уступахъ, у нихъ были старыя кремневыя ружья, изъ которыхъ они не могли стрѣлять далѣе 250 шаговъ. Брестцы и безъ того потеряли много людей,

а непріятелю не сдѣлали ни малѣйшаго вреда. При томъ, не зная вовсе о присутствіи нашихъ двухъ ротъ почти надъ ихъ головами, они благоразумно удалялись теперь въ юго-восточномъ направленіи.

Три баталіона Московскаго пѣхотнаго полка, не имѣя искусственныхъ прикрытій для себя, были не въ лучшемъ положеніи, изъ коего Брестцы уходили, провозжаемые сильнѣйшимъ огнемъ съ моря и съ суши.

Чтобы убѣдиться въ томъ, что 1-й и 2-й баталіоны Московскаго полка находились дѣйствительно въ худшемъ положеніи, нежели какая нибудь другая часть арміи князя Меншикова, надо приостановиться разсказомъ о текущихъ событіяхъ и вернуться къ самому началу высадки въ Крымъ антисоюзной намъ силы.

Замѣтимъ при этомъ, что для начальника морскихъ и сухопутныхъ силъ, расположенныхъ въ Крыму, совершенная непріятелями высадка въ Эвпаторіи на столько была неожиданна, что извѣстіе о ней въ восточную часть полуострова послѣдовало изъ его штаба, только что сформированнаго, не ранѣе какъ въ ночь на третье сентября. Въ Арабатъ за 160 верстъ, курьеръ прискакалъ въ три часа по полудни уже 4-го числа, тогда какъ высадка началась съ утра 2-го сентября, а появленіе у Эвпаторіи всѣхъ непріятельскихъ флотовъ замѣчено было еще 30-го августа, — о чемъ и сообщено князю Меншикову въ тотъ-же вечеръ во время присутствія его въ лейбъ-Бородинскомъ полку, на балѣ, данномъ въ день тезоименитства высокаго шефа этого полка. Тотъ-же

посланный съ тѣмъ-же извѣстіемъ часовъ около восьми вечера прибылъ за 40 верстъ отъ Керчи въ селеніе Аргинъ, гдѣ находились 1-й и 2-й баталіоны Московскаго пѣхотнаго полка. Баталіоны эти выступили изъ Аргина на другой день послѣ обѣда, когда командиромъ полка были сдѣланы всѣ хозяйственныя распоряженія, бывшія важнѣйшей задержкой къ немедленному выступленію баталіоновъ.

И такъ, для присоединенія къ арміи князя Меншикова, баталіоны эти тронулись пятого сентября часа въ три или четыре по полудни и 220 верстъ, которыя имъ слѣдовало сдѣлать, проминовали къ восьмому числу, закончивъ трудный походъ этотъ утромъ, часамъ къ восьми.

Нечего говорить о томъ, какъ велика была усталость войска. Довольно сказать, что 4-му баталіону пришлось путь много короче, да и то на послѣднемъ ночлегѣ я почувствовалъ упадокъ силъ. Верховой конь мой шелъ подъ вьюкомъ и я наравнѣ съ нижними чинами долженъ былъ оцупывать дорогу, а другую половину пути ѣхать, стоя на ногахъ. Это такъ было: мѣстные жители, выполняя подводную повинность, выставили подводы, въ видѣ огромнѣйшихъ арбъ, запряженныхъ парами буйволовъ, верблюдовъ и воловъ. Помѣщаясь на громаднѣхъ колесахъ, издававшихъ при движеніи чрезвычайно рѣзкіе скрипучіе звуки, повозки эти имѣли бѣльшій объемъ вверхъ, нежели въ ширь, по этому и людей можно помѣщать въ нихъ не иначе какъ стоя. Полулежать въ этомъ экипажѣ можно было двоимъ, и то

въ такомъ случаѣ, еслибы не были туда помѣщены 12-ть солдатъ съ патронными сумами и ружьями.

Огъ такой ѣзды ноги и бока такъ разбивались, что на послѣднемъ привалѣ я какъ снопъ свалился, забывъ обо всемъ, исключая турокъ, французовъ и англичанъ. Жажда, жестокая жажда перебросила меня въ садъ и я глоталъ полузрѣлый виноградъ, почти съ землей, пока не утолился. Это было 6-го сентября. Наступившая ночь, за тѣмъ, была тиха и благоуханна; нигдѣ звука не было слышно, ни надъ рѣкой, ни дальше гдѣ за рѣкой, и съ опустившейся на землю тишиной не совпадало только зарево въ разныхъ мѣстахъ, освѣщавшее небесный кругозоръ и свидѣтельствовавшее, что казаки наши хорошо помнятъ преданіе старины глубокой, и не оставляютъ для незванныхъ непріятелей ничего, кромѣ безобразныхъ грудъ и пепла.

Въ ту же ночь и въ томъ-же синемъ небѣ мерцающія звѣзды неотступно кого-то манили въ предѣлы свои, ихъ значеніе мы понимали тогда и изъ юныхъ устъ вопросы къ нимъ полетѣли отъ насъ: кого они призываютъ, мигая намъ съ необъятныхъ высотъ. Мы всё были готовы тогда перебраться въ надзвѣздный міръ, но такъ, чтобъ имена наши гремѣли въ этой „юдоли плача“, въ прославленіе потомству, а братьямъ на доброе слово. Черезъ день и еще одну ночь эта загадка стала яснѣе.

Утромъ седьмого числа, мнѣ не хотѣлось подняться съ косматой бурки, на которой я спалъ, я чувствовалъ сильное изнеможеніе. Между тѣмъ съ

зарю раздались команды: „подниматься“, „ружья вольно!“ а слово „маршъ!“ и меня поставило на ноги. Не могъ-же я отставать. Оттого-то послѣднія версты пришли мнѣ неимовѣрно какъ тяжело. Подводъ доставили мало и какъ ни скверно на нихъ было ѣхать, все-же лучше чѣмъ идти. А солнце, не пропуская ни дуновинки изъ влажной стихіи, казалось варило меня, заставляя глотать и пыль придорожную, и солнечное свое пламя, особенно въ тѣсной и длинной улицѣ аула Тарханлара.

Напослѣдокъ подошли и къ бурлюкскому мосту. а за нимъ во впадинѣ высотъ курился синій дымокъ. Въ этой глубокой низинѣ стояли баталіоны разныхъ полковъ, а изъ нихъ по нѣскольку человѣкъ имъ готовили пищу.

Тутъ-же передъ мостомъ, не широкой рѣчки Альмы, въ одномъ изъ самыхъ неудобныхъ мѣстъ большая и свѣжая насыпь обозначала люнетъ или эполементъ съ горжи или тыла запертой высокой крутизной.

Сказать по истинѣ, эта батарея насъ изумила. Не дѣлая противъ непріятеля наступательныхъ движеній, князь Меншиковъ на устройствѣ этой батареи показалъ свой гордый характеръ, недоступный по виду, за то легко сокрушимый. Далѣе видны были пни только что срубленныхъ деревьевъ; они не скрывали ни одного изъ солдатъ его арміи, что также не могло насъ не удивить, потому что сдѣлано было это нарочно и ослабило русскую позицію очень замѣтно.

Не доходя версты четыре до аула Тарханлара, кончается нижняя часть альминской долины и вверхъ

по быстрой рѣчкѣ начинается плоскость, болѣе возвышенная, по которой и идетъ дорога отъ внутреннихъ крымскихъ городовъ, представителями какихъ служатъ Симферополь и Бахчисарай.

Когда шедшіе изъ Аргина баталіоны дошли до этой низины утромъ восьмого числа, то съ возвышенной плоскости имъ представилась картина полного движенія непріятельскихъ армій. Разѣзды ихъ казалось были не далѣе двухъ верстъ отъ дороги, по которой слѣдовало нашимъ идти. По этому каждая минута была дорога.

Полковой командиръ Московскаго пѣхотнаго полка, генераль Куртьяновъ распорядился было образовать цѣпь изъ какой-то роты, но оказалось, у нея не было заряженныхъ ружей. Самъ генераль Куртьяновъ, на послѣднемъ привалѣ раскричался на штабсъ-капитана Зоркина за то, что тотъ своимъ гренадерамъ велѣлъ расколотить колодки, лежавшія въ сумахъ и вынуть изъ нихъ патроны, чтобъ ихъ послѣ не трудно было доставать. Но Куртьяновъ кричалъ ему:

— Я васъ подь судъ отдамъ! я приказывалъ строить колодки, а вы ихъ велите разбрасывать.

Не смотря на запрещеніе расколачивать колодки, въ ротѣ штабсъ-капитана Зоркина всѣ ружья были заряжены и только въ одной его ротѣ. Зарядить на ходу никто не умѣлъ, тѣмъ болѣе, что это надо было поспѣшно сдѣлать. По этому по необходимости пришлось отправить въ боковую цѣпь его гренадеръ.

Только что цѣпь эта двинулась параллельно до-

рогъ, какъ сквозь нее проскочилъ какой-то человекъ въ одеждѣ татарина: Зоркинъ спросилъ его:

— Гдѣ ближе пройти къ войскамъ князя Меншикова?

— Отправляйтесь за мной, я проведу самой ближайшей дорогой, отвѣчалъ неизвѣстный, предлагая себя для услугъ.

Какъ ни кажется страннымъ такой вопросъ господина Зоркина, однако онъ могъ быть обращенъ къ каждому изъ мѣстныхъ жителей; тѣмъ болѣе, что баталіонамъ этимъ никто не встрѣчался, а непріятельскія арміи, двинутыя правымъ плечомъ впередъ, растянулись версты на четыре. Остановленные въ такомъ видѣ, непріатели были въ глазахъ у запоздавшихъ частей, по этому они и подумали: вѣроятно наши полки стоятъ лицомъ къ морю и ожидаютъ на себя нападенія. Слѣдуя съ кѣмъ-то изъ товарищей за этимъ случайнымъ проводникомъ, Зоркинъ замѣтилъ, что незнакомецъ сильно гонить свою лошадь, направляясь на непріятельскій конный взводъ. Мало думая, офицеръ пустилъ коня своего маршъ-маршъ за нимъ и влѣпилъ въ него нѣсколько нагаекъ для того, чтобъ онъ хорошенько запомнилъ этотъ случай.

Командиръ идущихъ частей выѣхалъ теперь впередъ. Видя въ полномъ боевомъ порядкѣ и вблизи себя всѣ непріязненныя силы, онъ покатылъ рысью по дорогѣ до Тарханлара.

Солдаты встревожились этимъ: гзяли ружья на перевѣсъ и не хотѣли отстать отъ экипажа своего

начальника. Бѣглымъ шагомъ промахнули они разстояніе, отдѣлявшее ихъ отъ аула Тарханлара и удержали бѣгъ свой тогда, когда Демертъ, веселый и лихой адъютантъ 3-го баталіона, указалъ имъ бродъ въ рѣкѣ и тропу, приведшія ихъ на правый флангъ арміи Крима.

Два лихихъ эскадрона непріятельской кавалеріи моглибы произвести чудеса въ усталыхъ баталіонахъ, похитивъ отъ нихъ добычу двухъ знаменъ и плѣнными двухъ генераловъ. Однако судьба избавила моихъ товарищей отъ такого срама и приготовила имъ участь болѣе достойную.

Люди эти, дурно вооруженные, не умѣя владѣть при томъ и плохимъ своимъ оружіемъ, согласно его назначенію, приписали свое спасеніе особенному чуду. Переходя черезъ рѣчку бродомъ, они рады были освѣжиться ея горной водой. Торжествуя-же послѣдній переходъ съ незаряженнымъ оружіемъ въ виду многочисленнаго непріятеля, они прошли теперь мимо удивленныхъ полковъ съ бубнами, пѣснями и плясуномъ, и огласили хоромъ музыки другихъ и даже поступательно выдвинутый эполементъ князя Горчакова. Изъ-за этого эполемента и вышла, кажется, вся вражда къ начальнику 17-й пѣхотной дивизіи, и вотъ почему оба эти баталіона введены были въ первую боевую линію почти въ тотъ-же часъ какъ повились они на возвышенностяхъ.

И въ самомъ дѣлѣ, ихъ послали впередъ точно въ наказаніе, лишивъ предварительно важнѣйшей силы, состоявшей на оба баталіона, изъ 48 человекъ штуцерниковъ.

Къ тому же и боевой порядокъ, въ какомъ они были двинуты впередъ, тоже никуда не годился. Не смотря на то, „не смѣя перемѣнить строй, назначенный самимъ главнокомандующимъ,“ — какъ отвѣчала Градь ротнымъ командирамъ на ихъ желаніе—разомкнуться,—храбрый этотъ подполковникъ подвергъ черезъ то свой тысячный баталіонъ великой, но безплодной потерѣ: — съ фронта — отъ нарѣзныхъ ружей, съ фланга—отъ діагональнаго огня батарей принца Наполеона.

Отъ времени до времени громадная колонна его была переводима съ мѣста на мѣсто, но никто не скажетъ, чтобъ это передвиженіе приносило имъ пользу. У непріятеля были глаза для того, чтобы повѣрнѣ наводить свои жерла на новое мѣсто.

Отъ усталости люди готовы были упасть. Опасаясь, чтобъ изнеможеніе въ самомъ дѣлѣ не превозмогло ихъ бодрости, солдаты сбрасывали съ плечъ своихъ тяжелую ношу. И въ такомъ видѣ, т. е., безъ ранцевъ, облокотясь на бесполезныя для нихъ ружья, принимали смерть, какъ гренадеры Наполеона перваго—въ битвѣ при Ватерлоо.

Вызванные Гралемъ застрѣльщики лишены были возможности бороться съ противниками, имѣвшими на своей сторонѣ и лучшее оружіе, нежели мы, и большее знаніе какъ должно обращаться съ своимъ оружіемъ и, наконецъ, они удерживались на такомъ разстояніи отъ насъ, что пальба изъ гладкоствольныхъ нашихъ ружей, заряжавшихся круглыми пулями, по

вреду, которой мы причиняли врагамъ, — похожа была на щелканье орѣховъ.

Застрѣльщики цѣпи 1-го и 2-го баталіоновъ, понявъ великое искусство врага и не желая болѣе смѣшить его своими выстрѣлами, пошли впередъ, съ намѣреніемъ достигнуть такого разстоянія, съ какого огонь ихъ ружей былъ бы дѣйствителенъ. Но это немногимъ удалось: врагъ перебралъ цѣпь нашу такъ, что въ парѣ оставалось или по одному, или совсѣмъ не оставалось людей.

Застрѣльщики 3-го баталіона, по отступленіи черезъ Альму, поставлены были въ связь съ цѣпями 1-го и 2-го баталіоновъ. По временамъ они пропускали съ склоненными штыками ротныя колонны графа фонъ-Зео и, влекомыя ими, двигались то впередъ, то назадъ.

Графъ носился на каменную стѣнку во исполненіе воли главнокомандующаго, и въ началѣ дѣйствительно имѣлъ успѣхъ, но все же ему не пришлось пропустить свое лезвіе во вражью грудь. Враги не выносили блеска нашихъ штыковъ, и потому при приближеніи 2-го и 3-го баталіоновъ заблаговременно удалялись. За то разрывными пулями союзники старались пронизывать могучія части нашихъ баталіоновъ, наводившія на нихъ ужасъ, даже при томъ плохомъ вооруженіи, какое мы имѣли тогда.

При первомъ движеніи графа фонъ-Зео, французы совершенно очистили садъ за каменной стѣнкой, за то заняли они его немедленно послѣ того, какъ 2-й баталіонъ возвратился на свою террасу.

На этотъ разъ они на столько были многочисленны и на столько были увѣрены, что ни графу фонъ-Зео, ни самому князю Меншикову этотъ садъ не былъ нуженъ, что расположились въ немъ теперь сколько возможно удобнѣй для себя.

Послѣ этого напрасно ходили наши баталіоны на занятую непріятелемъ мѣстность, потому что враги крѣпко засѣли тамъ. Къ тому же ихъ поддерживала отличная артиллерія и огонь всей дивизіи принца Наполеона. И такъ какъ стѣнку эту съ самаго начала наши не обратили въ свою пользу, въ чемъ, полагаемъ, не виноватъ никто изъ баталіонныхъ командировъ, то напрасно они и водили на этотъ пунктъ свои слабѣвшіе баталіоны, потому что должны же были убѣдиться, что это ведетъ только къ напрасной убыли въ людяхъ.

Артиллерія принца Наполеона загремѣла часовъ съ 12-ти, т. е., черезъ полчаса послѣ того, какъ надъ 4-мъ баталіономъ пронесся ураганъ снарядовъ съ морскихъ пароходовъ и векорѣ послѣ того какъ такой же ураганъ съ другихъ пароходовъ началъ упускаться во 2-й и 3-й баталіоны нашего полка. Нисколько не минуя конечно и Брестцевъ.

Орудійный и штурперный огонь, усиливаясь постепенно отъ скопившейся у Альма-Тамакъ дивизіи Канробера, перебиралъ Брестцевъ и безъ того слабыхъ числомъ, а также 2-й баталіонъ нашего полка, такъ что приблизительно часа черезъ два, послѣ перваго пушечнаго удара, они рѣшительно убралась на высоты.

Затѣмъ осталась малая горсть штуцерниковъ Култашева и больше никого, кто могъ бы удерживать вдали наступавшихъ противниковъ. Они медленно, но постепенно подавались впередъ.

Должно быть не кому было надоумить, чтобъ Тарутинскій полкъ хотя въ эту минуту выставилъ своихъ штуцерныхъ на то мѣсто, гдѣ бы слѣдовало быть какой-нибудь батареей. Одного развернутаго баталіона изъ второй линіи было бы достаточно расположить лѣвѣе штуцерныхъ надъ крутостью. Тогда кровь потекла бы струями изъ враждебной для насъ силы и уму нашего главнокомандующаго дала бы возможность сообразить, какъ поступить съ правофланговой французской дивизіей, обезсиленной болѣе чѣмъ двухъ часовой пальбой.

Передъ Боске стояли въ готовности идти въ атаку двѣ роты Московскаго полка съ ихъ генераломъ, и въ числѣ всѣхъ четырехъ баталіоновъ Минскій пѣхотный полкъ. Кромѣ того, восемь эскадроновъ гусаръ, со множествомъ артиллеріи конной и пѣшей. Къ нимъ могли быть присоединены по надобности нѣсколько сотенъ казаковъ, не считая еще полка гусаръ, которые, нагрянувъ одновременно и съ разныхъ сторонъ, могли бы сдѣлать что нибудь побольше того. нежели при чемъ мы остались тогда, — конечно, еслибъ въ Крыму командовалъ войсками дѣйствительно человекъ, понимающій морское искусство и притомъ вполне бы сознававшій, что пароходы, гулявшіе въ морѣ, никакъ не могли помѣ-

шать уничтоженію если не всей дивизіи Боске, то, по крайней мѣрѣ, ея значительной части.

А такъ какъ Тарутинскій полкъ не намѣренъ былъ дѣлать выстрѣловъ ни туда и ни сюда, то можно предположить, что мы такъ одни и отправимся въ лѣвый уголъ, гдѣ пришлось мнѣ быть наблюдателемъ отъ начала и до конца и стоять тамъ передъ тремя различными частями непріятельскихъ войскъ.

Но передъ тѣмъ вернемтесь къ тому пункту, на которомъ застало насъ утро восьмого сентября, и съ возвышенной мѣстности, которою мы любовались плавными движеніями непріятельскихъ армій. Время горячее: 1-й и 2-й баталіоны были уведены, какъ мы знаемъ, впередъ. Одна изъ батарей отправлена была туда же, другая—въ полной готовности ожидала назначенія. Передъ нами — командиръ полка, дальше—главнокомандующій, а лѣвѣе главнокомандующаго три казака, одинъ за другимъ прискакавшіе съ извѣстіемъ о переправѣ непріятелей и о занятіи ими всего лѣваго берега ниже переправы.

Лицемъ мы давно стоимъ въ ту сторону откуда прискакали казаки. И въ томъ мѣстѣ на Алмѣ, гдѣ были наши товарищи, давно кипѣла перестрѣлка, а лѣвѣе ихъ, т. е., прямо передъ нами—ни гу-гу.

— Что за пропуть такая! неужели тамъ нѣтъ никого!

— Да, никого и нѣтъ, говоритъ Титенковъ, знакомый съ этою мѣстностью.

Все же не вѣрилось, чтобъ изъ нашей арміи

не было ни души за алма-тамакской дорогой. Ну, хоть маленькій отрядецъ, такъ, ради удалства!

Дѣйствительно, какъ оказалось послѣ, тамъ находился цѣлый баталіонъ удалаго подполковника Раковича, поставленнаго версты за двѣ отъ рѣчки въ деревнѣ Аклѣсь. Но онъ былъ снабженъ такой тѣсной инструкціей, что и посмотреть-то ему было нельзя, что дѣлается на Алмѣ—рѣкѣ.

Но, наконецъ, ударили и тамъ,—первая, вторая!... въ тоже время батарея Кондратьева вдругъ помчалась по направленію пушечныхъ выстрѣловъ.

При третьемъ ударѣ, раздавшемся изъ французской дивизіи, обходившей насъ, главнокомандующій, князь Меншиковъ, быстро обратился къ намъ и произнесъ:

— Второй полубаталіонъ — въ поль-оборота на-лѣво, а первый—въ поль-оборота на-право! шагомъ... маршъ!

По его командѣ мы полетѣли изъ всѣхъ силъ туда, гдѣ давно намъ слѣдовало быть. Быстро прошли мы обѣ низины, занятыя Тарутинскимъ полкомъ, а миновавъ его послѣдній баталіонъ, Куртьяновъ, къ нашему удовольствію, скомандовалъ еще разъ въ поль-оборота на-право, и затѣмъ все наше начальство отдѣлилось влѣво.

Новое направленіе, намъ данное, согласовалось съ параллельной линіей къ батареѣ Кондратьева, и еслибъ отъ нея мы не уклонились, то могли подойти къ крутизнѣ, оканчивающейся обрывомъ надъ рѣчкой. Уже переваль очутился подъ нашими ногами и мѣст-

ность, на которую мы теперь вступили,—покатилась къ сѣверу, или, что тоже, если скажемъ, къ струямъ Алмы рѣки. На этомъ мѣстѣ ротные командиры повернули колонной фронтъ къ морю, съ котораго сильными порывами мчался на насъ вѣтеръ. Сначала по-свистывали только пули, потомъ надъ нашими головами покатались и ядра.

Ротный начальникъ, шедшій впереди, остановился.... остановились и солдаты.... Между нами не оказалось никого, кто бывалъ бы въ прежнихъ военныхъ дѣлахъ, и потому не зналъ никто, куда надо идти.... и тутъ нужно было войско, да и впереди его тоже не было!...

Спѣша увидѣться съ врагами, я указалъ на невысокій, но очень замѣтный холмъ, круто поднявшійся надъ неровною равниной, и лѣвѣе котораго батарея полковника Кондратьева, очевидно, не должна была оставаться безъ прикрытія.

Шгабъ-капитанъ Селиховъ видя, что роты тѣмъ холмомъ могутъ быть укрыты со стороны парходовъ,—немедленно скомандовалъ „впередъ—маршъ!“ Его 4-я гренадерская и 10-я роты пригнувъ головы отъ вѣтра, быстро двинулись и достигли невредимо указанной цѣли.

Съ подпоручикомъ Перовымъ, моимъ однокашникомъ, я бѣгомъ взошелъ на вершину холма, чтобъ скорѣе оглянуть отсюда движенія враговъ и ихъ численную силу.

Все вниманіе мое обращено было на устье Алмы и на гремящіе цѣпами парходы. Перовъ же осма-

триваль, что дѣлалось передъ нами и передъ фронтомъ лѣвѣе нашего.

Французы выстраивались бѣгомъ, пропускали орудія свои одно за другимъ, устанавливали ихъ противъ батареи № 5-го и тотчасъ открывали огонь.

— У французовъ должно быть въ батарее всего шесть пушекъ, говорилъ Перовъ, видя выстроенный рядъ у нихъ изъ шести орудій.

— Вотъ и еще двѣ показались изъ оврага и еще... помѣшкавъ говорилъ онъ о батарее генерала Буа.

— Передъ строившимися рядами видны всадники, ужъ не начальство ли это. Барановъ! крикнулъ Перовъ штуцерному, нельзя ли снять того, что на бѣломъ конѣ?

Барановъ отвѣчалъ:

— Сейчасъ посмотрю, ваше благородіе.

Жоховъ, командиръ 10-й роты, услыхавъ о всадникѣ на бѣломъ конѣ, прокричалъ тому же стрѣлку отъ подошвы холма.

— Пожалуйста, Барановъ, убей того, что на бѣломъ конѣ; — навѣрное онъ у нихъ какойнибудь начальникъ большой....

И минуты черезъ три или четыре бѣлый конь, взмахивая хвостомъ и гривой бѣжалъ одинъ по полю чистому, влача на стремени сѣдока, отъ пули роковой понижаго къ сырой землѣ.

— Молодецъ, Барановъ, спасибо!

— Спасибо, шумѣло много голосовъ.

— Спасибо, радостно кричалъ послѣ всѣхъ ему

штабсъ-капитанъ Жоховъ, — чарка водки за мной! какъ-будто тотъ поддѣлъ очень важную особу.

Я спросилъ Баранова:

— До бѣлаго коня сколько было шаговъ?

— Во весь визирь, ровно тысячу четыреста шаговъ, отвѣчалъ Барановъ.

Послѣ такого случая, весь фронтъ, которому принадлежалъ всадникъ на бѣломъ конѣ, разсыпался въ стрѣлки, не кончивъ построения. Другія части неприятельскаго войска въ значительной дистанціи одна отъ другой быстро выходили изъ береговыхъ овраговъ и потомъ вскорѣ озяты исчезали въ мѣстныхъ неровностяхъ. По ихъ движеніямъ замѣтно было, что они никакъ не ожидали, что съ имъ даромъ уступили то обширное мѣсто, которое у нихъ и у насъ лежало передъ глазами.

При этомъ не лишнимъ будетъ сказать, что застрѣльщики генерала Боске не останавливались, когда Сентъ-Арно прислалъ сказать ему, чтобъ онъ остановилъ свою дивизію. Мы видѣли съ нашей почленной высоты, что дѣль его зуавовъ пріостановилась только для того, чтобъ шире разойдтись и потомъ, то осторожно продолжала подаваться впередъ, то пріостанавливалась опять гдѣ находила это нужнымъ и, помѣшавъ, отправлялась, не бывъ встрѣчена даже съ бока штуцернымъ огнемъ. Поручикъ Култашевъ былъ посланъ въ то время, когда зуавы были на рѣкѣ и на ней отыскивали удобные переходы. Не видя надъ рѣкой русскихъ, они не имѣли надобности и удерживать свои шаги.

Поручикъ Куташевъ появился около Альма-Тамака въ такое время, когда отъ главнокомандующаго союзныхъ армій пришло второе приказаніе—подобное первому. Дивизія Боске, не бывъ еще раздѣлена, стала спускаться съ послѣдней возвышенности въ долину Альмы и остановилась тамъ, гдѣ застало ее слово Сентъ-Арно. Нѣсколько удачно пущенныхъ пуль заставило враговъ податься назадъ и вернуться на возвышенность. Въ дальнѣйшемъ движеніи своемъ французы — совсѣмъ почти прижались къ морю, проходя въ нашемъ виду съ весьма большими интервалами.

Около одиннадцати часовъ значительнѣйшая часть передняго большого эшелона непріятелей была на нашей сторонѣ и наслаждалась отдыхомъ. Это ясно было изъ того, что когда взглянуть я къ морю въ половинѣ двѣнадцатаго, то одна лишь маленькая группа изъ бригады Буа дожидалась очереди перейти баръ или морскую отмель. Нѣкоторые лежа на песокѣ приготавливались къ переправѣ, другіе же, что бродили по водѣ, были въ полу-одѣтомъ видѣ.

Двѣ батареи передняго эшелона, какъ мы видѣли, тоже переправились къ этому времени.

Такимъ образомъ, все, что представлялось глазамъ, мы громко сообщали окружающимъ, чтобъ слышали и тѣ, которые остались лежать по ниже холма.

Вдругъ Перовъ сказалъ мнѣ:

— Я совсѣмъ не вижу непріятельскую батарею, стоящую тутъ вотъ, — на-искось.

— Что это значить, въ самомъ дѣлѣ,—продолжалъ онъ, — блестить всего одна пушка, другихъ совсѣмъ не вижу. На новомъ мѣстѣ ихъ тоже нѣтъ нигдѣ.

— Это значить наводятъ орудія на насъ, отвѣтилъ я; жерлами глядятъ на насъ онѣ, оттого ихъ и не видно.

— Опускайся! крикнулъ я ему.

Въ тоже мгновеніе огни мелькнули тамъ и одно ядро ударило въ нижній край нашего хранилища. Перовъ весело протянулъ на это....

— Мимо. И не послушавъ меня вторично, продолжалъ говорить, предавшись глубокому вниманію.

— Вижу,—но очень далеко.... они бѣгомъ спѣшать въ ту сторону, руку поднявъ показалъ онъ къ югу. Пока я передвигался отъ наведенной на насъ батареи, среди выстрѣловъ мнѣ послышался ударъ, какой происходитъ отъ паденія ранца, сброшеннаго съ солдатскихъ плечъ; — послѣ чего товарищъ мой вдругъ замолкъ....

Я взглянулъ на него.... Перова нѣтъ!... Онъ плотно прилегъ своей грудью къ землѣ, а отъ плеча оторванная рука его указывала, что онъ совсѣмъ предался вслѣ Божіей.

Когда я объявилъ объ этой первой жертвѣ, вся колонна наша, ницъ лежавшая въ 6-ть шеренгогъ глубиной, приподняла себя на колѣни и помолилась за него. Множество чистыхъ молитвъ быстрѣй понесли душу праведную въ ту страну, „гдѣ готова обнять ее радость.“

Ни чья слезинка не канула на его розовыя щеки и пріятное лицо, но еслибъ смерть застигла его гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ, то многіе бы наплакались. Скажу о его предчувствіи, опечалившемъ его мыслью, что дня этого ему не пережить.

Вскорѣ послѣ того какъ во враждебныхъ лагеряхъ, съ первымъ свѣтомъ звонкіе рожки въ соединеніи съ другими инструментами мелодично проигрвали утреннюю зорю, а наши отвѣтили имъ черезъ нѣкоторое время, на барабанахъ, громкимъ „генераль-маршемъ,“ со стороны рѣки Булганака дохнуло на насъ тогда же запахомъ пороха. Товарищи наши изъ Аргина не подходили отчего-то, и, раздѣленные съ ними въ виду близкаго врага, офицеры наши собрались потолковать, отчего бы это могли они такъ запоздать!...

Въ ихъ кружекѣ я вошелъ послѣднимъ, и, къ удивленію, на всѣхъ лицахъ увидѣлъ скуку. Оказалось, что это пріятель мой Перовъ на всѣхъ навелъ тоску рассказомъ своимъ о ночной грезѣ. Ему открывалось, черезъ покойную мать, что онъ отозванъ въ небесныя сферы, куда еще до утра онъ ею былъ манимъ.

Желая избавить его и другихъ отъ тяжелаго впечатлѣнія, я сказалъ ему, какъ другу, чтобъ онъ не сокрушался. Если его убьютъ, то расквитаться съ врагами я за него съумѣю.

— Вѣрю, отвѣчалъ Перовъ, но самъ-то я не заслужилъ еще доброй памяти; отъ того-то и нехочется такъ рано умереть!

— Говоришь, однако, первая очередь твоя.

— Да, первая, произнесъ оны задумчиво.

— А можетъ быть и не первая, говорилъ я, желая его утѣшить.

— Нѣтъ, первая: навѣрно знаю, что первая.

— Стало быть споемъ предсмертную пѣсню, я предложилъ ему.

Оны на меня посмотрѣль и тихо произнесъ.

— Спѣль бы какъ пѣваль, да нѣтъ, братъ, не поѣтся.

— Такъ не будемъ же мы трусить, если первый выстрѣль попадетъ въ тебя.

— Боже сохрани! я не трушу; а не хотѣлось бы теперъ же умереть. Скажу тебѣ, другъ мой, у меня невѣста осталась дома.

— Э, э, воскликнулъ я, — намъ съ тобой и черезъ пятнадцать лѣтъ быть можетъ не достанетъ времени жениться, а не то чтобъ думать о томъ теперъ, когда подошло время поражать враговъ востока.

Надѣюсь, я не много повредилъ этому очерку увлекшись воспоминаніемъ о кадетѣ и одноклассникѣ моемъ Перовѣ. Покаместъ мы о немъ рассказывали, Тарутинскій полкъ успѣль перемѣнить свой фронтъ лѣвымъ флангомъ назадъ да и правымъ не остался на томъ же мѣстѣ, а главнокомандующій, ведя 2-ю половину нашего баталіона, имѣль довольно времени для того, чтобъ поставить ее лѣвѣ батареи Кондратьева. Ближайшее наше начальство къ нему же отошло, когда собственно мы,

проминовавъ Тарутинскій полкъ, получили иное направление.

По слѣдамъ главнокомандующаго, впереди полубаталіона, шелъ командиръ 11-й роты штабсъ-капитанъ Токашъ. Онъ, подобно поручику Перову, тоже предчувствовалъ, что минуты его сочтены. Увидя друга своего, маіора Гусева, Токашъ закричалъ ему:

— Прощайте, Яковъ Алексѣевичъ! лихомъ не поминайте.

— На долго ли? Гусевъ спросилъ.

— Яковъ Алексѣевичъ, шутки въ сторону, чувствую, жить недолго мнѣ осталось, говорилъ Токашъ.

Послѣ такихъ словъ, онъ снялъ съ головы своей фуражку и сдѣлалъ на себѣ изображеніе креста по обычаю первобытной православной церкви, хотя по рожденію былъ мусульманинъ.

Увидя на немъ крестное знаменіе, солдаты съ восторгомъ и громко сотворили молитву о вновь перешедшемъ въ христіанство и послѣ того они замѣтно ускорили шаги, для сближенія съ врагами востока.

Къ общему сожалѣнію, этотъ умный офицеръ, достойно исполнявшій передъ войной обязанность полковаго адъютанта, былъ убитъ. Двѣ пули вонзились въ него въ то время, когда генераль Куртъяновъ, по приказанію главнокомандующаго, густую полубаталіонную колонну свою поставилъ на ноги, и такимъ плотнымъ редутомъ двинулъ ее „въ штыки.“

Люди посыпались отъ мѣткихъ пуль французской цѣпи, состоявшей изъ наилучшихъ въ мірѣ стрѣлковъ, и густая колонна его, разстроенная непредвидѣнной потерей, прилегла опять къ землѣ. Полковой командиръ и тутъ не догадался обѣ роты эти превратить въ густую цѣпь.

Такой мнимой ударъ штыками былъ нанесенъ непріятелю не ранѣе какъ въ часъ по полудни, когда князь Меншиковъ подумалъ, что враги уже довольно обезкуражены нашимъ ружейнымъ и артиллерійскимъ огнемъ.

Замѣтивъ однако, что генераль Куртьяновъ опять склонился съ своими двѣнадцатью шеренгами, и вся линія, составленная изъ красныхъ воротниковъ, опустилась, по видимому, на прежнемъ же мѣстѣ, князь Меншиковъ вторично прислалъ Куртьянову приказъ двинуться въ штыки.

Мы имѣемъ основаніе думать, что въ умѣ князя Меншикова произошла въ это время полная забывчивость быть можетъ обо всемъ. На этотъ же разъ вотъ какая :

Главнокомандующій забылъ, что у генерала Куртьянова изъ командуемаго имъ полка было въ ту минуту всего двѣ роты, имъ же самимъ и приведенныя и поставленныя по лѣвую сторону батареи № 4. Другія же двѣ роты, при которыхъ находился я, по ближайшему ихъ положенію къ аулу Альма-Тамакъ, ни въ какомъ случаѣ не слѣдовало трогать для наступленія.

Дивизія Канробера ихъ же засыпала пулями. По-

ложимъ это и не такъ страшно, какъ кажется, но очень важно то, что кромѣ нашихъ двухъ ротъ не было никого на протяженіи можетъ быть цѣлой версты.

Минскій пѣхотный полкъ никакихъ приказаній не получалъ съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ мановеніемъ „свѣтлѣйшаго“ былъ вдвинуть въ одну линію, съ двумя ротами нашего генерала.

Высшій офицеръ этотъ, получивъ приказаніе „ударить въ штыки,“ пригласилъ къ тому же и Минскій полкъ. На такой призывъ, командиръ Минскаго полка отвѣчалъ, что передъ нимъ нѣтъ непріятельскихъ колоннъ, а потому и надобности нѣтъ идти ему „въ штыки,“ и что честь такая принадлежитъ только одному Московскому полку.

Принявъ эти слова къ свѣденію, генераль нашъ сообщилъ ихъ отъ себя посланцу, явившемуся передъ нимъ вторично съ тѣмъ же приказаніемъ „идти въ штыки.“

Главкомандующій, получивъ такой отвѣтъ отъ генерала Куртьянова, вышелъ изъ себя... И было отчего! Предварительно, какъ мы и видѣли, лишивъ голоса начальника 17-й пѣхотной дивизіи генераль-лейтенанта Кирьякова, самъ же не умѣя распорядиться, князь Меншиковъ понялъ, что въ этой битвѣ не будетъ перелома въ его пользу.

Стало быть тутъ нельзя ожидать ничего хорошаго, когда главнокомандующій позабылъ не только о Минскѣ полкѣ, но и о тѣхъ результатахъ, какіе могли-бы выйдти отъ совокупнаго дѣйствія всѣхъ родовъ оружія находившихся.

По этому теперь можно вернуться къ самому началу дѣйствій непріятели противъ лѣваго фланга нашей арміи.

Когда съ завѣтнаго холма, гдѣ лежитъ пріятель мой Перовъ, мы посмотрѣли на непріятельскіе пароходы въ началѣ нашего прихода, то тогда-же они начали поворачивать къ намъ свои борта, обставленные орудіями большого калибра. Въ морѣ, подлѣ берега, почти скользя по песчаному дну его, пароходы укрѣпляли себя на якоряхъ для устойчивости и, утвердившись такимъ образомъ, они начали облегчать себя отъ излишняго груза къ намъ въ видѣ ядереъ.

Черезъ непродолжительное время ядра смѣнились разрывными снарядами, но и это не помогло. По временамъ они дробили свой огонь, то учащая, то разрѣживая, воображая, что онъ производитъ губительное дѣйствіе въ нашихъ рядахъ. Но не такъ было, какъ они думали. Крутая отлогость холма препятствовала ихъ снарядамъ попадать въ людей, пріютившихся за нимъ, и снаряды, дѣлая рикошеты подлѣ насъ, летѣли дальше и падали передъ Таругинскимъ полкомъ, въ одну общую для нихъ ложбину.

Стрѣлявшіе пароходы не показаны на нѣкоторыхъ чертежахъ алминскаго сраженія. Въ морѣ они стояли къ сѣверу отъ впаденія рѣчки Алмы, очень близко къ берегу и одинъ возлѣ другого.

Изображаемые же на всѣхъ картахъ пароходы дѣйствительно присутствовали; но, какъ по своему далеко-

му положенію въ морѣ, такъ и по большой береговой возвышенности, имъ не было возможности дѣйствовать своимъ огнемъ, — о чемъ свидѣтельствовали офицеры Владимірскаго пѣхотнаго полка, бывавшіе на мызѣ Лукулль по наряду, еще до высадки въ Крымъ войскъ, враждебныхъ намъ націй. Еслибъ они и нашли возможность перебрасывать снаряды черезъ высокіе утесы, то попадали бы прямо въ своихъ-же союзниковъ, а потому и безмолствовали въ продолженіе всей битвы.

Береговыхъ пароходовъ было четыре: два, вопреки ихъ желаній, дѣйствовали черезъ насъ, а другіе два по брестскимъ баталіонамъ, а черезъ нихъ, по 2-му и 3-му баталіонамъ Московскаго полка, не достигая однако брошенными снарядами ни 1-го баталіона этого полка, командиромъ коего былъ подполковникъ Граль, ни двухъ резервныхъ баталіоновъ Вѣлостокскаго полка. Резервные Вѣлостокскіе баталіоны расположены были передъ ауломъ Бурлюкъ и его садами, раскинутыми по сю сторону рѣчки. Двумъ баталіонамъ этимъ пришлось вмѣстѣ съ 6-мъ стрѣлковымъ баталіономъ встрѣтить всю дивизію англійскаго генерала Эвенса. При этомъ случаѣ лейбъ-Бородинскій полкъ, все время бездѣйствовавшій, однимъ изъ своихъ дивизіоновъ именно по командѣ штабсъ-капитана Шилова, открывалъ пальбу рядами по развернутому фронту лѣвой части той-же дивизіи Эвенса. Стрѣлявшая часть причаплялась къ знаменной ротѣ 4-го баталіона послѣдне-упомянутаго полка.

Пули, ядра и гранаты снопьями проносились около насъ и надъ нами, безъ всякаго вреда.

Во все это время полубаталіонъ нашъ лежалъ ницъ, прислушиваясь къ усиливавшемуся по временамъ грому съ моря и къ равномернымъ ударамъ своихъ пушекъ.

Но, такъ, около часа, должно быть, эти удары равномерные участились, и послышалась сильная ружейная перепалка влѣво отъ насъ. Послѣ небольшого перерыва, снова послышалась тамъ также учащенная пальба и вслѣдъ затѣмъ раздался громкій хохотъ между африканскими егерями, составлявшими застрѣльщицю цѣпь впереди дивизіи Боске.

Эготъ хохотъ раздасадовалъ нашихъ артиллеристовъ и они пустили густой картечью по веселымъ людямъ. Сдѣлали они это отчасти и для того, чтобъ удержать противниковъ на благородной отъ себя дистанціи. Но было поздно: поручикъ, нынѣ полковникъ, князь Трубецкой, послѣ того какъ генералъ Куртъяновъ увидѣлъ всю невозможность двинуться въ штыки, попросилъ у него разрѣшенія вызвать застрѣльщиковъ, въ намѣреніи пойти полкомъ противъ хорошо вооруженныхъ французовъ до такой дистанціи, на разстояніи которой было бы можно подѣйствовать на нихъ изъ нашихъ гладкоствольныхъ ружей; командиръ полка согласился. При этомъ сдѣлана была ошибка, состоявшая въ томъ, что идти слѣдовало не по черепашьему, а пробѣжать бѣгомъ шаговъ сто или двѣсти, а потомъ надо было

выслать вторую цѣпь, для развлеченія непріятельскаго вниманія, если желали успѣха.

Застрѣльщики-же князя Трубецкаго поползли. Работа эта мѣшкотна, при томъ утомительна и непріятель, видя ихъ хорошо, пятналъ ихъ пулями, среди такой трудной работы. А они, не имѣя мѣстныхъ прикрытій, продолжали свой неблагодарный трудъ, пока не были выведены изъ терпѣнія и не открыли огня раньше, нежели достигли дистанціи, сообразной съ ихъ оружіемъ. Стрѣлки наши, стало быть, открыли пальбу раньше чѣмъбы слѣдовало; ихъ пули, имѣя круглую форму, не достигали непріятеля: они скакали по почвѣ разгоряченной солнцемъ, пылили, сшибали сухія былинны и въ нихъ же исчезали. Видя такое чудо-чудное, французы зашумѣли и, не смотря на усталость, подвинулись быстро впередъ, за что и встрѣчены были поспѣшно картечью, остановившей ихъ отъ нашей линіи шагахъ въ пяти стахъ.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что генераль Боске немедленно далъ знать своему главнокомандующему Сентъ-Арно о такомъ вооруженіи нашей арміи, потому что черезъ полчаса послѣ описаннаго, войска ихъ, вдругъ по всеѣмъ линіямъ, пошли на насъ въ атаку.

Наступленіе французовъ прежде всего выяснилось тѣмъ, что съ моря перестали стрѣлять ихъ пароходы. Разрѣживая огонь, они опять загремѣли якорными цѣпями, а вся линія Боске въ это-же время повернулась лицомъ къ югу, и въ такомъ направле-

ни шла вся цѣпь, стоявшая передъ нами и Минскимъ полкомъ, пока не освободила довольно мѣста для одной части изъ дивизіи Канробера. Нѣсколько баталіоновъ генераль Эспинаса, входя въ эту линію, обозначили свое шествіе тѣмъ, что пытались пулями засыпать совѣмъ батареею полковника Кондратьева. Этотъ батарейный командиръ нѣсколько разъ просилъ генерала Куртьянова прислать ему взводъ солдатъ, которыхъбы онъ могъ размѣстить между своими орудіями; когда-же командиръ Московскаго пѣхотнаго полка ему отказалъ, то полковникъ Кондратьевъ объявилъ на отказъ, что онъ вынужденъ будетъ черезъ это оставить свою позицію раньше, чѣмъ кто либо придетъ его замѣстить.

Потерявъ много прислуги и лошадей, батарея № 4-го досталась бы неминуемо французамъ, еслибы не успѣшила взяться на передки.

Послѣ ухода батареи, мѣсто ея никѣмъ занято не было, а послѣдствіемъ этого было то, что и мы за собой недолго удерживали принадлежащее намъ мѣсто.

Четыре французскія бригады, изъ которыхъ двѣ, еще до соединенія съ послѣдними, не были сражены каскадами картечей, могли быть остановлены однако ручнымъ, хотя и негодными въ то время нашимъ оружіемъ. Но для этой цѣли не было приготовлено у насъ ни шанцевъ, ни заваловъ, изъ-за коихъ-бы слѣдовало встрѣчать шествіе непріятелей на нашу возвышенность.

По этому, находясь въ колонномъ порядкѣ на

мѣстности совершенно открытой, мы видѣли, какъ отъ аула Алма-Тамакъ приближались къ намъ свѣжія и бодрія силы, унижая нашъ холмъ жаркимъ вѣнцомъ изъ коническихъ пуль. Въ нашемъ полубаталіонѣ къ этому времени оставалось изъ штуцерныхъ только четыре не раненыхъ человѣка. За то и дѣйствовали они изъ всѣхъ двѣнадцати штуцеровъ, какъ извѣстно, очень трудно заряжаемыхъ; почему для облегченія стрѣляющихъ, заряданіе производилось особо приготовленными для того людьми.

По уходѣ батареи Кондратьева, вокругъ насъ возстановилась полная тишина. Взглянувъ во всѣ стороны, я объявилъ баталіонному командиру объ уходѣ батареи назадъ, и о томъ, что непріятель обхватываетъ нашъ правый флангъ и въ тоже время приближается съ фронта.

По приказанію раненаго баталіоннаго командира солдаты поднялись и тотчасъ-же были скрещены залпами съ двухъ сторонъ, впрочемъ безвредными. Съ третьей стороны тоже могли бы выпалить; но не стрѣляли потому, что могли попасть въ своихъ-же.

И такъ, взявъ ружья на плечо, наша колонна пошла къ правому флангу батареи № 4-го, занявшей новое мѣсто позади оставленнаго.

Еслибъ въ замѣнъ батареи прислали баталіонъ Таругинцевъ, все равно ничего не дѣлавшихъ, то тогда и мы не ушли бы отъ угла, и, вѣроятно, по приказанію ближайшаго своего начальника, рассыпались бы цѣпью вправо. Но теперь мы удалялись отъ самаго важнаго пункта на лѣвомъ флангѣ.

Еще до нашего ухода, часть первой бригады изъ дивизіи Канробера, обходя нашъ полубаталіонъ, взобралась на плоскость со стороны, гдѣ помѣщались Брестцы, и пропускала пулю за пулей, по ранцамъ нашимъ и во флангъ батареи № 4-го и № 5-го, стоявшимъ далѣе.

На это обстоятельство не было обращено должное вниманіе и мы, устремивъ свои взоры къ сторонѣ аула Алма-Тамакъ, оставались въ полномъ невѣдѣніи откуда летали эти шутивыя пули, не убивавшія у насъ никого.

Но вскорѣ послѣ того какъ мы послѣдовали за батареей, тамъ обозначилось присутствіе цѣлой колонны. Отойдя шаговъ двѣсти отъ холма и оглянувшись на лѣво, я увидѣлъ враговъ шагахъ во сто сорока, или во сто-восемьдесятъ отъ себя; облокотясь на ружья и въ иныхъ положеніяхъ, они съ удовольствіемъ посматривали, какъ это мы съ такой легкостью имъ уступаемъ поле битвы.

Сообразивъ-же, что они могутъ пронзить насъ сильнымъ фланговымъ огнемъ, я крикнулъ своему взводу: на лѣво—пли! залпъ грянулъ, и новый врагъ долго не показывался на томъ мѣстѣ, гдѣ мы его уложили дурными пулями.

Нельзя не сказать, что покинутый нами уголь былъ превосходнымъ мѣстомъ для защиты его круглыми пулями, гораздо скорѣе способными опускаться въ дуло, нежели коническія съ ушками въ тяжеловѣсный штуцеръ. Но не видя ни откуда поддержки и при томъ съ тяжелыми ранца-

лыми ранцами, часа четыре душившими людей безъ всякой надобности, нашъ полубаталіонъ принужденъ былъ обратиться къ непріятелю тыломъ. При томъ-же отъ командира полка не получалось приказанія рассыпаться, и не ожидалось поддержки отъ тѣхъ двухъ ротъ, при коихъ онъ самъ находился, и которымъ слѣдовало по уходѣ батареи немедленно разбѣжаться въ стрѣлки, о чемъ они кажется и не подумали.

Еще до начала сраженія мы всѣ готовились встрѣтить недруговъ, но мнѣ не привелось ни отъ кого слышать, чтобы мы, русскіе, могли выйти побѣдителями изъ перваго-же дѣла. Каждый благо-разумный воинъ знаетъ, что съ начала надо изучить врага, а потомъ и дѣйствовать на него.

Не бывъ проникнуты воззрѣніями главнокомандующаго, мы отступали въ полномъ убѣжденіи, что мѣстность, по которой мы двигались, не предусмотрѣна къ оборонѣ, стало быть слѣдовало ее покинуть немедленно послѣ того, какъ общіе наши враги централизуются.

Князь Меншиковъ былъ чрезвычайно безмолвенъ и суровъ, за что солдаты наши прозвали его „чортомъ“.

О его намѣреніи можно было догадываться только изъ личныхъ его распоряженій, на нихъ-то и основывали мы свои разсужденія. Еслибъ нашъ главнокомандующій возъмѣлъ твердое намѣреніе защищать мѣсто нашего расположенія, то въ теченіе пяти, шести дней, проведенныхъ имъ здѣсь, велѣлъ бы накопать множество рововъ для укрытія

отъ излишнихъ потерь глубокаго фронта, а также и для болѣе успѣшнаго противодѣйствія наступленію противниковъ. А такъ какъ по высотамъ лѣваго фланга нигдѣ не было сдѣлано приготовленій для серьезнаго отраженія многочисленнаго врага, то мы и были вполне увѣрены въ томъ, что произведемъ маневры, съ цѣлью себя показать да и другихъ посмотреть, а потомъ отступить на мѣстность болѣе удобную для обороны.

Здѣсь мои воспоминанія рѣзко расходятся съ статьею „Военнаго Сборника,“ а потому нахожусь вынужденнымъ сдѣлать нѣсколько оговорокъ. Такъ на примѣръ, авторъ говоритъ, „что при движеніи въ атаку главныхъ силъ союзниковъ“ Канроберъ вызвалъ впередъ баталіоны пѣшихъ егерей, разсыпалъ изъ нихъ густыя цѣпи застрѣльщиковъ и направилъ вторую бригаду (Вино) на деревню Альма-Тамакъ, а первую подъ командой Эпинаса назначилъ правѣе, т. е. ниже по Алмѣ, гдѣ былъ бродъ, черезъ которую прошла бригада д'Отмара и обѣ батареи дивизіи Боске. Далѣе видно, что Эпинасъ, поднявшись изъ овраговъ, долженъ былъ примкнуть къ флангу Боске. Генералъ Боске введя свое войско на ближайшую высоту двумя или тремя часами раньше, отъ б ода еще немного удалился. Въ слѣдующихъ строкахъ это обстоятельство еще болѣе выясняется.

„Во время движенія Вино къ Альма-Тамаку, Боске повелъ атаку вправо къ Орта-Кэсеку, т. е., отодвигаясь отъ краевъ обрыва, бывшаго надъ бродомъ, Боске приближался черезъ то къ аулу Орта

Кэсеку, съ которымъ до того времени онъ стоялъ почти на одной параллели, если отъ упомянутаго броду провести прямую на него линію.

„Этимъ маневромъ достигалъ онъ двоякой цѣли: получалъ возможность угрожать лѣвому флангу стоявшихъ противъ него русскихъ войскъ и, удаляясь отъ краевъ обрыва, очищалъ мѣсто Канроберу, на которомъ послѣдній, взобравшись на высоты, могъ развернуть свои силы.“

Боске, сказано, очищалъ мѣсто Канроберу. Но изъ его дивизіи цѣлая бригада, подъ командой Вино, нисколько не нуждалась въ очищеніи мѣста. Будучи направлена на южную сторону рѣки черезъ деревню Альма-Тамакъ, бригада Вино воспользовалась бродомъ на рѣкѣ, которую тутъ же пересѣкала проѣзжая дорога изъ деревни Улукуль. По переходѣ на лѣвую сторону рѣки, вся бригада Вино пошла вверхъ по рѣчкѣ, тѣсня передъ собой штуцерныхъ Култашева. Только его стрѣлки могли оказывать противодѣйствіе въ одно и тоже время, какъ этой бригадѣ изъ дивизіи Канробера, такъ и другой бригадѣ Моне, изъ дивизіи принца Наполеона. Стало быть Боске очищалъ мѣсто, удаляясь отъ краевъ обрыва, одной бригадѣ Эспинаса, которая и не отставала отъ бригады Вино своимъ лѣвымъ флангомъ. Флангъ этотъ, заходя лѣвымъ плечомъ впередъ на тѣ обрывы, надъ которыми будто бы стояли Тарутинцы, и былъ той головною частью бригады Эспинаса, которая, по моей командѣ, обсыпана была градомъ пуль, какъ говорили сами же французы.

Далѣе авторъ говоритъ, что 9-й баталіонъ пѣшихъ егерей (бригады Эспинаса) занялъ сады на западъ отъ Альма-Тамака съ цѣлью вытѣснить оттуда русскихъ застрѣльщиковъ. Но это было не такъ: и раньше того времени не понадобилось этого дѣлать бригадѣ д'Отмара, при проходѣ ея бродомъ чрезъ тѣже западные сады. Между тѣмъ честь эту французы приписали еще и бригадѣ Вино.

Штуцерные поручика Култашева должно быть сильно имъ досадили, когда честь ихъ изгнанія изъ виноградниковъ отнесли къ себѣ всѣ три бригады, проходившія подъ его выстрѣлами: именно бригады Эспинаса, Вино и Моне. Одинъ д'Отмаръ почему-то смолчалъ объ этомъ, хотя находился тоже нѣкоторое время подъ его, должно быть, довольно мѣткимъ огнемъ. „Но за то и Московскій полкъ,“ продолжаетъ авторъ, „стоялъ на линіи выстрѣловъ французской батареи, расположенной западнѣе Альма-Тамака, на сѣверномъ берегу рѣки.“ Могу утвердительно сказать, что и это невѣрно. Никто не могъ помѣшать, по уходѣ нашемъ отъ холма, ввозить непріятелю орудія свои на южную сторону рѣки, — что дѣйствительно они и сдѣлали, поставивъ четыре пушки на возвышеніе, около котораго передъ тѣмъ мы находились.

И наконецъ, кто же приблизилъ эти орудія на картечный выстрѣлъ и смѣшалъ баталіонъ графа фонъ-Зео, тоже отступавшій, когда штабсъ-капитаны Елагинъ и Зоркинъ, въ головѣ своихъ ротъ, бросились оспаривать кому достанется обладать этими

пушками? Изъ четырехъ два орудія были взяты, и Елагинъ упалъ на нихъ, пронзенный двумя или тремя пулями. Зоркинъ тоже двумя пулями былъ раненъ, но легче, и остался пожинать свои лавры. Пули сыпались градомъ на геройскія роты, и пушки были брошены на томъ же мѣстѣ, потому что ихъ невозможно было увести.

„Немного позже того, по словамъ автора статьи „Военнаго Сборника,“ какъ Вино занялъ западную часть Альма-Тамака, явился Моне (съ своей дивизіей, конечно) въ восточной части этой (ничтожной) деревни.“ „Небольшой отрядъ расположенныхъ здѣсь русскихъ стрѣлковъ, не имѣя возможности держаться противъ столь превосходнаго непріятеля, очистилъ (наконецъ) деревню.“ Оказывается, очистилъ деревню отрядъ такой, котораго тамъ и не было!

Но пока Вино и Моне будто бы управлялись съ одними и тѣми же стрѣлками и все въ одномъ и томъ же аулѣ, — ихъ соединенныя силы между тѣмъ заставили отступить графа фонъ-Зео, Граля и Брестскіе резервные баталіоны съ ихъ позицій. Баталіонъ графа фонъ-Зео, кромѣ того, долженъ былъ выстроиться въ каре при видѣ башибузукровъ, какъ говоритъ Зоркинъ, и дожидаться ихъ; а когда они скрылись, имѣтъ дѣло съ батареей: о чемъ французы почему то умолчали. Баталіоны Брестцевъ прошли далѣе въ это время, а подполковникъ Соловьевъ остановился съ 3-мъ баталіономъ у телеграфной высоты. 4-й баталіонъ, лишившись бата-

лоннаго командира, котораго не вдалькѣ несли на ружьяхъ, остался теперь на рукахъ штабсъ-капитана Жохова, который уговаривалъ всѣхъ спѣшить уходить и въ чемъ, однако, я не мало ему воспрепятствовалъ. А потому мы оставались все въ томъ же порядкѣ, отходя дальше и дальше, рассчитывая укрыться отъ выстрѣловъ за Тарутинскимъ полкомъ. Но полкъ этотъ, не допустивъ насъ до себя, повернулся и ушелъ.

Въ это время мы вышли къ югу отъ недостроеннаго маяка. Одинъ изъ нашихъ баталіоновъ намѣревался отстаивать маячную высоту, а другой какой-то, безъ офицеровъ, какъ показалось мнѣ, выпуская пули назадъ, приближался къ намъ. Съ этимъ послѣднимъ, вдругъ отъ одного только слова, произошла очень странная сцена, произведшая такой эффектъ, что побѣдоносные французы стали прекращать нальбу изъ ружей и не пошли насъ преслѣдовать дальше.

Дѣйствующимъ лицомъ этой сцены былъ генераль-лейтенантъ Кирьяковъ. Онъ самъ на другой день при мнѣ рассказывалъ объ этомъ происшествіи и потому передаю его рассказъ, смѣшанный съ разговоромъ, въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ онъ у меня записанъ.

Мы такъ утомились и нравственно и физически въ день бесполезнаго, а между тѣмъ сильнаго сраженія, что отъ усталости не могли ничего ѣсть, и только къ полудню слѣдующаго дня почувствовали голодь.

Тогда я съ двумя товарищами пошелъ пообѣдать въ отель.

Въ первой же комнатѣ, спиной къ дверямъ, сидѣлъ нашъ начальникъ дивизіи, генераль-лейтенантъ Кирьяковъ. Внимательный взглядъ, брошенный на насъ однимъ изъ собесѣдниковъ его, контръ-адмираломъ, обратилъ и его вниманіе на насъ. Отвѣтивъ на нашъ поклонъ, онъ оказалъ намъ полное привѣтствіе и спросилъ меня перваго:

— Окуда вы пришли?

— Изъ Арбата, поправляли тамъ крѣпость.

— Знаю, перебилъ онъ.

— А вы? обратился онъ къ друзьямъ моимъ.

— Изъ Аргина, сказалъ второй поспѣшно.

— А я, отвѣчалъ послѣдній мой товарищъ, изъ отряда генерала Жабоклицкаго.

— Съ Парнача,—знаю. Рекомендую,—обратился генераль къ пріятнымъ собесѣдникамъ,—это офицеры Московскаго полка и моей дивизіи....

— Займитесь, господа, теперь своимъ дѣломъ.

— Скажите, сдѣлалъ онъ послѣдній вопросъ, когда ваши баталіоны выступили изъ Аргина?

— Пятаго числа, послѣ полдня и дѣлали по восьмидесяти верстъ въ сутки.

— Хорошо-съ! Пожалуйста, господа, не стѣсняйтесь, садитесь въ этой-же комнатѣ,—здѣсь свободныхъ мѣстъ много, произнесъ генераль очень обязательно.

Мы были довольны его словами и начали размѣщаться по ближе къ окнамъ, а генераль-лейте-

нантъ Кирьяковъ обратился опять къ своимъ слушателямъ и продолжалъ:

„Теперь вы сами изволили слышать: первый и второй баталіоны Московцевъ выступили въ походъ 5-го сентября, ровно въ три часа, какъ мнѣ извѣстно, и въ двое съ половиною сутокъ сдѣлали двѣсти двадцать верстъ. Что это правда, тому служить доказательствомъ то, что они успѣли втянуться на позицію восьмого числа къ девяти часамъ утра, имѣя въ глазахъ у себя всѣ силы враговъ.

„И что-же,—не смотря на ихъ усталость, главнокомандующій, давъ имъ время только передѣться, ровно черезъ часъ приказалъ передвинуть ихъ въ первую боевую линію.

„Я докладывалъ, продолжалъ Кирьяковъ, что баталіоны эти только что пришли и не успѣли отдохнуть. Но свѣтлѣйшій отвѣчалъ: „знаю, для нихъ это ничего не значитъ“.

„Понятно, что распоряженіе князя Меншикова перемѣнить я не могъ; и по одному этому случаю можете судить, что всѣмъ лѣвымъ флангомъ, неприготовленнымъ къ бою, распоряжался не я, а главнокомандующій лично самъ.

„Баталіоны эти, не имѣя при себѣ штуцерныхъ, отобранныхъ отъ нихъ тотчасъ по приходѣ на позицію, движеніемъ въ штыки пробовали опрокинуть наступающихъ. Но ничего не могли сдѣлать. Враги разсыпались, видя двигавшіеся на нихъ редуты изъ живыхъ людей и своимъ пронзающимъ огнемъ били въ ихъ массу чрезвычайно мѣтко.

„Офицеры и солдаты, удостоверясь, что на такой открытой мѣстности нельзя ничего сдѣлать,—стали подаваться назадъ. Ихъ конфузило то обстоятельство, что они своими ружьями не могутъ нанести ни малѣйшаго вреда этимъ ярымъ турко-манамъ. Будь кустики, деревца, тогда дѣло другое, а тутъ какъ на зло—всѣ кусты порублены.

„Я докладывалъ главнокомандующему, волнуясь продолжалъ Кирьяковъ, да и начальнику его штаба говорилъ, что непременно бы надо выстроить нѣсколько ложементовъ, чтобъ до рѣшительнаго момента въ нихъ можно было бы скрываться. Подполковникъ Вуншъ, начальникъ штаба нашей арміи, на мою рѣчь о ложементахъ, указалъ мнѣ на русскую грудь, готовую принять въ себя тысячи пуль, вотъ почему и не видѣли надобности дѣлать какія бы то ни было окопы.

„Когда же передніе баталіоны разстроились и начали оставлять имъ указанные мѣста передъ наступающимъ по всюду непріателемъ, тогда возымѣлось желаніе удержать натискъ непріятелей, но для этого опять-таки не было сдѣлано никакихъ распоряженій, если не считать за распоряженіе поставить на ноги Тарутинскій полкъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ онъ предавался отдохновенію.

„И такъ, отступленіе всей первой линіи отъ рѣки—не было остановлено. Производилось оно послѣдовательно и не ранѣе какъ по занятіи батареими новыхъ позицій позади тѣхъ, на которыхъ долѣе нельзя было удержаться.

„Скорѣе другихъ уходили двѣ роты 4-го баталіона Московцевъ. Спѣшили они потому, что стояли въ углу исходящемъ и легко могли быть отхвачены. Къ тому же онѣ должны были открыть мѣсто для дѣйствій батареи Кондратьева, при которой весь баталіонъ этотъ находился въ прикрытіи.

„Находившись передъ бугромъ, полубаталіонъ первыхъ двухъ ротъ дѣйствовалъ противъ непріятеля не болѣе какъ двѣнадцатью штуцерами и сохранилъ себя отъ неминуемаго истребленія однимъ только лежачимъ положеніемъ за этимъ бугромъ. Князь же Меншиковъ нѣсколько разъ повторилъ: 4-й баталіонъ труситъ.

„Когда же главнокомандующій увидѣлъ отступавшіе баталіоны съ фронта и съ фланга, то вскрикнулъ:

— Генераль Кирьяковъ, 17-я дивизія бѣжить отъ непріятеля, что это значитъ?

— Оружіе наше таково, что уравновѣситъ бой могутъ только штуцера, а ихъ то у насъ и нѣтъ, отвѣчалъ я.

„Не много погодя, главнокомандующій произнесъ мрачно:

— Генераль Кирьяковъ, повторяю вамъ, 17-я дивизія бѣжить отъ непріятеля.

— Ваша свѣтлость говорите неправду, возразилъ я, 17-я дивизія отступаетъ, но не бѣжить; и въ этомъ сію же минуту я представлю доказательство.

„Съ послѣдними словами, давъ шпоры коню,

говорилъ генераль Кирьяковъ воспаленно, я подскакалъ къ одному изъ отступающихъ баталіоновъ Московскаго пѣхотнаго полка и скомандовалъ: второй баталіонъ стой! налѣво-кругомъ!

„Подъ ядрами нѣсколькихъ батарей и штуцерными пулями чуть ли не трехъ французскихъ дивизій, я приказалъ людямъ 2-го баталіона взять на караулъ,—что и было ими исполнено безъ замѣшательства. Сказавъ имъ спасибо, и, принявъ отъ солдатъ „рады стараться ваше превосходительство“ я отпустилъ баталіонъ, передавъ команду майору графу фонъ-Зео“.

Я выслушалъ начальника дивизіи, не проронивъ ни слова изъ его разсказа. И дѣйствительно, я видѣлъ генерала въ то время, когда онъ подскакалъ къ баталіону, поднявшемуся на плоскость у недостроеннаго маяка. Слова его слышалъ самъ. Не понималъ только, зачѣмъ онъ скомандовалъ баталіону: слушай, на-кра-улъ!!

Наступающій непріятель нисколько не заслуживаетъ такой чести, потому что немного надо было имѣть мужества для того, чтобъ идти противъ дурновооруженныхъ солдатъ, не умѣвшихъ владѣть и дурнымъ оружіемъ, согласно его назначенію.

Какъ-бы то ни было, этотъ фарсъ принесъ свои плоды, и французы, удовлетворяясь отданной имъ честью,—остановились и не показали даже намѣренія продолжать насъ преслѣдовать.

По выходѣ изъ алминскаго огня, продолжая командовать восьмымъ, т. е. крайнимъ взводомъ 4-го

баталіона вышеупомянутаго полка я, не состоялъ при аріергардѣ, однако переправлялся послѣднимъ черезъ тѣснины, рѣчки и ручьи, непрерывно оглядывался и видѣлъ позади себя на первыхъ верстахъ одну сотню казаковъ, по взводу гусаръ справа и слѣва — и никого больше.

Маленькій отрядъ этой кавалеріи остановился, кажется, на рѣчкѣ Качѣ. По крайней мѣрѣ онъ долженъ былъ это сдѣлать послѣ того, какъ мы ее перешли.

На Таврическомъ полуостровѣ, Кача наибольшая рѣка послѣ Алмы. Когда солдаты поспѣшно переходили въ бродъ, то на ходу пользовались ея не глубокими, но прохладными струями. Съ своихъ суровыхъ лицъ они смывали пороховую копоть и кровь, натекающую или отъ своихъ собственныхъ ранъ или набрызганную кровь товарищей, убитыхъ или ядрами, или разрывными снарядами.

Къ великой досадѣ уходившихъ, ихъ усталыя ноги на мѣстѣ перехода безпрестанно натывались на подводныя свай, единственные остатки когда-то бывшаго тутъ моста.

По выше этого мѣста, но тутъ-же въ виду, на правой сторонѣ рѣчки находился станціонный дворъ, помѣщенный на полукруглой низинѣ, очерченной конечной чертой алминской плоскости. Низина та была на столько просторна, что во время бурлюкского, или алминскаго сраженія весь обозъ лѣваго фланга здѣсь удобно скрывался.

Наступили сумерки, когда поровнялись мы съ од-

ной стороны—съ нашимъ обозомъ, а съ другой—съ легкой изгородью виноградныхъ садовъ.

Старшій офицеръ, командовавшій за ранами батальоннаго командира, маіоръ Попялковскій, отдалъ строжайшее приказаніе не расходиться. Его голосъ сдѣлался громкимъ только тогда, когда мы были внѣ непріятельскихъ выстрѣловъ. По этому онъ не чувствовалъ той жажды въ сердцѣ, какая возбуждается въ людяхъ послѣ громкихъ командованій, или послѣ гнетущихъ чувствъ, побуждающихъ насъ наносить непріятелю наибольшій вредъ, какъ это было съ штуцерными, дѣйствовавшими рядомъ со мной сначала противъ Боске, а потомъ и противъ силъ Канробера.

Этимъ-то немногимъ господамъ и обязанъ главнокомандующій, что споспѣшествуя своимъ батареямъ, французская дивизія Боске долго удерживалась передъ нами и при томъ на разстояніи значительномъ.

Манерокъ съ водой у насъ не было, а потому темныя гроздіи почти зрѣлаго винограда сильнѣе возбуждали жажду нашу, а между тѣмъ этотъ высокій даръ небесъ мы оставляли для наслажденія врагамъ, многихъ изъ насъ уже искалѣчившимъ.

При этихъ мысляхъ я мгновенно очутился за изгородью, взявъ съ собою двухъ рядовыхъ, умѣвшихъ ловко поражать смѣлыхъ враговъ тамъ, куда только могъ достигать ихъ глазъ. Прочіе просили принести хотя по одной виноградинкѣ. Захвативъ въ саду винограда сколько возможно было взять въ

руки, я роздалъ его стрѣлкамъ, покрытымъ пороховой копотью, и теперь высланнымъ со всего баталіона въ мое распоряженіе.

Освѣжившись виноградомъ и перешедъ Качу, въ томъ же порядкѣ продолжали мы идти до глубокой ночи, во мракѣ которой солдаты расходились, отыскивая чѣмъ бы поживиться. Имъ теперь нужно было все, потому что они оставили въ рукахъ непріятеля и ранцы съ вещами, и сухари, сохранивъ при себѣ только ружья.

Запасъ, какой былъ, находился при общемъ обозѣ въ повозкахъ, оставленныхъ назади и которымъ, какъ намъ казалось, не миновать рукъ непріятельскихъ; а потому всѣ нуждавшіеся въ пищѣ и не надѣялись быть утоленными въ этой мѣстности.

• Когда знаменщиковъ остановили на привалѣ, выражаясь походнымъ терминомъ, во фронтѣ не было и половины людей, уцѣлѣвшихъ отъ пуль союзниковъ. Люди эти пропадали въ садахъ, собирая плоды и поѣдая ихъ безъ разбора—годны-ли они въ пищу или не годны, да въ темнотѣ и разобрать это было мудрено.

На привалѣ слышались слова баталіонеровъ и ротныхъ командировъ, потомъ раздавались голоса фельдфебелей. „Такой-то баталіонъ, или такая-то рота сюда-а!“ протягивая послѣдній слогъ до невозможности. Люди подходили, но часто не нашего полка, почему крики возобновлялись снова голосомъ неистовымъ.

Когда-же всѣ возгласы прекратились, поле какъ

будто оцѣпенѣло... Оно смолкло, кое-гдѣ озаренное, тихо мерцающимъ огнемъ. Могучій сонъ, казалось, опустилъ взоры труженниковъ, заставилъ ихъ забыть на время тревоги истекшаго дня; но это казалось только.

Вскорѣ говоръ слышался далеко въ кустахъ, разговоръ приближался, и наконецъ заговорили громко близъ начальствующихъ лицъ.

Пробужденный, генераль Гриббе сказалъ окружающимъ:

— Вы такъ шумите, что мѣшаете другимъ спать.

— Спать никто не хочетъ, ваше превосходительство, отвѣчало множество голосовъ.

— Отчего же, развѣ мало устали? спросилъ онъ, бывъ нашимъ бригаднымъ генераломъ.

— Никакъ нѣтъ-съ, отвѣчали неугомонные: мы еще не обѣдали, не ужинали, да и закусить не чѣмъ. Намъ лучше до мѣста идти, говорили солдаты, сами не зная, гдѣ это обѣтованное мѣсто. Предполагался этотъ рай конечно тамъ, гдѣ обрѣтутъ они себѣ хорошую пищу, прохлаждающее питье и успокоительный сонъ, хотя въ описываемое время и невозможно было всего этого ожидать.

Въ тотъ же часъ было отдано приказаніе подниматься въ сильную темень и мы пошли дальше, на каждомъ почти шагу спотыкаясь о коренья и цѣпляясь за кусты, пока не выбрались на дорогу.

Недалеко отъ рѣки Вельбека мелькнули огни, сторожившіе буйволовъ, верблюдовъ и воловъ, везшихъ къ арміи два корабельныя орудія, а со снаря-

дами при нихъ и повозокъ было не мало. Это даръ Черноморцевъ, желавшихъ всей душой облегчить первую нашу встрѣчу съ непріятелями, а затѣмъ и послѣдующія, если бы такія случились. Черноморцы хорошо понимали, что союзники Османовъ непременно должны держаться морскихъ прибрежій въ тѣхъ видахъ, что флотъ, доставляя имъ припасы, каждый разъ могъ имъ содѣйствовать и огнемъ своихъ пушекъ противъ нашихъ войскъ.

Теперь, чтобы получить вѣрнѣе понятіе объ обстоятельствахъ въ военномъ отношеніи выгодныхъ и невыгодныхъ, необходимо знать, что плоскости и берега небольшихъ рѣчекъ Качи и Бельбека были закрыты сплошной растительностію, позволявшей однако среди высокихъ кустовъ расположить войско даже значительное.

Въ упоминаемое время, еслибъ мы находились въ той или другой долину, преграждая союзникамъ дальнѣйшій путь, и стремясь къ Севастополю, они должны были явить всю свою храбрость, подойти къ намъ на расстояние само близкое чтобъ заставить всю армию нашу сдвинуться съ дороги.

Русскому войску, снабженному круглыми пулями было легко дѣйствовать изъ мѣстности, закрытой лѣсомъ и пересѣченной оврагами, именно такой, какая была между Качей и Бельбекомъ. Но вмѣсто того, чтобъ поставить армию здѣсь, какъ на лучшемъ пунктѣ, главнокомандующій князь Меншиковъ провелъ ее мимо тѣхъ мѣстъ, не давъ намъ воспользоваться та-

кими широкими зарослями, изъ-за которыхъ мы съ успѣхомъ могли бы защищаться и нападать.

Но почему князь Меншиковъ на эту единственную для насъ мѣстность не обратилъ должнаго вниманія, а предоставилъ ее, хотя и случайно, для пріятнаго кэйфа друзьямъ Ислама, принявшіе участіе въ кровавыхъ дѣлахъ того времени остались въ полномъ невѣдѣніи о томъ.

И почему въ самомъ дѣлѣ было такъ, а не иначе?

Если вѣрить въ старый слухъ, будто мрачный начальникъ морскихъ и сухопутныхъ силъ въ Крыму потому избѣгнулъ передать тѣ мирныя долины во власть всеразрушающаго Марса, что желалъ сохранить ихъ таинственную прелесть, — если такъ, то мысль эта мелка, недостойна полководца.

Соображая однако нѣкоторыя обстоятельства, можно почестъ подобный слухъ и за достовѣрный, и именно вотъ отъ чего. Во все время пребыванія въ Севастополѣ, князь Меншиковъ, вѣроятно по болѣзненному состоянію, какъ мы и слышали, не обладалъ прежними качествами ума. Такъ мы говоримъ потому, что даже не посвященному въ военное искусство нельзя не видѣть, что быстрое отступление нашей арміи со всѣхъ выгодныхъ позицій могло быть причиной не только потери всего обоза, но и конечной утраты бомбическихъ орудій, которыя, еслибъ не были употреблены немедленно противъ Севастополя, то были бы непременно направлены противъ насъ-же самихъ, если бы союзники догадались насъ преслѣдовать по пятамъ.

Этого-то и опасался лейтенантъ этой батареи. Онъ успѣшилъ поворотить обратно бомбическія орудія, брошенные на произволь судьбы, послѣ кратковременнаго отдыха и при помощи постороннихъ людей, такъ что съ восходомъ солнца успѣлъ переправить ее за рѣчку Бельбекъ.

Тяжелыя орудія слѣдовало дѣйствительно всячески торопиться увозить, потому что позади насъ не было оставлено такого арьергарда, которому они могли бы пригодиться и кто ихъ могъ бы защитить при приближеніи враговъ. Нѣсколько эскадроновъ кавалеріи, подававшихся за нами, исполняли одну аванпостную службу и ту несли съ трудомъ, по этому нельзя было думать, чтобъ они могли оказать неприятелямъ какое нибудь сопротивленіе.

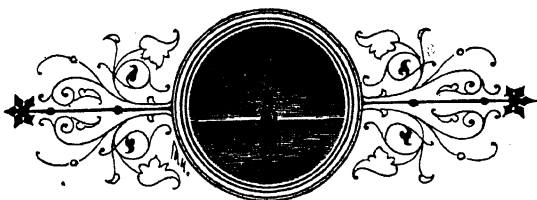
Волынской же пѣхотный полкъ, хотя и составлялъ арьергардъ всей арміи, но съ тѣхъ поръ, какъ мы опустили въ долину Качи, для насъ оставался невидимъ. Онъ стоялъ на Инкерманской дорогѣ и безъ явнаго для себя ущерба не могъ рястанутся и на ту дорогу, по которой мы прошли, какъ на самую прямую и по близости къ морю считавшеюся опасной.

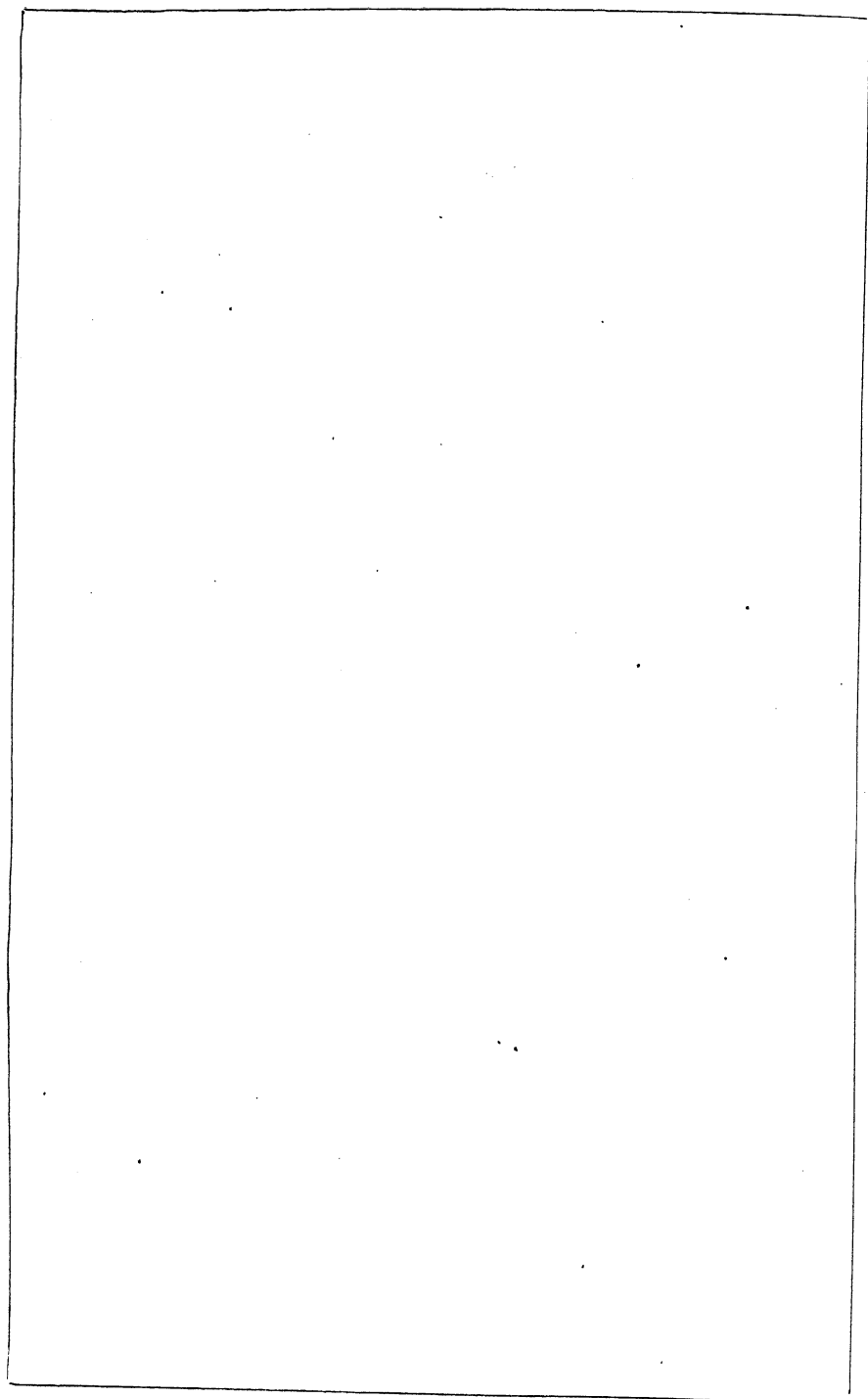
Нельзя не сказать, что Волынской пѣхотный полкъ спасъ всѣ полковые обозы тѣмъ, что продержался до глубокой ночи на Качинскихъ высотахъ служившихъ продолженіемъ алминской плоскости.

Крикъ погонцевъ праваго и лѣваго фланговъ пока-

зался союзникамъ за возгласъ нашей арміи. Они думали, что русская армія расположилась въ садахъ, а на самомъ дѣлѣ она стремительно легла частію на инкерманскую высоту, а частію въ Севастополь, который представлялся намъ, не выдавшимъ его, не иначе какъ въ видѣ сильной замкнутой крѣпости. Но увы, тамъ не нашли того, чего ожидали.

Владиміръ Бейтнеръ.

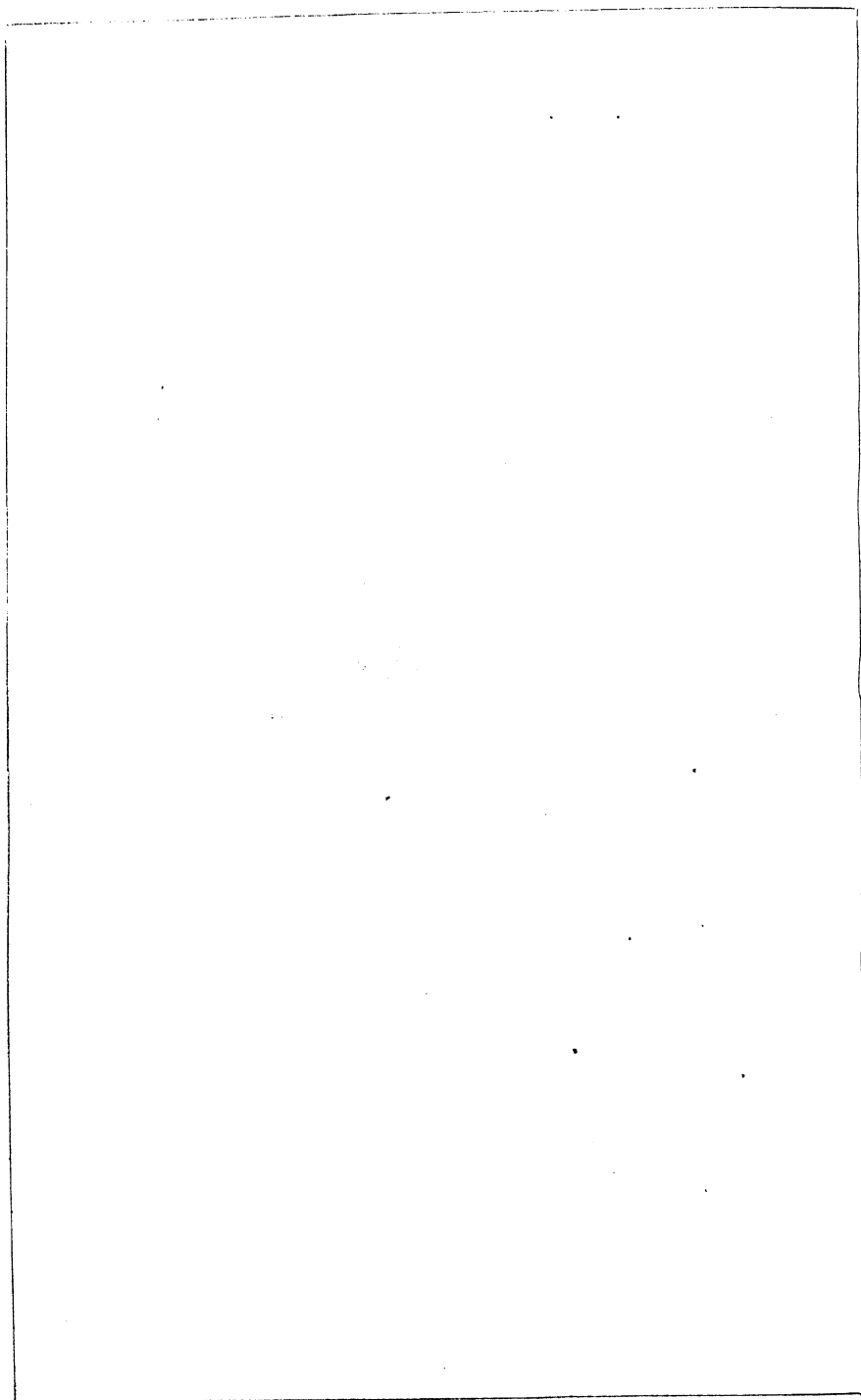

ИЗЪ ДНЕВНИКА

одного изъ участвовавшихъ въ оборонѣ Севастополя

въ войну 1853—56 годовъ.

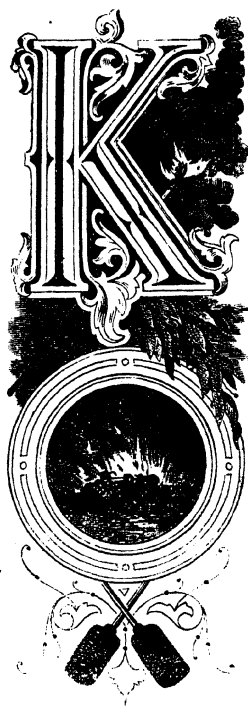

ИЗЪ ДНЕВНИКА

одного изъ участвовавшихъ въ оборонѣ Севастополя

въ войну 1853—56 годовъ.

огда турки были разбиты на кавказской границѣ при Баяндурѣ, Башь - Кадыкларѣ и Курюкь-дарѣ, то Александропольская крѣпость была безопасна отъ дальнѣйшихъ нападений, и я, желая принять участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ, сосредоточившихся въ Крыму, подаль прошеніе объ увольненіи меня въ отпускъ. Разрѣшеніе получено мной черезъ 4 мѣсяца.

1-го мая 1855 года я оставилъ Александрополь и съ большимъ трудомъ прибылъ къ 12-му мая чрезъ Тифлисъ, Владикавказъ и Ставрополь въ Тамань. Нанявъ здѣсь лодку для переѣзда въ Керчь, мы тотчасъ же отправились туда; но въ виду уже крымскаго берега вѣтеръ сдѣлался противнымъ и мы должны были вернуться. Въ моментъ нашей высадки въ Тамань мы были оглушены страшными залпами, заставившими выбѣжать къ

берегу многихъ изъ жителей. Между ними я встрѣтилъ генерала Лобко и полковника Крыжановскаго, съ которыми и поѣхалъ верхомъ по тому направленію, откуда слышались залпы. При подъѣздѣ къ берегу глазамъ нашимъ представилась грозная военная картина: въ Керченскомъ проливѣ на противоположной сторонѣ у Бурунь-Камыша стоялъ весь непріятельскій флотъ (болѣе 60 кораблей) и осыпалъ берегъ бомбами. Въ тоже время высаживались войска, формировали колонны и стремились на право къ Павловской батарее. Вскорѣ мы были поражены необыкновеннымъ зрѣлищемъ: вся эта батарея при приближеніи къ ней непріятеля вдругъ безъ выстрѣла взлетѣла на воздухъ; орудія повалились съ крутого берега въ пропасть; густое громадное облако дыма застлало весь берегъ, на которомъ до самой Керчи въ тоже время объаты были пламенемъ всѣ дома, бараки и пр. и скрыло отъ нашихъ глазъ дальнѣйшее движеніе непріятеля.

Мы увидали далѣе, что два непріятельскіе парохода, отдѣлившись отъ флота, приняли направленіе къ Керченскому рейду и открыли по немъ огонь. Въ нихъ стрѣляли наши 4 крошечные парохода.

У берега противъ Еникале находилось много купеческихъ кораблей съ провіантомъ, старавшихся укрыться въ Азовскомъ морѣ.

Одна батарея въ Керчи и другая въ Еникале открыли огонь на непріятельскій десантъ, но вскорѣ перестали стрѣлять, и непріятель вошелъ въ городъ.

Первые изъ непріятельскихъ войскъ, занявшихъ Керчь, были турки, которые вели себя какъ дикіе звѣри. Тревога была страшная; жители бѣжали на гору, и многіе на лодкахъ прибыли къ нашему берегу. Одинъ писарь, прибывшій на эту сторону съ своимъ семействомъ, рассказалъ мнѣ, что генераль Врангель, подписавъ предписаніе—взорвать Павловскую батарею, воскликнулъ: „я подписалъ свой смертный приговоръ,“; и что въ распоряженіи Врангеля состояло всего разнаго рода войска только 4 т., которое было разбросано по всему берегу до самой Теодосіи.

Уже темнѣло; во многихъ мѣстахъ на берегу и на морѣ вспыхивали пожары; между прочимъ загорѣлись магазинъ въ Еникале и одна лодка съ архивомъ, буксированная пароходомъ, что представляло собой чрезвычайно эффектное зрѣлище. Наши пароходы ушли въ Азовское море.

На горахъ, лѣвѣ насъ, при Бурунь-Камышѣ, видны были бивуачные огни; отъ туда же производилась стрѣльба противъ Керчи. Такъ какъ Еникале держался до вечера, то мы полагали, что наши войска прибыли изъ Теодосіи и намѣреваются атаковать непріятеля съ сухого пути, и провели всю ночь съ большимъ волненіемъ въ ожиданіи этого. Вдругъ къ утру 13-го мая второй взрывъ потрясъ воздухъ до того, что и въ Таманѣ задрожали и потрескались окна. Это былъ взрывъ пороховаго погреба въ Еникале—знакъ, что наши войска отступаютъ, и Азовское море въ рукахъ непріятеля.

•

Кто можетъ выразить состояніе души въ такія минуты! Наши береговыя батареи были расположены на высокихъ скалахъ и Лобко мнѣ говорилъ: „Тутъ ни одинъ корабль не можетъ пройти; я самъ получилъ лестное порученіе вооружить заливъ.“ — „А что, батареи ваши укрѣплены?“ — „Для чего? намъ вѣрно только обезпечить море и для того поставлены пушки въ достаточномъ количествѣ.“ — „Въ состояніи-ли Врангель отбить десантъ?“ — „Какъ десантъ? Развѣ они произведутъ здѣсь высадку?“ — „Что же другое“ — „Ахъ! тогда конецъ всему. У Врангеля слишкомъ мало войска.“ — „А что онъ имѣетъ?“ — „Не могу сказать, это противъ моей совѣсти.“ — „Въ такомъ случаѣ Азовское море можно считать Англійскимъ озеромъ!“ — „Э, посмотримъ; до сихъ поръ непріятель не смѣлъ сюда пробраться и береговыя укрѣпленія въ теченіе года выполнили свое назначеніе.“

Нѣсколько сотенъ спѣшенныхъ казаковъ были выстроены на берегу. Генераль, подойдя къ нимъ, поздоровался и сказалъ: „Теперь, ребята, насталь моментъ показать себя.“ — Не имѣя никакой возможности прямо черезъ заливъ прибыть въ Севастополь, я послалъ за почтовыми лошадьми; чтобы объѣхать Азовское море сухимъ путемъ. Баронъ Фитингофъ, получившій стрѣлковый баталіонъ въ Севастополь, проѣздомъ туда, прибылъ также въ Тамань и имѣлъ въ виду на почтовыхъ же отправиться далѣе. Но почтмейстеръ велѣлъ намъ сказать, что лошадей для насъ нѣтъ, такъ какъ всѣ наличныя

назначены для перевозки почтовой конторы. — Не помогло и то, что генераль Лобко далъ открытое предписаніе о немедленномъ отправленіи барона Фитингофа: почтмейстеръ отказывался исполнить это предписаніе безъ особаго на то распоряженія своего начальства. Тогда Фитингофъ отправился къ Крыжановскому и спросилъ его — „что намъ дѣлать?“ — „На почтѣ находятся 70 т. руб., которые необходимо отправить какъ можно скорѣй; такъ какъ неприятель могъ высадиться каждую минуту. Но мы дадимъ вамъ обывательскихъ лошадей.“ Пославъ за таковыми одного унтеръ-офицера, заявившаго, что у него имѣется въ готовности 3 тройки, Крыжановскій прибавилъ: „Вы видите, я дѣлаю все, что только могу, и черезъ полчаса вы отправитесь“. Мы велѣли уложить наши вещи и приготовились къ отъѣзду; но лошади не прибыли и мы прождали ихъ всю ночь. Утромъ я нанялъ подводу для вещей, а сами мы пѣшкомъ отправились на почтовую станцію въ двухъ верстахъ отъ города, запасшись предварительно отъ Крыжановскаго открытымъ листомъ, безъ котораго въ то время почтовыхъ лошадей не давали. Прибывъ на станцію, я увидаль, что конюшни были полны лошадей. По моему требованію начали запрягать лошадей, какъ вдругъ изъ Тамани пріѣхалъ почтмейстеръ и объявилъ, что не смѣетъ дать лошадей.

Замѣтивъ нѣсколько телѣгъ, нагруженныхъ разною мебелью и указывая ему ихъ, я сказалъ: „Такъ это тѣ 70 т. р., которые вы должны спасти? Если

черезъ полчаса лошади не будутъ готовы, я арестую васъ какъ измѣнника“, и ушелъ въ комнату. Черезъ нѣсколько минутъ почтмейстеръ, предупрежденный Фитингофомъ въ моей горячности, явился ко мнѣ съ извиненіемъ, объявивъ, что лошади сейчасъ будутъ готовы. Въ 11 часовъ мы дѣйствительно отправились. Жара ужасная. Между нѣкоторыми станціями намъ приходилось ѣхать по водѣ. Въ Темрюкѣ у самаго берега былъ большой магазинъ, предназначенный къ истребленію. Мнѣ сказали, что Серебряковъ съ значительнымъ отрядомъ находится въ Анапѣ и Новороссійскѣ. Слѣдовательно вездѣ разбросаны наши войска, принужденныя отсутствовать, какъ скоро показывается непріятель, и уничтожать всѣ запасы. Тоже было на Кавказѣ, отчего въ 50 лѣтъ нельзя было усмирить его; тоже повторилось и на турецкой границѣ съ превосходной арміею, раздѣленною на 5 отрядовъ и разбросанною въ Гуріи, Ахалцихѣ, Ахалкалакахъ, Александрополѣ и Эривани, черезъ что каждый отрядъ былъ слишкомъ слабъ, чтобы подаваться впередъ, вслѣдствіе чего даже выигранныя сраженія остаются безъ пользы.

Въ Европѣ наши войска раскинуты отъ Торнео до Керчи; въ княжествахъ стояли по баталіонно отъ Браилова до Калафата; на главномъ же пунктѣ— въ Севастополѣ — слишкомъ мало; чтобъ прогнать горсть искателей приключеній, захватившихъ въ свои руки Балаклаву и Евпаторію.

Изъ Екатеринодара я отправился въ Эйскъ—

мѣстечко на Азовскомъ морѣ—сдѣлавшееся извѣстнымъ только при Воронцовѣ. Здѣсь я нанялъ двухпарусную небольшую лодку до Бердянска и немедленно отчалили. Вдругъ на горизонтѣ къ западу показались пароходы. Непрiятельскіе ли были они или наши — различить не было возможности. Попутный вѣтеръ намъ благопріятствовалъ и черезъ нѣсколько часовъ мы могли быть на мѣстѣ; но вѣтеръ стихъ, пароходы быстро приближались къ намъ, и мы наконецъ могли различить, что они были англійскіе.

Мы налегли на весла, чередуясь всѣ въ этой работѣ, рѣшившись, въ случаѣ нужды, побросать за бортъ всѣ вещи; но пароходы направлялись въ Бердянскъ, не замѣчая насъ, а потому и мы перемѣнили курсъ — направившись на Таганрогъ, куда и прибыли въ сумерки при помощи небольшого вѣтерка, сдѣлавшагося намъ снова попутнымъ.

Масса народа встрѣтила насъ тутъ съ разспросами о Керчи: — Не измѣннически ли преданъ непріятелю городъ, такъ какъ тамъ начальствовалъ нѣмецъ. Купцы выражали свои опасенія, говоря: „Начальству легко уйти, имѣя всѣ средства къ тому, а что будетъ съ нами и съ нашими складами“, разспрашивали — „не жгутъ и не рѣжутъ ли англiчане?“ На мои увѣренія въ противномъ, они сомнительно качали головами и говорили: „лучше спастись что можно“. На первой станціи глазамъ моимъ представилось необыкновенное зрѣлище: все пространство кругомъ было покрыто всевозможными

экипажами и множество хорошо одѣтыхъ особъ обоого пола лежало на землѣ.

На слѣдующихъ станціяхъ я имѣлъ еще болѣе хлопотъ, чтобъ доставать лошадей. Въ первый день Троицы я прибылъ въ Марунполь. Городъ оказался совершенно пустымъ; я могъ замѣтить только 2 англійскихъ парохода. Когда я подъѣхалъ къ станціи, смотритель Демонтовичъ выбѣжалъ ко мнѣ на встрѣчу со словами: „А, генераль! скажите, что намъ дѣлать? Въ городѣ ни души, семейство свое я тоже отправилъ; Бердянскъ взятъ; магазинъ и нѣсколько домовъ сожжены; всѣ разбѣжались, черный народъ грабить. Уѣхать ли мнѣ тоже и предать все огню; у меня есть нѣсколько тысячъ четвертей овса. Какъ прикажите поступить?“—„Приказываю вамъ ни въ какомъ случаѣ не оставлять вашего поста по той причинѣ, что сообщеніе по этому тракту необходимо по своей важности“.—„А если они возьмутъ меня въ плѣнъ?“—„Никто о васъ не будетъ заботиться“.—„Хорошо, я понимаю. Я поручикъ и даю вамъ мое солдатское слово оставаться здѣсь“.

Такъ было вездѣ; въ виду опасности всѣ начальники оставляли свои посты, и народъ на счетъ непріятели грабилъ оставленные имущества.

Вскорѣ я встрѣтилъ на дорогѣ полковника За-рубина — командира 35-го казачьяго полка. Онъ остановилъ меня словами: „Вчера я получилъ отъ начальника штаба экстренное предписаніе защищать берегъ отъ г. Геническа до Таганрога, бо-

лѣе 300 верстъ, а у меня только одинъ полкъ. Что мнѣ дѣлать?“ — „Что же намѣрены вы дѣлать?“ спросилъ я его съ напряженнымъ любопытствомъ. „я стоялъ со своимъ полкомъ въ Мелитополь; теперь хочу послать на разные пункты по 20 человекъ; но что они могутъ сдѣлать! Ручаюсь, впрочемъ, что мои казаки грабить не будутъ“. — „Что васъ могло побудить увѣрять меня въ этомъ?“, „Естественно, когда жители оставляютъ свои дома и имущества; то если мы не возьмемъ, то другіе воспользуются“. — „По моему мнѣнію вамъ слѣдуетъ держать вашъ полкъ въ сборѣ; пусть жители дадутъ вамъ знать гдѣ высадится непріятель и тогда дѣйствуйте на него всѣми силами“. — „Въ самомъ дѣлѣ такъ лучше; я такъ и сдѣлаю“.

Непріятель оставилъ Бердянскъ и отправился въ Геническъ, гдѣ отъ бомбардированія загорѣлись магазины и склады каменнаго угля. Нѣкоторые бѣжавшіе оттуда показывали необыкновенной величины ядра. Въ Мелитополь я прибылъ только 17-го мая, гдѣ встрѣтилъ подполковника Конради и архитектора Энгельгардта. Мы разсуждали о томъ, — какъ лучше попасть въ Крымъ: черезъ Геническъ — но тамъ уже находился непріятель и служащіе при станціи разбѣжались; чрезъ Чонгарскій мостъ — но тутъ нѣтъ почтовыхъ станцій и нужно нанимать обывательскихъ лошадей. Третья же дорога черезъ Перекопъ самая дальняя. Мы избрали трактъ на Чонгарскій мостъ; но для этого необходимо было достать открытый листъ, котораго не могли полу-

чить за отсутствіемъ уѣзднаго исправника. Къ счастью, одинъ чиновникъ за 1 р. 20 коп. доставилъ мнѣ открытый листъ.

18-го мая при великолѣпномъ освѣщеніи мы проѣхали Чонгарскій мостъ и очутились наконецъ въ Крыму. Съ нетерпѣніемъ я жаждалъ увидать и подивиться его красотами; но что же представилось мнѣ? Совершенно голая, низменная степь; нигдѣ не видно даже кустарника; деревни кажутся земляными кучками; пыль неимовѣрная. Однимъ словомъ, на всемъ пространствѣ, сколько можетъ обнять взоръ, самая безотрадная мѣстность: вездѣ только солончаки и выжженная солнцемъ болотная трава. Къ вечеру прибыли въ Симферополь. Съ обѣихъ сторонъ дороги виднѣлись сады, дачи, рѣчки и канавки; улицы полны дыма и загромождены фурами съ ранеными и больными; тутъ можно было встрѣтить людей всехъ національностей. Я остановился въ домѣ Энгельгардта и, когда хотѣлъ послать за лошадьми, то подорожной у меня не оказалось, и я долженъ былъ остаться.

19-го мая утромъ я отправился къ генералъ-губернатору графу Адлербергу, который принялъ меня словами: — „А, старый знакомый, кто могъ думать, что мы встрѣтимся здѣсь и въ такое время. Какъ много дѣла, нѣтъ покоя ни минуты“. Я попросилъ его выдать мнѣ подорожную. — „Подайте прошеніе“, отвѣчалъ графъ. — „Это лишняя только задержка для меня“. — „Ахъ, вы и то пріѣдете въ Севастополь довольно рано. Тамъ вообще говорить

не ладно, и мы не знаемъ что дѣлать здѣсь, хотя еще далеко отъ выстрѣловъ“.

Познакомившись случайно съ полковницею Саблеръ и упомянувъ, что остаюсь здѣсь по неимѣнію подорожной, я тотчасъ получилъ отъ нея взятый ею для себя бланкъ и такимъ образомъ могъ отправиться далѣе.

Передъ отъѣздомъ моимъ изъ Симферополя г-жа Энгельгардъ вручила мнѣ большой узелъ корпіи и бинтовъ, сказавъ, что это даръ красивѣйшей дамы въ Курляндіи, предназначенный для храбрѣйшаго и достойнѣйшаго.

Дорога дальше—настоящій глинистый ровъ—была покрыта безконечными транспортами и проходившими въ оба конца войсками; по сторонамъ стояли вагенбурги, доходившіе до 100 повозокъ. Рѣчки большей частію безъ мостовъ; въ окрестностяхъ виднѣлись сады, горы и долины.

На слѣдующей станціи въ первый разъ получилъ лошадей безъ задержки. Уже темнѣло, когда я прибылъ на сѣверную сторону Севастополя. Станція была въ развалинахъ. На той сторонѣ подъ звѣзднымъ небомъ летали туда и сюда бомбы. Здѣсь же все было тихо: въ лагерѣ всѣ уже спали. Въ одной изъ палатокъ я замѣтилъ огонь и, войдя въ нее, увидѣлъ какую то особу въ халатѣ за письменнымъ столомъ. Назвавъ себя, я спросилъ:—„гдѣ главная квартира?“ — „Главная квартира здѣсь, я назначенъ комендантомъ — полковникъ Салуньевъ, Драгунскаго Великаго Князя Михаила Николаевича“.

ча полка. Если не взыскательны, то остановитесь въ моей палаткѣ“. Въ дальнѣйшей бесѣдѣ онъ разсказаль мнѣ чудеса объ Евпаторіи, и называль себя счастливымъ, что получилъ это мѣсто: такъ какъ тамъ приходилось ему болѣе не въ терпезь. — „Моя жена—сестра жены Корнилова, говорилъ онъ, и потому Коцебу исходатайствовалъ мнѣ это мѣсто“. Потомъ разсказаль мнѣ какъ при потопленіи флота нашего въ бухтѣ, по совѣту Зарина, одинъ изъ кораблей, не помню навѣрное, 12 Апостоловъ или 3-хъ Святителей не могъ потонуть, хотя и былъ просверленъ, до тѣхъ поръ, пока не вспомнили, что забыта въ каютѣ икона, и только когда ее вынесли, корабль мгновенно погрузился. — „А! это чудо“ замѣтилъ я.— „Безъ сомнѣнія; но это дѣйствительно такъ было“.

20-го мая поутру я явился генералу Коцебу, котораго нашель на дворѣ форта № 4.—Коцебу былъ пораженъ моимъ прибытіемъ—„Шульцъ, это вы? Какъ вы къ намъ сюда попали?“—„Я въ отпуску для поправленія здоровья“.—„Какъ, здѣсь?“—„Если хотите меня имѣть здѣсь, я останусь“.—„О, намъ нужны такіе люди, только потерпите. Я доложу о васъ князю Горчакову, подайте мнѣ только рапортъ“.

Коцебу придерживался Воронцова принципа, приводить всякое серіозное дѣло въ исполненіе не ранѣе какъ черезъ трое сутокъ, на томъ основаніи, что отъ поспѣшнаго и необдуманнаго вполнѣ рѣшенія дѣла, можетъ произойти гораздо большій вредъ, чѣмъ отъ потери времени.

22-го мая князь Горчаковъ пригласилъ меня къ себѣ на обѣдъ и привѣтствовалъ меня самыми лестными выраженіями, напомнилъ, что онъ примѣтилъ меня еще при штурмѣ Варшавы въ первой линіи при артиллеріи Ловцова и предложилъ мнѣ явиться графу Остенъ-Сакену — начальнику Севастопольскаго гарнизона, что я и исполнилъ сейчасъ же послѣ обѣда. Я прибылъ въ Николаевскія казармы, гдѣ помѣщался графъ въ то время, когда у него совершалась домашняя церковная служба, при чемъ находилась и вся его прислуга. Я рѣшился воспользоваться этимъ временемъ, чтобъ осмотрѣть городъ.

Николаевскіе казематы устроены какъ и въ Александрополѣ, т. е. ни къ чему негодны. Такъ напримѣръ Константиновскія при первомъ бомбардированіи остались безъ мерлоновъ и пушки были подбиты. Земляной валъ могъ бы больше выдержать.

Графъ Остенъ-Сакенъ принялъ меня очень радушно, усадилъ меня на отоманкѣ въ своемъ кабинетѣ и подробно разспрашивалъ о Кавказѣ, Александрополѣ и Муравьевѣ, котораго я посѣтилъ проездомъ черезъ Тифлисъ. Послѣ того ознакомилъ меня съ положеніемъ Севастополя и въ заключеніе увѣрялъ меня, что онъ очень радъ моему прибытію. — „Переѣзжайте къ намъ, Васильчиковъ укажетъ вамъ квартиру — остальное тоже найдется“, говорилъ онъ.

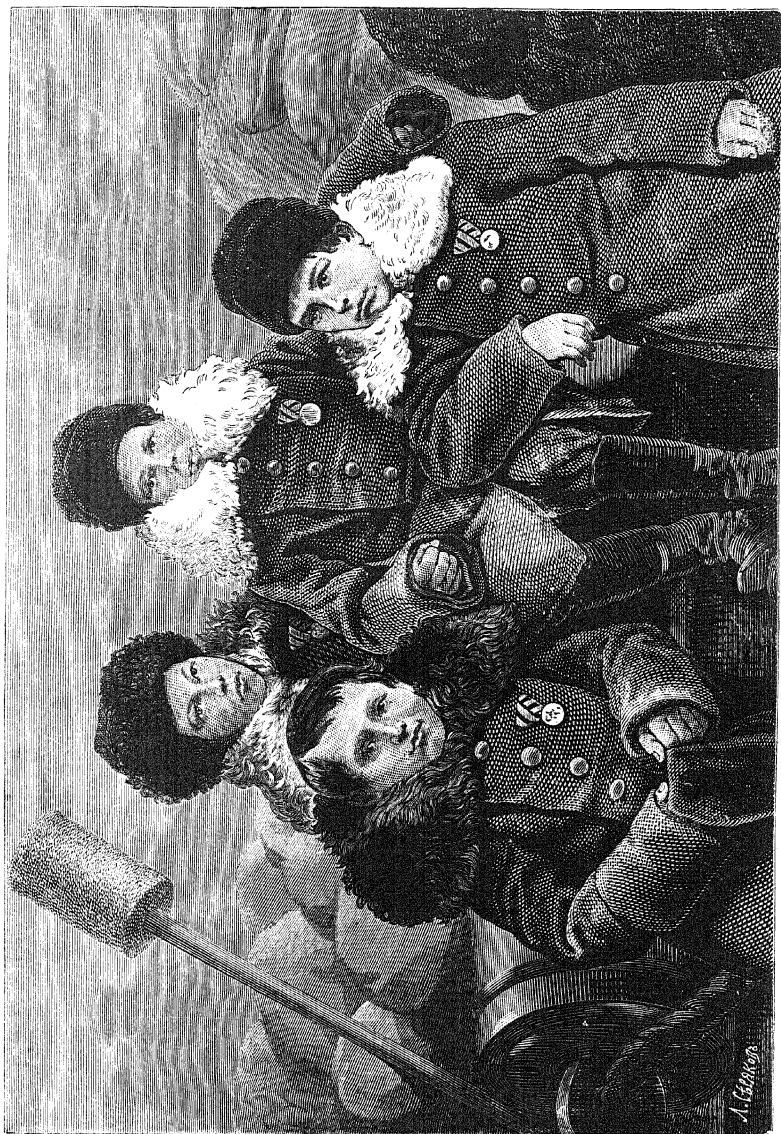
Мнѣ указали квартиру извѣстнаго хирурга Пирогова, который приготавлился къ отъѣзду. Домъ

помѣстительный, съ отличною мебелью, противъ квартиры генерала Сакена. Между тѣмъ я посѣтилъ также Севастопольскаго коменданта, генерала Кизмера — старика, убѣденнаго сѣдинами, съ палкою. Онъ представилъ мнѣ свое семейство и сказалъ: „Я здѣсь ничто иное какъ сторожъ арестантовъ“.

Послѣ того я видѣлъ князя Васильчикова, съ которымъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ участвовалъ въ экспедиціи въ Чечнѣ, и Тотлебена — въ саду тропическихъ растений окруженнаго множествомъ инженерныхъ офицеровъ, планами и картами и занятаго различными распоряженіями. Каждый высказывалъ свое мнѣніе и смотрѣлъ на дѣла Севастополя съ своей точки зрѣнія; но все сходились въ одномъ—это въ обвиненіи Горчакова, что наши дѣла не подвигаются впередъ, чѣмъ все особенно были встревожены.

Тотлебенъ предложилъ силою захватить кладбище на правомъ флангѣ. Послѣ долгихъ споровъ, наконецъ рѣшились привести въ исполненіе. Съ этого мѣста можно было амфилировать непріятельскія траншеи.

Быстро заняли это мѣсто, окопались и вооружились 8 орудіями. Въ ночь непріятель атаковалъ его, мы потеряли до 5 т. человѣкъ, но отбили его и продолжали работы. На третью ночь приказано было оставить тамъ только два баталіона; ни просьбы, ни представленія не могли отмѣнить этого приказанія.

ЮНГИ ЧЕРНОМОРСКАГО ФЛОТА

РИПИЦЫНЪ, БОБЕРЪ, ФАРАСЮКЪ И НОВИКОВЪ.

Когда непріятель снова атаковалъ кладбище, то два баталіона отступили и наши работы и орудія достались ему.—Все это имѣло видъ интриги противъ Тотлебена. Коцебу говорилъ мнѣ: „Мы не должны вдаваться въ такія предпріятія. Если мы пошлемъ 5 т., они противупоставятъ 10 т., если мы 10 т., то они намъ 20 т.“

Болѣе всѣхъ высказывалъ неудовольствіе Пировъ и говорилъ: „Меншиковъ, погруженный въ себя, недовѣрчивый и скупой, но все-таки при немъ что нибудь дѣлалось. Единственный кто могъ бы поправить дѣло — это Тотлебенъ; но взгляните, какъ всѣ противъ него интригуютъ. Всѣ кричатъ, что онъ затѣваетъ безмысленныя предпріятія, которыхъ нельзя привести въ исполненіе, а между тѣмъ планы его уже были фактически осуществлены. Такъ лучшее, что я могу сдѣлать — проститься. При такихъ обстоятельствахъ для Севастополя нѣтъ спасенія.“

23 мая Остенъ-Сакенъ, пригласивъ меня къ себѣ, встрѣтилъ словами: „Желаніе ваше скоро исполнилось; самый опасный постъ на оборонительной линіи вакантный: генераль Баумгартенъ оставляетъ 2-е отдѣленіе по причинѣ аневризма въ ногѣ. Васильчиковъ, пишите приказъ о назначеніи генерала начальникомъ 2-го отдѣленія“. Послѣ этого далъ мнѣ много наставленій и совѣтовъ, сказавъ между прочимъ: „Вамъ извѣстна безпечность русской природы. Подробныя инструкціи вы получите отъ генерала Хрулева — начальника 3-го отдѣленія,

Коцебу мнѣ высказалъ свое мнѣніе, что предпочтительнѣе отдать Севастополь, чѣмъ пожертвовать всею армією; но я надѣюсь удержать его, въ крайнемъ же случаѣ сберечь армію“. — „Для чего же армія?“ возразилъ я. — „Я понимаю, но она единственная армія Россіи“.

Хрулевъ сѣтовалъ на сбивчивыя и противурѣчивыя распоряженія и на то, что ему не даютъ дивизіи, потому только, что онъ артиллеристъ.

Адмиралъ Нахимовъ энергиченъ, дѣятеленъ и способенъ, но не умѣлъ приобрѣсти себѣ должнаго значенія, и былъ только командиромъ порта.

Въ самомъ началѣ мнѣ показалось страннымъ, что черезъ бухту не было моста. Коцебу объяснилъ это мнѣ тѣмъ, что Нахимовъ возставалъ противъ этого: такъ какъ первая буря разломала бы мостъ, и что, въ случаѣ надобности, онъ скорѣе можетъ переправить на лодкахъ полную дивизію, чѣмъ бы она могла перейти по мосту.

24-го мая послѣдовалъ приказъ о назначеніи меня начальникомъ 2-го отдѣленія оборонительной линіи города Севастополя, центръ которой составлялъ IV бастіонъ. Отдѣленіе это защищалось 10-ю пѣхотною дивизією, однимъ стрѣлковымъ баталіономъ и 240 орудіями, прислуга при которыхъ состояла большею частію изъ моряковъ. Въ 10-й дивизіи находилось штабъ-офицеровъ 8, оберъ-офицеровъ 230, унтеръ-офицеровъ 973, музыкантовъ 438 и рядовыхъ 8201; стрѣлковъ было 300. Штабъ состоялъ изъ началь-

никовъ артиллеріи и инженеровъ, канцеляріи и ординарцевъ, назначаемыхъ по усмотрѣнію.

25-го числа утромъ я посѣтилъ генерала Хрулева, бывшаго начальникомъ 3-го отдѣленія оборонительной линіи, и нашель его крайне раздраженнымъ и недовольнымъ положеніемъ дѣлъ въ Севастополѣ. Онъ горячо порицалъ всѣ распоряженія начальства и высказывалъ свое рѣшительное убѣжденіе, что только немедленная атака непріятеля всѣми нашими силами на одинъ пунктъ могла привести къ рѣшительнымъ результатамъ въ нашу пользу; но на мой вопросъ:— „гдѣ же именно этотъ стратегическій пунктъ“, онъ указать его не могъ.

Въ 10 часовъ прибыль ко мнѣ оберъ-квартирмейстеръ Циммерманъ, и между нами было условлено приступить къ принятію мной 2-го отдѣленія въ 6 часовъ пополудни, и тогда же былъ назначенъ ко мнѣ капитанъ генеральнаго штаба Вессель.

Планъ 2-го отдѣленія оборонительной линіи я получилъ отъ предмѣстника моего, генерала Баумгартена, оставившаго свой постъ по болѣзни; временное же завѣдываніе таковымъ поручено было капитану 1-го ранга Микрюкову.

Едва мы окончили обѣдъ у Пирогова, гдѣ постоянно собирались многіе, какъ послышался ужасный шумъ. Докторъ Обермиллеръ прискакалъ къ дому, и кричалъ съ улицы: „канонада! канонада!... Врачи на главный фербантъ!“ Тотчасъ всѣ разбѣжались. Пироговъ легъ спать, а я послалъ своего деньщика Левина къ князю Васильчикову за лошадью.

Вскорѣ приведена мнѣ верховая лошадь, но безъ казака, и я поскакалъ на 4-й бастионъ по морской улицѣ, по всей длинѣ которой ложились снаряды, разрушая дома.

Подъѣхавъ къ траншеѣ, я отдалъ свою лошадь саперамъ гальванической батареи и пошелъ пѣшкомъ далѣе, будучи непрерывно осыпаясь пескомъ и камнями отъ дѣйствія непріятельскихъ ядеръ и бомбъ, непрерывно кругомъ меня падавшихъ со всѣхъ сторонъ, въ особенности же сильно съ англійской батареи.

Множество артиллеристовъ спѣшило изъ города отъ обѣда занять свои посты на батареяхъ.

На самомъ бастионѣ я встрѣтилъ нѣсколькихъ только офицеровъ; всѣ же прочіе попрятались въ блиндажахъ. Матросы, прислуживающіе при орудіяхъ, дѣйствовали весьма ревностно. Я объявилъ себя ихъ начальникомъ, одобрилъ ихъ рвеніе и стойкость и получилъ въ отвѣтъ громкое „ради стараться“.

Не замѣтивъ никакого движенія за валомъ, я приказалъ всѣмъ укрыться въ блиндажахъ, но артиллерійскимъ офицерамъ находиться на своихъ постахъ.

Микрюкова я нашелъ въ центральномъ блиндажѣ, — куда явились и всѣ начальники частей: инженеръ-полковникъ Гарднеръ, капитанъ Реймерсъ, командовавшій 2-мъ фасомъ главнаго вала и командиры полковъ: Томскаго — Лисоевскій, Колыванскаго — Лидовъ; Екатеринбургскаго — Веревкинъ и Тобольскаго — Енохинъ.

Полковниковъ Лидова и Енохина я назначилъ

быть въ готовности въ резервѣ; прочимъ же заботиться о раненыхъ артиллеристахъ, чтобъ не отвлекать для этой цѣли другихъ изъ прислуги при орудіяхъ.

Послѣ того я пошелъ съ Микрюковымъ и Гарднеромъ осматривать остальные части отдѣленія. Бомбардированіе все усиливалось, но оба эти, сопровождавшіе меня храбрые офицеры не намекнули даже объ угрожающей намъ опасности. У плечеваго угла бастіона я повернулъ вправо, и тутъ только Гарднеръ сказалъ мнѣ: „я иду съ вами, но дорога эта ведетъ къ смерти“. — „Извольте, пойдѣмъ влѣво“, былъ мой отвѣтъ. Но едва только мы сдѣлали нѣсколько шаговъ, какъ одно ядро ударилось въ землю между мною и Микрюковымъ, обдавъ насъ камнями и пескомъ. Одинъ изъ камней попалъ мнѣ въ кисть лѣвой руки, такъ что отъ сильной боли я не могъ владѣть пальцами, а Микрюковъ такой же ударъ получилъ въ лицо, отчего и лишился чувствъ. Въ то же время убитъ мичманъ Васильевъ и ранены лейтенантъ Цацъ и 50 человекъ артиллеристовъ.

Въ 6 часовъ сообщено по телеграфу, что пришло еще 30 непріятельскихъ транспортныхъ судовъ и что пороховой погребъ ихъ въ Килень-балкѣ взорванъ на воздухъ.

Канонада продолжалась до поздняго вечера. Реймерсъ раненъ въ голову; но послѣ перевязки остался на позиціи. Много вредитъ намъ, что наши батареи по большей части устроены изъ туровъ, фашинъ и мѣшковъ: вода привозится бочками изъ далека, мгновенно

венно расходуется по причинѣ невыносимой жары, и когда загорается что-нибудь на эскарпѣ бастіона, то, по неимѣнію воды и даже гасительныхъ инструментовъ, люди руками должны разбирать горячія части, при чемъ сегодня 2 человѣка получили такіе сильные ожоги, что отправлены на форбантъ.

Въ ночь 900 человѣкъ изъ резерва исправили разрушенныя и поврежденныя части; привезли 38 бочекъ воды, которую сохраняли въ желѣзныхъ ящикахъ; хоронили убитыхъ, отправляли на перевязку раненыхъ и проч.

Мнѣ тоже всю ночь пришлось писать донесенія, требованія и дѣлать диспозицію на слѣдующій день, такъ что о раздѣваньи и снѣ нельзя было и думать.

26-го мая возобновилась канонада съ тою же силой. У насъ всякій находился на своемъ мѣстѣ, и мы ни въ чемъ не уступали непріятелю.

Адмираль Нахимовъ, чрезъ котораго всѣ наши требованія удовлетворялись, безъ всякаго промедленія посѣтилъ наши батареи (личность простая, но энергиченъ и замѣчательный фаталистъ). Въ разговорѣ со мной онъ высказалъ свое мнѣніе, что непріятель никогда не осмѣлится на штурмъ. „А какимъ же другимъ способомъ онъ можетъ достигнуть своей цѣли?“ возразилъ я. Онъ понялъ и вздохнулъ. Мы разстались друзьями. Капитанъ Реймерсъ опять раненъ въ голову и лѣвое плечо, и отправленъ на перевязку, а на его мѣсто назначенъ капитанъ Завадовскій.

. Въ часъ пополудни прибылъ къ намъ Тотлебенъ.

Я сказалъ ему: „Устройте валъ вокругъ города; еще время. Если непріятель возьметъ хотя одинъ бастіонъ, то все потеряно, потому что всѣ остальные окажутся бесполезными“. Онъ отвѣчалъ мнѣ: „Если бы это было возможно, то Севастополь никогда не достался бы въ руки непріятеля; но мѣстность не позволяетъ устроить непрерывныя укрѣпленія, и въ нихъ еще не имѣется настоящей надобности. Если бы непріятель взялъ одинъ изъ нашихъ бастіоновъ, то наши резервы могутъ занять всѣ дома, стрѣлять изъ оконъ, барикадъ и отбросить непріятеля“. На это я возразилъ: „Когда непріятелю удастся первый ударъ, то только матеріальныя препятствія могутъ остановить его. Не теряйте же ни одного момента, чтобъ быть обезпеченнымъ отъ подобнаго случая“.— „Князь Горчаковъ не даетъ рабочихъ“, сказалъ Тотлебенъ.— „Если вы потребуете ихъ, какъ гарантію сохраненія Севастополя, онъ вѣрно не откажетъ, и тогда вы уже окончательно завершите все, что сдѣлали для Севастополя“.

Въ 2 часа лейтенанту Соколову ядромъ оторвало совсѣмъ голову. Мои вещи доставлены на бастіонъ въ блиндажъ; всѣ же прочіе оставили свои въ городѣ на квартирахъ.

Удивительно, странна натура человѣка! Справа и слѣва насъ лопаются бомбы; ядра ударяются въ землю, штуцерныя пули тысячами шныряютъ въ воздухъ; подлѣ насъ падаютъ мертвыми и ранеными наши друзья и товарищи: а мы преспокойно расхаживаемъ, перебрасываемся шутками.... Солдаты

ставятъ куклы собственнаго издѣлія — пѣшія и конныя, и веселятся, когда въ нихъ попадаютъ пули неприятельскихъ штуцеровъ. Англичане стрѣляютъ значительно лучше французовъ. Сигналисты насчитывали до 3000 бомбъ, упавшихъ на нашу дистанцію. 27-го мая французскія батареи открыли сильный огонь противъ IV бастіона. Гранаты падали какъ градъ. Артиллеристы наши съ своей стороны дѣлали все, что только было въ человѣческихъ силахъ.

Въ 5 часовъ мы замѣтили массы неприятельскихъ войскъ, стремившіяся на лѣвый нашъ флангъ; но огонь былъ такъ силенъ, что дымъ и пыль все помрачали и не было никакой возможности слѣдить за дальнѣйшими движеніями. Вскорѣ послѣ того по телеграфу дано знать, что неприятель завладѣлъ двумя редутами — Волинскимъ и Селенгинскимъ. Тамъ завязалось страшное сраженіе. Много войскъ отправлено туда и изъ города. Ружейная пальба продолжалась всю ночь до утра. Въ 6 часовъ пришла вѣсть, что и Камчатскій редутъ тоже взятъ. Происшествія эти подѣйствовали на всѣхъ хуже предсмертныхъ извѣстій; звукъ голоса у каждого замѣтно измѣнился. Къ счастью, сзади Камчатскаго редута была непрерывная линія. Не будь ее, Севастополь тогда же могъ пасть. Спасли его Нахимовъ и Хрулевъ. Последній только за нѣсколько дней до этого переведенъ изъ 3-го въ 1-е отдѣленіе оборонительной линіи.

Къ 3 часамъ канонада стихла. Только изрѣдка падаютъ бомбы на нашъ бастіонъ.

Генераль Мартинау посѣтилъ меня. — „Ну, что у

вась?" спросилъ я его. Вздохнувши, онъ отвѣчалъ:— „Дурно. Мы потеряли очень много офицеровъ и солдатъ; бастионы разрушены, рабочихъ нѣтъ“.

Между тѣмъ мы работали всю ночь безъ большой потери, ограничившейся только однимъ убитымъ офицеромъ.

28-го мая поутру поднялся вѣтеръ и, благодаря Бога, пошелъ сильный дождь. Мы воспользовались наступившею паузою для собственныхъ своихъ нуждъ, писали письма, приводили въ порядокъ свой гардеробъ и проч.; но спокойствіе продолжалось недолго. Непріятель открылъ пальбу между IV и V бастионами. Всѣ предполагали, что онъ предприметъ штурмъ на этотъ пунктъ, укрѣпленія котораго были очень слабы и состояли только изъ каменной тонкой безъ связи стѣны, въ срединѣ которой было оставлено широкое отверстіе для вылазокъ. Мы вооружили это мѣсто полевыми орудіями. Вдругъ по всей линіи прекратилась пальба, и я увидѣлъ на Малаховомъ курганѣ развѣвающимся бѣлый флагъ — знакъ перемирія. Съ обѣихъ сторонъ уносили мертвыхъ и раненыхъ; но такъ какъ нашъ бастионъ не входилъ въ черту перемирія, то мы и не были избавлены отъ бомбъ, изъ которыхъ одной былъ контуженъ между другими и полковникъ Гарднеръ, который и отнесенъ на перевязочный пунктъ.

Вскоръ явились Васильчиковъ и адъютантъ Сакена — Гротгусъ, и канонада возобновилась съ новою силою.

29-го мая огонь продолжался. Мы замѣтили, что

непріятель приближался сапою отъ высотъ внизъ въ оврагъ къ слабой нашей стѣнкѣ, и тотчасъ открыли со всѣхъ нашихъ батарей самый сильный огонь, который и поддерживали до ночи. На ночь же за стѣнкой поставленъ Одесскій полкъ, вызванный изъ резерва. Полковниковъ: Веревкина назначилъ начальникомъ праваго фланга, Лидова — лѣваго фланга, Тополчанова — IV бастіона, Костомарова — люнета на лѣвомъ фасѣ бастіона за рвомъ, занятымъ двумя ротами Томскаго полка, въ капонирѣ (во рву бастіона), гдѣ помѣщалась одна рота Тобольскаго полка. Въ редутѣ Язонава въ срединѣ дистанціи остался въ резервѣ одинъ только баталіонъ Томскаго полка. Екатеринбургскій и Колыванскій полки (въ составѣ 4200 человекъ въ обоихъ) назначилъ на работы.

Лѣвый нашъ флангъ, называемый грибкомъ, былъ достаточно обезпеченъ крутостію оврага. Чувствительнымъ недостаткомъ для насъ было неимѣніе достаточнаго прикрытія для людей, и отъ того мы терпѣли большія потери. Для устройства новыхъ блиндажей мы не имѣли ни матеріаловъ, ни людей. На неоднократное заявленіе мной о томъ Васильчикову, онъ наконецъ сказалъ мнѣ: „Такъ и быть, я вамъ дарю для того нѣсколько домовъ въ городѣ“. Послѣ этого всякій началъ заботиться о себѣ сколько могъ. Солдаты покопали себѣ пещеры въ стѣнахъ траншей и укрѣпляли ихъ балками и камнями, доставляемыми безпрепятственно изъ города. Мы открыли также нѣсколько погребовъ, удобныхъ для блиндированія. На

развалинахъ, внутри дистанціи, устроили сообщеніе, а также въ бастионѣ — банкеты, которыхъ прежде не существовало и стрѣлять черезъ валъ было невозможно. Работы эти производились неимовѣрно быстро, такъ какъ каждый сознавалъ въ нихъ пользу. При этомъ случаѣ я лично, подъ развалинами, открылъ источникъ ключевой воды, достаточно удовлетворявшій потребностямъ гарнизона. Между прочимъ мы прикрыли землю туровыя и фашинные крыши блиндажей. Въ нашихъ минныхъ галлерейхъ работало 400 человекъ. Впереди рва бастиона непріятель взорвалъ одну мину, но она не коснулась нашей галлерей. Вечеромъ я самъ слышалъ ихъ работы въ 1½ саженьяхъ отъ нашего заряда въ 6 пудовъ, который нами взорванъ.

Хуже всего для насъ — это робкое настроеніе духа: всѣ полагаютъ, что первый непріятельскій штурмъ — для насъ лебединая пѣсня. На всякое новое предположеніе получается одинъ отвѣтъ: не достаеъ времени.

Для носки воды у солдатъ не было ушатовъ, хотя таковыхъ достаточно хранилось въ арсеналѣ. Посланнымъ мной за ними не отпустили, потому что я долженъ былъ просить о томъ письменно по командѣ. Пожарныхъ же инструментовъ и признака не было. — Мартинау впрочемъ человекъ разсудительный, но дѣла никогда не могъ довести до конца по той причинѣ, что какъ старый генералъ не хотѣлъ обращаться къ младшему (князю Васильчикову), безъ котораго графъ Сакенъ ничего не дѣлалъ и потому всѣ личныя объа-

сненія Мартинау съ Сакеномъ были большею частію бесполезны.

Вчера к. Васильчиковъ съ полковникомъ Козляниновымъ былъ у меня для составленія диспозиціи 2-му отдѣленію. Мы согласились въ главныхъ пунктахъ. Вечеромъ онъ прислалъ мнѣ эту диспозицію письменно, но я возвратилъ ее по несогласованію съ условленнымъ прежде, между прочимъ и въ томъ, что въ диспозиціи было сказано, что гарнизонъ Костомаровой батареи, находящейся въ люнетѣ на гласисѣ противъ лѣваго фаса бастіона въ случаѣ атаки ея, послѣ картечнаго залпа, тотчасъ долженъ отступить черезъ ровъ въ бастіонъ, тогда какъ ровъ этотъ обстрѣливается двумя нашими пушками и при отступленіи нашихъ войскъ, они подвергались бы нашимъ выстрѣламъ наравнѣ съ непріателемъ.

Костомаровъ говорилъ мнѣ: „Если мы хотимъ отстоять штурмъ, то никто не долженъ бѣжать:— Будьте увѣрены, что я и гарнизонъ не отступимъ ни шагу“.

Между тѣмъ князь Васильчиковъ прислалъ мнѣ 3 баталіона Одесскаго и Украинскаго полковъ.

До 3 іюня не происходило никакихъ стычекъ съ непріателемъ и огонь артиллеріи былъ очень умѣренъ.

Гарднеръ явился на позицію хромой.

Инструментовъ для работъ не было; Меншиковъ ассигновалъ 300 руб. на обзаведеніе ими. На исправленіе же дороги на протяженіи 60 верстъ

отпустилъ 200 руб. сер. Все что ни рассказываютъ о немъ—возмущаетъ всякаго.—Главная ошибка его, что непріятель не былъ атакованъ зимою и что мы ограничиваемся только самымъ строгимъ оборонительнымъ положеніемъ. Непріятель непрерывно усиливается ежедневнымъ прибытіемъ къ нему отъ 10 до 12 кораблей; строить въ настоящее время батарею въ 28 саженьяхъ отъ нашего бастіона; мы ничѣмъ не можемъ помѣшать ему, какъ только сдѣлать вылазку; а Сакенъ по моему представленію, разрѣшилъ мнѣ для того только 200 человѣкъ.

У насъ работы шли также успѣшно, для чего отъ полковъ дано было до 900 человѣкъ рабочихъ, а Тотлебенъ озаботился приобрѣтеніемъ инструментовъ.

Я получилъ на мое письмо отвѣтъ отъ генерала Коцебу, въ которомъ онъ, между прочимъ, говоритъ, что онъ ясно видитъ наше положеніе и что князю Горчакову все извѣстно. Онъ болѣе опасается бомбардированія, чѣмъ штурма. Съ своей стороны я думаю, что если суждено Севастополю пасть, то скорѣе отъ штурма, нежели отъ бомбардированія.

Крузенштерну, принесшему мнѣ письмо, перебѣжчики сказали, что непріятель сегодня намѣренъ атаковать Малаховъ курганъ.

6-го іюня. Горячіе дни прошли, но предвидятся и еще; вчера за часъ до восхода солнца непріятель открылъ вторичное въ мою бытность сильное бомбардированіе, по общему мнѣнію страшнѣйшее изъ всѣхъ предшествовавшихъ. Описать его нѣтъ воз-

иможности, но всё говорили, что на всей дистанціи не было ни одного мѣста, которое со всѣхъ сторонъ не осыпалось всевозможными снарядами. Непріятель при томъ имѣлъ въ траншеяхъ войска свои въ готовности, вслѣдствіе чего и мы были вынуждены приблизить наши резервы, терпѣвшіе большой уронъ въ людяхъ отъ выстрѣловъ.

Въ 3 часа по утру 6-го іюня непріятельскія войска устремились на 1 и 2-й бастіонъ, Малаховъ курганъ и редантъ лѣвѣе 4-го бастіона; виднѣлось много войска еще, также въ готовности. Одна колонна спустилась въ оврагъ противъ нашего лѣваго фланга, которымъ командовалъ полковникъ Тобольскаго полка Лисаевскій, и направилась къ гавани; но встрѣченная картечью съ батареей Перекомскаго, заняла рядъ домовъ у оврага нашего фланга и сады съ правой стороны противъ насъ. Нѣсколько англичанъ взобрались даже на самый брустверъ, но были убиты или взяты въ плѣнъ. Борьба безостановочно продолжалась при пушечной стрѣльбѣ въ продолженіи 2-хъ часовъ. Три раза непріятель наступалъ, но всякій разъ былъ отбрасываемъ назадъ. Между тѣмъ я замѣтилъ нѣсколько непріятельскихъ колоннъ, одна за другою по хребту направлявшихся на редантъ. Мы направили на нихъ наши выстрѣлы, не обращая вниманія на очень успѣшную пальбу на насъ непріятеля, и видѣли какъ колонны эти мало по малу разстроены. Тѣмъ не менѣе первая изъ нихъ достигла реданта и вскочила въ него; но, неподдержанная другими, была взята въ плѣнъ, при чемъ

многіе были убиты. Затѣмъ непріятель быстро скрылся въ свои траншеи, и снова открылъ усиленное бомбардированіе. Успѣхъ нашъ, такъ какъ непріятель не достигъ своей цѣли, мы должны приписать дѣйствию артиллеріи. Орудія праваго моего фланга дѣйствовали очень хорошо; батарея Зарновскаго взорвала одинъ пороховой погребъ; батарея Забудскаго другой; также подбито много непріятельскихъ орудій. Мы поддерживали огонь до самой ночи. Ночью же производили выстрѣлы только бомбами, гранатами и ракетами.

Всѣ наши солдаты обращены въ рабочихъ. Подъ непріятельскимъ огнемъ исправили всѣ поврежденія, подбитыя пушки замѣнены новыми; четыре же орудія были совсѣмъ испорчены.

Передъ штурмомъ канонада была общая, но во время штурма сосредоточилась исключительно на IV бастіонѣ и казалась адскою. На это время, я отослалъ резервы въ городъ, остальные помѣщены въ блиндажахъ.

Въ 9 часовъ князь Горчаковъ прислалъ своего адъютанта Мезенцова съ извѣстіемъ, что штурмъ отбитъ и 400 человекъ и много офицеровъ взяты въ плѣнъ.

На нашемъ лѣвомъ флангѣ взято въ плѣнъ только 5 англичанъ и на половину пьяныхъ. Всѣ они народъ рослый и хорошо сложенный.

Во время штурма загорѣлся находящійся, прямо противъ моего блиндажа флангъ Язнова редута, гдѣ командовалъ храбрый Лазаревъ. Вызванный

мною караулъ весь бросился на пожаръ и подъ страшными непріятельскими выстрѣлами разобралъ и потушилъ загорѣвшіяся части; но на мое представленіе никто изъ этихъ храбрецовъ не получилъ награды.

Если бы наши солдаты имѣли достаточно крытыхъ блиндажей, то намъ опасаться было бы нечего.

Резервъ теряетъ гораздо болѣе, чѣмъ дѣйствующія войска. Въ баталіонахъ состояло подъ оружіемъ не болѣе какъ 350 человекъ.

9-го іюня. Непріятель послѣ штурма сдѣлался гораздо спокойнѣе, и только постоянно поддерживаетъ штуцерный огонь съ цѣлю мѣшать нашимъ работамъ, которыя, при всемъ томъ, подвигаются впередъ весьма успѣшно: 214 орудій крѣпостныхъ и 10 полевыхъ вполне готовы.

Вчера князь Васильчиковъ былъ у меня съ генераломъ Шейдеманомъ; разрѣшено взорвать порохомъ дома въ оврагъ у подошвы лѣваго фланга; но когда все уже было приготовлено къ тому, то послѣдовала отмѣна этого распоряженія, и вмѣсто того поставлена цѣпь стрѣлковъ. При такихъ обстоятельствахъ просто не знаешь что дѣлать.

7-го іюня графъ Сакенъ былъ у меня, и я просилъ его о нѣкоторыхъ разрѣшеніяхъ мнѣ по разнымъ предметамъ. „Пойду домой, обдумаю это,“ отвѣчалъ онъ, т. е. безъ Васильчикова и Тотлебена не можетъ рѣшиться разрѣшить самъ ничего.

Послѣ обѣда 7-го іюня князь Васильчиковъ

прибыль ко мнѣ и мы отправились на батарею Кислинскаго и далѣе на Пересыпь на батарею Перекомскаго, гдѣ командоваль полковникъ Малевскій и расположенъ былъ Охотскій полкъ. Разрѣшено было при захожденіи солнца выдвинуть нашу цѣпь до холма, такъ называемой Сахарной головки, гдѣ до штурма были наши ложементы. Кромѣ Охотскаго полка требовался еще отъ меня одинъ баталіонъ. Я назначилъ 3 баталіона и обѣщаль даже всю дивизію, только чтобъ предпріятіе это было исполнено съ полною энергіею и непременно окончилось бы занятіемъ Сахарной головки. Вечеромъ, когда баталіоны были уже совсѣмъ готовы, полковникъ Малевскій далъ мнѣ знать, что по распоряженію высшаго начальства предположеніе это отмѣнено.

Непріятель между тѣмъ имѣлъ возможность укрѣпиться и нашъ баталіонъ находился какъ бы въ тискахъ.

1-го іюня вечеромъ, когда жара нѣсколько поуменилась, я съ Бюловъ-Вентгаузенемъ, Заводскимъ, Щелкуновымъ и Тополчановымъ отправился осмотрѣть всѣ верки и указать войскамъ на ночь мѣста. Только что дошли мы до бастіона, какъ гранаты со всѣхъ сторонъ посыпались на насъ градомъ. Я ободрялъ артиллеристовъ. Въ эту минуту одна граната (вблизи меня) ударилась въ землю въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня. Мгновенно бывшіе вблизи меня солдаты бросились и прикрыли собой эту гранату. Лопнувши, она оторвала двумъ

головой и смертельно ранила въ бокъ унтеръ-офицера Варфоломея Косоенко, рядоваго 10 роты Симеона Страшинскаго и 4-й мушкетерской Илью Алифанова. Въ это же самое время саперъ безъ рукъ доложилъ мнѣ, что между IV и V бастіонами слышенъ большой шумъ. Непріятель перевозилъ на телѣгахъ снаряды и по телеграфу вскорѣ получено свѣдѣніе, что онъ съ 11 т. человѣкъ остановился передъ IV бастіономъ. Противъ лѣваго фланга на сахарной головкѣ слышна была усиленная работа, замѣтны были массы войска и наконецъ открыта была оттуда ружейная пальба.

Кислинскій послалъ съечь дома передъ батарею и срубить деревья. При этомъ съ нашей стороны убиты одинъ офицеръ и нѣсколько солдатъ. Непріятель успѣлъ уже окопаться и довести свои траншеи до Сахарной головки. Нѣсколько англичанъ засѣли въ домахъ по оврагамъ, но были выбиты нашими войсками. Одинъ не успѣлъ уйдти, остался въ разрушенномъ домѣ и стрѣлялъ въ нашихъ изъ оконъ, ранивъ нѣсколько человѣкъ. Замѣтивъ его съ бруствера, я крикнулъ ему, чтобы онъ сдался, на что онъ отвѣтилъ выстрѣломъ. Тогда три рядовыхъ подкрались къ дому и убили его.

Если Севастополь будетъ потерянь, то по нашей винѣ. Эту вину мы и теперь оплачиваемъ жизнью многихъ тысячъ храбрыхъ воиновъ. Мы теряемъ ежедневно сотни ихъ, при бомбардированіи же тысячи. При строгомъ оборонительномъ положеніи необходимо было озаботиться устройствомъ до-

статочнаго количества блиндажей для скрѣтїя людей, которые теперь какъ жертвы присылаются къ намъ изъ главной арміи, вполнѣ бездѣйствующей.

Вчера мы насчитали до 14 т. человекъ пѣхоты, кавалеріи и артиллеріи направленныхъ на лѣвый флангъ въ Камышевую бухту — доказательство, что съ другой стороны непріятель не предвидитъ никакой опасности.

Правый же флангъ его такъ укрѣпленъ, что въ большемъ числѣ войскъ нѣтъ надобности, и потому силы его могутъ сосредоточиться противъ насъ.

На просьбу гр. Сакена дать ему еще нѣсколько баталіоновъ, Горчаковъ отвѣчалъ: „Не могу, но умереть могу и хочу съ вами и со всѣми храбрыми“.

Съ инженерами я имѣлъ большія распри вслѣдствіе того, что они считаютъ своею обязанностію доносить о своихъ работахъ только своему начальству и никому болѣе; но наконецъ мнѣ удалось заставить полковника Гарднера и капитана Бережникова давать мнѣ знать о ходѣ минныхъ работъ.

7-го іюня Тотлебенъ раненъ въ ногу штуцерною пулею. Чувствительная потеря! Достоинства его несомнѣнны, и кто не видѣлъ лично, тому трудно повѣрить, что имъ было сдѣлано. Я послалъ съ Гарднеромъ бинты и корцію отъ красивѣйшей изъ дамъ Курляндіи съ надписью: достойнѣйшему и храбрѣйшему, врученныя мнѣ г-жею Энгельгардтъ при отъѣздѣ моемъ изъ Симферополя.

Вообще относительно нашего положенія мы на-

ходимся въ совершенной неизвѣстности. Разъ я сказалъ Гарднеру: „Когда наши войска уменьшаются, а непріятельскія возрастаютъ, то для поддержанія равновѣсія намъ остается устраивать новыя верки“. На это онъ отвѣчалъ мнѣ: „Всѣ мы понимаемъ, но къ выполнению не располагаемъ средствами. Не вдругъ, но постепенно можно только успѣть“. Саженъ, князь Васильчиковъ и Коцебу отзывались по этому случаю тоже: „у насъ нѣтъ времени“. Эта неувѣренность и боязнь въ недостаткѣ времени—наши сильнѣйшіе враги.

На самомъ дѣлѣ осада теперь только начинается. Прежде непріятель былъ далеко отъ насъ, но теперь онъ готовится взять Севастополь штурмомъ.

На нашей сторонѣ шансовъ на успѣхъ болѣе, если бы мы умѣли только сберегать своихъ солдатъ. Какъ только непріятелю удастся взять одинъ бастионъ, то всѣ прочіе останутся безъ пользы по причинѣ недостатка силъ внутренней обороны.

Сегодня съ прибытіемъ въ лагерь 7-й дивизіи, надежды и мужество солдатъ возобновились. Всѣ наши укрѣпленія и верки успѣли исправить. Сегодня въ первый разъ я могъ послать на работу днемъ 500 человекъ, а въ 9 часовъ болѣе 1000 человекъ. Непріятель взорвалъ 2 мины, но безъ вреда для насъ.

Гарднеръ увѣрялъ меня, что непріятель не подвинется болѣе подъ землю ни на одинъ шагъ.

Восемь непріятельскихъ отдѣленій успѣли взбѣжать въ траншеи противъ бастиона, но одно только ядро, попавшее въ послѣднее, разстроило его.

Вчера оставилъ насъ Микрюковъ. Бомба, лопнувшая передъ дверями моего блиндажа, контузила его такъ сильно въ плечо, что кровь открылась изъ ушей. Мѣсто его занялъ капитанъ 1-го ранга Спицынъ — большой разскащикъ. Сегодня перебѣжалъ къ намъ одинъ славонецъ и разсказалъ, что при штурмѣ 6-го іюня, вышло изъ строя у французовъ 7 т. и убиты 2 дивизіонные генерала. Потеря у англичанъ была еще большая, и 4 генерала ранены.

Въ первый разъ мы получили Георгіевскіе кресты для раздачи солдатамъ съ приказаніемъ не представлять къ этой наградѣ.

Адъютантъ Нахимова Фельдтгаузенъ и посланные отъ всѣхъ прочихъ генераловъ явились къ намъ по случаю взрыва передъ бастіономъ 2-хъ непріятельскихъ минъ, воронки которыхъ были не далѣе 20 сажень отъ нашего эскарпа.

Тишина со стороны непріятеля беспокоитъ всѣхъ. Графъ Сакенъ отдалъ приказаніе держать половину всѣхъ войскъ на валахъ, чтобъ быть готовыми каждую минуту къ отраженію непріятеля, и не обращать вниманія на потерю людей: такъ какъ малая потеря лучше чѣмъ потеря всего при нападеніи непріятеля въ расплехъ.

Послѣдовало распоряженіе также объ отправленіи благодарственнаго молебствія по случаю отбитія штурма 6-го іюня.

Чебышевъ смотрѣлъ черезъ валь въ подзорную трубу и штуцерная пуля попала прямо въ стекло, при

чемъ онъ былъ раненъ и отправленъ на перевязочный пунктъ.

14-го іюня. Вчера мною получена новая секретная диспозиція какъ поступать въ случаѣ штурма и дѣлать репетицію при лунѣ. Для присутствованія при этомъ прибыли генералы Мартинау и Циммерманъ. Когда они увидѣли горсть людей, они воскликнули: „Съ кѣмъ вы хотите защищать укрѣпленія“? Между тѣмъ взяли отъ меня еще два баталіона Одесскаго и Томскаго полковъ. Изъ 17 баталіоновъ, состоящихъ въ моемъ распоряженіи, находилось на лицѣ всего не болѣе 5000 человекъ.

Наши валы въ развалинахъ, туры разбросаны, широкіе траверсы занимаютъ большую часть мѣста, такъ что по бокамъ пушекъ можетъ стоять на банкетѣ только одинъ человекъ съ ружьемъ, на траверсахъ же нашихъ совсѣмъ нельзя показываться: тотчасъ убьютъ.

15-го іюня. Вчерашній день былъ ознаменованъ посѣщеніемъ нашего бастіона княземъ Горчаковымъ въ сопровожденіи своихъ адъютантовъ Бибикова и Воейкова. Когда мы пошли по валгангу бастіона, Горчаковъ, проходя быстро, благодарилъ солдатъ, но говорилъ при томъ такъ тихо, что не былъ слышенъ. Я передалъ слова его солдатамъ и тогда задніе, которыхъ онъ уже миновалъ кричали: „рады стараться“.—Мнѣ же лично онъ сказалъ: „Я писалъ о васъ Государю Императору, что кромѣ васъ никого болѣе нѣтъ изъ отпускныхъ. Вы занимаете самый важный постъ. Благодарю васъ, и пе-

редайте всѣмъ вашимъ войскамъ мою благодарность и мое удовольствіе, чтобы они знали, что я признаю ихъ заслуги“.

На исходящемъ углу бастіона Горчаковъ посмотрѣлъ чрезъ амбразуру и спросилъ меня: „Что это за мѣшки впереди бастіоновъ“?—„Французскіе окопы“.—„Такъ близко“?—„Около 30 шаговъ отъ траншей за воронками“.

Онъ молчалъ, но лѣвою рукою показалъ на люнетъ Костомарова, находившійся сплошь на контрфорскаряхъ. Тогда я объяснилъ ему дѣло.

Горчаковъ чрезвычайно близорукъ, но при взятіи Варшавы еще онъ видѣлъ какъ орелъ.

Вечеромъ прибылъ генералъ Нахимовъ; мы беззаботно прохаживались съ нимъ по батареѣ подъ градомъ пуль и бомбъ, послѣднихъ однихъ насчитывали до 200.—Между прочимъ онъ разсказалъ мнѣ, что одинъ изъ нашихъ солдатъ перебѣжалъ къ сардинцамъ и имѣлъ при себѣ болѣе 200 руб. денегъ, вслѣдствіе чего и послана была депутація узнать:—не украдены ли эти деньги. Горчаковъ послалъ отвѣтъ, что изъ нашихъ солдатъ многіе имѣютъ свои деньги, и что тѣ 200 руб. также собственность перебѣжчика.

Тобольскій полкъ перемѣщенъ изъ бастіона въ резервъ, Томскій на бастіонъ, Колыванскій на лѣвый флангъ, Екатеринбургскій на правый.

При лунномъ свѣтѣ я спустился внизъ вдоль стѣны до батареи Крягина, гдѣ командуетъ Брылкинъ. Въ развалинахъ домовъ поставлены 3 секре-

та, каждый въ 6 человекъ при одномъ офицерѣ и 2-хъ унтеръ-офицерахъ. Свободное мѣсто передъ домами было покрыто водою отъ сильнаго выпавшаго недавно на Сапунь-горѣ дождя.

Поднимаясь по задней траншеѣ вверхъ на Грибокъ, я замѣтилъ въ скалѣ, обращенной къ гавани, пещеру и въ ней огонь. Я пробрался къ ней по скаламъ, и нашелъ тамъ нѣсколько семействъ солдатъ съ дѣтьми. Одна изъ женщинъ сказала мнѣ, что мужъ ея артиллеристъ на батарее въ городѣ передъ пещерой, такъ что она можетъ слѣдить за каждымъ выстрѣломъ оттуда и туда и приносить своему мужу пищу.

При тихой погодѣ, у насъ выпалъ дождь.

Если у насъ случается какая нибудь неудача, тотчасъ всѣ заговариваютъ объ измѣнѣ, такъ на пр. идетъ молва, что Камчатскій, Волынский и Селингинскій редуты пали черезъ измѣну, вслѣдствіе которой будто-бы оставлено было въ резервѣ — въ Камчатскомъ редутѣ вмѣсто 500 человекъ только 100, въ другихъ же редутахъ вмѣсто 400 человекъ только тоже по 100, а остальные затѣмъ будто отправлены на квартиры; наконецъ ни одна изъ минъ, находящихся въ редутахъ, не была взорвана и непріятель воспользовался ими. Завадовскій сообщилъ мнѣ, что это общій голосъ всѣхъ генераловъ. Справедливость требуетъ сказать, что Севастопольскія укрѣпленія вообще расположены отлично; но вполне неосновательно Севастополь считать крѣпостью. Южная сторона его открытый городъ.

Проектированные крѣпостныя верки остались только на бумагѣ въ архивѣ. До началія осады почти ничего не было сдѣлано и все, что мы теперь имѣемъ, выполнено подъ огнемъ непріятели. Всѣ бастіоны и фасы хорошо фланкированы и выбраны для нихъ лучшія мѣста; но такъ какъ все это дѣлалось въ торопяхъ, то внутри оказываются большіе недостатки, и при употребленіи на верки множества фашинъ и туровъ безпрестанно случаются пожары.—Траверсы между пушками продолженіе мерлоновъ внутрь отнимаютъ всю линію огня; при 30 траверсахъ—каждый въ 2 сажени ширины—не имѣется мѣста для 180 стрѣлковъ. Сверхъ того траверсы, до сажени высоты безъ банкетовъ, внутри круто устроены и обшиты фашинами, и потому невозможно встрѣтить непріятельскую колонну на валу по высотѣ и крутости стѣнъ. Когда я указалъ на эти недостатки князю Горчакову, онъ приказалъ устроить банкеты; но по причинѣ недостатка матеріала и времени, Гарднеръ предложилъ устроить лѣстницы, что мною однакоже не было допущено. Наши рвы передъ бастіонами и въ особенности съ боковъ существуютъ только номинально. Эскарпы и контръ-эскарпы состоятъ отчасти изъ четырехугольно тесанаго песчанаго камня безъ связи и каждый непріятельскій выстрѣлъ разбрасываетъ ихъ въ ровъ, такъ что поврежденія оказываются необходимымъ исправлять безпрерывно. Боковая оборона ихъ мнимая: деревянный капониръ о двухъ крошечныхъ пушкахъ съ правой стороны и съ другой

стороны на флангъ 2 орудія—подвергнутся разрушенію отъ перваго непріятельскаго выстрѣла.

Когда я заявлялъ объ этихъ недостаткахъ, мнѣ отвѣчали, что я черезъ то приобретаю себѣ только враговъ, и въ самомъ дѣлѣ, я потерпѣлъ болѣе вреда отъ такъ называемыхъ друзей, чѣмъ отъ непріятели.

16-го іюня прошло, относительно, покойно: 3 убитыхъ и 20 раненыхъ. Князь Васильчиковъ прибылъ съ княземъ Семеномъ Михайловичемъ Воронцовымъ, получившимъ въ команду 2-ю бригаду 12 пѣхотной дивизіи причисленную къ генералу Семякину. Разрѣшено оборонять рвы двухъ ярусными батареями; возвысить блиндажъ въ исходящемъ углу бастиона для лучшаго прикрытія лѣваго фаса сзади, и поставить туда орудія. Адъютантъ мой Богдановичъ вычиталъ въ сочиненіи какого то греческаго патріарха, что Крымская война въ августѣ будетъ перенесена въ другое государство, чему онъ вѣритъ, какъ турки въ предопредѣленіе.

. Непріятель привезъ на свои батареи тяжестей по нашему счету на 300 телѣгахъ. Видны кучи турокъ. Вчера къ нему прибыло 120 судовъ, сегодня еще 40.

Мы пропустили снова самый удобный моментъ для атаки непріятели послѣ штурма. Сакенъ мнѣ говорилъ, что Англичане отказались отъ новаго штурма, а Сардинцы совсѣмъ не хотятъ болѣе драться.

17-го іюня. Сегодня непріятель окончилъ свои

батареи въ долину противъ IV бастіона, одинадцать амбразуръ заложены имъ мѣшками. Наши пушки могутъ только частію обстрѣливать ихъ, а сдѣлать вылазку—недозволено.

Генераль-адъютантъ Вревскій изъ Петербурга посѣтилъ меня съ адъютантомъ Рюминымъ. Разнесся слухъ, что онъ присланъ повѣрить на мѣстѣ дѣйствія князя Горчакова.

19-го юня. Вчера я долженъ былъ распорядиться очисткою рвовъ, для чего мнѣ было общенно 600 человекъ рабочихъ, а равно мѣшки и инструменты изъ инженернаго депо; но прибывъ къ назначенному времени на мѣсто, я не засталъ ни людей, ни мѣшковъ, ни инструментовъ. Инженеры отвѣчали мнѣ, что они не имѣли на то прямого распоряженія генерала Тотлебена. Только по новому, личному настоятельному требованію моему мнѣ было дано все нужное, но много времени потеряно.

Во время этихъ работъ офицеръ Колыванскаго и юнкеръ Табольскаго полковъ изъ секрета принесли извѣстіе, что колонна французовъ при 4-хъ пушкахъ спустилась въ оврагъ противъ лѣваго фланга IV бастіона. Командиры полковъ тотчасъ послали отозвать своихъ людей съ работъ; но, какъ я въ то время находился во рву, и по личному моему осмотру ничего не замѣтилъ, то и остановилъ ихъ и работы продолжались. Большія недоразумѣнія происходили отъ названія батарей фамиліями, завѣдывающихъ ими офицеровъ, изъ которыхъ многіе были убиты и батареи получили нумера. Я велѣлъ

привозить на обозныхъ телѣгахъ изъ города тесаный камень и строить изъ него банкеты. Работы хотя подвигаются медленно, но тѣмъ не менѣе будутъ окончены.

21-го іюня. Довольно покойно, не считая частой перестрѣлки. Вчера послѣ обѣда въ 2 часа неприятель открылъ огонь съ 2-хъ батарей противъ нашего праваго фланга; дальняя стрѣляла изъ 7 орудій, ближняя изъ 6 и подбили одно изъ нашихъ орудій. Мы могли направить въ ту сторону только 4 изъ своихъ орудій подъ командой поручика Безобразова. Послѣ 2-хъ часовой перестрѣлки, мы подбили 5 неприятельскихъ орудій и тогда онъ заложилъ амбразуры мѣшками. Въ особенности одинъ изъ нашихъ выстрѣловъ былъ удаченъ: брошенный снарядъ попалъ прямо въ амбразуру ближней неприятельской батареи и мы могли видѣть выброшенное человѣческое тѣло черезъ валъ въ ровъ.

Съ 1-го по 20-е іюня у насъ выбыло изъ строя: Колыванскаго полка 294 человѣка, Томскаго 449, Екатеринбургскаго 275 и Тобольскаго 391 человѣкъ.

23-го іюня. Не смотря на всѣ старанія нашей артиллеріи, неприятель, хоть и медленно, но все-таки подвигается впередъ.

Вчера вдругъ въ 60 саж. отъ праваго фаса нашего бастиона появился неприятель, и открылъ пальбу по нашимъ ложеентамъ.

Такъ называемыя капральства ни къ чему не ведутъ, ни одна изъ нашихъ бомбъ не попадаетъ; пуш-

ки же не могутъ стрѣлять туда по ненаправленію туда амбразуръ.

Я настоятельно просилъ о вылазкѣ, но тщетно. Наконецъ я далъ знать на батарею VI бастіона, что только съ этой батареею можно сбить кавальера, и дѣйствительно, вечеромъ оттуда послѣдовало нѣсколько выстрѣловъ не безъ успѣха.

За Сахарною головою на зеленомъ холмѣ непріятель заложилъ новую батарею, а также другую въ правой отлогости оврага, противъ которыхъ могла дѣйствовать только одна сильнѣйшая вылазка съ нашей стороны.

Князь Оболенскій прибылъ отъ Сакена передать, что, какъ сообщено однимъ перебѣжчикомъ, непріятель сегодня или завтра имѣетъ намѣреніе произвести штурмъ всѣми силами безъ бомбардированія. Общая тревога; хотя здравый разсудокъ съ этимъ не соглашается. Со всѣхъ сторонъ присланы мнѣ приказанія—принять всевозможныя мѣры противъ штурма; изъ штаба же послѣдовало распоряженіе о прекращеніи всѣхъ работъ и имѣть все войска въ готовности.

Гарднеръ, прибывшій только что изъ штаба, передалъ мнѣ общее тамъ мнѣніе, что непріятель истощилъ весь свой умъ: испробовавъ все средства, бомбардированіе, штурмъ и мины, и не имѣвъ ни въ чемъ удачи, намѣренъ испытать теперь послѣднее средство сдѣлать нечаянное нападеніе всѣми силами, а въ случаѣ неудачи этого, сниметъ совсѣмъ осаду.

Разнесся слухъ, что лордъ Рагланъ умеръ отъ холеры. Мы видѣли массы непріятельскихъ войскъ около 40 т., но они производили повидимому только ученье.

22-го іюня прибыло къ союзному флоту 2 сѣвероамериканскіе парохода, одинъ съ 3, другой съ 4 мачтами и оба съ двумя машинами.

Семякинъ сегодня представлялся своей дивизіи и при этомъ, между прочимъ, сказалъ: „Смотрите на меня, и не забудьте мою рожу“.

30-го іюня. Въ прошедшіе дни были распри по поводу устройства каменныхъ эскарповъ, и наконецъ рѣшено сдѣлать полисады. Гарднеръ и Сафоновъ выполнили эту работу, и такимъ образомъ нашъ бастионъ обезпеченъ противъ штурма.

Батарея Львова съ 8 пушками не имѣла никакого гласиса, и непріятель могъ разрушить весь эскарпъ. Малиновскій въ виду явнаго разрушенія его батареи просилъ дать ему приготовленный уже камень и Гарднеръ въ короткое время произвелъ работы по устройству рва, контръ-эскарпа и гласиса.

Однимъ героемъ стало меньше въ нашихъ рядахъ! Павелъ Степановичъ Нахимовъ убитъ штуцерною пулею въ голову. Умный, дѣятельный, опытный и простой морякъ, честный по натурѣ, онъ былъ только служака, но не дипломатъ, и не умѣлъ пользоваться своимъ высокимъ положеніемъ. При этомъ онъ былъ въ высшей степени фаталистъ. Посѣщая наше отдѣленіе, онъ всякій разъ непременно ходилъ на банкетъ въ различныхъ мѣстахъ, чтобы

взглянуть на непріятельскія батареи, но никогда въ такихъ случаяхъ не ходилъ по траншеямъ, а всегда по площадкамъ, гдѣ пули скрещивались непрерывно. Однажды, когда онъ хотѣлъ пройти съ лѣваго фланга въ мой блиндажъ, Микрюковъ сказалъ ему: „Здѣсь убьютъ, пойдите черезъ траншею“, онъ отвѣчалъ: „Кому суждено...“— „А вы фаталистъ“? замѣтилъ я. Онъ промолчалъ. Мы оба прошли прямо; Микрюковъ же и всѣ остальные по траншеямъ. Нахимовъ былъ воспитанникъ морскаго кадетскаго корпуса и офицеромъ съ 1818 года; два раза совершилъ кругосвѣтное плаваніе съ адмираломъ Лазаревымъ, и отличился въ Наваринской битвѣ. Онъ съ виду казался бодрымъ, и могъ бы еще много принести пользы. По обыкновенію онъ стоялъ сегодня на банкетѣ и осматривалъ непріятельское положеніе. Въ это время штуцерная пуля попала въ мѣшокъ возлѣ него, и онъ проговорилъ: „Какъ эти подлецы хорошо стрѣляютъ“, и снова высунулся, но тотчасъ безъ чувствъ упалъ навзничъ. Пуля пробила окошечъ бѣлой фуражки спереди и сзади, не оставивъ ни малѣйшаго слѣда крови: такъ быстръ былъ полетъ ея.

Въ 7 часовъ вечера Спицинъ, Гончаренко, Твердохлѣбовъ и баронъ Бюловъ - Вендтгаузенъ сидѣли впереди блиндажа противъ меня, и играли въ шахматы.—Вдругъ сигналистъ Иванъ Ракъ закричалъ: „бомба“ и въ то же мгновеніе лопнула возлѣ насъ бомба, которой осколкомъ раздробило ногу Бюлову—Вендтгаузену; я былъ раненъ въ колѣно и опроки-

нутъ вмѣстѣ съ кресломъ. Баронъ курилъ папироску, и не выпуская ее изъ руки, ворочаясь на стулѣ, говорилъ: „Нога капутъ“!—Я вскочилъ и разрѣзалъ ему сапогъ: обѣ кости выше щиколки были раздроблены, кровь обильно текла, и нога висѣла. Мой деньщикъ Левинъ принесъ мнѣ бинты и платокъ; мы обернули ими, какъ могли, ногу; положили на носилки и отправили съ Гончаренко (Колыванскаго полка) въ Николаевскій казематъ.

Прощаясь со мною, баронъ говорилъ: „Не хочу ампутаціи, лучше умереть; хочу Эйхвальда. „Я послалъ Твердохлѣбова къ князю Васильчикову и графу Сакену, и написалъ къ генералу Коцебу. Послѣ этого я наложилъ себѣ на ушибленное колѣно холодные компрессы: такъ какъ чрезъ поврежденіе колѣнной чашки я не могъ ни свободно сгибать, ни уператься на ногу.

На другой день (1-го іюля) я получилъ отъ сестры милосердія—баронессы Эмилии Лоде письмо, въ которомъ она извѣщала меня, что барону Бюловъ-Вендтгаузену ампутирована нога, и, какъ Гончаренко мнѣ сказалъ, еще 2 раза: потому что въ 1-й разъ мало было оставлено кожи для прикрытія кости. Я уполномочилъ Лоде заботиться о содержаніи барона какъ можно лучше.

Г-жа Конради прислала изъ Альмачика опять цѣлый возъ съѣстныхъ припасовъ, вина, телятъ, корову, куриць, фруктовъ и проч. Никогда въ своей жизни я не имѣлъ лучшаго стола и роскошнѣе мебели какъ теперь.

2-го іюля. Непрiятель снова открылъ сильное бомбардированіе моего бастиона, въ особенности праваго его фаса. Я прекратилъ съ нашей стороны пальбу, приказавъ всѣмъ батареямъ, которымъ это было возможно, направить свои орудія на непріятельскую, стрѣлявшую въ насъ 6-ти пушечную батарею и, по данному сигналу, открыть вдругъ по ней огонь. Мгновенно батарея та была нами разрушена и непріятель замолчалъ, также и на прочихъ батареяхъ.

Во время бомбардированія одна бомба лопнула въ 15 шагахъ отъ моего блиндажа, и разорвала одного плотника такъ, что почти ничего отъ него не осталось: головы и груди не найдено, руки и прочія части тѣла были разбросаны на далекое разстояніе. Сигналистъ Ракъ по этому случаю воскликнулъ: „Какая легкая смерть!“ Бомбы часто падали на мой блиндажъ, и когда я сидѣлъ съ Гарднеромъ, насъ часто осыпало землею. Ракъ говорилъ, что двухпудовыя бомбы, падая съ такой высоты, имѣютъ до 100 пудовъ вѣсу. Богдановичъ отправился въ Николаевъ, на его мѣсто поступилъ Калимитиновъ.

Разнесся слухъ, что непріятель укрѣпляетъ Балаклаву, и Горчаковъ рѣшился предпринять наступательное движеніе. Мы видѣли, какъ непріятель подвозилъ камни для выжиганія извести, изъ чего заключили, что онъ не имѣетъ намѣренія оставить насъ скоро.

Я давно намѣревался командира Тобольскаго

полка замѣнить другимъ. Случайно посѣтилъ меня полковникъ Бельгардъ, который жилъ въ отставкѣ въ своемъ имѣннн, но поступилъ вновь на службу, и только что явился въ Севастополь.

Когда я предложилъ ему Тобольскій полкъ, то онъ объявилъ мнѣ, что ему обѣщали уже Украинскій полкъ, но рекомендоваль мнѣ полковника Зеленаго, который въ нѣсколько дней потерялъ жену и дѣтей и ищетъ будто бы смерти. Я тотчасъ написалъ князю Васильчикову и просилъ его по прибытнн Зеленаго послать его ко мнѣ для командованнн Тобольскимъ полкомъ. Когда онъ дѣйствительно прибылъ, Васильчиковъ поздравилъ его командиромъ Тобольскаго полка, и спросилъ его знаетъ ли онъ меня?—Не лично, но по слухамъ.

Зеленый явился ко мнѣ въ моментъ дѣла. „Принимайте тотчасъ въ командованнн Тобольскій полкъ, объ остальномъ позаботитесь послѣ“, сказалъ я.

На князя Горчакова все болѣе и болѣе возрастаетъ общее неудовольствнн.

Войскъ прибыло достаточно, но все они въ разбродѣ, и ничего серьезнаго не предпринимается противъ непрннтеля, который совершенно беспрепятственно передъ нашими глазами возводитъ свои укрѣпленнн.

Ожидается еще прибытнн двухъ дивизнн Гренадерскаго корпуса и 50 т. дружны.

Сегодня французы взорвали 2 мнны.

Въ нашихъ контрминахъ работали 2 солдата, изъ которыхъ одинъ, убѣгая, ударился о балку, и тутъ же остался на мѣстѣ, другой оказался мертвымъ. Галлерей наша осталась неповрежденною. При взрывѣ другой мины одинъ саперъ былъ убитъ, а другой получилъ царапины на лицѣ.

Мы взорвали тоже двѣ мины и видѣли при первомъ взрывѣ 2 человѣческіе трупы выброшенные, а при 2-мъ девять. Иногда при взрывахъ мы замѣчали на развалинахъ шапки и лоскутья одежды; одинъ разъ торчали въ нашей галлерей двѣ ноги, и наши солдаты сняли съ нихъ башмаки.

Приснухинъ высказалъ свое мнѣніе, что непріятель не очень искусенъ въ минныхъ работахъ. Его минные заряды или очень малы, или слишкомъ велики: такъ что первые не въ состояніи вредить намъ, а вторые имѣютъ обратное дѣйствіе.

Сегодня мы замѣтили массу войска съ ранцами и съ мѣшками, направляющуюся отъ Панютина дачи къ морю, и полагали, что готовится гдѣ нибудь новый десантъ.

2-й Сигналистъ Смѣшной, грамотный, учитъ Левина читать, бомбардированіе называетъ онъ брандовкою.

3-го іюля. Прекрасное утро. Изъ города къ намъ доносится колокольный звонъ: вѣнчали одного офицера съ сестрою милосердія, ухаживавшею за нимъ во время леченія его отъ ранъ.

Штуцерной огонь не умолкаетъ по всей линіи,

артиллерія бездѣйствуетъ; но позже блиндажъ Веревкина пробить бомбой. Забудскій и Мендтъ сидѣли въ то время за столомъ и обѣдали и чуть не заплатились жизнью.

Блиндажъ въ горжѣ также пробить, при чемъ нѣсколько солдатъ убито. 26, 28 и сегодня перестрѣлка была очень серьезная, мы потеряли до 100 человекъ убитыми и еще болѣе ранеными.

Много офицеровъ, находившихся въ Севастополѣ съ самаго начала осады, не получили другой награды, какъ только орденъ Св. Анны 4 степени, при томъ терпятъ крайнѣй во всемъ недостатокъ.

4-го іюля. Графъ Сакенъ посѣтилъ насъ.

Колѣно мое все еще даетъ себя чувствовать; мы черезъ потерну отправились въ ровъ осматривать работы.

Прійдя на батарею Домбровскаго, мы замѣтили поставленное тамъ солдатами конное чучело для непріятельскихъ штуцеровъ. Мимо насъ пролетѣло непріятельское ядро совершенно красное. Полагали, что непріятель стрѣляетъ калеными ядрами, но это было только отраженіе заходящаго солнца. Сакенъ вскричалъ: „Такъ близко мнѣ не приходилось еще видѣть ядра.“ Сакенъ проповѣдывалъ намъ о мирѣ и согласіи между собою, и что въ этомъ смыслѣ Нахимовъ въ могилѣ яснѣе и убѣдительнѣе говорить, чѣмъ когда нибудь онъ это могъ въ жизни. Барону Бюлову-Вендтгаузену Сакенъ тоже читалъ проповѣдь.

Семякинъ прислалъ мнѣ тинктуру-арника, а Ос-

тень-Сакенъ квасу и лекарство собственнаго изобрѣтенія противъ холеры.

Непріятельскія войска продолжаютъ движеніе свое къ морю; ихъ насчитываютъ до 17 т. чело-вѣкъ.

Въ послѣдніе дни турки занимають траншеи; они имѣють обыкновеніе въ началѣ выстрѣлять всѣ свои заряды, и остальную часть ночи спокойно предаваться сну.

5-го іюля. Вчера вечеромъ вдругъ открылась сильнѣйшая перестрѣлка и также канонада. Гончаренко полагаетъ, что непріятель собирается атаковать насъ гдѣ нибудь, но тотчасъ пошелъ проливной дождь. Земля размокла и сдѣлалась скользкою, при томъ наступила непроницаемая темнота, и я велѣлъ прекратить стрѣльбу изъ орудій.

Наконецъ нами получена бомбовая пушка. Послѣ трехдневной работы мы установили ее на батарее № 6, возвысили амбразуры, обрѣзали траверсы и, увеличивъ платформу, начали дѣйствовать противъ кавальера.

Послѣ нѣсколькихъ нашихъ выстрѣловъ, непріятель открылъ огонь со всѣхъ своихъ батарей; но такъ какъ огонь нашихъ орудій расходился въ разныхъ направленіяхъ и слабо дѣйствовалъ на непріятеля, то мной сдѣлано распоряженіе сосредоточить огонь на извѣстные пункты. Это имѣло значительный успѣхъ, и канонада окончилась въ нашу пользу.

Большая часть бомбъ падаетъ на мой блиндажъ

въ серединѣ бастіона или на плацу кругомъ. Непрiятель стрѣляетъ залпами изъ 2-хъ пудовыхъ мортиръ.

Въ бытность генерала Баумгартена блиндажъ былъ пробитъ, и адъютантъ его сильно раненъ.

Въ лѣво отъ входа находится другой блиндажъ для полковыхъ командировъ. Въ немъ помѣщаются: Зеленый, Лидовъ, Вессель и адъютанты.

Пятипудовая бомба упала на канцелярію и разрыла всю насыпь, проломила 2 потолочныя балки и разрушила стѣну моего блиндажа; при этомъ раненъ былъ одинъ унтеръ-офицеръ. Поврежденія эти были тотчасъ исправлены подъ выстрѣлами непрiятеля.

Для насъ дождь настоящая благодать: тогда дѣйствіе артиллеріи гораздо слабѣе.

Мы получили приказаніе не употреблять другихъ средствъ для воспрепятствованія работамъ непрiятеля какъ пушки и мортиры, и какъ скоро мы направимъ огонь на работы непрiятеля, то онъ съ своей стороны открываетъ стрѣльбу со всѣхъ своихъ батарей, и тогда со всѣхъ сторонъ являются адъютанты для узнанія причинъ.

Я получилъ отвѣтъ на рапортъ мой объ отчисленіи меня отъ должности Александропольскаго коменданта и оставленіи въ распоряженіи графа Остенъ-Сакена съ сохраненіемъ столовыхъ по 420 руб. въ годъ.

7-го іюля. Утро покойное, свѣтлое и жаркое. Адъютантъ мой Шумскій плакалъ о томъ, что братъ его умеръ въ Симферополѣ отъ горячки.

Непріятель внезапно открыль канонаду противъ 5-го бастіона. Я тоже приказалъ дѣйствовать нашей артиллеріи со всевозможною энергіею. Послѣдствіемъ этого было то, что непріятель оставилъ 5 бастіонъ и сосредоточилъ весь свой огонь противъ насъ.

Просто адъ; но наша артиллерія преодолѣла. Въ 5^{1/2} часовъ непріятель замолкъ, батарея его № 7 была разрушена; кромѣ того на старомъ валу противъ Безобразова одна пушка взорвана, прочіе подбиты и амбразуры разрушены.

Непріятель же напротивъ стрѣлялъ торопливо; большая часть снарядовъ его перелетали, и отъ того наши потери и поврежденія незначительны.

Вечеромъ князь Горчаковъ прислалъ своего очереднаго адъютанта графа Бобринскаго на бастіонъ— узнать о происходившемъ здѣсь. Уже стемнѣло, но бомбы перелетали къ намъ и обратно, штуцерныя пули шныряли по всѣмъ направлениямъ. Съ нимъ и своими адъютантами, я отправился для осмотра дистанціи, гдѣ работы были въ полномъ ходу. Полковникъ Зеленый тоже примкнулъ къ намъ. Едва отошли мы отъ блиндажа на 30 шаговъ, какъ сигналисты закричали: „бомба, бомба, бомба“. Въ тоже время мы увидѣли стремившіяся по направленію къ намъ 3 бомбы. Я схватилъ Бобринскаго за руку и быстро увлекъ впередъ, прочіе же остановились. Въ одно мгновеніе бомбы упали и лопнули. Раздался крикъ, но за темнотою нельзя было ничего видѣть, и я крикнулъ: „Что случилось?“ — „Полковникъ убить“, отвѣчали мнѣ. — „Отнесите въ блиндажъ“.

Послѣ этого мы отправились съ Бобринскимъ по всей дистанціи до Грибка. Прибывъ домой поздно ночью, я вдругъ увидѣлъ передъ собою полковника Зеленаго. Осколкомъ бомбы онъ такъ сильно былъ раненъ въ бокъ, что въ первое мгновеніе лишился совсѣмъ чувствъ. Онъ просилъ меня оставить его на своемъ посту на бастионѣ.

По уходѣ Бобринскаго, я осматривалъ капониръ, потерну и батарею Безобразова; высказалъ солдатамъ свое удовольствіе, и приколотъ имъ куски Георгіевскихъ лентъ за неимѣніемъ самыхъ крестовъ. Только Новосильскій и Нахимовъ передали мнѣ нѣсколько крестовъ для раздачи между солдатами.

Снова получено приказаніе — ограничиваться дѣйствіемъ только одной артиллеріи; но артиллерія можетъ препятствовать, а не останавливать непріятеля и онъ, хотя медленно, все же подвигается впередъ. Къ тому же, наша артиллерія не только не блестяще организована, но скорѣе весьма посредственно; офицеры обладаютъ храбростью, но не спеціалисты; прислуга большею частію матросы и армейскіе солдаты, которыхъ нужно приучить къ дѣлу, такъ какъ изъ прежнихъ едва осталась $\frac{1}{10}$ часть. —

• Пушекъ у насъ достаточно; но снарядовъ нѣтъ, и часто случалось, что на орудіе отпускалось не болѣе 10 снарядовъ. Мортиръ непріятель имѣетъ значительно больше и гораздо большихъ размѣровъ чѣмъ у насъ. У меня во всемъ отдѣленіи находится только 6 мортиръ 2 пудовыхъ; между тѣмъ изъ на-

шихъ пушекъ мы не можемъ обстрѣливать непріятельскія батареи, устроенныя на капиталѣ бастіона. и для этого намъ необходимо имѣть большія мортиры.

Говорять, что князь Горчаковъ больше администраторъ чѣмъ полководецъ. Дѣйствительно, при немъ содержаніе арміи гораздо лучше, но за то войско крайне раздроблено, а потому оно нигдѣ не достаточно сильно. Въ Перекопѣ, Еническѣ, Керчѣ, Феодосіи, Евпаторіи, Бахчисараѣ, Шуль... вездѣ отряды. При такой строгой оборонительной системѣ наступательныя движенія невозможны, если бы и достало на это энергіи.

Главные начальники не имѣютъ довѣрія къ младшимъ офицерамъ.—Я отъ всѣхъ слышалъ, что какъ бы ни было ясно и положительно отдано какое либо приказаніе, какъ бы ни была правильно разчитана и акуратно составлена диспозиція, — все это исполняется не точно, не рѣдко даже на оборотъ.

Теперь всѣ кричатъ:—почему не атаковали непріятели зимою, когда онъ не былъ способенъ къ сопротивленію, когда плѣнные его плакали отъ холода. — Впрочемъ очевидцы увѣряли меня, что и наши войска терпѣли жестокую нужду, иногда даже не имѣли хлѣба. Между тѣмъ Меншиковъ отправлялъ самыя блестящія донесенія.

Что касается настоящей администраціи, то беру слѣдующій примѣръ: въ 10 дивизіи въ концѣ мая состояло на лицо:

	Штаб-офиц.	Оберъ-офиц.	Унтеръ-офиц.	Музыкантов.	Рядовыхъ.
Въ Екатерин. полку.	2	61	232	108	2024
„ Тобольскомъ	4	71	276	121	2290
„ Томскомъ.	„	53	248	111	2208
„ Колыванск.	2	45	217	98	1682
	8	230	973	438	8207

Но такъ какъ по заведенному порядку напр. каждый полкъ имѣеть свое депо для излишнихъ ружей и аммуниціи—въ другомъ мѣстѣ опять обозъ, въ третьемъ табунъ, наконецъ палатки и инструменты. Сверхъ того при всякомъ полку находится 3 лазарета и всѣ въ различныхъ мѣстахъ: пріемный — на Сѣверной сторонѣ, другой въ Бандуванѣ, третій въ Бахчисараѣ; наконецъ еще особое депо для рекрутъ, обучающихся стрѣльбѣ изъ нарѣзныхъ ружей. Если ко всему этому, такъ называемому, домашнему расходу людей, еще присоединить людей, состоящихъ при кухняхъ и хлѣбопекарняхъ, для закуски провизіи, мастеровыхъ и вѣстовыхъ то окажется, что чрезъ все это отнимается отъ фронта до 600 человекъ въ каждомъ полку. Къ тому же не рѣдко бываютъ и просто злоупотребленія: напр. лучшихъ выздоровѣвшихъ солдатъ удерживаетъ у себя госпиталь какъ работниковъ для врачей и комиссаровъ при уходѣ за лошадьми и сборкѣ сѣна, для мытья бѣлья и пр., мастеровыхъ же для различныхъ подѣлокъ. Уличить въ этомъ довольно

трудно: такъ какъ врачи обыкновенно въ такихъ случаяхъ говорятъ, что послѣ болѣзни солдату необходимо поправиться, иначе онъ можетъ получить возвратную болѣзнь и тогда въ двойнѣ будетъ стоить его леченіе.

Въ іюлѣ мѣсяцѣ состояло:

	Унтеръ-оф.	Рядовыхъ.
Въ Екатеринскомъ .	116	1738
„ Тобольскомъ . .	230	1851
„ Томскомъ	215	1756
„ Колыванскомъ .	196	1507
Всего . .	837	6852

Изъ сравненія этихъ таблицъ оказывается что убыль изъ фронта — больными, ранеными, убитыми и для домашнихъ расходовъ составляла въ 10 дивизіи 142 унтеръ-офицера и 1349 рядовыхъ; въ строю же оставалось въ дѣйствительности менѣе 5000 человекъ, а недостававшіе находились на работахъ у помѣщиковъ.

Послѣ мѣсячныхъ самыхъ усердныхъ трудовъ мы успѣли обнести палисадомъ только одинъ бастионъ; но батарея Львова совершенно сглажена, а Безобразова не имѣетъ рва. Когда палисады были окончены, графъ Сакенъ сказалъ мнѣ: „Это мы сдѣлали только для васъ, никто больше не имѣетъ палисада“.

Армія намъ мало оказываетъ помощи. Князь

Васильчиковъ по этому случаю объявилъ мнѣ, что Саженъ требовалъ 10 т. человекъ, а ему дали только 2 т.

Въ прошлую ночь непріятель осыпалъ насъ бомбами; часовые его стояли въ ранцахъ. По утру мы замѣтили на зеленомъ холмѣ массу туровъ, пушки же съ дальнихъ батарей исчезли. Эти снятыя съ заднихъ батарей орудія, непріятель ставитъ теперь на новыя. Всѣ сомнѣваются въ этомъ. Князь Васильчиковъ на сообщеніе ему о томъ отвѣтилъ: „Вздоръ“.

Наша неподвижность и нерѣшительность причиною многихъ упущеній, напр. 6 іюня Сардинскій корпусъ дѣлалъ наступательное движеніе отъ Чургуна противъ отряда генерала Бельгардта; сей послѣдній отступилъ далеко за Шули. Быстрымъ движеніемъ нашей арміи отъ Мекензи внизъ можно бы было отрѣзать 8000 Сардинскій корпусъ, который, простоявъ тамъ нѣсколько дней, преспокойно отступилъ безъ всякой помѣхи. Послѣ отбитія штурма, армія наша оставалась совершенно въ бездѣйствіи, и дала непріятелю возможность получить снова значительныя подкрѣпленія и снаряды.

Васильчиковъ передалъ мнѣ слова Пелисье: „Севастополь непобѣдимъ, ну такъ я его возьму.“

Наши минныя работы заслуживаютъ всякой похвалы: непріятель здѣсь не можетъ подвинуться, онъ принужденъ бомбардировать и за тѣмъ штурмовать, такъ что осада обойдется ему весьма дорого, какъ въ отношеніи потери людей, такъ и времени.

Графъ Сакенъ высказалъ мнѣ необходимость беречь людей и не подвергать ихъ выстрѣламъ, и когда я возразилъ ему, что у насъ имѣется блиндажей только на $\frac{1}{3}$ людей, а $\frac{2}{3}$ принуждены стоять подъ открытымъ небомъ, онъ отвѣчалъ: „Это плохо, но у насъ недостаетъ ни времени, ни матеріала.“

Князь Горчаковъ, личность не представительная: онъ дурно видитъ, скоро забываетъ о слышанномъ, и говорить весьма не разборчиво. Проходя по валгангу, не останавливаясь, онъ говорилъ нѣсколько словъ солдатамъ, но артиллеристы перваго отдѣленія могли слышать только начало, а другаго только конецъ, и ни тѣ, ни другіе ничего не поняли. Я повторилъ его слова за нимъ: — „Князь вами доволенъ и благодарить васъ.“ и т. п. на что солдаты отвѣчали въ полголоса — „рады стараться, когда уже князь прошелъ, и въ свою очередь не могъ ихъ слышать.“

11-го іюля. Вчера хотя воскресенье, но дурной день: съ 3-хъ часовъ бомбы летали безпрестанно. Обыкновенно они лопаются спустя 5—10 секундъ послѣ паденія, такъ что нѣкоторымъ удавалось спрятаться; теперь же ударныя бомбы лопаются въ моментъ паденія. Въ нихъ мѣдная трубка, ввинченная весьма сложно, въ серединѣ имѣетъ ударный составъ.

Мы нашли впрочемъ нѣсколько бомбъ совсѣмъ не лопнувшихъ, которыя я велѣлъ бросить въ воду.

На Малаховомъ курганѣ нѣкоторые офицеры пробовали вывинтить трубку, но въ это время бомба лопнула и убила 4-хъ офицеровъ и еще болѣе солдатъ. При разрывѣ бомбъ винты обыкновенно нахо-

дятся въ кускѣ неповрежденными; я велѣлъ ихъ вывинчивать, чтобъ вырѣзывать изъ нихъ на память печати и пр.

Въ 5 часовъ огонь прекратился. Вечеромъ же при полномъ лунномъ сіяніи опять открытъ сильный огонь противъ нашего лѣваго фланга. Ракеты, ядра, бомбы и ружейныя пули по всюду. Разстилавшійся по землѣ дымъ при совершенной тишинѣ воздуха скрывалъ все отъ нашихъ глазъ. Я приказалъ бросать гранаты съ Грибка въ тылъ непріятеля и онъ прекратилъ за тѣмъ стрѣльбу; мы тоже легли отдыхать.

Въ 12 часовъ разбудилъ меня сигналистъ Смѣшной словами: „Ружейный огонь на лѣвомъ бастионѣ.“ Я побѣжалъ туда съ адъютантомъ моимъ Бакунинымъ.

Это была проклятая прогулка: бомбы падали кучами, и мы не знали какъ туда пробраться. На валгангѣ было спокойнѣе. Изъ амбразуры я обозрѣлъ непріятельское положеніе. Огонь непріятеля былъ направленъ преимущественно на 5-й бастионъ, на мою же дистанцію падали во множествѣ бомбы.

Я велѣлъ изъ всѣхъ мортиръ какіе были у меня и съ батареи Безобразова открытъ огонь противъ траншей, и черезъ полчаса все успокоилось. Отъ разрыва одной бомбы я получилъ сильный ударъ въ правое плечо и долженъ былъ зайти въ ближайшій блиндажъ Спицына. Оправившись, я спросилъ его: почему онъ въ такихъ случаяхъ не помогаетъ нашему сосѣду?— „Охотно бы я это сдѣлалъ, отвѣ-

чаль онъ, но у насъ осталось только 30 бомбъ. Шейдеманъ насъ губить; все общаетъ, но слова не держитъ. Только умѣетъ говорить угодное начальству.“

Гарднеръ по выздоровленіи опять прибылъ на батарею. Васильчиковъ по приключившейся съ нимъ молдавской лихорадкѣ отправленъ въ главную квартиру. Петръ Коцебу, командиръ одной батареи завѣдываемаго мной отдѣленія, по посѣщеніи своего дяди Павла Астафьевича, слышалъ отъ него разсужденія, заставляющія предполагать, что и въ главной квартирѣ не имѣютъ надежды сохранить Севастополь.

Вчера мнѣ сообщила сестра милосердія Эмилія Лоде, что баронъ Вендтгаузенъ скончался.

12-го іюля. Все спокойно. При осмотрѣ мною работъ прибылъ къ намъ намѣстникъ Нахимова контръ-адмиралъ Панфиловъ — простой морякъ — бѣгло прошелъ дистанцію, здоровался съ матросами; но они, не зная его, спрашивали: „кто онъ такой?“ Идея устройства моста черезъ бухту, къ всеобщей радости, наконецъ осуществляется; полагаютъ, что мостъ строится съ тою цѣлю, чтобы всѣми нашими силами атаковать стратегическій пунктъ между IV и V бастіонами и довершить такимъ образомъ Севастопольское дѣло; но послѣ, ко всеобщему унынію, прошелъ слухъ, что мостъ строится съ сѣверной стороны на южную для отступленія нашихъ войскъ: такъ какъ сомнѣваются въ возможности дальнѣйшаго успѣшнаго сопротивленія съ нашей стороны,

и вслѣдствіе этого принимаются дѣятельныя мѣры къ укрѣпленію сѣверной части Севастополя. Въ 12 часовъ вдругъ непріятель открылъ сильную кононаду. Я взошелъ на крышу блиндированнаго погребѣ правѣе выхода изъ нашего блиндажа; тамъ были сигналисты: Андрей Слимановъ, Смѣшной и Ракъ, нѣсколько писарей и офицеровъ. Въ этотъ же моментъ упала вблизи насъ бомба. Тотчасъ всѣ разбѣжались, я же осколкомъ получилъ рану въ лѣвую ногу ниже колѣна, безъ перелома впрочемъ кости, но съ поврежденіемъ мышцъ; прочіе спаслись.

16-го іюля. Опытъ и уроки не всѣмъ идутъ въ прокъ; чины, званіе и лѣта не прибавляютъ никому ума. Наша судьба зависитъ отъ дряхлыхъ стариковъ! Почему это? Во первыхъ у насъ нѣтъ гласности, вслѣдствіе чего ни публика, ни даже высшее правительство ничего не знаютъ, или узнаютъ только то, что угодно огласить главнокомандующему, до тѣхъ поръ, когда уже помощь дѣлается бесполезной и невозможной; во вторыхъ—никто не смѣетъ заявить своихъ мнѣній и соображеній; ни министру, ни фельдмаршалу никогда и въ голову не приходило, чтобъ изъ 80 милліоновъ населенія Россіи нашелся ктонибудь умнѣе ихъ; въ третьихъ, не рѣдко недостатокъ честности: можно разсчитать, что война эта стоитъ государству втрое дороже, чѣмъ это могло быть при иномъ хозяйствѣ и другихъ распорядителяхъ и исполнителяхъ. Наконецъ, несчастная система раздробленія войскъ, чему образецъ, какъ уже было сказано выше,—кавказская армія въ дѣлѣ про-

тивъ турковъ раздѣленная на 5 отрядовъ, безъ взаимнаго сообщенія между ними; стратегическія ошибки обыкновенно преодолеваютъ всѣ тактическіе мѣстные успѣхи; послѣ самыхъ блестящихъ побѣдъ ни одного шага впередъ по причинѣ разбросанныхъ на огромномъ пространствѣ на всѣхъ пунктахъ весьма слабыхъ отрядовъ, не имѣвшихъ возможности по одиночкѣ дѣйствовать наступательно. Когда загорается домъ, то для потушенія пожара необходимо употребить всю массу воды, которая есть подъ рукою въ то мѣсто гдѣ горитъ, а не раздѣлять воду по стаканамъ, разставленнымъ на окнахъ, столахъ, стульяхъ и пр., и поочередно выливать изъ нихъ воду въ такомъ маломъ количествѣ. Такія мѣры противудѣйствія огню, очевидно, не могутъ принести должной пользы и имѣть успѣха. Система раздробленія у насъ примѣнена не только къ главнымъ силамъ, но и къ составнымъ ихъ единицамъ: отрядамъ, полкамъ и баталіонамъ, напр, изъ настоящаго состава 10 дивизіи:

	Штаб.-офиц.	Обер.-офиц.	Унтер.-офиц.	Музыкант.	Рядовыхъ.
Екатерин. полка . . .	3	27	163	69	1294
Тобольскаго	4	45	149	56	1267
Томскаго	3	20	170	60	1050
Колыванскаго	3	42	160	52	1324
	13	134	642	237	4935

Состоить въ домашнемъ расходѣ:

	Обер.-офиц.	Унтер.-офиц.	Музыкант.	Рядовыхъ.
Екатерин. полка	4	64	42	562
Тобольскаго	3	52	46	566
Томскаго	2	43	45	559
Колыванскаго	1	52	47	457

---

10 211 180 2144

т. е. что почти третьей части не достаётъ во фронтъ, которая не можетъ быть собрана во время. На донесеніе мое о томъ по начальству, хотя я и не былъ хозяиномъ дивизіи, послѣдовало только безуспѣшное разслѣдованіе этого дѣла и все осталось по прежнему. Между тѣмъ въ этомъ хозяйствѣ кроется большое зло, и по моему мнѣнію, весь этотъ домашній расходъ солдатъ въ военное время необходимо было бы замѣнить вольно-наемными людьми, чтобы не отвлекать отъ фронта обученныхъ уже солдатъ.

19-го іюля. Выпалъ проливной дождь, наполнившій водою всѣ траншеи.

Носятся различные слухи о томъ, что на Инкерманѣ составился военный совѣтъ изъ старшихъ генераловъ; двѣ дивизіи на пути къ намъ; рѣшено наступательное движеніе, и обозы отправить въ Перекопъ; въ Николаевѣ и Одессѣ собираются войска. Атаку рѣшено будто бы направить на Чоргунъ; но это не вѣроятно, потому что Чоргунъ вовсе

не стратегическій пунктъ; въ случаѣ даже успѣха, пользы отъ него не можетъ быть. Севастопольскій гарнизонъ долженъ оставаться спокойнымъ; на Менкениевой горѣ собраны будто 6, 7, 12 и 17 дивизіи, сверхъ того драгуны и казаки.

20-го іюля. Сегодня уже 2 мѣсяца, какъ я прибылъ сюда; къ службѣ моей прибавилось 2 года, но для меня это бесполезно, такъ какъ я причисленъ къ 1-му классу раненыхъ.

Ночью два раза шелъ дождь и въ траншеяхъ вода доходила людямъ до пояса. Когда нашъ флотъ былъ потопленъ, паруса отъ нихъ были сложены ярусами на берегу для продажи; но такъ какъ покупщиковъ не нашлось, то предложили раздать эти паруса арміи по желанію. Моимъ людямъ достались цѣльные тенты. Я велѣлъ одинъ изъ нихъ растянуть передъ входомъ въ мой блиндажъ для защиты отъ солнца. Подъ этимъ навѣсомъ мы иногда завтракали и собирались посидѣть. Въ это время посѣтилъ насъ графъ Сакенъ и рассказывалъ послѣ, какъ я слышалъ отъ Коцебу, будто я со своими офицерами считаю себя вполне защищеннымъ этимъ тентомъ отъ непріятельскихъ бомбъ. Съ зеленаго холма англійскія бомбы, направленныя на грибокъ, не долетаютъ и, падая въ воду, образовавшуюся отъ дождя на пересыпи, тухнуть. Сигналистъ Ракъ при такихъ случаяхъ обыкновенно кричалъ: „пить, пить, пить и въ воду.“

Изъ ложементовъ донесли мнѣ, что масса французовъ вошла въ траншею 4 бастіона съ лѣстницами,

фашинами и турами. Капитанъ Вессель прибылъ изъ госпиталя. Полковникъ Зеленый весьма серьезно страдаетъ отъ ранъ; Гюбенетъ лечитъ его.

21-го іюля. Сегодня прибылъ французскій винтовой фрегатъ, которому салютоваль весь союзный флотъ. Говорятъ, что на этомъ фрегатѣ прибылъ маршалъ на смѣну генерала Пелисье.

Послѣ обѣда непріятельская мина взорвана и убила 3 саперъ и 7 рабочихъ, прочіе почти задохлись, но были спасены. Вездѣ подземная война и взрывы все ежедневно приближаются къ намъ, хотя и медленно.

25-го іюля Графъ Сакенъ высказалъ, что сопротивленіе Севастополя въ теченіе 315 дней и, что онъ все еще держится, приносить большую честь нашей арміи. Въ послѣднемъ письмѣ онъ подъ выставленнымъ числомъ добавилъ 312-й день обороны. Конецу сказалъ мнѣ: „Я надѣюсь удержать Севастополь, но полагаю, лучше пожертвовать имъ и спасти армію для Россіи, какъ единственную“. — „Почему такъ, возразилъ я, армія содержится не для сохранения ея, а для одержанія побѣды“. Эта вся наша единственная армія совершенно спокойно смотритъ, какъ непріятель передъ ея глазами постоянно укрѣпляется на нашей землѣ, заводитъ себѣ даже огороды, коситъ сѣно въ Байдарской долинкѣ, рубитъ лѣсъ и пасетъ свой скотъ (мы же платимъ за фуражъ втрое дороже противъ обыкновенныхъ цѣнъ), устраиваетъ даже казармы, завладѣлъ Керчью, Еникале и другими приморскими городами и распоря-

жаются въ нихъ по произволу. Напротивъ того, мы сами взрываемъ наши батареи и порохъ, уничтожаемъ наши запасы и топимъ свои корабли.

26-го іюля Муравьевъ прислалъ къ намъ изъ Малой Азіи Доливо-Добровольскаго, который разсказалъ мнѣ, что онъ довелъ армію до 36 т., а ряды до 32 человекъ. Когда отъ князя Бебутова принималъ команду, онъ обнажилъ свою голову и воскликнулъ: „Нѣтъ во всемъ мірѣ арміи въ лучшемъ положеніи, какъ ваша“. Турецкая армія имѣла вокругъ Карса укрѣпленный лагерь, атака котораго считалась невозможною. Муравьевъ, оставивъ передъ Карсомъ 15-ти-тысячный корпусъ для наблюденія, присоединилъ къ остальной части дивизію Ковалевскаго изъ Ардагана и, миновавъ Карсъ, уничтожилъ всѣ магазины турокъ; но далѣе не зналъ, что предпринять, и потому послалъ Добровольскаго къ кн. Горчакову спросить: принесетъ ли пользу, если онъ подвинется къ Эрзеруму?

Я спросилъ Добровольскаго, почему онъ не организуетъ возстаніе христіанъ противъ турокъ, такъ какъ ему одному невозможно бросаться съ своимъ незначительнымъ отрядомъ взадъ и впередъ на такомъ огромномъ пространствѣ. Добровольскій отвѣчалъ, что армяне не способны къ возстанію. Я полагаю, что отъ неспособности дѣйствующихъ лицъ.

Сегодня ночью наши захватили въ плѣнъ одного изъ французовъ, когда они напали на наши ложементы. Во время прохода его, онъ раненъ былъ пулею своихъ же въ лѣвую руку, которую нужно было

ампутировать. На Малаховомъ курганѣ во время рекогносцировки захвачены англійскій майоръ и унтеръ-офицеръ.

Непріятель устраиваетъ теперь батарею противъ реданта, куда ни одно изъ нашихъ ядеръ не попадаетъ.

Графъ Сакенъ опять прислалъ мнѣ 2 бутылки походнаго квасу.

28-го іюля. Графъ Сакенъ явился на моей дистанціи, и мы проходили съ нимъ до Грибка. По поводу только-что оконченныхъ нами 3-хъ внутреннихъ батарей между лѣвымъ флангомъ и Язоновымъ редутомъ, онъ сказалъ мнѣ: „Непріятель не можетъ надивиться успѣшному устройству нами новыхъ батарей. Итальянцы въ послѣдней степени изнеможенія, у нихъ только 2000 человекъ, способныхъ носить оружіе. Ламармора совершенно упалъ духомъ“.

— Ну такъ надо атаковать ихъ, замѣтилъ я.

— А! и они укрѣпили себя въ теченіе 11-ти мѣсяцевъ, и ихъ также трудно атаковать, какъ и насъ. Мы пріобрѣли себѣ большую честь, сопротивляясь столько мѣсяцевъ.

— Ну, въ этомъ не могу съ вами согласиться; мы должны были прогнать непріятеля.

— Ахъ! что намъ дѣлать, если мы не въ состояніи.

Послѣ этого Сакенъ поинтересовался узнать, что именно непріятель затѣваетъ въ воронкахъ. Такъ какъ огонь съ нашей стороны ему не препятствуетъ, я предложилъ энергическую вылазку всѣми нашими силами. Сакенъ отвѣчалъ на это: „Я не имѣю права

жертвовать болѣе, какъ только 200 чел., потому что всякое наступательное движеніе воспрещено“. Наконецъ Сакенъ обѣщаль исходатайствовать тѣ награды, къ которымъ я представилъ назадъ тому 2 мѣсяца нѣкоторыхъ офицеровъ, состоявшихъ во 2-мъ отдѣленіи.

29-го іюля. Теперь положеніе непріятели самое трудное, наше, напротивъ, самое лучшее; но, не смотря на это, мы совершенно бездѣйствуемъ. Перебѣжчики сообщили, что большая часть ихъ артиллеріи пришла въ негодность, и предполагено замѣнить ее новою, еще не прибывшею; приготовляются къ новому штурму на 3-е (15-е) августа, въ ожиданіи скорого прибытія подкрѣпленія въ 40 т. чел.

Въ морѣ замѣтно большое число лодокъ, вмѣстительностію на 500 человекъ, безъ парусовъ, но назначеніе ихъ неизвѣстно. Всѣ эти дни прошли въ разсужденіяхъ и военныхъ совѣтахъ, но такъ какъ они не привели ни къ какимъ результатамъ, то предложено старшимъ генераламъ изложить свои мнѣнія на бумагѣ собственноручно.

Семякинъ сказалъ мнѣ: „Я усталъ какъ собака, сначала я составилъ на-черно, потомъ переписывалъ на бѣло, и цѣлую ночь не сомкнулъ глазъ“.

Нѣкоторые генералы требовали немедленнаго отступленія войскъ на сѣверную сторону Севастополя. Горчаковъ на это замѣтилъ, что выставленныя причины признаетъ основательными, но желаетъ выдержать еще одно бомбардированіе и штурмъ. Наконецъ всѣ склонились къ тому, чтобы армію въ 7

дивизій атаковать непріятеля при Чоргунѣ, и назначили для этого предпріятія 2-е августа.

Въ іюль мѣсяцѣ на 2-мъ отдѣленіи оборонительной линіи убито изъ фронта 2000 чел., изъ числа которыхъ убито 6 и ранено 22 офицера; нижнихъ же чиновъ убито 86, ранено 932 и контужено 346. Большая часть раненыхъ оставалась также во фронтѣ. Сегодня я израсходовалъ съ этой цѣлю 4156 руб.

2-е августа. Наканунѣ ожидаемаго великаго событія я обошелъ всю мою дистанцію, осмотрѣлъ потерны, капониры, рвы; рабочихъ засталъ вездѣ на своихъ мѣстахъ; погода ясная, жаръ уменьшился, бастионъ очищенъ, войска на своемъ мѣстѣ.

Со мной были: Спицынъ, Завадовскій и Лидовъ. Послѣдній спросилъ своихъ колыванцевъ: желаютъ ли они штурма?—на что они отвѣчали: „чѣмъ скорѣй, тѣмъ лучше“.

Наша армія должна была атаковать непріятеля при Чоргунѣ; бомбардированіе непріятеля предполагалось на завтра, въ день именинъ Наполеона.

Вессель сообщилъ мнѣ, что 7-я дивизія отправится на сѣверную сторону и вмѣсто ея придетъ дружина.

Иррегулярная войска поставитъ подъ бомбами! Они совершили бы чудеса, если бы ихъ укрыть отъ бомбардированія, а послѣ массаами опрокинуть на непріятеля. Это свойство простаго человѣка; но если поставить его подъ выстрѣлы безъ всякаго дѣйствія, въ такомъ случаѣ онъ сейчасъ упадетъ духомъ и навсегда останется деморализованнымъ.

3-е (15-е) августа. Наполеоновскій день насталь, и всѣ въ напряженномъ ожиданіи. Все тихо и спокойно. Непрiятельскій флотъ разцвѣченъ флагами; въ лагерѣ большой парадъ съ музыкой; большія колонны расположены на высотахъ внѣ нашихъ выстрѣловъ.

Кто первый начнетъ атаку — мы или непрiятель? Наша армія совершенно приготовлена къ наступленію на Чоргунъ, но атака отложена до завтра. Хрулевъ, начальникъ 1-го отдѣленія, долженъ сдѣлать вылазку по телеграфическому приказанію изъ главнаго штаба, когда начнется атака на Чоргунъ; всѣ прочія части гарнизона должны оставаться въ бездѣйствіи.

Главные начальники высказывались, что если непрiятелю и удастся штурмъ, то онъ по крайней мѣрѣ потеряетъ половину своихъ войскъ. Какъ будто не понимаютъ, что тогда во всякомъ случаѣ выгоды побѣды останутся на сторонѣ побѣдителя.

Вечеромъ. День окончился, и настала могильная тишина. Изъ главной квартиры непрерывно получаютъ свѣдѣнія; приготовленія къ роковому сраженію продолжаются.

Непрiятель усиливаетъ траншейныя работы; противъ праваго фаса видны 4 амбразуры, и противъ батареи праваго бастіона пять; на нихъ направлены во множествѣ бомбы и гранаты.

4-го августа. 4 часа послѣ обѣда. Сраженіе при Чоргунѣ окончено; оно должно рѣшить нашу судьбу, а мы ничего до сихъ поръ не знаемъ, тогда какъ

извѣстія о побѣдахъ распространяются съ необыкновенною быстротою. Мучительная неизвѣстность! Типина до такой степени, что даже прекращены и штуцерные выстрѣлы. На высотахъ замѣтно передвиженіе войскъ, пушекъ и обозовъ къ морю.

Я отправилъ Весселя за свѣдѣніями. Телеграфическаго сигнала не послѣдовало.

9 часовъ вечера. Генераль Шейдеманъ первый привезъ мнѣ свѣдѣнія въ 7 часовъ вечера. Реадъ со своимъ корпусомъ атаковалъ Федюхины горы; не получивъ своевременно подкрѣпленія, войско его отступило, а самъ онъ съ своимъ начальникомъ штаба, Веймарномъ, убитъ. Липранди, 4 версты далѣе на лѣвомъ флангѣ, въ то же самое время атаковалъ Чоргунъ, но послѣ жаркаго дѣла, также отступилъ *). Три наши дивизіи совсѣмъ не явились на полѣ сраженія. Генераль-адъютантъ Вревскій, въ свитѣ князя Горчакова, убитъ.

Сраженіе потеряно чрезъ тактическія ошибки; но и въ стратегическомъ отношеніи избранный пунктъ не былъ вѣренъ. Если бы мы одержали побѣду и взяли Федюхины горы, то и тогда побѣда эта не имѣла бы никакого значительнаго послѣдствія. Горы эти уже прежде были заняты нашими войсками, но въ послѣдствіи оставлены по бесполезности этого поста. Дѣйствительный стратегическій пунктъ нахо-

---

*) Занявши телеграфную гору, гдѣ находились сардинцы и утврдившись на ней отрядъ генерала Липранди оставался на мѣстѣ во время боя и отступилъ только по окончаніи сраженія. *Ред.*

дился только на высотахъ впереди 4-го бастиона. Занятіе этого пункта значительными силами съ нашей стороны сразу рѣшило бы севастопольское дѣло.

Тактическія же ошибки были тѣ, что, во 1-хъ, наша армія съ Мекензіевой горы должна была спуститься по одной дорогѣ въ долину и потомъ уже взять расходящіяся боковыя направленія, а не развѣтвиться съ самаго начала, послѣдствіемъ чего было то, что голова колонны доходила до непріятеля, тогда какъ большая часть войска находилась еще на Мекензіевой горѣ, и изъ нашей многочисленной артиллеріи, въ нѣсколько сотъ пушекъ, достигли боя только около 30.

Другая ошибка состояла въ томъ, что весь гарнизонъ оставался въ бездѣйствіи, хотя и было условлено о начатіи вылазки дать знать, но сигнала не послѣдовало, а графъ Сакенъ не умѣлъ угадать настоящій моментъ для того. Главный вредъ состоялъ въ самомъ характерѣ князя Горчакова, который при неудачѣ перваго натиска оставлялъ тотчасъ дѣло, при удачѣ же не умѣлъ пользоваться.

5-го августа въ 4 часа непріятель открылъ страшное бомбардированіе, сначала противъ 3-го бастиона, а потомъ вскорѣ занумѣли выстрѣлы и надъ нашими головами. Войска прячутся, какъ умѣютъ. Болѣе всѣхъ терпитъ Язоновъ редутъ. Артиллерія съ нашей стороны дѣйствуетъ также очень энергично; но дымъ и пыль до того сильны и непроницаемы, что нѣтъ возможности наводить ору-

дія. Впрочемъ намъ удалось подбить 7 непріятельскихъ орудій; еще 4 пушки были завалены землею, и 13-ти-пушечная батарея прекратила пальбу. Къ мортирнымъ же непріятельскимъ батареямъ нашъ огонь не достигалъ. Въ теченіе одного часа на крышу моего блиндажа падали 10 разъ бомбы по 3 разомъ. Спицынъ насчиталъ ихъ послѣ до 50 штукъ.

По окончаніи бомбардированія, я осмотрѣлъ въ подробности всю дистанцію, назначилъ заняться исправленіемъ поврежденій, благодарилъ артиллеристовъ, и раздавалъ имъ Георгіевскіе кресты.

На Малаховомъ и 2-мъ бастіонѣ взорвано нѣсколько пороховыхъ погребовъ и убито много людей. Одна бомба пробила офицерскій блиндажъ, при чемъ капитану Барковскому (Тобольскаго полка) оторвана рука и пробито бедро, а двумъ другимъ офицерамъ причинены тяжелыя раны.

Коцебу совершенно правъ, говоря „что у насъ нельзя ничего предпринять, потому что все выходитъ совершенно противно сдѣланнымъ распоряженіямъ; я каждому объясняю и указываю на картѣ что нужно сдѣлать; всѣ мнѣ отвѣчаютъ: сдѣлаю, понимаю; но что же оказывается? дивизія, которой слѣдовало стоять на лѣво отъ дороги, очутится на право, другая, которой слѣдовало быть на известномъ пунктѣ и ожидать приказанія, находится еще въ лагерь, или уходитъ въ слѣдъ за другими. Любезный, Морицъ Христіановичъ, я такъ много уже испыталъ, что боюсь уже предпринимать чтонибудь рѣшительное.

Сегодня зашелъ ко мнѣ Семякинъ и по обыкновенію описывалъ свое положеніе. Вотъ слова его: „Было рѣшено въ военномъ совѣтѣ, когда Горчаковъ возьметъ Федюхины горы, тотчасъ атаковать Салунъ гору, и въ тоже время по телеграфному сигналу должна была послѣдовать сильная вылазка изъ Корабельной, для чего я долженъ былъ отправить изъ моего отдѣленія 6 баталіоновъ и вашего—полкъ;—но эти 6 баталіоновъ отозваны были для другой цѣли и направились по Екатериненской улицѣ; я остался безъ войска. Все что у меня было—это только дружины и резервный баталіонъ Минскаго полка. Въ такой крайности я писалъ къ князю Горчакову о возвращеніи мнѣ войска, что наконецъ исполнилось, и я могъ быть на всякій случай покоенъ; но что за суматоха происходила ночью—это ужасъ! когда одинъ баталіонъ взошелъ въ редутъ, то нѣсколькими бомбами убито 5 офицеровъ, а нижнихъ чиновъ безъ числа.

„Теперь каждый знаетъ, что ему нужно дѣлать; непріятельскія траншеи были почти пустыя; видѣлись непріятельскія колонны, направляющіяся къ востоку. Графъ Сакенъ сидѣлъ въ своей обсерваторіи и ожидалъ сигнала. Князь Горчаковъ прибылъ на Черную не въ 3, а въ 5 часовъ и только съ одною 12-ю дивизіею. Реадъ при атакѣ непріятели не могъ взять съ собою артиллеріи, такъ какъ въ рѣчкѣ и канавѣ было слишкомъ глубоко, а мостовъ не было и навести ихъ не было возможности. Канавы снабжающая водою Севастопольскій докъ имѣ-

ла глубины 8 футъ. Кавалерія также не прибыла на мѣсто дѣйствія. Липранди очутился на Чургунѣ безъ всякаго сообщенія съ Реадомъ. 12-я дивизія штурмовала Федюхины горы, захватила непріятельскія батареи и удерживалась тамъ 1^{1/2} часа. Непріятель между тѣмъ успѣлъ сосредоточить свои силы противъ Реада, къ которому подкрѣпленіе не подошло.

„Непріятель торжествовалъ и всю ночь иллюминировалъ свои корабли и разцвѣтилъ ихъ флагами“.

7-го Августа. Сегодня ночью непріятель бросилъ безчисленное множество бомбъ на нашъ бастионъ и лѣвый флангъ, но не смотря на то, рабочіе вышли и разставлены были по возможности въ рассыпную. Когда луна скрылась, я легъ спать, но вскорѣ сигнализъ Смѣшной вбѣжалъ ко мнѣ съ крикомъ:— что на 3-мъ бастионѣ огонь. Мнѣ слышались также картечные выстрѣлы. Мы всѣ приготовились встрѣтить нападеніе, и открыли огонь по непріятельскимъ траншеямъ противъ 3-го бастиона, освѣщаемымъ штуцерными выстрѣлами непріятели; бросили нѣсколько бомбъ въ оврагъ и также между 4 и 5-мъ бастионами свѣтящіяся ядра, но ничего тамъ не замѣтили. По прошествіи часа все успокоилось; большая часть офицеровъ собралась ко мнѣ. Разсвѣтало. Вдругъ опять возобновилась канонада противъ 3-го бастиона. Но мы мало можемъ помочь ему: непріятель устроилъ свои батареи на противоположной покатости (такъ называемой „рѣзня“), такъ что намъ видѣнь было только брустверъ ихъ заваловъ, но амбразуры

обращены отъ насъ. Съ платформъ не видно даже и бруствера. Тѣмъ не менѣе мы попробовали бросить туда 2-хъ пудовыя бомбы, другихъ у насъ не было.

Ординарецъ мой унтеръ-офицеръ Тобольскаго полка Ларіонъ Алферовъ раненъ штуцерною пулею въ лѣвую ногу. Я далъ ему червонецъ и отправилъ въ госпиталь.

Петръ Коцебу возвратился изъ главнаго штаба со свѣдѣніями, сообщить которыя не рѣшался.

Все происходило съ ужасной суматохой безъ порядка, безъ связи и прямыхъ распоряженій; резервы вовсе не прибыли; кавалеріи тоже не было; изъ назначенныхъ для дѣйствія нѣсколькихъ сотъ пушекъ достигли назначенія только 22; только 12-я и 17-я дивизіи дошли до мѣста боя; первая имѣла полки: Украинскій, Одесскій и Азовскій и находилась подъ командою генерала Мартинау.

Когда дивизія перешла рѣку, полковникъ князь Святополкъ-Мирскій штурмовалъ съ своимъ баталіономъ укрѣпленіе непріятеля на противуположномъ берегу Черной рѣчки и получилъ рану въ плечо на сквозь. Французы, бросивъ укрѣпленіе отступили; наши быстро преслѣдовали ихъ и взошли на высоты; но тутъ они должны были остановиться: такъ какъ подкрѣпленій у нихъ не было, а между тѣмъ противъ нихъ сосредоточивалась цѣлая армія. Самъ главнокомандующій со своимъ штабомъ подвергался сильнѣйшему ружейному огню, не говорилъ ничего и отворачивался отъ посланныхъ къ нему. Непрѣ-

тель обходить наши полки и своею кавалерією атакуетъ нашъ лѣвый флангъ. Здѣсь падаютъ Реадъ, Веймарнъ, Бельгардтъ и Скюдери; наши войска отступаютъ.

Между тѣмъ Липранди дерется у Чоргуна и ничего не знаетъ о происходящемъ. Коцебу сказалъ, онъ ничего не сдѣлалъ. Это не въ первый разъ. При Инкерманѣ 24 октября онъ стоялъ съ отрядомъ въ 20 т. человекъ на Федюхиныхъ горахъ и не пошевелился, когда маршалъ Боске проходилъ мимо его на помощь англичанамъ. Спицынъ говорилъ о немъ: „Когда онъ дѣйствуетъ самостоятельно, то все идетъ хорошо; но какъ скоро подъ командою другого, то наперекоръ.“

8-го августа. Убыло только 50 человекъ. Осколокъ бомбы влетѣлъ въ середину моего блиндажа; бомба при разрывѣ разрушила окно и насъ засыпало пескомъ и досками отъ стѣнъ.

Я получилъ сегодня пріятное удовлетвореніе тѣмъ, что вышла большая часть наградъ по моимъ представленіямъ. Въ 6 часовъ непріятель открылъ новую канонаду противъ нашего праваго фланга. Спицынъ тотчасъ отправился туда. Бомбардированіе усиливалось съ минуты на минуту. Передъ моимъ бастиономъ я замѣтилъ непріятеля, въ числѣ до 12 т. съ кавалерією. Мы стояли въ готовности, но верки наши были страшно разрушены.

При осмотрѣ линіи я напелъ убыль людей не столь значительною, какъ можно было предполагать: 5 офицеровъ и 100 нижнихъ чиновъ.

Блиндажъ мой сильно поврежденъ.

Вотъ еще бомба, и я оглушенъ ея разрывомъ. При восходѣ луны бомбардированіе вдругъ, какъ бы по сигналу, прекратилось; мы приготовились къ встрѣчѣ штурма; но его не послѣдовало.

Одна неприятельская батарея на капитали горѣла полнымъ пламенемъ, другая на зеленомъ холмѣ была разрушена, у третьей—на правомъ флангѣ въ 6 орудій и на старомъ валу всѣ амбразуры были засыпаны. Наши же пушки уцѣлѣли, но траверсы разрушены.

9-го августа, 5 часовъ послѣ обѣда. Всѣ работы по исправленію нашихъ верковъ окончены. Сдѣланы 12 новыхъ щитовъ изъ веревокъ, навѣсы—изъ толстыхъ корабельныхъ канатовъ, которые навѣшиваются на шестѣ съ внутренней стороны амбразуры съ отверстиями въ серединѣ для дулъ орудій. Навѣсы эти служатъ защитою для прислуги отъ штурцныхъ пуль. Генераль-квартирмейстеръ Бутурлинъ прислалъ наконецъ мнѣ подробный и отчетливый планъ окрестностей Севастополя. Бакунинъ рассказалъ мнѣ, что князь Горчаковъ сегодня былъ въ Николаевскихъ казармахъ и лично раздавалъ раненымъ георгіевскіе кресты.

16-го августа. Наконецъ мостъ черезъ бухту оконченъ. Строитель, генераль Бухмейеръ, первый переѣхалъ черезъ него и донесъ о томъ графу Сакену. Устройство моста произвело приятное впечатлѣніе на тѣхъ, которые желали наступательнаго движенія съ нашей стороны, и не подлежитъ сомнѣ-

нію, что въ такомъ случаѣ севастопольскій вопросъ еще могъ быть рѣшенъ въ нашу пользу, а именно: если бы мы атаковали непріятеля на стратегическомъ пунктѣ, т. е. высоты передъ IV бастіономъ. Фланги наши здѣсь совершенно были бы обезпечены, и мы могли сосредоточить у этого пункта все наши силы. Здѣсь именно мы должны были одержать побѣду, но никто объ этомъ и слышать не хочетъ.

Генераль Семякинъ называетъ Николаевскія казармы — „депо нашихъ генераловъ“. Одна только бомба на дняхъ упала туда, и все переполошились, и начали перебираться въ сѣверную часть города: вѣдомство (?) и штабъ переведены уже туда. Отъ перваго отдѣленія отправлено три пушки; бомбъ болѣе не отпускаютъ намъ; двѣ однопудовыя мортиры взяты отъ меня и дано приказаніе: если имѣются еще въ запасѣ снаряды, то выстрѣлять ихъ, а мортиры отправить въ арсеналь. У меня осталось только 300 штукъ, которыя и сберегаю до послѣдней минуты; но мучительно переносить непріятельскіе выстрѣлы, не имѣя возможности въ то же время отвѣчать на нихъ. Между тѣмъ мы уже доказали, что наши бомбы приносили пользу: два непріятельскіе пороховые погреба взорваны и батареи разрушены тамъ, гдѣ наши ядра ничего не могли сдѣлать.

17-го августа въ 2 часа ночи сигналистъ Ракъ разбудилъ меня извѣстіемъ, что на III бастіонѣ будто послѣдовалъ взрывъ. Я послалъ туда узнать

ординарца. Капитанъ лейтенантъ Карцевъ написалъ мнѣ, что пороховой погребъ на Камчатскомъ реду-тѣ взлетѣлъ на воздухъ; брусья были отброшены къ бастиону; непріятель потерялъ много людей, такъ какъ къ ночи удвоилъ свои посты. Сегодня цѣлый день носили оттуда мертвыхъ и раненыхъ. Оставшихся еще въ городѣ нѣкоторыхъ купцовъ удалили на сѣверную сторону, и приступили къ устройству барикадъ.

Расположеніе войскъ было слѣдующее: на первомъ отдѣленіи—13-я резервная дивизія и 6 баталіоновъ частей 14-й и 15-й дивизій; на второмъ—10-я дивизія; на 3-мъ—8, 9, 11 и 16-я дивизіи и Муромскій полкъ. Въ резервъ, въ городѣ расположена 4-я дивизія.

Въ Крыму вообще находится 5 корпусовъ: 2, 3, 4, 5 и 6, стрѣлковые баталіоны, Черноморцы, кавалерія, казаки, флотскіе экипажи и артиллеристы, послѣднихъ до 14 т. человѣкъ.—Сверхъ того 20 т. человѣкъ дружины; ожидается прибытіе еще двухъ резервныхъ дивизій Гренадерскаго корпуса.

Съ такою арміею, кажется, можно бы было очистить Крымъ, но этому препятствуетъ—несчастная система раздробленія силъ!

Сегодня мы замѣтили 10 большихъ пушекъ, перевозимыхъ на лошадяхъ. Они, повидимому, были внѣ нашихъ выстрѣловъ и спустились въ оврагъ между 4 и 5 бастионами; по мѣрѣ приближенія ихъ къ намъ они скрывались въ траншеяхъ и обстрѣливать ихъ съ нашей стороны можно было только

бомбами, которыхъ у насъ нѣтъ, равно какъ и пороху.

21-го августа. Мы всѣ подъ вліяніемъ тревожнаго ожиданія: лазутчики и перебѣжчики сообщили, что на будущее воскресенье назначено окончательное бомбардированіе и штурмъ. У насъ рѣшено оставить южную часть и защищать сѣверную.

Сегодня взорваны 2 непріятельскія мины, которыми разрушено до $1\frac{1}{2}$ сажень одной нашей галереи, въ другой только на 1 сажень. Ближайшая воронка отстоитъ отъ нашего эскарпа около 15 сажень, а у насъ нѣтъ оборонительныхъ средствъ—такъ называемыхъ капральствъ. Бомбъ мы болѣе не получаемъ, $\frac{1}{4}$ пуд. гранатъ у насъ нѣтъ, $\frac{1}{2}$ пуд. малое количество, а 2-хъ пудов. совсѣмъ нѣтъ.

Непріятель вооружаетъ Чоргунъ орудіями большого калибра; впереди IV бастіона выстроены 50 орудій полевой артиллеріи.

Подъ Николаевскія казармы подводится подкопъ, и продолжаютъ устройство барикады въ городѣ.

Если бы всѣ средства, употребляемыя теперь для укрѣпленія сѣверной стороны, были обращены на южную, мы были бы въ состояніи удержать еще Севастополь.

Болѣе всего претерпѣваетъ лѣвый флангъ.

Одинъ баталіонъ Колыванскаго полка пошелъ на работу въ такъ называемый Аполлоновъ оврагъ сзади 2-го бастіона, который нынѣ брошенъ. За нимъ устраиваютъ вторую линію съ новыми батареями.

Непріятель поддерживаетъ страшнѣйшій разнаго рода огонь на первое отдѣленіе; ночью кажется, что тамъ происходитъ сильнѣйшая битва.

Семякинъ рапортовался больнымъ.

Дождь могъ бы сдѣлать штурмъ невозможнымъ, но небо ясно, и звѣзды и луна ярко освѣщаютъ мѣстность.

22-го августа. Спицынъ черезъ Бережникова передалъ мнѣ, что въ штабѣ несомнѣваются въ штурмъ, который будетъ направленъ на лѣвый флангъ.

По телеграфу дано знать, что 50 непріятельскихъ полевыхъ орудій, бывшихъ передъ IV бастіономъ, и весь лагерь отправлены на Чоргунъ. Полагаютъ, что непріятель имѣетъ намѣреніе атаковать нашъ лѣвый флангъ арміи въ полѣ; но впереди насъ мы дали ему всѣ средства приготовиться къ бомбардированію.

24-го августа. Транспортное судно зажжено непріятельскими ракетами и всю ночь освѣщало работы на Малаховомъ курганѣ.

При восходѣ солнца, непріятель вдругъ открылъ канонаду противъ IV и V бастіоновъ, которую и продолжалъ весь день съ тремя промежутками по 2 часа.

25-го августа. Адмиралъ Новосильскій передалъ мнѣ для раздачи 20 георгіевскихъ крестовъ. Спицынъ раненъ. Бомбардированіе продолжается какъ и вчера.

26-го августа. Горчаковъ прислалъ 8 георгіевскихъ крестовъ. Въ городѣ пожаръ на Морской улицѣ, Фрегатъ „Коварна“ загорѣлся въ бухтѣ;

ночью 2 барказа, нагруженные готовыми снарядами, взлетѣли на воздухъ.

29-го августа. Начавшаяся съ 24 числа и продолжавшаяся 3 дня сряду канонада, съ 27 августа усилена противъ IV бастіона, въ особенности же противъ II и III бастіонѡвъ.

Послѣ первой канонады, начавшейся съ восхожденіемъ солнца, послѣдовала небольшая пауза; затѣмъ снова усиленная продолжалась до 11 часовъ. Въ это время я увидѣлъ передъ III бастіономъ непріятельское войско; мы направили туда всѣ наши батареи, и вскорѣ увидѣли англичанъ бросившихся въ разсыпномъ строѣ на исходящій уголъ бастіона; нѣкоторые изъ нихъ перешли ровъ и взопли на валъ; слѣдующіе за ними, разстроженные картечнымъ огнемъ, бросились назадъ.

Оставшіеся же убиты или взяты въ плѣнъ. Три раза возобновлялась атака, но безъ успѣха.

Поднявшійся съ моря сѣверный вѣтеръ нагналъ на лѣвый флангъ отдѣленія столько дыму отъ горѣвшихъ на Морской улицѣ зданій, что трудно было различить что нибудь. Слышна только непрерывная перестрѣлка на I и II бастіонахъ.

Насъ очень удивило, что Малаховъ курганъ совсѣмъ не отстрѣливался, я навелъ туда зрительную трубу: вдругъ увидалъ я тамъ одно непріятельское знамя, правѣе еще другое. Такимъ образомъ Малаховъ курганъ былъ взятъ безъ выстрѣла.

Адъютантъ графа Сакена—Гельфрейхъ въ то же время прибылъ ко мнѣ и подтвердилъ взятіе не-

пріятелемъ Малахова кургана, и спросилъ: „Что дѣлается у васъ“? Я отвѣчалъ: „Хорошо, но Малаховъ нужно взять обратно; два полка въ готовности, время не терпитъ; скорѣе доложите графу“.

Гельфрейхъ ускакалъ, я стоялъ на бастіонѣ, вдругъ увидаль колонну, вышедшую изъ траншей. Противъ нея съ V бастіона открыли огонь залпами; Томскій и Екатеринбургскій полки вскочили на банкетъ, и также направили на эту колонну ружейный огонь, равно какъ и пушечные выстрѣлы со всѣхъ правыхъ батарей. Впрочемъ непріятель былъ въ маломъ числѣ (около 5 т.). Запоздалая попытка! Французы мужественно бросились на редутъ Шварца и вскочили на валъ; но къ счастью, командиръ Екатеринбургскаго полка, полковникъ Веревкинъ, командовавшій правымъ флангомъ, ударилъ въ штыки съ крайнею ротою въ узкій проходъ въ редутъ. Въ то же время подоспѣли подкрѣпленія изъ резерва отъ Хрущева, и непріятель прогнанъ. Заднія его колонны не могли помогать, такъ какъ были остановлены направленнымъ на нихъ сильнымъ огнемъ нашей батареи.

Въ редутъ было много убитыхъ и взято въ плѣнъ 90 человекъ иностраннаго легіона. Когда ихъ отправляли, они спрашивали меня: „Господинъ генераль, это насъ отправляютъ на смерть?“ („C'est pour nous faire du mal“) Они были предупреждены, что русскіе плѣнныхъ убиваютъ съ страшными мученьями.

При отбитіи этого штурма командиръ Томскаго

полка полковникъ Лисовскій осколкомъ бомбы былъ раненъ въ губы.

Графъ Сакенъ увѣдомилъ меня, что штурмъ 2-го бастіона отбитъ съ большимъ урономъ для непріятеля, но Малаховъ курганъ все еще въ его рукахъ.

Отъ насъ видны были только колонны подъ горою сзади Малахова кургана и слышна ружейная перестрѣлка тамъ; — больше ничего нельзя было замѣтить.

Между тѣмъ мы всѣ отъ перваго до послѣдняго приступили къ исправленію поврежденій и замѣненію подбитыхъ пушекъ новыми.

Чебышевъ, командовавшій артиллеріею вмѣсто Спицына, который раненъ, кричалъ своимъ артиллеристамъ: „Работай! нѣтъ отступленія“!

Во время самаго разгара работъ прибыли къ намъ адъютантъ князя Васильчикова Тихменевъ и ординарецъ графа Сакена съ приказаніемъ за подписью князя Васильчикова: отвести войско изъ 2-го отдѣленія на Сѣверную сторону города.

Я изумился: мы на трехъ пунктахъ только что отбили непріятеля, который имѣлъ сравнительно съ нами гораздо большій уронъ, и принуждены были теперь отступать!

Здѣсь опять проявлялся характеръ князя Горчакова: при малѣйшей неудачѣ, вся армія готовая къ бою обрекалась на бездѣйствіе.

Начинается отступленіе войскъ въ городъ со всѣхъ бастіоновъ. Офицеры и солдаты имѣли видъ

отчаянія. Въ 11 часовъ дивизія оставила 2-е отдѣленіе.

Полковникъ Зеленый со своимъ полкомъ занималъ барикады при входѣ въ городъ.

По отступленіи войскъ блиндажи были наполнены удобовоспламеняющимися составами и въ пороховые погреба заложенъ стапиль, другіе же предложено взорвать при помощи гальванизма.

Ночь была совершенно темная; пожары по всюду, въ особенности на Корабельной.

Послѣ полуночи я прибылъ въ Николаевскія казармы. Князь Горчаковъ, окруженный своими генералами, ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ; генераль Коцебу сидѣлъ у стола и писалъ.

Князь спросилъ меня: успѣлъ ли я испортить орудія, взорваны ли пороховые погреба, есть ли еще цѣль на банкетѣ?

Я отвѣчалъ, что полковникъ Зеленый находится съ своимъ полкомъ у баррикадъ. Вдругъ князь снова прервалъ меня:— „А если непріятель замѣтилъ наше отступленіе и будетъ насъ преслѣдовать, а мы до разсвѣта не успѣемъ еще перейти мостъ“.

„Успѣемъ, ваше сіятельство, отвѣчалъ я, отбитый непріятель не преслѣдуетъ“.

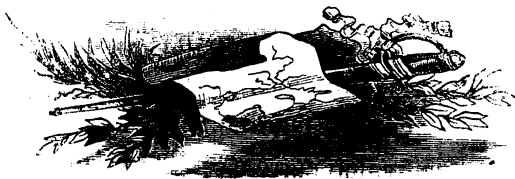
Многіе генералы спали въ креслахъ въ ожиданіи переправы войскъ, черезъ мостъ, происходящій весьма медленно, потому что мостъ отъ слишкомъ большой тяжести погрузился въ воду, такъ что она доходила солдатамъ до колѣнъ.

Когда начала переправляться 10-я дивизія, я ска-

заль князю Васильчикову:— „Здѣсь невыносимо, я уйду“.— „Идите, здѣсь нечего дѣлать“, отвѣчалъ онъ.

Я достала лодку; Вессель, Бакунинъ, Едлинскій, Твердохлѣбовъ и 4 ординарца переѣхали со мной на Сѣверную сторону.

Комендантъ спалъ; адъютантъ его уступилъ мнѣ свою кровать, другимъ пришлось спать на стульяхъ. Но прежде чѣмъ я легъ спать, я долго еще стоялъ на бастионѣ, и долго не могъ оторвать глазъ отъ представлявшагося мнѣ поразительнаго зрѣлища: въ городѣ во всѣхъ концахъ пожары; изрѣдка—взрывы пороховыхъ погребовъ. Небо совершенно темно; съ непріятельскихъ батарей бросаютъ только свѣтѣющія ядра; войска расходятся по разнымъ направленіямъ въ совершенной тишинѣ, какъ при погребальной процессіи.

Замѣченныя опечатки.

Стр.	строка сверху.	напечатано.	читай.
63	20	отравливали	стравливали.
70	15	себѣ	себя.
84	1	общій	общей.
158	3	морѣ	миръ.
161	9	Теперь мы	Теперь ты
161	10	отправляемъ	отправляешь.
166	3	изъ строю	изъ строя.
208	4 и 5	не внимательно	внимательно.
366	5	Марунполь	Мариуполь.
386	9	бастіонъ	бастіоны.
397	27	оказываются	оказывается.
398	23	туровъ	туровъ.
